

С. А. Плетнева

# ОЧЕРКИ ХАЗАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Книга Светланы Александровны Плетневой посвящена археологии Хазарского каганата - государственного образования VII-X вв., которое объединяло многие земли и народы юга Восточной Европы, от Нижнего Поволжья и Северного Кавказа до Нижнего и Среднего Поднепровья. В этом отношении Хазарию можно считать предшественницей средневековых государств - Древней Руси и Золотой Орды.

Книга не только подводит итоги полустолетнего изучения древностей Хазарского каганата, но и ставит новые исследовательские задачи. Они связаны и со спасательными работами на уничтожаемых памятниках, и с публикацией огромного накопленного археологами, но неизданного материала.

"Очерки хазарской археологии" выходят в издательстве "Гешарим" - "Мосты культуры", предпринявшем в 1996 г. издание на русском языке книги Н. Голба и О. Прицака о важнейших хазарско-еврейских документах. Она начинается серией книг "Studia chazarica", которая станет основой для новых подходов к истории народов Восточной и Центральной Европы (включая историю еврейской диаспоры).



ГЕШАРИМ



МОСТЫ  
КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ  
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ  
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ  
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ

МОСТЫ

КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ  
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ  
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ



האוניברסיטה העברית בירושלים  
The Hebrew University of Jerusalem

The Institute  
of Jewish Studies

המכון  
למדעי היהדות

Совместный издательский проект  
«РАЗВИТИЕ ИУДАИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ»



עמותת "גשרי תרבות"  
Gishrei Tarbut Association

Издательство  
«Гешарим»

Серия  
«СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

С.А. Плетнева

# ОЧЕРКИ ХАЗАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

---

---

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ  
И ПОСЛЕСЛОВИЕ  
В.Я. ПЕТРУХИНА

Москва  
"Мосты культуры"  
1999



Иерусалим  
"Гешарим"  
5759

---

---



С.А. Плетнева. ОЧЕРКИ ХАЗАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

*Мы благодарим г-на Давида Бартова (Лондон)  
за проявленный им интерес и поддержку  
данного издания*

Главный редактор М. Гринберг

© С. А. Плетнева, 1999  
© «Гешарим», 1999

Gesharim  
Tel.: 972-2-9931-194  
Fax.: 972-2-9933-189  
Jerusalem, Israel

Мосты культуры  
Тел.: (095) 915-7178  
Факс: (095) 194-0806  
Москва, Россия



AMERICAN JEWISH JOINT  
DISTRIBUTION COMMITTEE  
ДЖОЙНТ

ISBN 5-93-273-009-9

## Предисловие

Книга посвящена археологическим древностям и памятникам, которые, как мне представляется, можно связывать с культурой Хазарского каганата. В археологической литературе эта культура уже столетие известна под названием «салтово-маяцкая». Хронологические ее рамки, совпадающие с временем расцвета хазарского государства, — конец VIII — начало X вв. Громадные размеры этого государственного объединения, подчинившего многие народы и захватившего регионы с высокоразвитой экономикой, стали главной причиной неоднородности этой культуры в разных частях каганата. Разнообразие (иногда значительное) бытовой и духовной культуры входившего в каганат населения дает некоторые основания для сомнений относительно существования *единой государственной культуры*, а значит, и о существовании самого государства, в недрах и под покровительством которого она сложилась.

Однако прежде чем делать решительные выводы об отсутствии на исторической карте Восточной Европы такого государства с долгой 300-летней историей, следует, видимо, вспомнить об общих закономерностях возникновения и развития государственных образований.

Во главе этого сложного процесса всегда вставал наиболее «пассионарный» этнос — в данном случае это были хазары.

Подобные процессы прослеживаются и в других степных регионах, как в эпоху средневековья, так и в более раннее время (Плетнева, 1982).



Эти же закономерности образования государственных общностей наблюдаются не только у степных (кочевых и полукочевых) народов, но и у земледельцев. Выразительным примером может служить сложившееся в начале I тыс. н. э. готское государство, известное в более поздних источниках под именем «держава Германариха» (Иордан, VI век), территория которого определяется по распространению в Восточной Европе хорошо известной археологам черняховской культуры. Следуя тем же закономерностям, много позже (в X в.) на части территории, некогда принадлежавшей «готской державе», утвердилось новое мощное государство — Русь.

То же происходило и при образовании Болгарского и Венгерского государств на Дунае, в которых этот процесс характеризуется не только слиянием различных этносов, но и симбиозом двух хозяйственных систем: земледельческой и кочевой, что придало своеобразие культуре этих государств.

Государства, которые смогли выстоять в борьбе за свои земли и самостоятельность, оставили заметный след в истории и дожили до наших дней. Народы, потерявшие государственность, как правило, входили в новые объединения, при этом в большинстве случаев не теряя основ своей культуры и этнического имени. Наиболее трагична судьба у тех, кто был, видимо, настолько обескровлен и обессилен внутренними и внешними распрями и войнами, что не смог сохранить в памяти и душе ни свою историю, ни культуру (в том числе и свои хроники), ни даже своего имени. Все оказалось сожженным, утерянным, забытым. Одним из таких народов оказались хазары.

Эта работа не собственно о хазарах и не о культуре, ими созданной. Памятники, которые можно бы было безусловно связать с хазарским этносом, т. е. считать, что они принадлежали именно хазарам, единичны. Предположения об их хазарском происхождении все еще подвергаются в археологической науке сомнениям и постоянно дискутируются.

Практически мы можем изучать только культуру, складывавшуюся из культур разных этносов, входивших в Хазарскую державу, и местами проследить следы этой культуры в занятых хазарскими войсками землях.

Таким образом, главная задача предлагаемых Очерков — характеристика салтово-маяцкой культуры и определение ее распространения, совпадающего, по всей вероятности, с ареалом Хазарского государства.

Археологам, особенно тем из них, кто наиболее близко знаком с материалами, о которых рассказывается в книге, многие факты и памятники хорошо известны. Нередко о них у этих специалистов сложилось собственное мнение, но я считала в таких случаях необходимым давать не только описание опубликованного ими материала, но и свою интерпретацию его, которая далеко не всегда совпадает с уже высказанными в специальной литературе мнениями.

В книге отсутствует анализ письменных источников о Хазарии и хазарах, многократно рассмотренных высококвалифицированными историками, даже краткие ссылки на них попадают в текст очень редко. У нас в стране почти 40 лет назад вышла фундаментальная книга М. И. Артамонова «История хазар», а в 70—80-х гг. дважды издано научно-популярное краткое изложение истории хазар (Плетнева С. А., 1976, 1986). В 1990 г. опубликована монография А. П. Новосельцева о хазарском государстве. К ним я отсылаю читателей Очерков за историческими и библиографическими справками о Хазарском каганате.

При написании Очерков я широко использовала свои работы, изданные ранее. Часть из них уже заметно устарела, чему способствовали прежде всего новые открытия археологов, но основные положения как будто остаются пока принятыми большинством специалистов. Почти во всех главах этой книги привлекаются и новые факты и опирающиеся на них выводы. Как правило, они уже опубликованы мной в вышедших из печати в 90-е гг. книгах и больших статьях. Те же принципы соблюдаются при привлечении данных других исследователей, а именно — вводятся в оборот только изданные материалы, причем предпочтительно изданные в крупных статьях и монографиях. Только в виде исключения мне приходилось за неимением больших работ пользоваться коротенькими замечками АО или тезисами, опубликованными в самых различных труднодоступных сборниках России и Украины. Поэтому я не могу сказать, что мне удалось приложить к Очеркам полный биб-



лиографический список. Впрочем, это и не было самоцелью. Значительно важнее было показать динамику очевидного расширения наших знаний о культуре Хазарского каганата и превращения добытых в полевых работах материалов в исторические источники, а следовательно, проследить развитие не только археологического, но и исторического хазароведения.

Так постепенно открывая факт за фактом, высказывая догадки и гипотезы, восстанавливаются потерянные страницы хазарской истории.

Казалось бы, книгу следовало закончить главой «Хазарское наследие», но эта тема еще очень слабо разработана. Думаю, что ее пока нельзя поднимать по тем отрывочным данным, которые известны нам. Добавлю, что вопросы, связанные с наследием, более всего затрагивают предметы искусства, а значит, прежде, чем решать их, надо поднять еще одну также мало изученную в русской науке проблему возникновения и развития художественных стилей, распространенных в степях в эпоху средневековья. Это одна из наиболее интересных и перспективных проблем, которые предстоит исследовать археологам и искусствоведам XXI в.\*.

## Введение

### САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА — КУЛЬТУРА ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Толчком к формированию в научной литературе понятия «салтово-маяцкая культура» послужили открытие и раскопки в начале XX в. нескольких лесостепных и степных памятников Восточной Европы. Все они, судя по находкам, были единовременны. Дата их определялась, во-первых, по находкам нескольких монет (дирхемов), обнаруженных в Верхне-Салтовском могильнике (на Северском Донце), и, во-вторых, аналогиями с вещами, обнаруженными в северокавказских катакомбных погребениях, уверенно относимых археологами того времени к VIII—IX вв. (Уварова, 1900; Спицин, 1909; Готье, 1930).

Исследования же собственно «хазарской археологии» начались с выхода в свет новаторской статьи М. И. Артамонова «Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии», опубликованной в сборнике «Советская археология» в 1940 г. Несмотря на то что и до этой статьи некоторые археологи высказывали в своих работах гипотезы о принадлежности открытых памятников хазарам, достаточного количества материала для таких построений не было, а значит, не было и весомых доказательств (Самоковасов, 1908, с. 234; Багалеи, 1909, с. 66; Бабенко, 1914).

М. И. Артамонов первый археологическими материалами обосновал тезис о том, «что население Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической среде» (с. 162). Другим выводом явилось четкое разделение этой как будто единой культуры на два варианта: *лесостепной*, или *салтово-маяцкий*, по-

\* К тексту Очерков приложены иллюстрации, без которых многое в книге стало бы непонятно и практически недоступно читателям. Примерно 90% карт, чертежей, рисунков сделаны автором книги. Частично, естественно, пришлось использовать публикации других исследователей. В таких случаях в легенде к рисунку я указываю «первоисточник».

Прекрасные рисунки всадников и пешего лучника выполнены художником Олегом Федоровым, человеком, по-настоящему увлеченным археологией и историей оружия: рисунки воинов сделаны в соответствии с полученными археологическими материалами из конкретных погребений.



лучивший наименование от двух расположенных в донской лесостепи археологических комплексов (Верхне-Салтовского и Маяцкого), и *степной*, названный автором «нижнедонским». При рассмотрении вариантов М. И. Артамонов подчеркивал, что этническая их принадлежность не самое главное, существеннее то, что все памятники конца VIII — первой половины X вв. в бассейне Дона являются остатками поселений и могильниками населения Хазарского каганата, т. е. к какой бы этнической группе они ни принадлежали, они входили в каганат в качестве составной части.

Обе эти проблемы, поднятые и решенные на имеющемся тогда в распоряжении автора материале, легли краеугольными камнями в строящееся здание археологического хазароведения.

Помимо уже хорошо известных археологам памятников, М. И. Артамонов включил в свою работу и результаты своих полевых исследований, начатых еще в конце 20-х гг. Данные этих исследований были обобщены и опубликованы в небольшой, но чрезвычайно насыщенной археологическими сведениями книге (Артамонов, 1935), в которой были рассмотрены как все ранее известные, так и вновь открытые и частично раскопанные автором на нижнем Дону памятники, в том числе Левобережное Цимлянское городище, которое было с доскональной убедительностью отождествлено со знаменитой, благодаря рассказу Константина Багрянородного о ее строительстве, хазарской крепостью Саркел. Существенно отметить, что в этой книжке М. И. Артамонов дал мастерский анализ керамических материалов, легший в основу его хронологических и этнических выводов (с. 24—78). В 1934—1936 гг. он провел сравнительно крупные по тем временам раскопки на Левобережном Цимлянском городище. Дальнейшие работы на нем были продолжены в 1949—1951 гг., когда М. И. Артамонову было поручено возглавить первую советскую новостроечную экспедицию — Волго-Донскую. Целью и результатом Волго-Донского строительства было затопление богатейшей поймы нижнего и среднего Дона для создания так называемого Цимлянского моря. Почти в центре этого будущего моря находился Саркел, сейчас его развалины лежат на дне моря примерно под 15-метровой толщей воды.

Большой информативный материал, полученный при раскопках этого памятника и в его округе, поставил перед археологами ряд важных вопросов, касающихся не только решения основных проблем, но и архитектурных знаний в каганате, развивающегося домостроительства, хозяйства, ремесел, торговли, религии. Раскопки городских могильников позволили антропологам и медикам исследовать тысячи скелетов, сделать ряд этнических наблюдений, исследовать многие болезни людей той эпохи и создать одну из наиболее крупных антропологических коллекций в России.

Казалось бы, что эти раскопки станут мощным импульсом в развитии хазароведения. Однако случилось непредвиденное. В страшный 1951 г., когда весьма активно «отлавливали» очередную партию «врагов народа» (в тот раз врачей-«отравителей»), в «Правде» (25.XII, № 359, с. 3) появилась небольшая статейка о неверной, явно завышенной в советской исторической науке оценке Хазарского каганата, официальной религией которого был иудаизм. При этом имелись в виду в основном работы М. И. Артамонова.

Хазароведение получило сокрушительный удар. Работы над громадным материалом велись, по существу, исподволь. Саркел был уже затоплен, раскопки других памятников, как-то связанных с хазарами, не велись, да и М. И. Артамонову в 1952 г. не выдали открытого листа на раскопки, сославшись на несданный отчет о работах в Саркеле—Белой Веже в 1951 г. Большой работоспособный коллектив экспедиции, состоявший в значительной степени из учеников М. И. Артамонова, распался. Молодые ученые получили темы, далекие от хазарских проблем. Сам основатель хазароведения спустя 10 лет правильно, хотя и очень сдержанно писал об этом периоде: «После появления этой статьи (в «Правде») имело место некоторое замешательство в разработке истории хазар» (Артамонов, 1962, с. 37). Только в 1958 г. вышел наконец первый том «Трудов Волго-Донской экспедиции» (МИА, № 62). В нем на первой странице своей вводной обобщающей статьи о Саркеле—Белой Веже М. И. Артамонов написал, что «Хазария была тогда большим государством» (с. 7). Эта фраза свидетельствовала о том, что хазароведение все же не погибло полностью.

Первый том «Трудов» наполовину написан И. И. Ляпушкиным, опубликовавшим в пяти статьях результаты сво-



их работ на затопленных средневековых (всех, кроме Саркела) памятниках.

Наибольшую научную ценность представляла его статья, посвященная салтово-маяцкой культуре в бассейне Дона (Ляпушкин, 1958). Надо сказать, что в значительной степени И. И. Ляпушкин повторяет построения и выводы основополагающей статьи своего учителя — М. И. Артамонова, о которой говорилось выше, включив в свое исследование новые материалы Волго-Донской экспедиции, раскопок на Правобережном Цимлянском городище, проведенных им в 1939 г., и раскопок памятников в верховьях Северского Донца и некоторых других участках обширного бассейна Дона. Вслед за М. И. Артамоновым он признал, что салтово-маяцкая культура в этом громадном регионе делится на два варианта — лесостепной и степной, определяя их и этнически: первый — аланский, второй — древнеболгарский. Главными признаками обоих вариантов являются данные погребальных обрядов и антропологии, а также некоторые приемы домостроительства и архитектуры. Недоговоренной остается в работе И. И. Ляпушкина только концепция о Хазарском каганате. От этого создается впечатление, что ни хазар, ни такого государства как бы совсем не было.

Однако первый том «Трудов ВДЭ» благодаря вводящей в хазарскую проблему статье М. И. Артамонова и материалам, объективно представленным в публикациях И. И. Ляпушкиным, так же, как и два последующих тома «Трудов» этой экспедиции, имеют четко выраженную хазароведческую направленность (МИА, № 75; № 109).

Кардинальным исследованием того времени, посвященным хазарам, стал фундаментальный труд М. И. Артамонова «История хазар» (1962). Однако эта работа, как и изданные в 1936 г. «Очерки древнейшей истории хазар», не археологические исследования, поскольку выводы обеих основываются на данных различных письменных источников. Замечу только, что в «Истории хазар» археологические материалы, археологическое «видение» позволили автору значительно шире, чем его предшественникам и последующим исследователям-историкам, взглянуть как на экономику и культуру, так и на историческую географию и политическую историю каганата.

После выхода в свет «Истории хазар» далее писать что-либо о хазарах и хазарской культуре без новых данных было нечего, старые материалы, уже многократно использованные в работах разных авторов, потеряли прежнее звучание.

Дальнейшее развитие хазароведения прежде всего нуждалось в открытии новых памятников, принадлежавших этой культуре. Для этого необходима была организация многолетних разведок на всей территории распространения культуры и раскопки хотя бы нескольких памятников, ранее изученных слабо или вовсе не известных. Эта работа была начата мной еще в 1955 г., разведки по рекам и речкам Донского бассейна велись вплоть до 1965 г. Территориальный охват был весьма значителен — примерно 350×500 км, поэтому, конечно, с самого начала не планировалось провести здесь тотальные разведки. Они были выборочными, но маршруты специально прокладывались по разным географическим зонам: лесостепной, степной, приморской для того, чтобы по возможности получить хотя бы предварительное представление о различиях памятников, расположенных в разных географических районах.

Разведки, а также материалы, полученные из раскопок степного памятника — Правобережного Цимлянского городища (1958—1959 гг.) и лесостепного — Дмитриевского археологического комплекса (1957—1965 гг.), данные некоторых других памятников, раскопанных в те же годы мною и другими археологами, позволили мне написать работу, обобщающую все известные к 1965 г. археологические материалы. Книга «От кочевий к городам» заметно расширила наши прежние представления о салтово-маяцкой культуре (Плетнева, 1967).

В книге, во-первых, введено в науку более 100 новых памятников из разных регионов Хазарского каганата, во-вторых, дана относительная хронология древностей салтово-маяцкой культуры, которая до этого датировалась в целом второй половиной VIII — первой половиной X вв., в-третьих, впервые поставлен вопрос о существовании в степях в хазарскую эпоху поселений разных культурно-хозяйственных типов: кочевых стойбищ, полукочевых-полуоседлых поселений и полностью оседлых земледельческих больших поселений. Последнее прекрасно подтвердило высказанный много ранее тезис М. И. Артамонова о постепенном переходе степного населения каганата от кочевания к осед-



лости. Новым сравнительно с предыдущими работами является вывод о многовариантности салтово-маяцкой культуры. Выделено восемь «геоэтнических» вариантов, отличающихся друг от друга не только географическим положением, но нередко и этнической принадлежностью. Географические условия, как правило, определяли и культурно-хозяйственную характеристику вариантов, а это, в свою очередь, обуславливало своеобразие их бытовой культуры в той же степени, что и этническая принадлежность. В настоящее время следует сказать, что не все варианты были выделены правомерно. Так, близкие культуры соседних степных культур нельзя называть вариантами салтово-маяцкой культуры. Однако близость, а часто и тождество основных черт синхронных культур Дунайской и Волжской Болгарии, Северо-Кавказской Алании с вариантами салтово-маяцкой культуры очевидны. Причины этого — тесные культурные и политические связи всех трех государств с Хазарией. Напомним, что Алания и Волжская Болгария в VIII—IX вв. находились даже в вассальной зависимости от каганата. Исключив культуры этих трех государств из числа салтово-маяцких, т. е. хазарских, вариантов, мы вполне обоснованно говорим о пяти вариантах этой культуры. Такое деление признают в настоящее время большинство археологов-хазароведов. Помимо двух Донских вариантов (лесостепного и степного) археологи ведут более или менее активные исследования еще трех вариантов: Приазовского, Крымского, Дагестанского (рис. 1). Сейчас на территории, занятой пятью вариантами, известно уже более 1000 разнотипных поселений и могильников.

В наше время, как 40 и 30 лет назад, когда вышли сводные работы по салтово-маяцкой культуре (Ляпушкин, 1958; Плетнева, 1967), у нас нет достаточных археологических данных для выделения «нижневолжского» ее варианта.

Только после открытия в том регионе «курганов с ровиками», которые в последние десятилетия стали попадаться археологам, впервые появилась возможность предположить, что это будет одним из определяющих признаков пока еще совсем неизученного «нижневолжского» варианта.

Попытаемся, используя новые открытия, пополнившие наши знания о пяти вариантах салтово-маяцкой культуры,

предложить особенности, типичные для каждого варианта, а также черты сходства, свидетельствующие об общности этих вариантов, позволяющие говорить о единстве этой складывавшейся в конце первого тысячелетия культуры Хазарии.

На предлагаемой ниже таблице (№ 1) 19 наиболее ярких, *определяющих* признаков коррелируются с каждым из вариантов.

Таблица 1. Корреляция признаков с пятью вариантами салтово-маяцкой культуры: I — лесостепной Донской, II — степной Донской, III — степной Приазовский, IV — Крымский, V — Дагестанский.

№/№	признаки	варианты				
		I	II	III	IV	V
1	блокаменные стены	●*	⊕	—	—	—
2	сырцовые стены	⊕	⊕	⊕	—	●
3	сырцово-каменные и каменные стены	—	—	—	●	●
4	земляные (глиняные) стены	⊕	●	—	—	—
5	бесфундаментные стены	●	●	●	●	●
6	стационарные поселения	●	●	●	●	●
7	«кочевья»	⊕	●	●	—	—
8	«обитаемые полосы»	—	●	●	—	—
9	полуземлянки с очагами	●	●	●	●	●
10	полуземлянки с печами	●	⊕	—	—	—
11	жилища на каменных цоколях, с каменными стенами	—	—	●	●	—
12	юртообразные жилища-полуземлянки	⊕	●	—	—	⊕
13	юртообразные наземные	—	●	—	—	—
14	катакомбные погребения	●	⊕	—	⊕	⊕
15	ямные и подбойные погребения	⊕	●	●	●	●
16	погребения-трупосожжения	●	—	—	—	—
17	подбойные подкурганые погребения (с ровиками)	—	●	●	—	●
18	долихокраны	●	⊕	—	⊕	⊕
19	брахикраны	⊕	●	●	●	●

\* черный кружок — преобладающий признак, крест в круге — наличие данного признака, прочерк — отсутствие признака.



Прежде чем обратиться к рассмотрению результатов данного сопоставления, следует сделать некоторые замечания относительно «допусков», принятых мной при выделении признаков. Так, подчеркну, что при обозначении определяющего признака имеется в виду не абсолютное господство его в варианте, а только *преобладание* его. При этом существенно учитывать, что в некоторых вариантах определяющий признак в количественном отношении не всегда был преобладающим. Он не часто попадался в варианте, возможно, пока из-за недостаточной исследованности памятников в регионе, но на территории других вариантов *не был встречен ни разу*.

Отмечу также, что археологическая изученность вариантов различна, сильно отличаются также методика изучения памятников разными археологами, полноценные публикации материалов фактически в подавляющем большинстве отсутствуют. Поэтому ни о каких процентных или даже просто количественных соотношениях признаков внутри вариантов и тем более при сравнении их между собой на основании этих «научообразных» соотношений не может быть и речи на данном уровне изученности материала. С учетом этих допусков и составлена таблица № 1. Она отражает, как мне кажется, не только уровень наших знаний о вариантах салтово-маяцкой культуры, но в какой-то мере и соотношение их друг с другом. Различия между ними очевидны, особенно в преобладающих, наиболее характерных признаках. Так, по-прежнему остается в силе наблюдение, сделанное мной еще в 60-х гг. (Плетнева, 1967), о характерности белокаменных стен крепостей для лесостепного варианта и земляных валов для степного. Хотя в наше время в обоих вариантах известны оба типа стен и к тому же в обоих нередки и укрепления с сырцовыми стенами, мы в данном случае сталкиваемся именно с *преобладающими и наиболее типичными* (выразительными) признаками этих вариантов.

Сырцовые стены являются характеризующим признаком Дагестанского варианта, где их нередко сочетали с каменными, т. к. в горных районах там основным строительным материалом был камень так же, как и в крымских городах и крепостях. Использование сырцовых кладок рас-

пространилось в Приазовский и Донские варианты, но нигде не стало определяющим признаком.

Зато для всех вариантов таким признаком являлась бесфундаментная кладка стен. Интересно, что этот строительный антисейсмический прием, необходимый в горных и предгорных районах (Крым, Дагестан), прослежен и в трех остальных вариантах, в которых также был определяющим (и единственным), хотя ареалы этих вариантов были мало подвержены землетрясениям.

Таковыми же общими для всех пяти вариантов признаками являлись стационарные неукрепленные поселения, основным типом жилищ на которых были полуземлянки с очагами, расположенными преимущественно в центре пола. Остальные признаки, касающиеся поселений и жилищ, в одних вариантах были определяющими, в других попадались изредка или отсутствовали. Отмечу, что, несмотря на слабую пока изученность приазовских поселений, в предлагаемой выше таблице хорошо прослеживается сходство этого варианта с Донским степным, хотя в отличие от последнего для Приазовья характерны жилища на каменных цоколях. Последнее сближает этот вариант с Крымским.

И. И. Ляпушкин строил свой вывод о существовании двух Донских вариантов салтово-маяцкой культуры бассейна Дона в основном на материалах могильников. Он даже склонен был говорить, что это две разные культуры, а не варианты одной. Если бы мы опирались только на данные известных тогда погребальных комплексов, то, видимо, пришлось бы признать, что И. И. Ляпушкин был прав. В таблице мы видим, что определяющими признаками лесостепного варианта являются катакомбные захоронения и долихокранность погребенных. С конца 60-х гг. В. К. Михеев начал систематические поиски и стационарные раскопки на могильниках с трупосожжениями. На данной ступени изучения этих памятников можно, вероятно, утверждать, что они попадают исключительно в лесостепном варианте и поэтому также являются его определяющим признаком. Аналогии им хорошо известны в Западном Предкавказье в районах, которые были мало связаны с лесостепью и не входили в салтово-маяцкую культуру в качестве одного из ее вариантов.



Другая группа признаков является определяющей для остальных четырех вариантов. Это — погребения, совершенные в простых ямах или ямах с подбоями, подкурганные погребения и общая для всех брахикранный захороненных.

Таким образом, различия лесостепного варианта со всеми остальными как будто очевидны и не могут вызывать возражений. Этому не противоречат факты встречаемости определяющих признаков лесостепного варианта в степях, а определяющие признаки степных и предгорных вариантов очень часто прослеживаются в лесостепи. Исключения два — в степях неизвестны трупосожжения, в лесостепи — подкурганые захоронения. Эти неизвестные в 50—60-х гг. признаки являются *дополнительными* подтверждениями правомерности выделения в те годы двух вариантов культуры.

В таблицу № 1 я включила только основные признаки, которые известны практически всем археологам, работающим на средневековых памятниках конца I тысячелетия Восточной Европы. Вряд ли существование этих признаков может оспариваться исследователями, хотя, конечно, какие-то коррективы относительно отдельных конкретных памятников неизбежны при более подробном (стационарном) их изучении.

Помимо этих признаков в настоящее время выявляются и изучаются еще некоторые особенности того или иного варианта. Это явление перманентное, связанное с исследованием вариантов и культуры в целом, причем чем тщательнее ведутся исследования памятников и отдельных категорий вещей, чем больше открывается новых объектов, тем больше будет накапливаться таких «признаков второго порядка».

Остановимся прежде всего на характеристике наиболее трудоемкого, но в то же время обладающего громадной информативностью материала — керамики. Обломки типологически различных сосудов археологи сотнями и тысячами собирают на поверхности открываемых ими в разведках поселений (это так называемый «подъемный материал») и десятками тысяч в стационарных раскопках поселений. Изредка попадают на них (в древних хозяй-

ственных ямах, у очагов и пр.) целые сосуды. Но обычно целые сосуды сопровождают захоронения, в некоторых из них находят до 5 и даже до 10 сосудов, поставленных в могилу с пищей и питьем. Весь этот огромный массив к настоящему времени неплохо разработан. Как уже говорилось, начало этой работы было положено М. И. Артамоновым в 1935 г., продолжили ее И. И. Ляпушкин по материалам Таманского городища (Ляпушкин, 1941), А. Л. Якобсон, посвятивший средневековой крымской керамике несколько статей, большие разделы монографий и даже отдельную монографию (Якобсон, 1979).

В 50-е гг. включилась в эту тяжелую деятельность, требующую отдачи всех творческих сил, и я, вновь рассмотрев керамику Таматархи — Тмутаракани (из раскопок Б. А. Рыбакова) и Левобережного Цимлянского городища, т. е. Саркела — Белой Вежи (Плетнева, 1959; Плетнева, 1963). Отдельный раздел, посвященный салтово-маяцкой керамике, занимает довольно значительную часть упомянутой книги «От кочевий к городам» (1967).

К характеристике массового керамического материала обращаются обычно археологи, пытающиеся по возможности полно публиковать результаты своих полевых исследований. Приходится пожалеть, что таких публикаций очень немного и они вынуждены быть максимально сжатыми, а потому, видимо, изучение собственно салтово-маяцкой керамики не возобновляется новым поколением ученых, хотя очевидно, что эту работу нужно продолжать, причем, естественно, на методически более совершенном уровне.

Тем не менее и сейчас можно констатировать, что на данной стадии исследования керамического комплекса салтово-маяцкой культуры предварительная обработка материала в целом закончена, предложенные исследователями классификация ( и типология), ареалы отдельных выделенных групп и типов сосудов и даже иногда их хронологические рамки известны и признаются археологами вполне обоснованными.

Приведу несколько примеров.

На поселениях лесостепного варианта одним из характернейших типов посуды были толстостенные, довольно



большие горшки, изготовлявшиеся из глины с обезжирившими примесями грубо толченного шамота, иногда дресвы и даже железного шлака. Первичная формовка их производилась вручную, но затем их подправляли на ручном гончарном круге, орнаментируя неровно нанесенными плоскозубым штампом линиями. Наряду с ними в тех же памятниках в большом количестве попадались обломки и целые экземпляры горшков, сделанных на гончарном круге и изготовленных из глины с примесями мелкомолотых дресвы и изредка — шамота. Они правильной обычно яйцевидной формы, ровного обжига. Орнамент на них также линейный, но нанесен он тщательно значительно более тонким плоскозубым штампом. Аналогии этим сосудам встречаются в большом количестве на аланских памятниках Предкавказья. Такие же горшки, изготовленные из аналогичного глиняного теста, изготовлялись и на поселениях Дагестанского варианта.

Что же касается степных вариантов (II и III), то кухонные горшки там резко отличаются от лесостепных прежде всего составом глиняного теста, в котором отошающей примесью был песок. Кварцевые песчинки поблескивают не только в изломе, но и на поверхности сосудов. Горшки сформованы на ручном гончарном круге, но иногда встречаются и экземпляры, изготовленные на ножном круге. Формы их более разнообразны сравнительно с лесостепными: помимо яйцевидных встречаются шаровидные горшочки и (совсем редко) с почти конусовидным туловом, напоминающим славянские горшки X в. Поверхность всех орнаментирована сплошным или зональным линейным, а на плечиках часто волнистым, глубоко врезанным орнаментом, нанесенным острозубым штампом.

На приазовских поселениях горшки по форме и орнаментации близки степным (нижнедонским), только примесь в глиняном тесте у них не речной чистый кварцевый песок, а морской с включениями мелкой дробленой ракушки. В изломах и на поверхности у них видны вкрапления белых известковых раковин.

Аналогичны этим горшкам сосуды крымских поселений, изготовленные из глины с характерными включениями морского песка, смешанного с ракушками. Таким обра-

зом признаки кухонных горшков очень устойчивы и показательны. Учитывая их, археологи, ведущие разведки, как правило, уже по подъемному материалу определяют принадлежность памятников к определенным вариантам. Обычно дальнейшие исследования памятника подтверждают первоначально сделанный вывод.

Другим примером могут служить так называемые котлы с внутренними ушками. В работе, написанной 40 лет назад, И. И. Ляпушкин утверждал, что гончарные котлы с внутренними ушками типичны только для степного варианта, являясь его отличительным признаком (в степной он включал и материалы с приазовских памятников). Этот вывод в наши дни требует некоторой корректировки. Дело в том, что котлы в то время были известны только на памятниках степного региона, в основном в Саркеле (Артамонов, 1935, с. 51—117). Все они относились к одному типу: это те же горшки, только более широкие и низкие, иногда с округлым дном. Ушки стандартны — длинные налепы на двух противоположных сторонах внутренней поверхности венчика, в середине налепа — вмятина, делящая его на две части, в каждой из которых проткнуто сквозное отверстие. Такие котлы, как и горшки, и сейчас остаются характерным вторичным признаком степных вариантов. Однако за прошедшие десятилетия ареал памятников, на которых находили и находят обломки котлов с внутренними ушками, значительно расширился. Сосуды этой конструкции, предназначенные для подвешивания над очагом, известны в настоящее время в Предкавказье, в лесостепи, в Поволжье, на памятниках балкано-дунайской культуры, в Венгрии (Плетнева, 1967, с. 108—110). В северо-восточной Болгарии находили их обломки еще в первые годы раскопок в Плиске (Абоба-Плиска, 1905). Последнее и послужило основанием для предположения о принадлежности котлов древним болгарам, хотя обнаруженные впоследствии в Плиске целые сосуды этого типа заметно отличались от нижнедонских. Еще большая разница прослеживается между саркельскими (нижнедонскими) котлами и котлами, обнаруженными в памятниках других вариантов. Так, в Поволжье котлы — лепные от руки, сделаны из глины с примесью травы, ушки у них — наружные налепы-«рако-



винки», прикрывавшие два отверстия, проткнутые в стенках. Обломки таких котлов встречались и в Саркеле. По ряду технических особенностей и стилю орнамента они представляют собой один из видов группы кочевнической керамики (гузской или гузо-печенежской).

Котлы в лесостепном варианте сделаны из глины того же состава, что и лесостепные кухонные горшки. Формы лесостепных котлов в массе также повторяют формы и орнаменту горшков. Наиболее существенные различия со степными котлами наблюдаются в форме внутренних ушек. Обычно это небольшие выступы с одним отверстием (в виде исключения — с двумя). Кроме того, часть этих котлов имеет ушки — наружные раковинки (Плетнева, Крайский, 1990, рис. 12—14, с. 118—119). В Предкавказье одна группа котлов повторяет кухонные горшки, она особенно близка типологически к котлам лесостепного варианта. Другая группа — «казанообразные», подражающая металлическим казанам. На них изображены даже ряды заклепок (Кузнецов, 1964). Такие котлы характерны для западных регионов их распространения. Там их датируют более поздним временем — XI—XII вв. и приписывают печенегам. Исследование о котлах с внутренними ушками — отдельная большая тема. Даже предварительное знакомство с этим материалом свидетельствует о том, что котлы в разных районах степи были разнотипны и даже разновременны (от IX до XII вв.). Возникновение и распространение котлов в степи, возможно, следует связывать с экономическими и социальными процессами, характерными для всех степных народов на определенной стадии их развития (Плетнева, 1982, с. 54, 55), но сосуды изготовлялись разнотипными мастерами в разных регионах и в разное время и поэтому не могли быть всюду одинаковыми. Тем не менее еще раз подчеркну, что выделенный М. И. Артамоновым, а затем И. И. Ляпушкиным тип котлов действительно характеризует степные Донской и Приазовский варианты, являясь одним из определяющих признаков «вторичного порядка».

Значительное своеобразие придает салтово-маяцкой культуре в целом и каждому варианту в отдельности так называемая лощеная, или столовая, посуда.

Изготовлена она из прекрасно отмученной и обезжиренной тонко размолотыми примесями глины и, как правило, на гончарном круге или на деревянной форме с последующей подправкой на круге. Поверхность их покрыта лощением, сплошным или частичным, а цвет обжига серый или черный. На поселениях обломки и тем более целые сосуды этой группы попадают много реже разбитых кухонных горшков. Обычно они сопровождают погребения, особенно часто совершенные в катакомбах, что также является для лесостепного варианта признаком «вторичного порядка».

Таким образом, керамический комплекс позволяет выявить ряд существенных признаков, дополнительно подчеркивающих своеобразие каждого варианта.

Помимо керамики, исследования последних десятилетий позволили выявить еще один признак, подтверждающий, в частности, различия лесостепного и степного Донских вариантов (Афанасьев, 1987, с. 14, 15). Это различные конструкции сыродутных горнов, значительно более сложных и совершенных в лесостепи и технически более «упрощенных» в степной зоне.

Однако помимо своеобразия вариантов мы постоянно сталкиваемся с материалами, свидетельствующими об их тесных контактах и взаимовлияниях. Например, такие устойчивые определяющие признаки, как катакомбные могилы и долихокранность похороненных, встречаются почти во всех вариантах, не являясь там преобладающими признаками. Нет их пока только в Приазовье, слабее других вариантов исследованном. То же можно сказать и о ямных погребениях и брахикранности покойников, распространенных во всех вариантах.

Наиболее частые связи по признакам наблюдаются между I — лесостепным и остальными вариантами — 68,5%, II — степным и остальными — 63%, III — Приазовским — 52,5%, IV — Крымским — 47%, V — Дагестанским — 57%.

Поскольку два первых варианта исследованы больше других, связи их прослеживаются чаще и четче, хотя и остальные варианты перевязаны достаточно выразительно. Немного менее других выявляются связи с Крымским вариантом. Это естественно: в Крыму тогда царил византийская культура, а под ногами лежал громадный пласт древней



античной цивилизации. Следует сказать, что эти же факторы влияния прослеживаются и в Приазовском варианте. Кроме постройки домов на каменных цоколях, а в приморских городах на развалинах разрушенных античных зданий, оба варианта характеризуются особым керамическим комплексом, в котором преобладают обломки тарной посуды: амфор, пифосов и немного позднее (в конце IX в.) появившихся красноглиняных высоких кувшинов с плоскими ручками. Распространение всех видов этой посуды свидетельствует об оживленных торговых связях с Византией и о развитии (тоже не без влияния Империи) ремесленных навыков по ее производству во всех крупных населенных пунктах этих регионов (Плетнева, 1963, с. 46—60).

Ареал тарной керамики много шире Крымского и Приазовского вариантов (Плетнева, 1967, с. 132). Особенно много ее обломков на памятниках близкого территориально нижнего Дона, а по мере удаления от торгово-производственных районов количество их уменьшается, хотя даже единичные находки целых сосудов или их обломков (в подъемном материале) говорят о том, что связи четырех вариантов были довольно оживленными. Только до Дагестана и, по-видимому, Поволжья они не доходили. Торговые и культурные отношения этих регионов имели иную направленность: Иран, Хорезм, Согд и другие восточные и южные азиатские государства (Плетнева, 1996, с. 142—156).

О несомненной культурной близости свидетельствует также широкое распространение по всей культуре характернейшей столовой лощеной посуды, конской сбруи и воинских поясов, украшенных типичными для салтово-маяцкой культуры серебряными и бронзовыми наборами (бляшками, пряжками, наконечниками и пр.), женской бижутерией: серьгами, перстнями, браслетами, бусами. Последние доставлялись в степь из Передней Азии и из Византии.

Таким образом, этот богатейший и чрезвычайно выразительный вещевой комплекс наряду с единством, отмеченным при рассмотрении определяющих и вторичных (дополнительных) признаков, еще раз подтверждает значительное единство культуры, раскинувшейся на всей территории лесостепей и степей от Волги до Приазовья и Крыма

и от верховий и среднего течения Северского Донца, Оскола и Дона до Кавказских предгорий. Она складывалась и развивалась здесь с конца VIII — до половины X вв.

Следует сказать и еще об одной объединяющей варианты особенности. Это — попадающиеся в пределах их распространения надписи, выполненные руническим письмом, а также сотни различных тамгообразных знаков и рисунков — граффити на блоках белокаменных стен, кирпичах, сосудах (особенно на амфорах) и других поверхностях, пригодных для изображения на них букв, знаков, фигур животных и людей (Кызласов, 1994; Флерова, 1996; Плетнева, 1984).

Вот об этой-то многовариантной культуре и писал почти 60 лет назад М. И. Артамонов (1940), связывая ее не с этническими хазарами, а с государственной культурой Хазарского каганата.

В последующих главах мы рассмотрим все перечисленные варианты более подробно, включив в описания наиболее крупные и характеризующие каждый вариант памятники, которые в настоящее время в большей или меньшей степени исследованы археологически.



## Глава 1

## НА ЛЕСОСТЕПНОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Несмотря на активное формирование общей для всех вариантов культуры, мы должны признать, что лесостепной вариант много заметнее отличается от остальных четырех. Это, видимо, объясняется прежде всего антропологической разницей: люди, жившие на лесостепных поселениях и хоронившие на могильниках рядом с ними своих покойников, в массе своей были долихокранами. Антропологическое тождество их с аланами Предкавказья соответствует сходству культуры этого варианта с аланской культурой. Пришедшие в бассейн Дона из предгорий аланы поселились на землях, близких им по физико-географическим признакам: высокие меловые отроги правых берегов Северского Донца и Оскола служили им для сооружения крепостей, просторные ровные, нередко с немного наклонной поверхностью сухие площадки использовались для размещения поселений и могильников. Аланы принесли с собой хозяйственный уклад (оседлый и земледельческий), навыки архитектуры и домостроительства, оружие, керамику и многие другие вещи и, главное, умение их изготавливать, т. е. ремесленное производство (керамическое, кузнечное, ювелирное). Гипотез о проникновении алан из Предкавказья в бассейн Дона несколько: 1 — они отступили в донскую лесостепь под давлением хазар в VII в. (Ляпушкин, 1958), 2 — ушли из разоренных арабскими войсками районов в середине VIII в. (Плетнева, 1967, с. 91) и, наконец, 3 — были насильно переселены во второй половине VIII в. хазарским правительством на северную окра-

ину каганата (Михеев, 1985, с. 97). Алания действительно тогда находилась в вассальной зависимости от Хазарии, и заселение аланами пограничья было вполне закономерно: аланы были прекрасными умелыми воинами и использование их в качестве военной силы представляется продуманным государственным мероприятием.

Аланы заняли обширные земли донской лесостепи (рис. 1). На этой территории в конце 60-х годов археологам было известно 75 памятников — городищ, селищ, могильников (Плетнева, 1967, с. 191—194, рис. 5). В настоящее время количество их увеличилось вдвое (Афанасьев, 1987, с. 168—184). В списке, опубликованном Е. Афанасьевым в 1987 г., указано 277 номеров, а значит, количество памятников как бы увеличилось не в два, а в три раза. Но здесь читателям следует учитывать, что автор несколько изменил систему нумерации. Всем объектам, которые, по мнению Плетневой, составляли единые «гнезда» и поэтому получили один общий номер, он дал отдельные номера. Кроме того вновь открытые памятники, входившие в эти и в новые «гнезда», тоже получили свои отдельные номера. Такой учет памятников, безусловно, более правомерен и правилен. Отметим также, что на Осколе, где в течение многих сезонов крайне энергично проводил разведки учитель истории Волоконовской средней школы А. Г. Николаенко, количество памятников сравнительно с 1967 г. действительно увеличилось втрое. Много новых памятников открыто и активно раскапывается в Верхне-Донецком регионе (в основном профессором ХГУ В. К. Михеевым). Ясно, что в тех районах, где ведутся археологические исследования, памятников много больше, чем там, где систематические и целенаправленные разведки не проводились.

Наибольшее количество памятников, относящихся к этому варианту, сосредоточено в бассейне верхнего течения Северского Донца и верхнего и среднего Оскола. Именно эти районы были подвергнуты особенно тщательному обследованию (разведкам, раскопкам отдельных памятников, исследованиям материалов с этих памятников). На Донце к середине 80-х годов было учтено 119 памятников: 11 городищ (развалин крепостей или замков), 10 могильников (4 катакомбных, 3 трупосожжений, 3 ямных) и не-



сколько единичных захоронений, обнаруженных случайно, а также 95 селищ (поселений) (рис. 2). В бассейне Оскола в те же годы было обнаружено 108 памятников: 4 городища, 9 могильников (7 катакомбных 12 ямных), семь отдельных случайно открытых погребений и 88 селищ.

Количественное соотношение памятников разных категорий на Донце и Осколе свидетельствует, как мне представляется, о некотором отличии этих районов друг от друга. Так, на Донце заметно больше городищ. Все они расположены на высоких мысах правого берега, причем обычно на тех мысах, которые использовались скифами, укрепившими их мощными валами, рвами и эскарпами. Средневековые укрепления на них сохранились очень плохо: на большинстве памятников нередко только в виде россыпей щебня (раскрошившихся меловых блоков). Естественно, что попытки как-то реконструировать их или просто констатировать их наличие в древности будут вызывать возражения. Тем не менее на полосы щебенки на вершине «валов», на развалы щебня с камнем в разрезах этих «валов» и даже на полосы щебенки, прослеживаемые на пашнях, следует обращать внимание и пытаться как-то объяснять их присутствие, но не отказываться замечать их. Например, в устье правого притока Донца речки Уды в 1950 г. Б. А. Рыбаков на распаханной ровной площадке обнаружил полосу щебня, ограничивавшую прямоугольное пространство (примерно 200×100 м). В 1957 г. я еще раз осмотрела эту площадку. На ней, помимо щебневой, резко выделяющейся на пашне полосы, были отмечены остатки сильно оплывшего вала и рва, который был замечен на поверхности только благодаря цвету заполнившей его земли (более темному и влажному). Это и были следы Кабакова (Кабанова, Каганова) городища, о котором упоминают авторы «Книги Большому Чертежу» (КБЧ). В этот топографический справочник XVII в. попали пять городищ-крепостей хазарского времени (Нежегольское, Салтовское, Кабаново, Мухначевое, Комольша). Только одно, расположенное, видимо, тогда, как и сейчас, в густом лесу, не было ими замечено, а зато два, упомянутые и как будто точно локализованные московскими дьяками городища до сих пор не найдены археологами. Не попали в «КБЧ» и городища, располо-

женные на притоках Донца; типологически близкое остатальным городище на речке Короче — Дмитриевское и городище на речке Волчей у города Волчанска, укрепления которого в виде трех концентрически расположенных валов пока стационарно не исследованы археологами\*.

Каждое городище на Донце сопровождалось поселениями — одним большим, примыкавшим непосредственно к стенам крепости, и несколькими разбросанными на площади вокруг городища в радиусе примерно в 2—3 км. Такие «гнезда» поселений, сконцентрированных вокруг городищ, особенно характерны для донецкого региона лесостепного варианта.

Самым знаменитым, более других подвергавшимся полевым исследованиям памятником на Донце является комплекс памятников у села Верхний Салтов, давший половину названия культуре (салтово-маяцкая). Раскопки на нем, начатые почти столетие назад учителем местной школы В. А. Бабенко, дали громадное количество материалов. Они позволяют составить о Верхне-Салтовском комплексе общее представление. Комплекс включает городище с остатками белокаменных стен, большие примыкающие к нему поселения, разделенные на участки оврагами, и обширный, состоящий из нескольких тысяч катакомбных погребений могильник. Кроме того, в комплекс входит еще одно поселение, расположенное напротив городища на левом берегу Донца, и рядом с ним еще один могильник, известный в литературе под названием «Нетайловский». В отличие от катакомбного могильника, расположенного на правом с крепким глинисто-меловым материком берегу, здесь (на левом песчаном берегу) размещался ямный могильник.

Надо сказать, что особенное и даже исключительное внимание археологов, работавших в Верхнем Салтове, привлекали могильники, поскольку именно они давали наиболее яркий и информативный материал об экономике,

\* На речке Короче, выше Дмитриевского археологам известно городище — «Большое». Однако валы на нем скифского времени, никаких укреплений хазарского времени нет, а следы заселения мыса в хазарское время свидетельствуют только об использовании ровной площадки мыса под неукрепленное поселение.



общественных отношениях и религиозных представлениях (обрядов, связанных с ними) населения, погребавшего здесь своих мертвых. Изобилие вещей в катакомбах способствовало возрастанию с каждым годом интереса к этому памятнику. При этом городище и поселение долгое время совсем не распахивались.

Катакомбы, хорошо известные уже в конце XIX в. по работам на предкавказских могильниках, представляют собой довольно сложные сооружения, состоявшие из выкопанной в плотном материковом грунте овальной в плане со сферическим сводом погребальной камеры и ведущего к ней более или менее длинного коридора-дромоса. Между собой камера и дромос соединены арочным или прямоугольным входом. После совершения в камере погребения вход закладывался камнем или дубовыми массивными досками, а дромос засыпался материковой глиной. Нередко камера также полностью или частично заваливалась глиной, но вход и в таких случаях закладывался досками. В камерах вместе с погребенными помещали, даже в сравнительно бедных захоронениях, разнообразные вещи: оружие, бытовые орудия, украшения, керамические сосуды, хотя последние чаще ставились в дромосе у входа.

Значительно проще совершались ямные захоронения. Прямоугольные ямы вырывались обычно неглубокие (не более 1 м) с расчетом на погребение в каждой одного покойника. Нередко на длинных стенках оставлялись узкие «приступки» для опоры на них уложенных поперек могилы досок перекрытия.

На катакомбном верхнесалтовском могильнике раскопано уже больше 1000 погребений. Точное количество установить невозможно, т. к. в течение не менее десятилетия после революции В. А. Бабенко продолжал на могильнике бесконтрольные и «безотчетные» раскопки, нигде не учтенные и никем не санкционированные. Впрочем, этот «исследователь древностей» и в дореволюционные годы проводил фиксацию материала настолько неквалифицированно, что Археологическая комиссия отказала ему в 1915 г. в выдаче открытого листа на проведение работ на могильнике. Сейчас мы должны констатировать, что богатейший вещевой комплекс могильника примерно из 350—400 ката-

комб в основном депаспортизирован. Сохранились в относительном порядке только материалы работ на этом могильнике крупных российских археологов А. С. Федоровского, А. М. Покровского, Н. Е. Макаренко, которые все вместе вскрыли там не более 50 погребений. В советский период могильник также sporadически продолжали раскапывать в основном в первые послевоенные десятилетия несколько украинских ученых: С. А. Семенов-Зусер, Д. Т. Березовец, В. К. Михеев и их ученики. Материалы их раскопок хранятся в музеях Харькова и Киева, отчеты о полевых работах сданы в Архив Института Археологии Украинской АН. Именно в те годы Д. Т. Березовец открыл Нетайловские поселение и могильник на левом берегу Донца (Березовец, 1962). Могильник, как говорилось, ямный, но погребальный обряд находился явно под влиянием катакомбного. Прежде всего их сходство проявилось в насыщенности нетайловских погребений вещами, т. е. сопровождающим инвентарем, что, как правило, не свойственно ямным захоронениям других известных в настоящее время могильников.

К сожалению, этот великолепный материал, как из дореволюционных, так и из новых раскопок, остается почти не изданным, а потому и мало доступным. Кажется невероятным, что памятник, известный археологам-медиевистам всего мира, давший название культуре, не издан и работы по подготовке такого издания не ведутся. Верхнесалтовский комплекс требует многого труда, в котором были бы последовательно рассмотрены все составные: городище, поселения и оба могильника. Эта работа непосильна для одного человека, необходимо создание большого коллектива деятельных авторов, которого пока нет. По этой причине этот насыщенный громадным и разнообразным, но необработанным материалом памятник так и не стал эталонным. Вопросы его хронологии, этнического определения, сложнейшие социально-экономические проблемы фактически остаются не только не решаемыми, но и не поднятыми.

Поэтому в настоящее время эталоном может считаться значительно менее крупный и богатый Дмитриевский комплекс (Плетнева, 1989). Он расположен всего в 50 км се-



вернее Верхнего Салтова на берегах небольшой речки Корочи. На правом берегу находится городище с примыкающим к нему поселением, еще два поселения поблизости и могильник, а на левом — напротив городища и ниже по течению реки примерно на 2 км — расположены еще два обширных поселения. Таким образом, комплекс интересен именно потому, что включал все три типа памятников, характерных для лесостепного варианта: городище, представлявшее собой развалины белокаменной крепости, большие поселения вокруг него и катакомбный могильник. Все они исследовались мною в период с 1957 по 1973 гг. в течение 11 сезонов. За это время на городище была вскрыта площадь около 1600 м<sup>2</sup>, на селище № 1 — 2000 м<sup>2</sup>, на селище № 2 — 100 м<sup>2</sup> и на могильнике — более 3000 м<sup>2</sup> (рис. 3). Эти исследования дали мне большой материал для обобщений и решения ряда проблем, встающих перед археологами, работавшими на салтово-маяцких памятниках лесостепного варианта.

Городище расположено на крутосклонном меловом треугольном в плане мысу. Высота его над уровнем реки 50 м. Мыс был заселен и укреплен еще в скифское время. Укрепления его состояли из двух сдвоенных мощных рвов и валов с напольной стороны и эскарпирования западного, менее крутого, склона. Длина укрепленной части мыса равнялась 540 м. Вся его площадь была полностью застроена и по обломкам керамики относится к VII в. до н. э.

Вторично мыс укрепили в хазарскую эпоху. С напольной стороны было сооружено две линии обороны.

Первая — глубокий (2—3 м) ров и высокий вал, по гребню которого прослеживалась полоса щебня — остатки сложенной из белого известняка стены. Эта мощная стена соединена с менее массивной тоже каменной стеной, возведенной вдоль западного края мыса, вдоль восточной стороны тянулась аналогичная стена, но следы ее сохранились только местами, т. к. крутой склон активно осыпается.

Вторая напольная линия сооружена на расстоянии 80 м от первой. Ее ров и вал примерно в два раза меньше вышеописанных. Вал был насыпан из земли (материковой глины, смешанной с черноземом), поэтому он сильно оплыл и почти затянул параллельный ему ровик. Подобный ровик

и вал защищали эту часть крепости и с западной стороны. Западный довольно пологий склон мыса, в скифское время эскарпированный, в хазарское был подчищен заново так, что ступень эскарпа стала значительно шире и на ней вырыли дополнительный ровик или «канаву», сильно затрудняющую подход к эскарпированному склону.

Раскопки западной стены, а также склона и ровика на ступени позволили не только обнаружить эти позднейшие перестройки скифских укреплений, но и восстановить с большей или меньшей степенью вероятности устройство возведенной здесь стены (рис. 3). Разрез показал, что вначале одновременно с восстановлением эскарпа по краю мыса был насыпан вал, или, вернее, поставлены деревянные городни, засыпанные сильно гумусированной землей — культурным слоем, образовавшимся в скифский период. Спустя некоторое время это сооружение было расширено более чем вдвое, верх его подровнен и на образовавшейся ровной площадке была поставлена стена. Основой ее были два панциря, сложенные из слегка подтесанных, «пригнанных» друг к другу известняковых крупных камней, без раствора (насухо). Толщина каждого панциря примерно 1 м. Между ними ставился крепкий деревянный каркас, и в ячейки его засыпался щебень и мелкие камни. Общая толщина стены достигала, таким образом, 4—4,5 м. Такой же была, очевидно, и ее высота. Очевидно, что это было очень серьезное укрепление, требовавшее от строителей немалой затраты труда и архитектурных познаний. Нам не удалось разрезать напольный вал этой линии обороны. Вал, как говорилось, был вдвое больше западного, стена же, поставленная на нее, была, видимо, аналогична боковой конструкции.

Так работы на Дмитриевском городище дали нам доказательства существования на синхронных донецких городищах белокаменных стен, хотя, как говорилось, в наше время от них остались только россыпи щебня на гребнях валов. Такими же стенами было укреплено городище Мохнач, расположенное ниже по Донцу примерно на 150 км. Следует также вспомнить, что городище Сухая Гомольша («Комольша») названо в «Книге Большому Чертежу» «Каменное», т. е. на нем в XVII в. стояли каменные стены.



Даже в конце XIX в. еще были видны остатки окружавшей городище каменной стены (Багалеи, 1905, с. 29). Однако в наше время при визуальном осмотре этого памятника его «валы» выглядят точно так же, как на остальных городищах, т. е. просто земляными задернованными насыпями, гребень которых покрыт щебнем. Разрез этого «вала» позволил выяснить, что в основе его лежат остатки стены: нижние камни панцирей из больших песчаниковых камней и забутовки из глины и щебня между ними (Михеев, Дяченко, 1972, с. 275—280; Михеев, Дегтярь, 1974, с. 309). На большинстве других городищ стены, сооруженные из известняка, а не песчаника, сохранились значительно хуже, они буквально рассыпались в прах. В частности, трудно сейчас утверждать, что на городище у Коробовых хуторов стояли подобные стены, поскольку по краям мыса они осыпались почти полностью, и только по нескольким большим известковым обломкам и участкам, засыпанным щебнем, можно, как мне кажется, предполагать, что здесь стояли белокаменные крепостные стены.

Благодаря раскопкам на Дмитриевском городище мы узнали, что хазарские строители учли и использовали необходимые им древние фортификационные приемы, в частности эскарпирование, подновив и усовершенствовал его вырытой на ступени канавкой.

Характернейшей, бросающейся в глаза особенностью городища является полное отсутствие культурного слоя в укрепленной каменными стенами части крепости. На распахиваемой в 1957 г. поверхности было собрано несколько обломков амфор и кухонных горшков, при раскопках западной стены обнаружены обломки горшков с кварцевым песком в глиняном тесте, т. е. явно южного (степного) производства, вероятно привезенные каким-то выходцем из степного (Нижнедонского) региона. Не было выявлено в этой части городища ни одной постройки средневековой эпохи. Значительно больше обломков средневековой керамики попадалось на поверхности в части городища, огражденного земляным валиком. Культурный слой здесь тоже практически не отложился, но в раскопах были открыты остатки трех построек и двух хозяйственных ям хазарского времени.

Жилые постройки две: полуземлянка, углубленная в материк на 1 м, и почти наземная — с углублением всего на 0,2 м. В обеих характерная планировка — очаг в центральной части пола. Третья постройка — хозяйственная небольшая, наземная, видимо, с деревянными стенами — полностью сгорела и обнаружена была только по угольному пятну на материке. Все три, как и хозяйственные ямы, имеют по основным признакам аналогии, как на соседнем Дмитриевском селище, так и на других поселениях Хазарии.

Несмотря на то что во втором отсеке городища были зафиксированы явные следы жизни эпохи средневековья, в целом заселение каменной крепости и примыкавшего к ней укрепленного валиком поселения было очень незначительным. Поскольку отсутствие следов обитания во всех донецких крепостях — факт установленный не только при исследовании Дмитриевского городища, он уже давно привлек внимание археологов, пытающихся его объяснить. Наиболее распространенной является гипотеза о том, что это были «убежища», использовавшиеся населением только во время опасности. Этой гипотезе противопоставляется другая — о принадлежности крепостей феодалам, которые вместе с семьей и челядью могли «откочевывать» на весенне-летне-осенний сезон на богатые травой лесостепные пастбища или в летние ставки, окруженные садами и бахчами, о чем писал царь Иосиф, рассказывая об обычаях хазарских аристократов (Коковцов, 1932, с. 85—87). В крепости жили только зимой, видимо, в наземных юртах, не оставлявших на поверхности следов. Что касается культурного слоя, то он не накапливался на поселениях даже с постоянным круглогодичным обитанием, т. к. все старые хозяйственные ямы использовались жителями в качестве помоек: вокруг домов старались поддерживать порядок. В крепости слой не мог образоваться — челядь, занимавшаяся хозяйством, жила во втором отсеке, а вокруг юрт немногочисленной семьи владельца крепости вряд ли могло собраться много отбросов, которые бы способствовали росту культурного слоя. Не исключено, что этот своеобразный феодальный замок служил в периоды вражеских набегов и убежищем, т. к. крепость должны были защищать воины, жившие на поселении, находившемся на том же берегу,



примерно в 400 м от крепости выше по течению реки. В отличие от городища, расположенного на площадке, возвышавшейся над окрестностями, поселение разместилось на склоне соседнего холма и в уютной ложине, по дну которой протекал ручеек. Место вдоль ручья было так удобно, что в XVII в. древнее селище было вновь застроено (было обнаружено несколько котлованов землянок того времени).

Остатков жилищ хазарского времени на раскопанной площади исследовано 14. Подавляющее их большинство — полуземлянки (рис. 4, 5). К ним я отношу и жилища, котлованы которых, выкопанные на склоне, углублены, естественно, на разную глубину: с одной стороны на 0,6—0,8 м, с другой (ниже по склону) 0,2—0,4 м или вообще сходят на нет. Обычно жилища прямоугольные, но трижды встречены и круглые. В этих последних «юртообразных постройках» очаг располагался в центре пола. Также в центре очаги помещены в четырех прямоугольных постройках. Представляется вполне очевидным, что круглоплановость и расположение открытых (тарелкообразных) очагов в центре жилища являются признаками, связывающими жилища и культуру в целом с миром кочевников, у которых юрты были, по существу, единственным видом жилых построек. Однако на Дмитриевском поселении половина жилищ имела очаги иначе расположенные и иных конструкций. В двух случаях они помещены у стены, а в пяти — в углах построек. Причем часть из них сооружена с применением камня, а в двух жилищах в углах поставлены были обычные глинобитные на каркасе из прутьев славянские печи. Это интересно потому, что все три очага были, вероятно, сложены женщинами-славянками, т. е. не принадлежавшими к основному местному населению. Дело в том, что очаги, печи и кухонные горшки всегда делали женщины, поскольку это были исключительно их «орудия труда». Славянских горшков на поселении не было, но женщинами широко был принят состав глины с примесью крупнодробленого шамота, характерный для славянских лепных горшков. На поселении лепная керамика встречалась очень редко, формы ее типичны для хазарской культуры. Массовая керамика — кухонные горшки из глины с примесью шамота —

изготавливалась по формам и в традициях лесостепного варианта, всегда на ручном гончарном круге. Остатки этих кругов нередко попадают в жилищах в виде чашевидных ямок с квадратной ямкой на дне от вбитого в дно массивного кола, на котором держалось нижнее неподвижное основание круга. Такими основаниями были, видимо, тяжелые дубовые круги (срезы), но иногда использовались старые жернова. Обломок одного такого жернова был обнаружен на полу жилища. Рядом с ним расчищен разлив производственной глины (с шамотом) и в нем — обломки необожженного кухонного горшка. Запас этой глины находился в углу жилища. Вероятно, жилище было оставлено жителями внезапно, изготовление горшка не было даже закончено, а глину, с которой работала гончарка, не убрали с пола, и на нее свалился и разбился горшок. Обычно же вокруг таких ямок — остатков «кругов» — разбросанной производственной глины не было — в жилищах поддерживался порядок. Весьма существенно, что остатки кругов встречены не во всех открытых жилищах. Удалось проследить, что в раскопе вскрыто четыре хозяйственных «двора». В каждый входило несколько жилищ, но только в одном из них находился гончарный круг. Видимо, изготовление горшков было обязанностью (привилегией?) женщины — хозяйки двора. В каждый двор входили помимо жилищ различные хозяйственные постройки: легкие наземные, углубленные в материк погреба и хозяйственные ямы, обычно круглые, расширяющиеся ко дну, хотя бывают прямоугольные, цилиндрические и сдвоенные (очковидные). Над каждой из них сооружали из кольев и прутьев конусовидное перекрытие, обмазанное глиной, изредка ямы помещались под общее перекрытие в виде односкатной крыши.

Несмотря на то что гончарное дело было хорошо знакомо женщинам, изготавливавшим для домашних нужд грубую посуду, на поселении большой участок был занят гончарными мастерскими. Сохранность их остатков очень плохая, не позволившая выяснить назначение и специализацию этих мастерских. Не удалось обнаружить рядом с ними и остатков гончарных горнов, однако отсутствие в котлованах каких-либо следов жилья (очагов, обломков обгорелых сосудов с натеками от варившейся в них пищи и пр.) и



очевидные остатки производственной деятельности в виде запасов глины, дробленной дресвы, оснований кругов свидетельствуют о том, что это были мастерские.

В поселенческие комплексы, как правило, входили разнообразные ритуальные постройки. Здесь это были захоронения молодых коней, втиснутых в прямоугольные ямы (закладные жертвоприношения?), а также небольшие круглые построечки со следами жертвоприношений в них, обнаруженные в районе гончарных мастерских (рис. 6).

Однако наибольший материал для изучения всех вопросов, связанных с материальной и духовной культурой лесостепного варианта, дали раскопки могильника.

Могильник расположен рядом с поселением на склоне высокого мелового холма. Он занимал сравнительно с Верхне-Салтовским могильником небольшую территорию — около 15 000 м<sup>2</sup>, а раскопано было не более 20% его площади. На ней обнаружено и исследовано 152 катакомбных и 9 ямных захоронений, 9 трупосожжений и 52 «тризны».

Катакомбы Дмитриевского могильника представляют собой наиболее «классический» тип, ближайшие аналогии которому находятся в Верхне-Салтовском могильнике. По количеству покойников, похороненных в камерах, катакомбы делятся на четыре группы. В первую включены одиночные захоронения (рис. 7), во вторую — парные (рис. 8), в третью — тройные (рис. 9), в камерах четвертой погребено от четырех до восьми человек (рис. 10). Деление это весьма существенно, поскольку оказалось, что от количества погребенных зависят средние размеры не только погребальных камер, что было бы естественно, но и дромосов, ведущих к ним. Наименьшая длина дромосов у одиночных захоронений (2,6 м), наибольшая — у четвертой группы катакомб (3,76 м). Дромосы — узкие коридоры, ориентированные по склону холма (рис. 11). В связи с таким расположением нижний конец углублен на 0,2—0,6 м, а в верхнем глубина достигает 3 м. Стенки их тщательно заглажены и строго вертикальны, дно горизонтальное или немного наклонное в направлении к камере, вырытой в торцевой стенке верхнего конца дромоса. Очень редко в богатых вещами погребениях в дромосах сооружались тайнички, в которых помещались детали богатого сбруйного набо-

ра. Это были в одном случае — круглая ямка в дне, прикрытая донцем разбитого сосуда, в другом — трапециевидный подбойчик в стенке дромоса. Вход в камеру арочный или прямоугольный, часто довольно длинный — до 0,5 м. Обычно он закладывался дубовыми массивными плахами.

Камеры — основная часть катакомбы. Почти все они овальные или неправильно-овальные (со стороны входа немного «уплощенные»). Свод в продольном разрезе — полусферический, в поперечном — четвертьсферический с переходом линии потолка в линию потолка входа. Стенки, как и у дромоса, тщательно заглажены. Пол ровный, горизонтальный, обычно он ниже пола дромоса и входа на 0,2—0,4 м. Высота камеры редко превышает 1 м. Конструктивные дополнения к этой стандартной форме встречаются не часто. Это неглубокие канавки в полу, вырытые у самого порога, иногда — поперек камеры. Как правило, они выдалбливались в полу «семейных» усыпальниц четвертой группы и играли роль своеобразных дренажей, необходимых для более быстрого освобождения трупов от органических тканей.

Следует отметить, что сооружение сложных погребальных устройств было возможно только благодаря умело выбранному для этой цели материковому грунту — плотной глинисто-меловой субстанции. Она обусловила тщательность обработки стен и крепость сводов, ни разу не обвалившихся за прошедшее тысячелетие. Правда, камеры далеко не всегда после захоронения оставались полыми. Почти половина их засыпалась до половины или полностью забивалась материковым грунтом. Вначале создавалось впечатление, что это осевший в камеру свод, но расчистка всегда обнаруживала границу между нетронутым материком и забитой в камеру глиной, которая в ряде случаев сама отслаивалась от стен и свода. Всего в исследованных катакомбах было произведено 345 захоронений, характеризующихся значительным типологическим разнообразием. Прежде всего, они разделены мною по положению скелета на три основных вида: вытянутые на спине с вытянутыми вдоль тела руками, скорченные на правом или левом боку (положение рук различное, ритуально незначимое), полностью перемешанные, сдвинутые к задней стенке ске-



леты или просто разбросанные по полу камеры. Первые два вида делятся дополнительно каждый на 4 типа: 1 — представлен полностью сохранившимися скелетами с костями *in situ*, 2 — характеризуется разрушением верхней части скелета, 3 — отличается от второго разрушением нижней части скелета, 4 тип объединяет погребения, полностью разрушенные, хотя основные кости скелетов уложены примерно на тех местах, где они должны бы были находиться. Сопоставление этой типологической схемы с половозрастными данными позволяет сделать ряд выводов. Во-первых погребения первого вида принадлежали в основном мужчинам и мальчикам (91%). Во-вторых, погребения второго вида (скорченные) принадлежали исключительно женщинам. В-третьих, более половины скелетов обоих видов не подвергались ритуальному разрушению, причем существенно отметить, что разрушались чаще скелеты молодых и юных мужчин и женщин.

Что касается погребений третьего вида, то сдвинутые в сторону скелеты обычно встречались в забитых погребениями «семейных» усыпальницах, а разбросанные, иногда наполовину вытащенные из камеры скелеты, очевидно, являлись результатом ограбления.

Никакого сходства с ритуально разрушенными скелетами эти остатки захоронений не имеют. Неразграбленные погребения сопровождалось разнообразным и нередко богатым инвентарем. Помещение его в могилу было одним из важнейших ритуальных действий погребального обряда. Вещи при погребенных разложены и расставлены в определенном порядке, довольно строго соблюдаемом и зафиксированном, естественно, в основном у скелетов, не нарушенных или мало нарушенных ритуальным разрушением. Так, около мужских скелетов особенно устойчиво положение боевых топоришков, ножей и мотыжек (рис. 12). Первые размещались обычно справа от покойника, ножики справа от таза или у правого бедра, мотыжки — у головы и у правой руки покойника. Украшения попадались в мужских погребениях в виде исключения. Обычно это бусы, положенные «грудкой» рядом со скелетом или на его пояс, на грудной клетке, видимо находившиеся в специальной сумочке или мешочке.

Иначе располагались вещи в женских захоронениях. Топоры разбросаны вокруг без определенного порядка, ножи — у груди и живота, мотыжки, вместе с ножницами и зеркалами, — в головах погребенных (рис. 12). Бусы в женских погребениях встречались в огромных количествах: это были и ожерелья, и браслеты, и пояса. Кроме того, они находились и в кольчужных сумочках на поясе. Как и в мужских погребениях, в этих случаях бусы не были украшениями, а служили иным целям, в частности мелкой разменной монетой.

Помимо перечисленного массового инвентаря в мужских погребениях попадались различные предметы вооружения: сабли, остатки луков и колчанов, наконечники стрел, серебряные или бронзовые накладки на пояса (рис. 13—15), бывшие отличительным признаком принадлежности к группе (сословию) воинов, а также остатки конской сбруи — удила, стремян и разнообразные украшения сбруйных ремней (рис. 16—18). В женских захоронениях преобладали личные украшения. Помимо бус, это были золотые, серебряные и бронзовые серьги и накладки на шапочки, бронзовые браслеты, бронзовые и серебряные перстни со стеклянными и полудрагоценными (в основном сердоликовыми) вставками, большие перламутровые пуговицы (рис. 19—20). Помимо украшений женщин снабжали подвесками-амулетами (рис. 21—22) и туалетными принадлежностями, среди которых особенно частой находкой были зеркала из прекрасной серебристой бронзы (рис. 23—24). Амулеты отливались из бронзы, но большую роль играли и косточки различных животных: клыки и когти лисы и собаки, пястные косточки бобра (рис. 22), фаланги зайца. Этот сугубо женский набор нередко дополнялся предметами, характерными для мужских захоронений. Кроме уже упомянутых топоришков это были накладки на лук, наконечники стрел с остатками колчана, украшенные накладками воинские пояса, а однажды женщину сопровождали даже саблей.

Вещевой комплекс был бы неполон без включения в него большого количества керамических сосудов, в основной массе — парадных лощеных кувшинов и кружек, много реже — кубышек, мисок, горшочков. Они ставились в



камерах и в дромосах (рис. 25—26). Эти сосуды входили в состав поминальных комплексов — жертвоприношений и тризн — ритуальных трапез в память умерших и похороненных на могильнике людей. Самая большая группа — тризны, состоявшие из сосудов, во вторую группу входили тризны из сосудов и костей съеденных на трапезе животных, третья объединяла тризны исключительно из костей животных — коз и иногда — коров и даже лошадей. Впрочем, последняя группа, возможно, относилась к другому обряду, а именно — к жертвоприношениям. Об этом свидетельствует «порядок» (а не наброс) в размещении костей, специально отобранных для ритуального действия: череп и кости ног, а также отсутствие разбитых костей, в одном случае — в специальной могиле был погребен даже целый конь.

Останки коней неоднократно попадались и в дромосах катакомб, причем, как правило, скелеты их бывали ритуально разрушенными, как и человеческие (рис. 8—10). Помимо лошадей в дромосы изредка помещали убитых крупных собак — овчарок или охотничьих.

Что же касается ассортимента сосудов в тризнах, то он много разнообразнее погребального. Это, помимо кувшинов и кружек, корчаги и кухонные горшки, лепные горшочки и кувшинчики, амфоры и большие лощеные пифосы и пифосы-кувшины (рис. 27, 28). Интересно, что в смешанных тризнах пифосы обычно сопровождалась костями коров, а мелкие сосуды костями коз и свиней.

Следует добавить, что тризны и жертвоприношения на могильнике зафиксированы впервые здесь — на земле Дмитриевского могильника. Сейчас, зная об их существовании и учитывая, что помещались они в мелких ямках, даже не достигавших материка, при квалифицированно проведенных раскопках их находят на других могильниках и будут находить в дальнейшем.

Это не единственный обряд, прослеженный на материалах Дмитриевского могильника *впервые*. Не менее существенны были и другие наблюдения. Первоначально непонятным и необычным было ритуальное разрушение скелетов, требующееся, как мне представляется, для «обезвреживания» умерших (преимущественно молодых людей). Столь же странным казался тот факт, что в парных захоро-

нениях рядом с мужчиной-воином хоронили молодую или юную женщину, часто почти девочку. Равноправной она вряд ли могла быть для возмужалого или зрелого воина (25—50 лет). Целесообразность убийства жены для семьи, оставшейся без мужчины-хозяина, также маловероятна. По-видимому, это были челядинки-рабыни, убитые на похоронах и получавшие статус посмертных жен. Обычно под такими захоронениями насыпался слой угля, игравший, видимо, связующую роль в обряде посмертного венчания. Совсем невероятными кажутся и открытые на могильнике «тройные» погребения: мужчины, молоденькой женщины и ребенка не старше 2—4 лет. Как и в парных захоронениях, они уложены на слой угля. Очевидно, ребенок-челядинец вместе с женщиной сопровождал мужчину на тот свет, входя в посмертную семью воина.

Надо сказать, что в других катакомбных могильниках этот обряд прослеживается пока не столь четко и вызывает у ряда археологов сомнения в правильности моих гипотетических объяснений. Действительно, уголь попадался иногда и в одиночных захоронениях, а в парных его не было. Но в таких случаях необходимо учитывать и возрастные данные погребенных. В Дмитриевском могильнике тоже попадались пары (мужчина и женщина), похороненные без угля. Оба они одного возраста, а иногда женщина старше. Ее явно положили в усыпальницу мужа спустя не менее десяти лет.

Вопросов при исследовании погребальных обрядов и попытки понять и как-то объяснить их возникает тем больше, чем пристальнее и внимательнее проникновение в материал. Очевидно, что чем больше у нас в руках окажется этого материала, тем быстрее будет создана общая, обоснованная концепция о многих верованиях людей, хоронивших своих мертвых в катакомбных могилах.

То же относится и к сложнейшим проблемам социально-экономических отношений, восстанавливаемых по могильным материалам со строгим учетом обрядности, влиявшей на положение людей не только после их смерти, но в значительно большей степени — при жизни.

Могильник состоял из участков, принадлежавших, как и участки на поселении, отдельным семьям. Наличие оп-



ределенных признаков или их отсутствие позволило выявить пять социальных (и экономических) категорий похороненных в катакомбах людей. К первой, наиболее богатой категории относятся погребения в катакомбах с длинными дромосами и большими камерами, половина которых забита глиной, по-видимому, для предотвращения ограблений.

В этих больших усыпальницах были погребены, как правило, опоясанные воины с наборами оружия, конями, с помертвой женой (иногда и ребенком) на угольной подсыпке. Для женщин, сопровождавших воинов, типичны были наборы украшений и амулетов. Вторая категория отличалась от первой весьма незначительно: менее разнообразным ассортиментом оружия (полностью отсутствуют сабли, реже попадаются луки и стрелы), женщины редко сопровождалась зеркалами и амулетами. В третьей категории заметно «беднеет» не только вещевой комплекс, но изменения касаются и погребального сооружения: большинство катакомб — небольшие сооружения, камеры в них не забиты. Четвертая и пятая категории — почти или полностью без вещей. В могилах встречаются только ножики, мотыжки, разрозненные украшения, оружия нет совсем. Таких погребений в тесных катакомбах довольно много на могильнике, но следует учитывать, что большая их часть — захоронения детей, которые примерно до 7-летнего возраста хоронились без вещей.

Очевидно, картина, полученная в результате расслоения погребений на категории, в значительной степени отражает реальное соотношение разных сословий в общественной структуре «дмитриевского» населения той эпохи. Наиболее яркой особенностью этой структуры является значительный процент военизированного населения. Хазарское пограничье действительно было заселено семьями, мужское население которых несло воинскую службу.

Военизация касалась не только мужчин, но и женщин, судя по тому, что многие из них похоронены с оружием и даже с воинскими поясами. Пояса служили воинским отличием, вместе с правом носить оружие его получали даже дети (подростки). Исследование поясов приводит к ряду интересных выводов не только об общей значимости этой

части воинского снаряжения, но и о значении типологически различных накладок и их количестве на поясах. Так, право носить на поясе наконечник (всегда только один) давалось не каждому воину, так же как и бляшки с прорезью и с кольцом. Пряжка, как и наконечник, одна на поясе, но иногда старым воинам пряжку с пояса снимали. Общее количество бляшек у отдельных воинов достигало нескольких десятков, обычное их количество 7—10, но попадались пояса с одной-двумя бляшками. Создается впечатление, что не принадлежность воина к более богатым категориям давала право носить богатый пояс, украшенный десятками бляшек, а скорее — его воинские заслуги. Нередко бедный воин второй и даже третьей категории носил пояс с большим количеством накладок, чем воин первой категории, хотя, конечно, воины первых двух категорий, лучше вооруженные, чаще отличались в бою и стычках и поэтому, видимо, чаще владели более роскошно украшенными поясами. Вероятно, пояса были своеобразными «орденскими ленточками», свидетельствующими о воинских заслугах владельцев.

Прежде чем обратиться к вопросу об этнической принадлежности населения, оставившего нам этот археологический комплекс, обратимся еще к некоторым особенностям могильника. Дело в том, что, несмотря на явное преобладание в нем катакомбных погребений с захоронениями в них доликохранов-алан, на вскрытой нами площади были обнаружены и другие типы захоронений. Заслуживают внимания погребения, совершенные в простых неглубоких, врезанных в материк на 0,3—0,6 м ямах. Форма их — правильно прямоугольная, со слегка закругленными углами (рис. 29). Всего их на могильнике обнаружено девять. В пяти из них покойники уложены вытянуто на спине, в четырех — скорченно на левом или правом боку. Все — головами ориентированы на запад с обычными сезонными отклонениями. Сохранность скелетов очень плохая, поэтому пол и возраст определены далеко не всем похороненным. Тем не менее удалось выяснить, что три вытянутых скелета принадлежали старым мужчинам, один — юноше, скорченными были похоронены женщины, три из них старые, одна — девочка (13—15 лет). Антропологические определения сде-



лать было много труднее, уверенно можно говорить только о трех захороненных — одном мужчине-долихокрane и двух долихокранах-женщинах. Существенно отметить, что, хотя все они погребены по обряду, характерному для степных вариантов хазарской культуры, женщины-долихокраны уложены скорченно, что было принято в аланской среде, причем одна из них со сравнительно «богатым» сопровождающим инвентарем, не уступавшим по подбору вещей обычным женским захоронениям в катакомбах. Во всех остальных ямных погребениях находки вещей единичны.

Отсутствие находок в еще большей степени характеризует подбойные захоронения, которых на могильнике открыто всего три (рис. 29). Все они состоят из удлиненной дромосовидной ямы, в левой или правой стенке которой вырыта ниша-подбой. Все три покойника ориентированы головами на северо-запад, т. е., видимо, с сильным сезонным (летним) отклонением. В одном подбое уложен мужчина-брахикран, вытянуто на спине, в другом — молоденькая женщина-брахикран, также вытянуто на спине, в третьем — женщина-долихокран скорченно на правом боку. За спиной у нее был помещен трупик младенца с небольшим количеством мелких дешевых украшений и пряслицем. Все эти погребения свидетельствуют о проникновении в аланскую среду не только чуждого для них погребального обряда, но и основных носителей его — брахикранного степного населения. Надо сказать, что проникновение брахикранов (праболгар?) фиксируется не только по ямным и подбойным захоронениям, но и в катакомбах, где они попадались безусловно реже (примерно 25% от всех определенных антропологами скелетов) и принадлежали к разным категориям — от первой (богатых воинов) до бедняков, занимавших полурабское положение.

Хронология могильника была одной из ведущих тем при исследовании Дмитриевского комплекса. Дело в том, что салтово-маяцкая культура многими археологами с начала XX в. и до сих пор упорно датируется второй половиной VIII — началом X вв., а чаще — более «лаконично» — VIII—X вв. Впервые эта дата появилась, как говорилось выше, при первом сопоставлении древностей Верхне-Салтовского могильника с аналогичными материалами из се-

верокавказских аланских могильников, датированных еще графией П. С. Уваровой в конце XIX в. Изучая хорошо документированные древности Дмитриевского могильника, появилась, как мне кажется, возможность разделить этот обширный материал на три группы, или хронологические «пласты». Для этого был использован давно использовавшийся русскими археологами типолого-корреляционный метод. Корреляция вещей разных категорий и типов из 35 наиболее богатых катакомб прежде всего продемонстрировала единство всего вещевого комплекса: все катакомбы связаны между собой 1—5 связями. Однако более сильные связи (6 — более 15) позволили убедительно выявить две группы, не имеющие сильных связей друг с другом, и одну «промежуточную» группу, равно связанную с обеими (Плетнева, 1989, с. 146—171). В результате этого разделения определились синхронные комплексы вещей, что дало возможность включить в полученную схему еще около 60 катакомб. Инвентарь из них значительно расширил диапазон вещей, охваченных хронологизацией.

Абсолютные даты групп устанавливаются с большими «допусками», поскольку более или менее твердо датирующиеся памятники конца I тысячелетия в Восточной Европе единичны и бедны находками. Для определения даты второй (поздней) группы привлечены материалы Саркела, культурные отложения которого относятся к середине IX — середине X вв., и Танкеевского могильника конца IX — середины X вв. В Дмитриевском могильнике совсем нет вещей, относящихся к X в., но вещи, которые в указанных памятниках можно относить ко второй половине IX в., находят аналогии в катакомбах поздней группы. Очевидно, есть основания датировать ее тем же временем, т. е. второй половиной IX в., в конце которого (или в самом начале X в.) могильник перестал функционировать. Поскольку первая группа катакомб отличается от второй несколько более «архаичными» типами вещей: литыми, а не штампованными, как во второй группе, накладками на пояса, стремянами с сильно вогнутой подножкой, зеркалами с орнаментом, имеющим аналогии даже в сарматских древностях, некоторыми типами бус, исчезнувших в более позднее время, можно, по-видимому, считать ее более ранней. Это под-



тверждается и тем, что в ней никогда не встречались вещи, характерные для второй группы. Поскольку «исход» части алан из Предкавказья относится примерно к 40—50 гг. VIII в., появление могильника на самой северной окраине распространения салтово-маяцкой культуры можно датировать не второй половиной, а скорее концом VIII в. Следовательно, первая — ранняя — группа датируется в пределах конца VIII — первой половины IX вв. Выделение промежуточной группы условно — это поздние катакомбы, в инвентаре которых нередко попадаются более ранние вещи, связывающие их с первой группой, появившиеся на могильнике примерно в середине IX в. Их немного — всего 17, впрочем, так же мало и выделенных ранних катакомб. Преобладают на могильнике катакомбы поздней группы (57). Выше уже говорилось, что катакомбы расположены на могильнике по семейным участкам. Приходится пожалеть, что ни одного из них не удалось исследовать полностью, но на каждом участке выявляются катакомбы, относившиеся ко всем трем хронологическим группам.

Границы участков определялись благодаря свободным от «катакомбной застройки» широким полосам (3—5 м). Вдоль этих полос и на них нередко помещали тризны, хотя чаще их совершали в непосредственной близости от катакомб, в которых захоронены упоминавшиеся родственники (рис. 30). Исключительно вдоль края участков производились захоронения в ямах.

Также на свободной полосе располагались обнаруженные на могильнике семь трупосожжений. Кусочки сожженных костей и пепел помещены в сосуды, поставленные в неглубокие ямки (в материк совсем не углубленные или не более чем на 0,2 м). Ни аланскому, ни болгарскому населению обряд трупосожжения не свойственен. Столь же не свойственны и сосуды, использованные в качестве погребальных урн. Формы их характерны для так называемой «пеньковской» культуры (рис. 31).

Датировка пеньковской культуры VII — начало VIII вв., многие исследователи относят ее к еще более раннему времени. Тем необычнее была находка этих погребений на территории могильника конца VIII—IX вв. У нас есть все данные говорить о том, что эти погребения синхронны

могильнику. Прежде всего, это факт помещения в одну из ямок рядом с урной (типичного пеньковского биконического горшка) довольно большой лошенной корчаги или пифоса, относящегося ко времени не ранее IX в. Существенно также, что все 7 погребений расположены с явным учетом расположенных вокруг катакомб, то есть на свободной «полосе». Еще одно трупосожжение, в небольшом горшочке которого был погребен прах ребенка (сохранился в пепле один молочный зуб), было обнаружено на краю другого участка, рядом с ямным захоронением. Особенный интерес представляет девятое трупосожжение, урна которого была поставлена в ямку, врезающуюся в дромос окраинной поздней катакомбы, что стратиграфически точно подтверждает и позднюю дату трупосожжения (не раньше второй половины IX в.).

Таким образом, обнаруженные на Дмитриевском могильнике трупосожжения позволили говорить о том, что верхнюю (позднюю) дату пеньковской культуры следует относить не к VIII, а к концу IX в.

Возможно, остатки этой культуры сохранились только на ее восточной периферии или в глухих, отдаленных от основного массива поселений местах, каким был район маленькой речки Корочи. Поселение, расположенное напротив городища на левом берегу речки, судя по отдельным находкам на его распаханной поверхности обломков лепных пеньковских горшков, принадлежало в какой-то своей части «поздним пеньковцам». Широкие раскопки здесь не производились, т. к. вся территория была занята усадьбами и огородами.

Зато на Донце было обнаружено и частично или даже почти полностью раскопано несколько могильников с урновыми или безурновыми трупосожжениями. Один из них был известен задолго до открытия дмитриевских трупосожжений (Кухаренко, 1951). Это могильник у села Ново-Покровка на левом берегу реки Уды почти при впадении ее в Донец. Могильник безурновый: пепел и остатки косточек насыпались на дно неглубоких продолговатых ям, ориентированных по длинной оси западо-восток, то есть как ямные погребения с труположениями. В тех случаях, когда сохранялись более или менее крупные обломки сторевших



костей, удалось установить, что черепные кости помещались в западном конце могилы, а кости ног — в восточном, а это значит, что традиционная ориентировка покойников головой на запад строго соблюдалась. Рядом с некоторыми могилами были сооружены «тайнички», в которых сложено оружие, части сруи и поясные наборы, аналогичные обнаруженным в катакомбных могильниках, только сабли у них, побывавшие в огне погребального костра, согнуты так, чтобы поместиться в сравнительно небольшую ямку тайничка. Там же и в могильных ямах ставились сосуды, относящиеся к разным видам и типам салтово-маяцкой керамики. Основным открывателем и исследователем трупосожжений, синхронных салтово-маяцким памятникам, является харьковский археолог В. К. Михеев. Раскопанный им Сухово-Гомольшанский могильник, вместе с городищем и поселением, расположенными рядом, может стать эталонным памятником (рис. 32). Пока материалы его обработаны и изданы не полностью, а значит, нет достаточно убедительного хронологического и этнического их определения, не установлены связи с более ранними памятниками или же близкими типологически могильниками Западного Предкавказья, этническая принадлежность которых также до настоящего времени остается дискуссионной.

Как бы там ни было, сейчас можно констатировать, что могильники с трупосожжениями являются отличительным признаком Донецкого региона лесостепного варианта. Правда, и на Осколе еще в конце XIX в. около села Тополи был случайно обнаружен богатый комплекс оплавленных, побывавших в огне вещей (оружия, сруи и пр.), аналогичный «тайничкам» Ново-Покровского и Сухо-Гомольшанского могильников. Конечно, можно предполагать, что рядом с ним находились и погребения с сожжением. Но они обнаружены не были, а значит, говорить, что на Осколе также был распространен этот обряд, вряд ли возможно.

Интенсивные и весьма плодотворные разведки на Осколе были проведены, как говорилось выше, на верхнем и среднем течении Оскола учителем Волоконовской средней школы А. Г. Николаенко. Наряду с большим количеством памятников хазарского времени, значительно пополнившим известный и изданный ранее список (Плетнева, 1967),

он обнаружил на этой территории остатки трех десятков поселений предшествующих эпох и культур, характеризующихся обломками керамики пеньковской культуры, а также более ранних — зарубенецкой и черняховской.

Примерно половина их — чисто пеньковские поселения, культурный слой которых изредка перекрывает древнее селище эпохи бронзы. Остальные — смешанные, в основном — «пеньковско-салтовские». По подъемному материалу трудно сказать, предшествовал ли пеньковский слой салтовскому, или они накапливались синхронно, как происходило это на левобережном Дмитриевском поселении. Только единожды А. Г. Николаенко удалось проследить стратиграфию наслоений, где слой хазарского времени как будто довольно убедительно перекрывал пеньковский. Однако даже в этом случае нельзя быть уверенным, что такая стратиграфия была на всей большой площади поселения, на других его участках слой мог быть смешанным.

Открытие, сделанное А. Г. Николаенко, как мне представляется, подтверждает высказанное выше мнение о сохранении пеньковской культуры (а также черняховской и поздnezарубенецкой) на окраинных землях и в глухих районах значительно дольше, чем в лесостепном Приднепровье, где они были сметены постоянными нашествиями, набегами и походами степняков, длившимися вплоть до конца VIII в.

Если сосуществование пеньковской и салтовской культур на Осколе будет доказано, то оно станет одним из главных отличительных признаков Оскольского региона, таким же, как трупосожжения на Донце, возникшие, судя по находке погребений на Дмитриевском могильнике со смешанными пеньковско-салтовскими керамическими комплексами, под прямым воздействием пеньковского населения.

В настоящее время некоторое своеобразие Оскольского региона, как говорилось выше, заключается в малом количестве городищ (рис. 33). Здесь их открыто всего четыре. Все они так же, как донецкие, расположены на высоких мысах правого берега, но только на одном из них укрепления типологически близки донецким. Три остальные сильно отличаются системой укреплений, а именно отсутстви-



ем на них каменных стен и перерезавших внутреннюю площадку городища дополнительных рвов и валов. Укрепления на них по периметру ограничиваются эскарпами, а с напольной стороны они защищены несколькими линиями рвов и валов, расположенных параллельными рядами вплотную друг к другу.

Малое количество городищ-крепостей обусловило и то, что «гнезда» обширных поселений объединены здесь не столько вокруг городищ, но и друг с другом, возможно, вокруг наиболее крупных поселений (Афанасьев, 1987, рис. 16—17). На Донце этого не могло быть, т. к. городища вдоль реки стоят в среднем через каждые 20—25 км друг от друга.

Наиболее изученными в Оскольском регионе являются куст памятников, расположенных у сел Нижняя Лубянка, Ютановка — на правом берегу реки и Волоконовка — на левом. На правом находятся городище (рис. 34) с прилежавшими к нему двумя обширными поселениями, металлургическая мастерская на краю поселения и два катакомбных могильника.

Разведками городище и селища были обследованы мной еще в 1958 г., а на обоих могильниках в 1973 г. были заложены небольшие раскопы и вскрыто около десятка катакомб. Благодаря этим работам было установлено, что Ютановский могильник (на северо-западе от городища) относится ко времени немного более раннему, т. е., возможно, к середине VIII — первой половине IX вв., а Нижне-Лубянский (на южной окраине поселения) — довольно поздний, скорее всего, синхронный Дмитриевскому могильнику. В 70 — начале 80-х гг. на этих памятниках проводил работы Г. Е. Афанасьев, исследовавший на городище между двумя рядами валов и рвов участок поселения и прорезавший траншеей четыре сильно оплывших расположенных рядами валов и рвов. Сохранность их настолько плоха, что говорить о первоначальной конструкции валов вряд ли стоит. Ясно только, что ядро вала состояло из щебня и каких-то деревянных конструкций (Афанасьев, 1987, с. 96—99).

Жилые постройки, открытые в раскопе, нестандартны и разнотипны. Наряду с обычными слабоуглубленными в материк квадратными жилищами с открытыми очагами в центральной части пола или у стенки, здесь расчищены

неглубоко врезанные в материк котлованы длинных неправильно прямоугольных с длинными входами сооружений, а также построек, состоявших из двух связанных узким переходом помещений. Все они и расположенные рядом хозяйственные постройки отличаются некоторой небрежностью — во всяком случае, котлованы у них неровные, стенки не «отглажены», что трудно было сделать, т. к. вырыты они были в верхнем щебенчатом (крошащемся) слое.

Создается впечатление, что постройки ставились на этом участке поспешно, разбросанно, некоторые из них были просто временными, существовавшими короткое время (рис. 34).

Важнейшим открытием является обнаруженная на одном из поселений этого куста домница — горновая яма (глубиной 1 м), прекрасно сохранившаяся колба-тигель, воздушный канал. Аналогичные горны, относящиеся к хазарскому и более раннему времени, были открыты близ нескольких поселений на верхнем Осколе (Афанасьев, 1987, с. 77, рис. 48). Остатки железоплавильных горнов были известны и в Донецком регионе, но там их датировка подвергалась постоянным сомнениям и колебаниям. Открытие на Осколе позволяет уверенно относить это производство к раннесредневековой, в частности хазарской, эпохе.

На левом берегу Оскола, напротив городища, находился ямный могильник. Поскольку он располагался на территории современного оживленного населенного пункта — райцентра Волоконовка, большая его часть была, видимо, уничтожена карьером строящегося поблизости дома. Оставшиеся несколько десятков погребений были раскопаны А. Г. Николаенко (Плетнева, Николаенко, 1976). Похороненные в них мужчины, женщины и дети — брахикраны, а погребальный обряд характерен для ямных захоронений той эпохи (рис. 35). Некоторым отличием является только наличие в могилах остатков деревянных гробов, что обычно свидетельствует о поздней дате (конец IX — начало X вв.) захоронений, подтвержденной и погребальным инвентарем, обнаруженным в некоторых из них.

Типичным для обоих регионов является сравнительно большое количество в каждом ямных могильников (и от-



дельных погребений). Они попадаются всюду, на северных и южных рубежах и в центре регионов, нередко, как мы видели на Дмитриевском могильнике, прямо на территории, занятой катакомбными погребениями. Однако существенно отметить, что в подавляющем большинстве они встречаются на левых берегах рек.

Выше уже говорилось, что ямные погребения — определяющий признак степных вариантов. Активное проникновение обряда и людей, несущих его, т. е. брахикранного степного населения, является надежным свидетельством протекавших в лесостепи процессов культурного и этнического слияния населения обоих донских вариантов, что подтверждается и появлением в лесостепном варианте смешанного антропологического типа — мезокранов. О появлении в лесостепи степного населения свидетельствуют также находки на поселениях обломков характерных кухонных горшков, сделанных из теста с примесью речного кварцевого песка. В подъемном материале их, как правило, немного (два-три обломка), но они попадают примерно на каждом третьем поселении как на Северском Донце, так и на Осколе. По-видимому, горшки приносились мигрантами о собой, но здесь (в лесостепи) уже не изготовлялись.

Таким образом, представляется, что процесс постепенного поглощения сравнительно небольшого аланского контингента массой степняков протекал весьма оживленно, что прослеживается по археологическим и антропологическим материалам. Отметим, что в степях не известны катакомбные могильники, а отдельные катакомбные погребения попадают там в виде исключения. Очевидно, проникновение было в большой степени односторонним, то есть проходило с юга на север, а не наоборот.

Перейдем далее к крайне восточному району распространения лесостепного аланского или алано-болгарского варианта. Это бассейн Тихой Сосны — узкое (не более 25 км) и довольно длинное (100 км) «ответвление» от основной Донецко-Оскольской земли аланского варианта (рис. 36).

Этот район изучен в целом много слабее, чем предыдущие. В настоящее время здесь открыто всего 28 памятников: 6 городищ, 18 селищ, 1 катакомбный могильник и два отдельных катакомбных захоронения. Как мы видим,

район отличается большой насыщенностью городищами: на каждые 15 км приходится 1 городище, тогда как в соседнем Оскольском регионе — 1 городище на 50 км. Другим, еще более ярким отличием является необычный для основного лесостепного региона тип четырех городищ. Это — выстроенные на территории больших селищ прямоугольные крепости, стены которых сложены из сырцового кирпича. Одна из них, у города Алексеевка, была известна с середины XIX в. В 1963 г. я произвела на ней небольшие раскопки. Траншеей была вскрыта сырцовая стена, а в гумусном слое и на поверхности городища помимо обломков типичной салтово-маяцкой керамики попадались в большом количестве обломки посуды XVII—XVIII вв. Это привело меня к неверному выводу о принадлежности крепости русским (московским) землепроходцам, значительно продвинувшим границу русской земли от белгородской черты на юг. Так же, как Алексеевская, была мною интерпретирована обнаруженная в том же году аналогичная крепость, расположенная на берегу правого притока Тихой Сосны речке Русская Матренка у дер. Мухоудеровка.

Г. Е. Афанасьев, обследовавший эти городища и открывший в 1977 г. поблизости еще одну крепость у с. Колтуновка, вполне обоснованно доказал, что все они относятся ко времени расцвета салтово-маяцкой культуры, т. е. датируются IX в. (Афанасьев, 1987, с. 115—119). К этой же группе он посчитал возможным отнести и открытое в 1971 г. А. Г. Николаенко городище у с. Красное, расположенное в верховьях Тихой Сосны. Из всех четырех только на Алексеевском городище были обнаружены обломки поздней керамики. На остальных поздних материалов нет, что подтверждает принадлежность памятников к хазарской эпохе.

Следует сказать, что крепости из сырцового кирпича или с частичным применением его в строительстве вполне вписываются в строительную традицию, издревле сложившуюся в Хазарском каганате. Как мы увидим в следующих главах этой книги, сырцовые стены прямоугольных и круглых в плане крепостей сооружались в степном Дагестане как в более раннее время (III—IV вв.), так и в VII—VIII вв. (Магомедов, 1983, с. 39—43). По-видимому, сырцовые стены получили распространение в Подонье и Приазовье с



продвижением на эти территории хазарского владычества и вместе с ним — строителей, освоивших строительные приемы еще в Дагестане. Их и ставили, вероятно, по инициативе (а вернее — по приказу) хазарских властей на территориях обширных поселений. Каждой из таких крепостей на Тихой Сосне соответствует одно поселение, вплотную прилегавшее ко рвам крепости, т. к. рвы были вырыты на уже существовавшем поселении. Внутри крепости дерновой слой, насыщенный находками, идентичен слою поселения — он накопился до строительства стен и сооружения рвов. Все это отличает памятники от подавляющего большинства городищ более западных регионов данного варианта, которые, как мы видели, сопровождалась обычно несколькими поселениями, образующими единое «гнездо».

К этому типу выстроенных на поселениях крепостей следует отнести также две каменные крепости, обнаруженные в этом районе. Их стены были сложены не из сырца, а из прекрасно обработанных каменных (известняковых) блоков.

Это давно известные археологам Верхне-Ольшанское и Маяцкое городища. Остатки Верхне-Ольшанского в наше время еле различимы на поверхности. Прослеженные на нем в 20-е гг. С. Н. Замятниным стены разрушены. С большим трудом на неровной площадке, заросшей бурьяном, удается заметить над береговым обрывом остатки почти квадратной в плане крепости. Рвы окаймляют ее с трех сторон. От стен остался низкий расплывчатый валик. Небольшая шурфовка «валика» показала, что кладка стены была двухпанцирная, панцири сложены из хорошо обработанных блоков. Крепость окружена большим поселением, на окраине которого были обнаружены остатки гончарной мастерской: несколько гончарных горнов, развалы керамики и пр.

Маяцкая крепость была составной частью громадного Маяцкого археологического комплекса, состоявшего, помимо крепости, из поселения, гончарных мастерских и большого могильника на краю поселения (рис. 37). Комплекс стал раскапываться даже немного раньше Верхне-Салтовского — первая катакомба на нем была вскрыта в 1890 г. Расположен он на высоком меловом мысу у с. Дивногорье при слиянии речки Тихая Сосна с Доном. В писцовой кни-

ге в записи от 1648 г., сделанной дьяками ближайшего к Дивногорью городка Коротояка, при определении границ земель коротояцких казаков было упомянуто «Маяцкое старинное городище». Причины, по которым городищу дали название «Маяцкое», неясны. Можно предполагать, что на высоком, выдающемся в пойму мысу стоял маяк, дававший возможность речникам, плававшим ночью или в туман по извивавшемуся по широкой пойме руслу, ориентироваться и поворачивать суда в соответствии с изгибами Дона. Но никаких следов маяка не сохранилось, а местные жители не знают названия «Маяцкое». Тем не менее в археологической науке утвердилось за комплексом именно это имя, а после археологических работ на нем, проведенных одновременно с началом раскопок Верхне-Салтовского могильника, вся культура получила название «салтовомаяцкая» по двум наиболее в то время ярким и, как казалось, перспективным для полевых исследований памятникам (Ляпушкин, 1958, с. 85—88).

Верхне-Салтовский могильник, как говорилось, действительно из-за своей «вещности» стал постоянным объектом нередко очень неквалифицированных раскопок, на Маяцком комплексе раскопки производились всего три сезона, проведены и изданы были добросовестно, на должном для тех лет уровне (1906, 1908, 1909 гг.). В последующие почти семь десятилетий полевые работы на этом памятнике не возобновлялись. Только в 1975—1982 гг. появилась возможность развернуть на нем исследования (Плетнева, 1984, с. 3—19).

Прямоугольная (немного трапециевидная) в плане крепость стоит на крутом (45—55°) краю мыса, как бы «нависая» над донской долиной. Глубокий ров отрезает ее от территории поселения с трех сторон (рис. 38). Стены, разрушившиеся более чем на половину высоты и заваленные с обеих сторон упавшими блоками, были двухпанцирными, сложенными из материкового крепкого известняка. Забутовка между панцирями состоит из мелового раствора, замешанного с глиной и укрепленного деревянным каркасом из бревен и массивных жердей. Пространство между этой конструкцией и панцирями плотно забито щебнем и кусками камней. Общая толщина стены равнялась 5,7—6,5 м.



При изучении маяцких стен удалось выяснить эти и многие другие более мелкие особенности их конструкции. До того ни одно из исследованных городищ не давало столь ясной и убедительной картины. Благодаря ей в дальнейшем, раскапывая хазарские белокаменные крепости, необходимо будет учитывать полученные на Маяцком комплексе сведения об архитектурных приемах, известных и использовавшихся мастерами в каганате.

Не меньший интерес представляют для хазароведов многочисленные граффити, процарапанные на стене и на упавших с нее блоках и их обломках. Их можно разделить на три основные группы: изобразительные, тамгообразные и рунические надписи.

Первая группа представлена рисунками лошадей, оленей, коз, людей и всадников. Среди них замечательно интересны сцена боя всадника с пешим лучником (рис. 39), изображение верблюда с ведущим его проводником (рис. 40), сцена ритуальной пляски двух обнаженных мужчин с копьями (рис. 41). Иногда рисунки были довольно умелыми и реалистичными, чаще — схематичными и небрежными, но каждый из них несет тот или иной информационный материал (рис. 42). Это своеобразные «окна в исчезнувший мир», оставленные нам очевидцами тех явлений, которые они изображали (Плетнева, 1984). Аналогии им в громадном количестве известны в Сибири (так называемые «сибирские писаницы») и на белокаменных блоках стен в крепостях Дунайской Болгарии.

Если обнаруженные рисунки насчитываются здесь десятками, то разнообразные знаки и тамги — сотнями. Часть из них нанесена (процарапана) тонким острием в технике граффити. Другая часть — глубоко врезанные (выбитые) знаки, очевидно, были тамгами строителей крепостей (Флерова, 1988, Флерова, 1997, с. 24—43). Аналогичные врезные знаки нанесены через равные промежутки на стены Плиски (Макарова, Плетнева, 1984).

Наибольшее значение для изучения культуры каганата имеют обнаруженные на стенах надписи (рис. 43). Есть среди них короткие, состоявшие из нескольких рунических букв, а иногда и одной буквы, попадаются и длинные «фразы» из целой строки или даже двух строк (Кызласов, 1990).

На городище, то есть внутри крепостных стен, было обнаружено несколько котлованов довольно крупных жилищ, принадлежавших владельцу крепости и его семье.

Основная же масса жилых, хозяйственных построек, хозяйственных ям была исследована на поселении (более 40 строений) (Винников, Плетнева, 1998). Жилые здания по типам близки описанным выше дмитриевским жилищам. Котлованы их также углублены в материк, очаги обычно располагались в центре пола, входы — в виде длинных углубленных коридоров (рис. 44). Однако следует отметить, что в среднем все они значительно больше дмитриевских, котлованы вырыты в мелу тщательно, а конструктивные части стен, судя по оставшимся от несущих столбов ямкам в полу, были прекрасно обработаны (в виде толстых прямоугольных в разрезе досок).

Необычными на поселении представляются только остатки двух больших почти наземных строений, имевших в плане вид двух или трех концентрических квадратов. Центральный квадрат первого здания (рис. 45) углублен в материк более всего, пол второго на 0,2 м выше, третьего еще на 0,2 м выше — от поверхности материка он заглублен всего на 0,15 м, причем местами при понижении материка сходит на нет. Размеры внешнего квадрата 6,5×8,5 м, ориентировано здание углами по странам света. Внешние стены были укреплены глубоко вкопанными в материк досками, в углах были поставлены массивные столбы. Стены второго квадрата были также обрамлены толстыми досками, но их не всюду вкопали в материк, и поэтому они не прослежены по всему периметру квадрата. От обрамления центрального квадрата ничего не сохранилось, на полу в нем расположен большой квадратный открытый очаг с сильно прокаленным полом и стенками. Вход в здание находился на юго-западной стороне, слева от него в стену были помещены три кабаньих черепа, а справа на полу второго квадрата была вырыта цилиндрическая ямка, видимо, для помещения в нее деревянного ведра.

В целом постройка безусловно нежилая, это большое общественное здание, скорее всего святилище.

Значительно хуже описанного сохранились остатки аналогичного наземного здания, расположенного в 20 м вос-



точнее. Оно буквально стерто с материка и если бы не было открыто первое святилище, вряд ли возможно было связывать следы этого почти наземного сооружения с культовой постройкой, конструктивно близкой первой.

Вокруг обоих зданий были обнаружены скопления катакомбных погребений, тризн и жертвенников, подобных открытым на Дмитриевском могильнике (рис. 46). Правда, часть катакомб отличается от традиционно-классической оригинальной формой дромоса — круглой в плане обычной хозяйственной ямой с расширяющимися ко дну стенками. У дна в стенке находился вход в погребальную камеру, закрытый примазанным к стенке глиной прямоугольным меловым блоком. Все эти катакомбы сосредоточены вокруг второго святилища. Рядом с первым сооружались катакомбы с обычными прямоугольными дромосами, только входы в камеры у них также нетрадиционны — это просто «лазы», т. е. отверстия в камеру, не отделенную от дромоса узким проходом.

Оба святилища и погребальные комплексы возле них находились в непосредственной близости с жилыми и хозяйственными сооружениями, т. е. явно на территории поселения. Это не был «общепоселенческий» ритуальный центр, он относился к одной из выделенных на поселении групп, по-видимому большесемейных «гнезд». В других «гнездах», раскопанных не полностью, святилищ обнаружить не удалось, но погребальные комплексы там попадались столь же часто и компактно, а значит, можно предполагать, что где-то рядом были и семейные святилища, подобные открытым. Погребения совершались на поселении не только в специально вырытых для этого катакомбах, но в качестве «входных ям» использовались жителями и заброшенные постройки, в стенах котлованов которых выдалбливались большие и малые (детские) погребальные камеры. Нередко погребения людей и даже животных (коней) совершались не в катакомбах, а просто на дне хозяйственных ям (рис. 47). Эта выявленная здесь еще в начале XX в. особенность имеет аналогии и в степных памятниках, в частности в Саркеле, о чем будет сказано в одной из следующих глав.

Обширное Маяцкое поселение занимало всю площадь мыса (примерно 1200×300 м). Она прекрасно определяется

по подъемному материалу (обломкам керамики) и, главное, по чуть заметным на современной поверхности углублениям (западинам), являющимися, как было установлено раскопками, заплывшими грунтом более или менее глубокими котлованами построек и крупных хозяйственных ям.

На северо-восточном краю поселения, на склоне громадного оврага, по дну которого протекал ручеек, расположен ремесленный гончарный район, состоявший из нескольких специализированных мастерских, с остатками в них гончарных кругов и производственной глины, а также двухъярусных гончарных печей (горнов), аналогии которым известны на всей территории Хазарского каганата (рис. 48, 49). Обнаруженные в развалах печей и мастерских многочисленные обломки керамики и клейма ремесленников на некоторых (рис. 50, 51) из них идентичны керамическим находкам на поселении, жители которого широко пользовались продукцией ремесленников, работавших в этих мастерских (Плетнева, Красильников, 1990).

На склонах другого оврага, обрамлявшего мыс с востока, располагался большой могильник (примерно 300×100 м), на котором вскрыто было 2500 м<sup>2</sup> (около 0,1 части всей площади могильника). На ней было исследовано 120 катакомб, 9 ямных погребений и четыре подбойных. Кроме того, на этом могильнике, как и на Дмитриевском, были обнаружены остатки тризн, состоявших главным образом из целых или разбитых преднамеренно сосудов, помещенных также в неглубокие ямки (Флеров, 1993) Дромосы катакомб отличаются от классических неровными с явными следами перекопов очертаниями и малой длиной, камеры, как правило, располагались не центрированно по отношению к длинной оси дромосов, выкопаны они часто небрежно, в плане неправильно овалыные или прямоугольные, входные отверстия в камеры типа «лазов» (рис. 52).

Существенно, что погребения в них практически всюду или ритуально разрушены, или разграблены. И в том, и в другом случаях дромосы сильно разрушались от перекопов, поскольку могильник располагался в зоне глинистого материка, осыпавшегося с краев при вторичном вскрытии могилы. Несмотря на нарушенность подавляющего большинства погребений, очевидно, что мужчин погребали вы-



тянуто на спине, женщин — скорченно, на боку. Остальные особенности погребального обряда: обязательность угольных подсыпок под помертвыми мужем и женой, заливка и забивка камер глиной, большое количество разных вещей при погребенных — не прослеживались в этом могильнике. Особенно бросалась в глаза бедность погребального инвентаря. Совершенно ясно, что обрядность здесь несколько видоизменена сравнительно, в частности, с Дмитриевским могильником. Эта варибельность представляется неожиданной, т. к. антропологический тип похороненных фактически тот же, что и в остальных лесостепных катакомбных могильниках, — долихокранный. Правда, здесь удалось проследить в долихокранности некоторые изменения, свидетельствовавшие о том, что в формировании населения принимали активное участие люди брахикранного антропологического типа. Характерно, что в более раннем Дмитриевском могильнике прослежено начало процесса формирования нового населения: смешанное (мезокранное) население только еще появилось и несколько выросло к концу IX в. На Маяцком же у всех долихокранов наблюдаются отдельные черты брахикранности, что, как мне кажется, подтверждает гипотезу о постепенном слиянии разных этносов в лесостепном варианте.

Датировка Маяцкого могильника устанавливается благодаря аналогиям с инвентарем поздней группы погребений Дмитриевского могильника — не ранее последней четверти IX в. Характерно отсутствие в маяцком вещевом комплексе перстней со вставкой, закрепленной четырьмя крупными «лапками», так называемых «солнечных» амулетов и амулетов — фигурок животных, зеркал и бус, и, наоборот — находки в ряде катакомб лунниц, перламутровых пуговиц, круглых бронзовых обтянутых серебряной фольгой бляшек сбруи и схематически орнаментированные или безорнаментные бляшки поясных наборов. В целом поясные наборы очень близки поздним дмитриевским.

Сравнение погребального инвентаря могильника и поселения позволяет говорить, что погребения на поселении в целом синхронны, хотя в них изредка встречаются наряду с очень поздними вещами «солнечные» амулеты, маленькие зеркальца-амулетики, бронзовые фибулы, кор-

мыслообразные копоушки и некоторые ранние типы бус, отсутствовавшие на могильнике.

Итак, подводя итоги об этом длинном и узком восточном протуберанце лесостепного варианта, следует признать, что наиболее яркой — «определяющей» его особенностью является линия из 6 городищ — практически однотипных крепостей, выстроенных на наиболее выдающихся поселениях, имевших собственные мастерские и, видимо, весьма богатых и оживленных. Существует ряд гипотез, пытающихся объяснить причины этой плотной застройки вдоль небольшой речки. Первая гипотеза предлагает считать эти крепости защитой от вторжений «северных соседей», очевидно, предполагается, что это были славяне-«боршевцы», памятники которых почти вплотную приближаются к Тихой Сосне. Однако боршевцы во второй половине IX в., когда начали ставить эти крепости, только осваивали свою территорию. Кроме того, по свидетельству русской летописи, «боршевцы» (вятичи) еще во второй половине X в. платили дань каганату, от которой их освободил князь Святослав Игоревич в походе 964 г. (ПВЛ, 1950, с. 47). Вряд ли в таком случае крепости предназначались для спасения от данников. Строительство их не имело смысла также и потому, что окружавшие их громадные поселения были доступны для любых грабительских походов и обитатели небольших крепостей не смогли бы защитить их, а брать укрепленную часть поселения не требовалось. Впрочем, не все 6 крепостей были укреплены достаточно для отражения любых профессиональных осад. Таково, например, крайне западное из них — городище Красное (Красильников, 1985). Высота его стен, сложенных из 13 рядов сырцовых кирпичей, всего 1 м, а толщина 4 м. Ров вокруг стены также неглубокий и узкий — не более 1,5 м. Несомненно, это не было укрепление, предназначенное для борьбы с внешним врагом, для охраны «государственной границы», которая, кстати, всюду в те столетия была весьма расплывчатой. Отсутствие культурного слоя и синхронных стенам сооружений, а главное, почти «условная» обороноспособность позволили предполагать, что этот небольшой квадратный участок служил или ритуальным целям, или, более вероятно, был своеобразным караван-сараем (стоянкой) для



проходивших мимо купеческих караванов (Плетнева, 1996, с. 148—149). Такие дорожные стоянки (торткули) попадаются вдоль дорог в Средней Азии (Винник, 1977).

Вдоль Тихой Сосны на всем ее протяжении и сейчас проходит хорошо «наезженная» местным населением проселочная дорога. Она соединяет практически все шесть городищ в единую систему. Однако только Красное городище было, видимо, исключительно караванной стоянкой, остальные несли более разнообразные и существенные функции.

Выше мы уже говорили о том, что три крепости с сырцовыми стенами были сооружены при непосредственном влиянии (участии) хазарских строителей. Хазарскому правительству необходимы были на пограничье с данниками опорные укрепления для отрядов, собиравших ежегодную дань. Для ее складирования и для обособления военного отряда от остального поселения, жители которого также находились под каганской властью, крепость была необходима. В обязанности этих жителей входила служба мужчин в военных отрядах, их полное снаряжение и содержание. Глава такого отряда мог жить в крепости. На Алексеевском городище были прослежены даже остатки поперечной стены, отделявшей восточную замкнутую (без внешнего выхода) часть от западной, в которой, находились ворота. Эта планировка весьма напоминает Саркел (см. ниже), также разделенный поперечной стеной. Юго-восточная часть в Саркеле была цитаделью, в ней стоял донжон — жилище главы гарнизона и последний оплот при взятии крепости врагами. Очевидно, и в Алексеевке восточная часть была занята военачальником, его семьей и воинами. Хозяин крепости, несший службу в каганате, очевидно, был представителем родовой аристократии. Таким образом, сырцовые крепости были в какой-то мере и замками феодалов. Одновременно они были и укрепленными стоянками для караванов. Вполне возможно, что в западной части Алексеевской крепости, как и в Саркеле (Плетнева, 1996, с. 35—56), располагался караван-сарай. Ясно, что в случаях неожиданной опасности со стороны северных даннических областей, перечисленных в письме Иосифа — не только славян, но и эрзи, черемисов, сувар, волжских болгар, бур-

тасов (Коковцов, 1932, с. 98), — цепь крепостей была защитой для всей расстилавшейся южнее степи (рис. 53).

Все сказанное можно отнести и к двум белокаменным крепостям этой линии. Их белокаменные «короны», квадратная планировка и меньшие размеры позволяют с еще большей уверенностью говорить о том, что это были замки аристократов, совмещавшие в себе и остальные функции.

Добавим, что то же совмещение функций крепостей, замков, стоянок торговых караванов имели и городища, обнаруженные на Северском Донце. Между собой они были связаны как водным путем, так и сухопутной дорогой, проходившей по правому берегу и местами сохранившейся до настоящего времени. Хотя там, как говорилось, городища сопровождалась «гнездами» поселений.

Несмотря на явственную брахикранныю «примесь», выявленную антропологами по материалам Маяцкого могильника и поселения, население на Тихой Сосне, как и в остальных регионах варианта, в основной массе было долихокранным, т. е. этнически его следует связывать с аланами, а археологически — с катакомбным обрядом погребения. К сожалению, пока в этом регионе не обнаружено других могильников, кроме Маяцкого, а два случайно открытых погребения антропологически не определены, а археологически не документированы, хотя открывшие их краеведы уверенно говорили о наличии там катакомбообразных сооружений.

Таким образом, мы видим, что катакомбный обряд и долихокранность являются ведущими определяющими признаками лесостепного варианта. Этот вывод очевиден, несмотря на присутствие на территории варианта могильников и одиночных погребений, совершенных в ямах. В таких могильниках брахикраны являются единственным антропологическим типом. Однако в ямных погребениях, встречавшихся на территории катакомбных могильников, нередко хоронили и долихокранов, а в катакомбах встречаются захоронения брахикранов. Все эти факты — результат взаимовлияний в погребальной обрядности. Напомню, что количество брахикранов на лесостепных памятниках часто бывало очень значительно. В Дмитриевском могильнике их было 17, а вместе с мезокранами — 46%. Долихокранов



оказалось чуть больше половины и особенно заметно их процент уменьшился в поздний период (во вторую половину IX в). Видимо, это и способствовало появлению в конце IX в. (Маяцкий могильник) некоторой примеси брахикранности в долихокранных черепах.

В последующих главах мы не раз будем обращаться к вопросам этнической интерпретации брахикранов. Здесь же существенно подчеркнуть их степное происхождение. Какой бы ни была примесь степняков в лесостепи, основой населения были аланы, на что еще почти 100 лет назад указывал крупнейший русский архерлог того времени А. А. Спицин (1909). Он опирался тогда только на сопоставление археологического комплекса Верхне-Салтовского могильника с материалами аланских катакомб Предкавказья. Идентичность материалов, причем массовых изделий (керамики, украшений, оружия), на землях, отдаленных друг от друга несколькими сотнями километров, он справедливо объяснил этнической близостью этих двух групп и их материальной культуры. Однако распространение наиболее характерных черт этой культуры, как оказалось, было много шире Предкавказья и лесостепной территории бассейна Дона. Они с разной степенью насыщенности прослеживаются в разных вариантах культуры Хазарского каганата.

Маяцкая крепость, царящая над петляющим по широкой пойме Доном, является крайним восточным памятником, который можно относить к лесостепному — аланскому варианту. Восточнее — на левом берегу Дона и южнее Тихой Сосны (тихососнинского лесостепного «протуберанца») — в настоящее время неизвестно ни одного памятника, сопоставимого по подъемному материалу (обломкам керамики) с лесостепным вариантом. Редкие пока находки погребений, совершенные по ямному обряду, немногочисленные остатки поселений с обломками характерной «степной» кухонной посуды (с кварцевым песком в глиняном тесте) свидетельствуют, видимо, что ту территорию следует отнести к другому Донскому варианту — *стенному*. К его подробной характеристике мы обратимся в следующей главе.

## Глава 2

### В ДОНСКИХ СТЕПЯХ. I

Донские степи занимают громадную территорию (рис. 1), равную примерно 160 тыс. км<sup>2</sup>, т. е. значительно большие площади, чем ряд современных европейских государств, в том числе и тех, которые были основаны народами, пришедшими в Центральную Европу (на Дунай) из восточноевропейских степей: Болгарии и Венгрии.

Памятником, давшим нам первое, замеченное археологами представление о сходстве и различиях этого степного варианта с лесостепным, явился бескурганый Зливкинский могильник. Он расположен в левобережном районе Среднего Донца на берегу озера Чернецкое. Название могильник получил от находившегося рядом богатого казачьего хутора Зливки. После революции хутор был уничтожен, и в настоящее время от него не осталось ни заметных развалин, ни остатков садов. Однако могильник сохранил в публикациях свое старое название, правда, наряду с новым, данным по озеру — Чернецкий.

Могильник был обнаружен и в примыкавшей непосредственно к берегу озера части раскопан крупным русским археологом В. А. Городцовым в 1901 г. Им было исследовано 35 захоронений, более половины которых женские и детские.

Погребения «стандартны»: произведены в неглубоких прямоугольных или овальных ямах, покойники в которых



были уложены головами на запад (обычно с сезонными отклонениями), на спине, вытянуто, с вытянутыми вдоль туловища руками. Все взрослые скелеты сохранились настолько хорошо, что из них удалось взять и исследовать 19 черепов, положивших начало громадной степной брахикранной антропологической серии, долгое время именованной «зливкинской».

Вещевой комплекс могильника позволил В. А. Городцову связать его с Салтовским (Городцов, 1905, с. 212—213). Это обстоятельство дало археологу возможность предположить, что покойники обоих могильников принадлежали к «одному племени» (сравнительных антропологических показателей у него тогда еще не было). Ему представлялось весьма вероятным, что в Салтове похоронено богатое городское население, а в Зливках бедное деревенское. Именно так он объяснял скромность и даже скудость (иногда отсутствие) сопровождающего зливкинские погребения инвентаря и выразительные типологические отличия погребальных сооружений.

Однако довольно скоро (уже в первое десятилетие XX в.) у археологов, опиравшихся в значительной степени на антропологические данные, уже не было сомнений в этническом различии похороненных в Салтове и Зливках людей. Тем не менее в то время, как Салтовский могильник благодаря изобилию вещевых находок продолжал активно раскапываться, Зливкинский на протяжении следующих восьми десятилетий не привлек ни любителей древностей (краеведов), ни ученых.

Только в 1982 г. М. Л. Швецов продолжил исследование этого могильника (Швецов, 1991), открыв здесь еще около 50 погребений IX — начала X вв. в основном того же типа, что и ранее раскопанные. Однако естественно, что на большем материале удалось проследить еще ряд характеризующих памятник особенностей: различные конструктивные детали могил (подбойчики, приступки), остатки тлена от гробов, угольки, сравнительно более богатые наборы украшений. Наибольший интерес представляют захоронения в колоколовидных ямах со следами огненного ритуала — обожженной поверхности ям, углей и золы в засыпи. Кроме того, заполнение ямы забито костями животных. Погребен-

ные уложены скорченно на боку (женщины?) или вытянуто на спине, обычно «втиснутые» на дно ямы (мужские?). Типологически близкие им захоронения известны и на других памятниках, расположенных в пределах Хазарского каганата, в частности, на Маяцком поселении (Плетнева, Винников, 1998, с. 105 и сл.), а также в Саркеле, где датируются не позже 40-х гг. IX в. (Плетнева, 1996, с. 80—85; Артамонова, 1963, с. 175, 191—192, 195—197, 199—200).

Не только Зливки, но и другие степные памятники Донецкого бассейна, аналогичные Зливкинскому могильнику, местоположение которых было известно специалистам, долгое время не вызывали у них интереса. Таковы могильники у сел Залиманье, Шейковка, Петропавловка, обнаруженные в районе бассейна среднего течения Северского Донца (Сибилев, 1926), но раскопки их не производились. Тогда же Н. В. Сибилев открыл несколько синхронных этим памятникам городищ (Сидоровское, Теплинское), но не смог по подъемному материалу уверенно определить их дату и, видимо, поэтому не поместил их в свои публикации.

А между тем этот большой степной регион (рис. 54), расположенный у самой границы с лесостепью, все более нуждался в серьезных археологических исследованиях древних памятников, постепенно исчезающих с лица земли под многочисленными «стройками века», шахтными отвалами, интенсивной распашкой. В 60-х гг. я коснулась разведкой этой территории, пройдя сравнительно небольшой маршрут по Айдару и нескольким более или менее свободным от застройки участкам берега Донца. Однако первыми настоящими и основными исследователями данного региона (Среднедонецья) стали В. К. Михеев и К. И. Красильников, проводившие свои работы там в 70—80-х гг. Конечно, были и другие археологи, открывшие и даже частично исследовавшие отдельные памятники (в основном — могильники) на этой территории, и результаты их деятельности дополняют наши знания о регионе, но основополагающий вклад в его археологическое изучение, и, в частности, — хазароведение, внесли два названных выше ученых.

В. К. Михеев сосредоточил свои исследования здесь на изучении городищ. Всего им с той или иной степенью подробности обследовано около 10 крупных городищ: Теплинс-



кое (Богородичное), Сидоровское, Святогорское, Татьяновское, Кировское, Маяки\* и др. Все относятся к типу «земляных», т. е. они укреплены с напольной стороны валом и ровом, к которым с внешней стороны примыкает обширное поселение.

Большие стационарные раскопки были проведены В. К. Михеевым на городище Маяки (Михеев, 1985, с. 12—18). Фактически памятник состоит из собственно городища, двух поселений и трех могильников вокруг мыса, на котором расположена укрепленная часть этого комплекса (рис. 55). Размеры последнего 670×360 м. Вал и ров чуть заметны на поверхности, хотя первоначально глубина рва была около 1,5 м, а ширина местами достигала 4—5 м. Вал сооружен на культурном слое поселения, что свидетельствует о его более позднем, сравнительно со временем образования поселения на мысу, времени его строительства. От него сохранился только слой глины и набросанный на него перемешанный слой глины с дерном (черноземом). На территории укрепления прямо на поверхности прослежены следы десяти зольников, размещенных двумя рядами, ориентированными с запада на восток. Они в плане овальные, размерами 15—20×50 м. На их поверхности было обнаружено много обломков керамики, глиняной обожженной обмазки, костей животных, попадаются обломки жерновов и иногда металлические вещи. Поселение 1 примыкает к городищу с напольной стороны. Оно, как и городище, не раскапывалось, на поверхности и в черноземном дерновом слое попадалось много кусков железного шлака. Поселение 2 располагалось на террасе, окружавшей городище с юго-востока. В отличие от городища и поселения 1, на которых культурный слой был весьма незначителен, здесь он достигал 0,95 м и характеризовался большой насыщенностью находками. Остатки очертаний наземных

\* Название городища «Маяки», расположенного у с. Маяки, ни в коем случае нельзя путать с Маяцким, которое было описано нами в предыдущей главе. К сожалению, даже в специальной литературе мы нередко сталкиваемся с этой несуразностью, и поэтому считаю необходимым обратить внимание читателей на эту недопустимую для ученых небрежность.

построек в темном черноземном слое проследить не представлялось возможным, но от юртообразных жилищ в нем сохранились открытые тарелкообразные очаги с обожженной поверхностью, заполненные золой и угольками. Только в одном случае удалось выявить сгоревший каркас круглой в плане юрты (диаметр ее 3 м) (рис. 55). Среди наземных жилищ попало и большое (3×6 м) прямоугольное. Стены у него были сооружены из плаха и обмазаны глиной, в тарелкообразном очаге найдены были обломки глиняной жаровни, а в яме рядом с очагом — жернова. На площади жилища было обнаружено много обломков керамики и разнообразных мелких домашних предметов (ножи, кресала, пробойники, пряслица и пр.), коса-горбуша и литейная формочка для отливки сережек. Иногда строили здесь и углубленные в материк землянки, но тоже с открытыми очагами в центральной части пола.

В материк были углублены (на 1,5—2 м) многочисленные хозяйственные ямы, служившие погребями, зернохранилищами, а после прекращения хозяйственного использования становившиеся помойками. В погребях хранились не только продукты, но и сельскохозяйственный и производственный инвентарь. Надо сказать, что на всей территории комплекса прекрасно сохраняется металл, особенно железо, поэтому на поселении обнаружены лемехи и чересла, косы, серпы, ножницы для резки металла, молоточки, долота, сверла, пинцетики, а также части конской сбруи (пряжки, стремена), оружие (копья) и т. д.

Все это оборудование помещалось, видимо, в равной мере и в наземные хозяйственные помещения, от которых сохранились в слое скопления глиняной обожженной обмазки с отпечатками прутьев (плетня). Постройки эти, вероятно, можно сравнивать с большими наземными домами Карнауховского поселения.

Очень богат и разнообразен керамический материал комплекса Маяки.

Здесь совершенно нет лепной кухонной посуды. Ее заменяют типичные для лесостепного варианта лепные, но правленные на круге горшки, сделанные из глины с заметной примесью довольно крупного шамота. Как правило, они покрыты линейным, нанесенным неглубоко орнамен-



том по всему тулову. Из этого же глиняного теста был изготовлен котел с внутренними ушками. Интересно, что на лесостепном Дмитриевском поселении был обнаружен обломок котла, сделанного из аналогичного теста (с шамотом, грубого замеса).

Не только железный инвентарь свидетельствует о несомненном высоком экономическом развитии этого комплекса. Характерно, что на поселении обнаружено много обломков амфор (15%) и целых экземпляров, четко датированных памятником IX в. Не редки здесь и находки обломков красноглиняных кувшинов с плоскими ручками и явно привозных из Крыма баклажек. Вся эта тарная посуда — привозная из южных провинций Хазарии (Тамани, Крыма, возможно, и с нижнего Дона). Наличие торговых связей подтверждается и находками деталей весов: коромысел, бронзовой чашечки, а также небольшой сферической гирьки (96 г).

Городище стояло на оживленных торговых путях — водном и сухопутном, играя весьма видную роль в экономике Средне-Донецкого региона.

Могильники окружают жилые территории городища и поселений, практически два из них не только примыкают к ним, но и располагаются на их земле. Один могильник вне территории городища и поселений расположен через овраг от поселения 2. Это типичный грунтовой могильник «зливкинского типа». Могилы неглубокие, покойники в них уложены на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентированы они головами на запад, один — на юго-восток. Всего было вскрыто 6 погребений, все брахикраны-европеиды. Вещей с ними немного — это горшки, поставленные у головы, пряслице из амфоры, ножик, однако ясно, что это не бедность погребенных, а особенность обряда, т. к. в одном из погребений была обнаружена золотая серьга, а в другом сабля.

Второй аналогичный могильник фактически безынвентарный. Даже сосуды помещались в могилы редко и то только в виде разрозненных обломков. В исключительных случаях женские захоронения сопровождалось отдельными личными украшениями, бронзовыми браслетами, сережками, подвесками.

Наибольший интерес представляет третий могильник, расположенный на южной окраине поселения 2. Он состоит из трупосожжений, типологически близких к описанным выше трупосожжениям Сухогомольшанского и других могильников, открытых и исследуемых В. К. Михеевым в лесостепи бассейна Сев. Донца. Рядом с ними обнаружены «тайники» — отдельно захороненные комплексы вещей (конская сбруя, серпы) и крупных лошених сосудов. Два захоронения отличаются от остальных деталями обряда. Они произведены в больших круглых ямах (диаметром 1,2 и 2 м, глубиной до 1,5 м), в нижней части несколько расширяющихся круговым подбоем. В целом и формой и размерами они представляют собой один из вариантов обычных хозяйственных ям. В обеих на дне помещены остатки трупосожжения (угли, кальцинированные кости), над которыми в засыпи ямы помещены несколько комплексов самых разнообразных вещей. В одной это части конской сбруи, серпы, косы, ножи, рыболовные крючки, ложкорез и, особенно существенно, железный стиль (писало), топорик. В другой — также части конской сбруи, 3 боевых топора, 3 копыя, 3 ножа, коса-горбуша, очажная цепь и крючки к ней, 2 вилки, два тесла, две мотыжки, сверло, ботало, чашка для весов, разбитые кружка и лошений горшок. У самого дна, в круговом подбое ямы, были захоронены четыре человеческих черепа. Неясно, кому принадлежали черепа: покойникам, чьи тела были сожжены, или сопровождавшим их рабам (рабыням?).

Как бы там ни было, но обе ямы помимо очевидной связи погребального обряда с обычными трупосожжениями позволяют сопоставлять его с маячками захоронениями в хозяйственных круглых ямах. Нарушение порядка традиционной обрядности: очевидные не индивидуальные, а коллективные сожжения в больших круглых ямах — привели и к другому нарушению, а именно помещению сопровождающего инвентаря в ту же яму, что и останки самих погребенных.

Таким образом, могильник в целом и отдельные захоронения в нем очевидно синкретичны и нуждаются в тщательном анализе всех деталей обряда и сопоставлении их со степными трупосожжениями других регионов и других



этносов, что будет возможно только после полной публикации материалов автором раскопок.

Помимо этих трех могильников на городище и поселении 2 попадались довольно часто в беспорядке разбросанные среди жилых комплексов погребения, совершенные без определенного обряда и без вещей.

Создавалось впечатление, что эти небрежные захоронения, частично разрушенные, принадлежали убитым при взятии и разграблении поселения. После гибели их просто присыпали землей или небрежно бросили в мелкие небольшие ямки. Вещей при этих погребенных не было.

Разграбление поселения произошло, судя по материалу (в основном амфорам), примерно в конце IX в. Однако на нем попадаются и более поздние находки обломков амфор, вплоть до начала XII в. Видимо, жизнь на этом богатом поселении не прекратилась, частично уцелевшие жители смогли даже похоронить своих убитых сородичей, но, конечно, его территория сильно сократилась.

Маяки — самый крупный и полнее других городищ этого типа на среднем Донце исследованный памятник. Однако В. К. Михеев, как говорилось, обследовал в этом регионе еще несколько городищ, относящихся к этому же времени и к этой же культуре. Кроме визуального осмотра памятников, он почти всюду заложил раскопы, давшие нам представление о фортификации, жилищах, вещевом и керамическом комплексах этих памятников. Разрезы валов на них показали, что они представляли собой остатки развалившихся стен, сооруженных в виде двух деревянных панцирей и забутовки между ними. Для крепости панцири стягивались поперечными перегородками, а низ снаружи и изнутри присыпался землей (глиной из рвов). Обнаруженные в небольших раскопах и шурфах жилища представлены полуземлянками с очагом в центре пола. На Сидоровском городище в полуземлянке находилась печь-каменка, очевидно, славянская. Керамические обломки в целом характеризуют эти памятники и позволяют относить их к хазарскому времени, но на Богородичном городище много обломков лепных горшков без орнамента (только по венчику пальцевые вдавления) и лепных сковородок. Печь-каменка, подобие своеобразных «городен», использовавшихся при

строительстве оборонительных стен, лепная кухонная посуда и лепные сковороды дают основание говорить о связях этого района со славянским (роменским) населением, чьи городища с северо-запада соседствовали с ним. Однако вещи из слоев этих памятников относятся исключительно к хазарской культуре. На Сидоровском городище, где, как и на Маяках, железо хорошо сохранялось, найдены были аналогичные лемехи, ножи, серпы, долото, сверло, наконечники стрел, топорик, обломки сабли и даже вилка для доставания мяса из котла. На других городищах также попадались различные железные вещи, но в меньшем ассортименте. Рядом с Сидоровским городищем был открыт и типичный «зливкинский» могильник. Погребения совершены в неглубоких ямах, головами на запад, вытянуто на спине и без вещей, только в одном из захоронений у головы погребенного был поставлен кухонный горшок.

Таковы результаты работ В. К. Михеева на городищах, прилегающих к ним поселениях и могильниках. Немаловажен установленный археологами факт проникновения в этот район каких-то славянских элементов культуры, а также явное взаимодействие с культурой лесостепного варианта салтово-маяцкой (хазарской) государственной общности.

Не менее существенны и результаты тотальных разведок К. И. Красильникова, проведенного их на территории, расположенной немного ниже по течению Донца и по берегам его притоков. Им было открыто более 300 поселений (Красильников, 1981) и несколько десятков могильников или отдельных захоронений (Красильников, 1990, с. 28, рис. 1). Это, несомненно, самый исследованный район донской степи. Большое количество поселений позволило создать их устойчивую типологию. Основная их масса занимает сравнительно большие участки (от 200×100 м до 500×200 м) вдоль рек на первой надпойменной террасе. Нередко они размещены вплотную вдоль берегового обрыва между двух овражков, являвшихся естественными рубежами поселения. Культурный слой (чернозем, насыщенный костями животных и обломками керамики) в обрезах берега виден хорошо, толщина его не превышает 50 см. Если поверхность задернована, то находок на ней почти нет. На



распаханных поселениях исследователь ни разу не зафиксировал остатки зольников, хотя, как мы видели, в этом регионе на городищах они встречались. На ряде поселений К. И. Красильников заложил большие раскопы, на которых были открыты жилища, производственные гончарные центры, хозяйственные постройки, в первую очередь — хозяйственные зерновые и продуктовые ямы-погребка. Подавляющее большинство жилищ — полуземлянки с открытыми очагами в центре пола, но на нескольких поселениях встречаются и полуземлянки с печами-каменками, что подтверждает связи этого региона со славянами. Надо сказать, что именно здесь автор раскопок открыл и исследовал остатки разрушенных тандыров, поставленных обитателями жилищ в центральной части пола. В жилых помещениях располагались и гончары: рядом с очагами были обнаружены ямки от оснований гончарных кругов, в углах и в ямах, вырытых в полу, размещали запасы производственной глины, песка, воды. В пристройках к жилищам находились предгорновые помещения-ямы, в каждую из которых входило несколько горновых топков (Красильников, 1980, с. 62, 63, рис. 2). В одном случае печи располагались каскадом, в котором каждая старая печь была предпечьем для новой или даже двух новых (Красильников, 1976, с. 268—269, рис. 1). Производство кухонных горшков было великолепно налажено, и обломки их были преобладающей находкой в слое подавляющего большинства оседлых поселений Среднедонечья. Помимо поселений этого типа, естественно наиболее характерного для земледельческого региона, поблизости располагались и остатки поселений иного типа, а именно кочевья. Они сравнительно небольшие, со слабо выраженным культурным слоем и совсем небольшим количеством находок (обломков керамики и костей животных) в подъемном материале. Состав керамики также выразительно отличается от поселенческого: это в основном обломки лепной кухонной посуды, остальные виды и типы попадают редко, почти совсем нет производной амфорной керамики. Как правило, размещались они преимущественно на незатопляемых участках поймы. Возможно сделать два предположения об их происхождении и назначении. Первое — поселения типа кочевий возникли

раньше оседлых, сразу же после проникновения (подкочевки) в этот регион, вероятно, примерно в конце VIII в. болгарских переселенцев с юга из Приазовья (бывшей Великой Болгарии). Второе — кочевья синхронны остальным поселениям — это, возможно, летние откочевки части оседлого населения, занимавшегося отгонным скотоводством. Обе гипотезы имеют право на существование, замечу только, что у нас пока нет данных считать открытые кочевья более ранними памятниками. Наличие лепной посуды и даже ее преобладание не является хронологическим показателем, это скорее результат и свидетельство экономического (хозяйственного) различия обитателей поселений. К. И. Красильников на нескольких кочевьях произвел раскопочные работы, на которых открыл характерные для этого типа поселений жилища — основания юртообразных построек с тарелкообразными очагами в центре пола.

Приходится пожалеть, что он, как и В. К. Михеев, до сих пор опубликовал только незначительную часть своих полевых исследований. О том, насколько разнообразен открытый ими мир и насколько развита его культура, знают пока только они сами. Те же проблемы неизданности материалов встают и при ознакомлении с погребальными обрядами. Открытые могильники частично раскапывались, но практически материалы работ издавались крайне редко. Обычно это только сообщения в Археологических Открытиях, реже — упоминания в монографиях или статьях, посвященных другим вопросам и проблемам. Издания собственно конкретных материалов из определенных могильников осуществляются с большим трудом. Так, К. И. Красильникову удалось опубликовать материалы могильника у села Желтое (Красильников, 1991, с. 62—81). Описание 30 погребений, 28 из которых принадлежит наиболее распространенному в этом регионе «зливкинскому» типу, полное и сопровождается чертежами. Захоронения производились в простых прямоугольных ямах, в большинстве из них на длинных стенках оставлены приступки для опоры поперечных досок перекрытия (изредка остатки досок сохранились). В одной из могил перекрытие сооружено из мергелевых плит, такие же плиты установлены вдоль стен, образуя как бы каменный ящик. Подобные захороне-



ния особенно распространены были в то время в Крыму. Погребенные уложены головами на запад, на спине вытянуто, многие скелеты частично или полностью разрушены, вероятно, ритуально. Захоронения одиночные, только в одном из них погребено двое: мужчина и женщина. Погребения сопровождаются кухонными горшками и лощеными кубышками, изредка лощеными кувшинами или лепными горшками. Почти в каждом находились остатки погребальной пищи — обычно кости барана, а при погребении женщины неоднократно фиксировались кости коровы. Та же закономерность характеризовала и погребения в Зливкинском могильнике. Среди погребений в этом могильнике представляют интерес два (рис. 56). В одном захоронен мужчина-воин, на теменной кости которого прослежены следы неудачной (неоконченной) трепанации: круглое в плане отверстие (2,5 см) только начали вырезать на кости. Во время операции, очевидно, человек умер. Поблизости от этого захоронения было произведено другое. В нем погребен мужчина, ориентированный головой к югу. Голова была отсечена, так же как и кисти рук. На поясе обнаружен ножик и кожаный мешочек, в котором лежал круглый серебряный шаблон диаметром 2,5 см. Изготовлен шаблон был из обычного немного «раскованного» диргема. Следы явной насильственной (мучительной) смерти этого человека, шаблон, равный диаметром трепанируемому отверстию в черепе воина, позволяют предполагать, что второе погребение принадлежало неудачливому хирургу, у которого «под ножом» умер пациент. Поскольку последний был, видимо, влиятельным воином, его смерть повлекла за собой казнь хирурга (в назидание другим врачам!).

Часть погребений могильника отличается наличием в них сопровождающего инвентаря. Помимо двух вышеописанных, вещи попадались в мужских, женских и даже детских захоронениях. Естественно, особенно часто встречались в могилах сосуды (горшки и кубышки, один раз — полуразбитая амфора), но примерно в половине из них находились и различные мелкие предметы: с женщинами и детьми — амулеты и украшения, с мужчинами — ножи, кресала, поясные железные пряжки, бараньи астрагалы. Конечно, сравнительно с наборами вещей в аланских ката-

комбах лесостепи, эти находки представляются весьма бедными и невыразительными, но возможно, появление обычной помещать какие-либо личные предметы в могилы можно объяснить влиянием аланских обрядов или же, что более вероятно, поскольку эта особенность стала выявляться все чаще в раскрываемых в наши дни погребениях, возрастающим обогащением какой-то части населения, что позволяло оставлять покойникам их личные вещи. В могильнике Желтое эта появившаяся и начавшая проявляться в некоторых обрядах особенность представлена довольно выразительно.

Могильник интересен также тем, что помимо обычных ямных погребений в нем обнаружено два катакомбных. Одно сильно пострадало от грабительского разрушения. Костяк в нем отсутствует, вход в камеру сильно разрушен, мергелевые плиты, закрывавшие его, разбиты и выброшены в дромос. Несимметричное расположение камеры относительно дромоса, несколько небрежно выкопанный дромос (почти овальный) сближают эту катакомбу не с донецкими, а с «маячками» катакомбами.

Вторая катакомба вырыта для захоронения ребенка. Она маленькая и «нестандартная»: дромос ее, а вернее, входная яма, в плане круглый, неглубокий, но дно ступенчатое, камера расположена по отношению к нему симметрично, вход в нее был заставлен мергелевыми плитами. Свод камеры обвалился, т. к. находился близко от поверхности. Ребенок 6 лет, видимо мальчик, был уложен вытянуто на спине (ноги немного подогнуты из-за тесноты камеры). В головах у него поставлен горшок, а на шейных позвонках обнаружено несколько бусин.

Мы остановились на характеристике этого могильника более подробно потому, что он типичен для Средне-Донецкого степного региона, в котором эталонным памятником может оставаться по-прежнему Зливкинский. Основные элементы обряда, открытого В. А. Городцовым, в целом повторяются во всех могильниках, обнаруженных здесь в последние десятилетия. Небольшое количество вещей или их отсутствие не является отличительным признаком данного обряда. Во всех могилах, даже и в зливкинских погребениях, вскрытых в последние годы, попадаются с боль-



шей или меньшей степени частоты различные мелкие предметы быта или украшений. Кроме того, ни в одном из них нет абсолютного единства погребального обряда: нарушения или дополнения к прежнему простому обряду попадают часто, однако главными определяющими признаками во всех могильниках этого региона остаются: 1 — бескурганность, 2 — прямоугольная форма неглубоких могильных ям, нередко с заплечиками для опоры деревянного перекрытия, 3 — захоронение вытянуто на спине головой на запад, 4 — помещение в могилу ритуальной пищи и питья, 5 — сравнительно небольшое количество сопровождающих вещей или их отсутствие.

Исследование могильников, как правило, проводится более интенсивно, т. к. это менее трудоемкая работа, нередко позволяющая открыть неожиданно интересный факт или раскопать комплекс с богатым инвентарем. Поскольку археологи вынуждены в основном пользоваться в своих полевых исследованиях работой студентов-историков, обязанных проходить после первого курса археологическую практику, результаты археологических изысканий значительно более эффективны и показательны в учебных целях на могильниках, чем на поселениях, где, кроме тысяч обломков керамики и остатков малопонятных для неспециалистов немногочисленных построек, обычно ничего найти не удается.

Судя по результатам раскопок многих могильников Среднедонечья, археологов ждет еще много открытий. Так, например, в Балаклейском р-не у с. Красная горка на самой границе лесостепи и степи В. К. Михеев в начале 80-х гг. обнаружил могильник, в котором преобладал обычный для Среднедонечья «зливкинский» погребальный обряд (Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 116—129). Однако среди рядовых могил (всего раскопано свыше 250 погребений) были открыты 13 погребений воинов с конем, 1 — с частью конской туши, 17 захоронений с предметами конской сбруи (из них 11 — трупосожжений) и 11 захоронений коней, втиснутых в узкие прямоугольные ямы, ориентированных головами на запад, взнузданных и оседланных. Покойники в общих с конями могилах обычно снабжены разнообразным оружием: копьями, топорами, луками, но-

жами и поясными наборами. Интересно отметить, что самый богатый поясной набор найден в погребении женщины, похороненной с топориком и луком. Трупосожжения в могильнике также сопровождались богатым набором оружия и конской сбруей и принадлежали, очевидно, в основном мужчинам-воинам. Удалось проследить и еще один степной обычай, ранее в погребениях хазарского времени отмечавшийся только в трупосожжениях (Михеев, 1985, с. 10), а именно: помещение в могилы бронзовых клепаных котлов, нередко специально смятых, т. е. подвергнутых, как и скелеты людей, ритуальному разрушению. Известно, что в степях в более позднее время котлы были одним из важных признаков высокого положения воина — символом его возможности объединить и накормить окружающих его людей (Швецов, 1980; Плетнева, 1990, с. 129—130).

Несмотря на то что аналогичные захоронения с конями и отдельные захоронения коней встречаются в степных праболгарских памятниках хазарского времени (см. след. главу) и в синхронных им могильниках Дунайской Болгарии, здесь, на Среднем Донце, Красногорский могильник уникален. Несомненно, что и произведенные на нем погребения по обряду трупосожжения также необычны, но объяснимы, т. к. всего в нескольких десятках километров выше по Донцу расположен большой Сухогомольшанский могильник с трупосожжениями, раскопанный В. К. Михеевым.

Более скромным, но тоже с ранее не встречавшимися особенностями является могильник у пос. Новодачное, начатый раскапываться в 1992 г. (Красильников, Тельнова, 1997). На сравнительно небольшой площади было вскрыто пока всего 14 обычных «зливкинских» погребений и 34 круглых ямы, обрамляющих в несколько рядов одну из сторон этого могильника, что прослежено полностью, и несколько ям вдоль наметившейся другой его стороны. Ямы практически без находок — изредка в их заполнении встречались случайно попавшие обломки характерной «салтовомаяцкой» посуды, но в трех из них обнаружены явно помещенные туда непонятные лепные с узким «неустойчивым» горлом «шаровидно-яйцевидные» сосуды с отбитой (вероятно, ритуально?) верхней частью. Очевидно, в



данном случае мы встретились с новым обрядом, до сих пор неизвестным и нигде не прослеженным. Изучение и интерпретация его — дело будущего.

Что же касается разведок по берегам самого Донца в течении от Деркула до Белой Калитвы, то из-за очень сильной его застроенности в наше время обнаружить здесь археологические памятники с каждым годом, как говорилось, все труднее и невозможнее. Весьма показательна в этом отношении судьба Рыгинского городища на окраине г. Каменск-Шахтинский. Оно было обследовано еще в начале XX в. археологом И. Тимошенковым (Отчет Ив. Тимошенкова, 1905, с. 569—576; Плетнева, 1967, с. 22, 95). Городище было расположено на мысу правого берега Донца. Судя по описанию, оно было большое, укрепленное с напольной стороны земляным валом и рвом. Сейчас его полностью уничтожили распашкой и застройкой. Были ли рядом с ним неукрепленные поселения, неизвестно, могильник же был, но не ясно, к какому времени он относился, поскольку вещей при погребенных было мало, сосуды же явно, судя по описаниям, несопоставимы с характерной посудой хазарской эпохи. Захоронения производились в могилах, обложенных и перекрытых камнями, головами покойники ориентированы на юг, иногда скорчены на боку, на угольной подстилке, попадались и коллективные погребения. Все эти особенности хотя и встречаются в «классических» захоронениях хазарского времени, но не типичны для большинства из них.

Интенсивной застройкой, распашкой, активным освоением и эксплуатацией обширных степных черноземов объясняется, видимо, и малое количество известных в настоящее время археологических памятников (в том числе и хазарского времени) по среднему Дону.

Пока археологам удалось в разведках зафиксировать по Дону и его левым и правым притокам более 20 раннесредневековых памятников, «разбросанных» на обширных степных пространствах (рис. 57). Правда, наибольшее их количество сосредоточено на трети этой территории, вплотную примыкающей к землям восточного региона («протуберанца») лесостепного варианта. Это вполне объяснимо, поскольку именно этот регион привлек наибольшее внима-

ние археологов-«салтоведов». В 1962—1963 гг. здесь провела рекогносцировочную разведку С. А. Плетнева (Плетнева, 1967, с. 191, 192, рис. 3, 5), а 20 лет спустя — Г. Е. Афанасьев, пожелавший обнаружить на этой мало изученной земле продолжение лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с целью доказать, что весь вариант в целом принадлежал буртасам (Афанасьев, 1987, с. 18, 20, 181, 184, рис. 6, 7, с. 155—167). Действительно, чисто теоретически можно допустить, что крайне южные памятники буртасов могут быть найдены где-то в междуречье Хопра (левого притока Дона) и Волги, хотя, учитывая сведения письменных источников, — ближе к последней.

Следует отметить, что географически участок Дона, весьма поверхностно исследованный мной и Г. Е. Афанасьевым, одни специалисты-географы относят к степной зоне, проводя северную границу степи по Тихой Сосне, другие считают этот район лесостепью, т. е. «опускают» границу степи с лесостепью к югу на 150—200 км. Г. Е. Афанасьев, принявший точку зрения второй группы ученых, считает ее более обоснованной, а значит, по его мнению, все памятники этого района принадлежат лесостепному варианту. Однако кажется очевидным, что географические границы зон (причем спорные) не могут служить для археологов и историков решающими (абсолютными) ориентирами при определении исторических, культурных или этнических ареалов.

Поэтому необходимо, по-видимому, рассмотреть все характерные черты памятников, которые удалось выявить в разведках. Представляется, что все они вполне сопоставимы с уже хорошо известными нам памятниками степного варианта. Во-первых, все случайно обнаруженные здесь и в более восточных районах шесть погребений — ямные, т. е. относящиеся к определяющему степному типу. Исключение — седьмое захоронение — знаменитое Воробьевское погребение, которое считают катакомбным. Но о форме могильного сооружения судить по сохранившемуся описанию трудно, а датируется оно по сопровождающему материалу (поясным бляшкам) не ранее X в. Мало вероятно, что аланская катакомба могла появиться в степях в то бурное время господства в них сначала венгров, а затем —



печенегов, у которых этого обряда не было. Во-вторых, в этом же районе расположено обнаруженное мной в 1963 г. городище у с. Карабут. Визуальный осмотр валов этого памятника позволил первоначально предположить, что валы представляли собой развалы каменных стен, т. к. на гребне у них прослеживался слой щебенки (Плетнева, 1967, с. 33, табл. 1). В 1984 г. Г. Е. Афанасьев сделал разрез вала и доказал, что вал был земляной (Афанасьев, 1987, с. 101—103). Итак, укрепления Карабута были земляными, что типично именно для степного варианта культуры. В-третьих, почти все открытые мной поселения «спорного» района характеризуются обломками кухонных горшков «степного типа», т. е. сделанных из глины с примесью речного кварцевого песка (на остальных обломков кухонных горшков вообще не встречено). В-четвертых, в районе селища Тихий Дон вдоль правого берега Дона тянется на несколько километров так называемая «обитаемая полоса», обозначенная отдельными находками обломков керамики, преимущественно амфор IX в. Очевидно, это следы кочевых стойбищ, аналогии которым были прослежены по берегам Азовского моря (Плетнева, 1967, с. 15, рис. 3). Такие полосы характерны для степных вариантов, в лесостепи они неизвестны.

Итак, у нас нет достаточных оснований считать, что рассмотренную территорию можно включить в лесостепной аланский вариант. Возможно, что дальнейшие разведки дадут какие-то материалы для этого, однако и тогда необходимо будет учитывать все перечисленные выше факты.

В настоящее время можно, пожалуй, говорить, что этот пограничный регион весьма близок типологически к рассмотренному в начале этой главы Среднедонечью. Поскольку он изучен очень слабо, конкретные черты сходства прослеживаются пока в виде едва намечающихся вех. В частности, в обоих регионах отмечены черты культурных взаимовлияний и этнических контактов лесного и степного населения. Замечу также, что открытые остатки поселений, как правило, принадлежали оседлым земледельцам, но изредка, как и на Донце, попадались здесь следы кочевий и даже «обитаемых полос», т. е. просто местонахождений немногочисленных, разбросанных на больших участках берега керамических обломков.

Мои разведки по Дону, к сожалению, фактически были проведены только до впадения в него речек Богучар (справа) и Толучеевка (слева). Ниже по Дону почти до территории Волго-Донского канала и северо-восточного конца Цимлянского водохранилища — «моря» разведки вообще не велись. Находки отдельных захоронений или поселений на этом участке Дона и бассейна его крупнейших притоков Хопра и Медведицы носят случайный характер и археологически не исследованы.

Таким образом, приходится констатировать, что десятки тысяч квадратных километров междуречья Дона и Волги остаются для всех археологов-медиевистов (в том числе — хазароведов) «землей неизвестной», хотя не исключено, что именно там мы найдем ответы на многие вопросы истории и культуры хазар и других народов, кочевавших и селившихся на этих плодородных и богатых землях.



## Глава 3

## В ДОНСКИХ СТЕПЯХ. II

К югу от «земли незнаемой» — белого, почти не исследованного археологами громадного «пятна» — лежат богатейшие винно-травчатые степи (рис. 58). Их прорезают и орошают не только сам Дон, но и его многочисленные малые притоки, а также низовья крупных рек, впадающих в основную артерию региона. Это территория Нижнего Дона — третий степной регион более или менее изученный археологами-медиевистами. Здесь, на территории примерно в 50 000 км<sup>2</sup> известно уже около 100 памятников: городищ, поселений, разнотипных кочевий, могильников и отдельных погребений. Они не разбросаны по степи, а располагаются «кучно» вдоль рек и речек, что дает впечатление значительной заселенности региона в целом.

Исследование этих памятников было начато в конце 20-х гг. М. И. Артамоновым, проведшим первые систематические разведки на берегах нижнего Дона (Артамонов, 1935). Полевые работы дали ему материалы для серьезного изучения степных памятников, позволившие уверенно говорить, как я писала во Введении, о существовании двух вариантов (лесостепного и степного) единой культуры Хазарского каганата (Артамонов, 1940).

Несомненно, наиболее выдающимся памятником степного варианта является уникальное Левобережное Цимлянское городище (рис. 59). Уже первые сравнительно неболь-

шие раскопки на нем в 1934—1936 гг. дали М. И. Артамонову неопровержимые материалы для отождествления этого городища с хорошо известными средневековым авторам хазарской крепостью Саркел и возникшим на его развалинах русским городком Белой Вежей.

Надо сказать, что немногие средневековые города и тем более крепости, расположенные в Восточной Европе, удастаивались быть упомянутыми в синхронных или даже более поздних историко-географических сочинениях. Что же касается Саркела, то он упоминался неоднократно в средневековых сочинениях, что является очевидно надежным свидетельством его значительной роли в жизни громадного степного региона, включавшего не только земли Хазарского каганата, но и его окружение. Письменные сведения о Саркеле много раз рассматривались в трудах историков XIX—XX вв. Как правило, любое упоминание этой крепости начиналось с цитаты или пересказа известного сочинения Константина Багрянородного, писавшего в середине X в. о постройке Саркела, о времени этого строительства (30-е гг. IX в.), о значении крепости для каганата. Позднейшие средневековые хронисты, как и современные историки, добросовестно излагали в своих хрониках подробный рассказ Константина Багрянородного. Сохранились и иные источники, свидетельствовавшие о существовании Саркела, в частности русская летопись или письмо хазарского владыки кордовскому еврею Хасдаю ибн-Шафруту, дополнившие немного сообщения византийских авторов. Однако вопросы, касающиеся жизни в Саркеле, трансформация его из крепости в торговое укрепленное поселение (городок), сведения о ремеслах, о религиозных обрядах, о хозяйственно-бытовой деятельности населения так и остались бы на уровне гипотез или вовсе не могли бы быть поставлены без каких-либо новых данных и источников. Ими стали археологические материалы, полученные при раскопках Саркела — Белой Вежи.

Раскопки этого памятника были продолжены М. И. Артамоновым в 1949—1951 гг. Он возглавил первую в СССР широкомасштабную новостроечную экспедицию (Волго-Донскую), работавшую на строительстве Волго-Донского канала, Цимлянского «моря» и шлюзов.



В настоящее время развалины Саркела покрыты 15-метровой толщей воды, заполнившей плодородные пойменные земли, затопившей десятки хуторов и несколько станиц, а также, помимо Саркела, сотни археологических памятников. К сожалению, из-за «ударных темпов» стройки Саркел раскопали далеко не полностью: вскрыто было немногим более трети площади крепости (рис. 60).

Тем не менее следует признать, что мало найдется памятников у нас в стране, которые были бы изучены с такой полнотой и профессионализмом. Считаю необходимым с особым удовлетворением подчеркнуть, что большая обобщающая статья М. И. Артамонова о Саркеле — Белой Веже и многие категории открытых в раскопках комплексов и материалов нашли отражение в прекрасно изданных томах «Трудов Волго-Донской экспедиции», вышедших из печати в 1958, 1959, 1963 гг. Как дополнение к ним в 1996 г. опубликована моя книга «Саркел и “шелковый путь”», в которую включены многие, ранее неизвестные данные полевых исследований Саркела.

Саркел — пока единственный памятник, который уверенно можно связывать с хазарами или, во всяком случае, — с их правителями, в частности с каганом. Об этом писал прежде всего Константин Багрянородный: «...хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость...» и далее уточняет: «...известно, что *хаган и пех* Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел» (Константин Багрянородный, 1989, с. 171, 173).

Поскольку поблизости от того места на берегу Дона, где хазары желали иметь крепость, не было подходящего для строительства камня, византийские инженеры, присланные Феофилом, «соорудив печи и обжегши в них кирпич» и «изготовив известь из мелких речных ракушек», отстроили стены крепости из кирпича. Этим строительным материалом в Хазарии не имел права пользоваться никто, кроме самого кагана, поэтому очевидно, что Саркел — *собственно каганская крепость*, построенная по его просьбе и на выбранном с его согласия участке левого берега Дона.

Коротко остановимся на том, что же получили археологи для изучения стен этой крепости (Плетнева, 1996).

Вместо стен сохранились отпечатки кирпичей на материке, поскольку они ставились без фундамента, прямо на подчищенный и на всем их протяжении отнивеллированный строителями материк, в результате чего нижний ряд кирпичей под тяжестью вышележащей толщи четко на нем отпечатался (рис. 61).

Очень редко в раскопах попадались блоки из нескольких рядов кирпичей, и это дало нам некоторые сведения о конструктивных особенностях стен. Располагая этими весьма скудными данными, П. А. Раппопорт сумел создать убедительную картину, дающую представление о крепости в целом и об архитектурных приемах, которыми пользовались при ее сооружении (Раппопорт, 1959).

Дон весьма прихотливо изгибался по широкой пойме и много раз менял направление основного русла. В IX в. Саркел ставили на берегу реки, а в XX в., когда городище начали исследовать, оно находилось у одной из многочисленных стариц в 7 км от Дона. В старицу, заполненную полупроточной водой, двумя концами упирался заплывший ров, в древности, очевидно, заполненный проточной водой. На этом искусственном острове и была выстроена крепость. В плане она прямоугольная (внешние размеры 193,5×133,5, внутренние 178,65×117,83 м), ориентированная углами по странам света. Ширина стен 3,75 м, по углам и вдоль стен были поставлены массивные квадратные башни, в двух из них на северо-западной и северо-восточной сторонах были сооружены воротные проемы. Главные ворота находились на северо-западной стене. Проход с них, шириной в 4,5 м, был вымощен каменными плитами, полотнища ворот были, видимо, деревянными, окованными железными листами (рис. 62) Вторые ворота выходили прямо к реке, они были вдвое уже, но проход также был замощен, но не камнем, а кирпичом, выложенным на известковом растворе (рис. 63).

Крепость была разделена на две части поперечной стеной, толщина которой (3 м) и две башни (угловая и срединная) свидетельствуют о ее значении как одного из оборонных рубежей крепости. Существенно, что оба воротных проезда в крепость вели в ее северо-западную часть, в юго-восточной внешних проходов не было, в нее можно



было проникнуть только изнутри — через проходы в поперечной стене. Оба прохода были сильно укреплены. Очевидно, юго-восточная половина крепости была ее цитаделью. В обеих частях были обнаружены остатки и следы различных сооружений из кирпича построек.

Прежде чем перейти к их характеристике, остановимся на очень интересном открытии, сделанном П. А. Раппопортом, позволившем ему говорить о двух периодах строительства этого сложного и конструктивно разнообразного сооружения. В результате измерений тысяч кирпичей и их обломков было установлено, что кирпичи в Саркеле использовались разные. К первой группе относились кирпичи размером  $24 \times 24 \times 5$  см,  $24 \times 12 \times 5$  или  $36 \times 24 \times 5$ . Они имеют четкую геометрически правильную форму и хороший обжиг красного или красно-оранжевого цвета. На них иногда попадаются попавшие случайно при сушке следы ног человека, лап собаки и еще реже — знаки и рисунки, прочерченные по сырой глине. Вторая группа кирпичей размером  $27 \times 27 \times 7$  см (встречаются в этой группе кирпичи  $30 \times 30$  или даже  $34 \times 34$  см). Обжиг и формовка их тоже хорошие, но в глине заметны включения каких-то выгоревших добавок (травы, навоза?). Знаки и рисунки на кирпичах этой группы попадались чаще, чем на первой. Отмечено, что в кладках из кирпичей первой группы известь лучшего качества, кирпичи же второй группы укладывали на известь с большим процентом песка.

Поскольку в кладках из кирпичей второй группы нередко попадались и кирпичи первой, а обратное не встречено ни разу, П. А. Раппопорт сделал вывод о том, что кладки второй группы появились немного позже, т. е. когда все постройки, сложенные из кирпичей первой группы, были уже поставлены. Так было установлено, что наружные стены с воротами, внутренняя поперечная стена, комплексные здания I, IV, V и стенка, делящая цитадель на две части, выстроены в первую очередь (рис. 60). Это была основа крепости, включавшая в себя по мысли заказчика и исполнителей ее главные составные части. Видимо, в сооружении всего этого первичного комплекса принимали участие приглашенные каганом византийцы. При этом следует учитывать, что основной контингент строителей был

местный и именно он внес в стройку элементы, абсолютно не свойственные византийской архитектуре, — бесфундаментность кладок, характерную для всей Хазарии, и размеры кирпичей, не употреблявшиеся в Византии и хорошо известные в Кавказской Албании, откуда и были заимствованы хазарскими мастерами. Тем не менее строгая выверенность прямых углов и продуманность планировки, высокое качество глины для кирпичей и известкового раствора дают основание говорить о византийском влиянии или даже «надзоре» за строителями. Застройка второго периода велась, по-видимому, силами и под руководством хазарских архитекторов. Прежде всего они у каждого ворот (внешних и внутренних) поставили специальные помещения — «караульни», затем немного достроили здание IV и, самое главное, — в южном отсеке цитадели соорудили длинное здание III с погребями или арсеналами с обоих его концов и высокое, судя по толщине стен, прямоугольное здание с вымощенной кирпичом просторной площадкой перед входом. Это был, вероятно, донжон и жилище главы саркельского гарнизона. На этом кирпичное строительство в крепости закончилось, и жизнь в ней закипела.

Крепость нарочито была поставлена на пересечении нескольких торговых путей, и одной из основных ее функций была таможенная служба. Караваны, проходившие по дорогам через крепость, останавливались в ней. Очевидно, для них предназначался пристроенный к стене цитадели караван-сарай (здание I). Это одна из самых ранних известных нам построек этого назначения (рис. 64). В ней есть все три обязательные для караван-сарая части: комнаты для гостей (5 комнат), длинное помещение для скота и широкий замкнутый (закрытый) со всех сторон двор (Плетнева, 1996, гл. 2). Строительство караван-сарая и помещение его в наиболее безопасное и охраняемое место в крепости говорит о первоначально задуманной «специализации» крепости. Недаром Константин Багрянородный назвал ее (переведа название Саркел) не только «Белой крепостью», но и «Белой гостиницей» (Плетнева, 1996, с. 143).

При исследовании трех комнат, в которых хотя бы отчасти сохранился пол (глинисто-известковая очень крепкая подмазка), обнаружили закладные жертвы, произве-



денные, очевидно, при строительстве здания. В двух углах одной из комнат, справа и слева от входа были открыты небольшие ямки обычной конусовидной формы. Обе тщательно забиты глиной и перекрыты подмазкой пола. В правой на дне находились череп и кости передних ног коня, обильно засыпанные углем, поверх которого положили полкирпича (рис. 65). Левая яма почти наполовину заполнена зольно-углистым слоем с костями животных, рыб и обломков лошадных и кухонных сосудов. Аналогичная, но еще меньшая размерами ямка была обнаружена в углу другой комнаты. Она также была заполнена углями и чешуей рыб и затем закрыта глиняной «пробкой». Подмазки пола над ней не было, ямка явно прорезала его, а значит, была вырыта после сооружения здания. Вырытая после строительства и прорезавшая пол яма обнаружена была на пороге третьей комнаты. В ней произведена наиболее «кровавая жертва», а именно: в заполнении были найдены кости разрозненного (неполного) скелета женщины и череп ребенка (рис. 65). Вполне возможно, что две последние ямки содержали не остатки закладных жертв, т. к. явно были сооружены после окончания строительства здания. Это могли быть жертвы-«обереги».

Рядом с этим компактным и благоустроенным караван-сараям было синхронно осуществлено строительство длинного здания, также состоявшего из пяти комнат, выходы из которых обращены в сторону закрытого двора, отделенного от самой «проходной» части крепости (с двумя внешними воротами) кирпичной стеной с узким входом-калиткой. Неясно, для каких целей служило это здание, первоначально бывшее, видимо, парадным, т. к. даже по отпечаткам кирпичей можно говорить о стремлении придать зданию более торжественный вид — выходы трех средних комнат имели порталы, а крайние комнаты без выходов образовали два симметричных крыла. Во второй строительный период во внутреннем дворе этого здания соорудили длинное здание, аналогичное длинному помещению для скота в первом караван-сараяе. Не исключено, что и этот комплекс в ходе окончания строительства решено было превратить во второй караван-сарай, который удовлетворял всем требованиям, т. е. имел гостевые помещения, конюшню, замкнутый двор.

Таким образом, в крепости размещалось два караван-сарая. Оба — вне цитадели, но в хорошо укрепленных отсеках северо-западной половины внутренней территории.

Весьма существенными особенностями обоих караван-сараяев является частичная застройка их жилыми и производственными помещениями.

Так, в южном углу первого караван-сарая на площадке примерно в 120—130 м<sup>2</sup> размещены пять построек: одна, ориентированная углами по странам света, в центре и четыре — вокруг, каждая как бы «привязана» к определенному углу первой постройки. В целом такое построение было весьма характерно для кочевников с глубокой древности, о чем писал еще в XIV в. Рашид ад-Дин, и называлось оно «курень» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 86; Плетнева, 1994, с. 311—312).

Все постройки полуземляночного типа, углублены в материк на 0,3—0,7 м, все они не сгорели, а были оставлены владельцами, засыпаны и заровнены материковой засыпью. Объединяет их в единую типологическую группу, помимо углубленности в материк, пол без подмазки, открытые очаги в центре пола, наличие жердевых ямок вокруг очагов от приочажных устройств для подвешивания котлов. В каждой из построек прослежены более или менее большие и глубокие хозяйственные или производственные ямы. Две постройки жилые, в них нет никаких остатков какого-либо производства. Это жилища — центральное и южное. Второе отличается размерами: оно длинное, разделенное стеной из плетня, обмазанного глиной, на две равные комнаты. В центре каждой находился очаг. Вход был только в северо-западную половину (пол в ней более стерт), на середине перегородки был вкопан массивный столб, который держал длинный конек крыши, и, возможно, на нем висела дверь во вторую комнату. В северной и восточной постройках не только жили, но в них размещались и гончарные мастерские, о чем свидетельствуют ямы, наполненные производственными глиной и песком, и остатки гончарных кругов: неглубокие пиалообразные ямки с ямками от вбитых в дно квадратных кольев, закреплявших круг в полу. В постройках-мастерских не только жили, но и хоронили в забрасываемом жилище его умерших хо-



заяв (рис. 66). Это случилось в северной мастерской, где в небольших подбойчиках двух противоположных стен были погребены два брата. Оба метисы, наполовину местные степные долихо- и брахикраны, смешанные с выходцами из Передне-Азиатского междуречья (Артамонова, 1963, с. 20, 207), видимо, логично допустить, что это могли быть евреи.

Западная постройка этого куреня была кузницей. В центре ее стоял, вероятно, горн, а не очаг, но он полностью разрушен, и сохранившееся обожженное углубление вполне можно принять и за обычный очаг. Однако огромное количество шлаков, криц, ломаных и целых железных предметов, обнаруженных в заполнении и вокруг котлована этого сооружения, позволяет считать его остатками кузницы. Постройка интересна тем, что в ее котловане по периметру пола выявлены мелкие ямки — следы жердевого каркаса стен. В данном случае каркас был закреплен в полу, и поэтому у нас была возможность его проследить.

Наличие производственного куреня на дворе караван-сарая вполне объяснимо. Аналогии этому встречались в караван-сараях, в частности, в Средней Азии: мастерские были под защитой и покровительством хозяина караван-сарая, а в данном случае — самого саркельского правителя (Плетнева, 1996, с. 50).

Изучение этого гнезда было бы неполным без фиксации остатков или следов некоторых сакральных действий, встречающихся в его постройках. Это прежде всего ритуальные захоронения в гончарной мастерской, о которых говорилось выше, совершенные, несмотря на метизированность покойников, в согласии со степным обрядом, аналогично зливкинским погребениям. Обряд захоронения в брошенной постройке впервые зафиксирован был археологами в Саркеле, и аналогии ему известны пока только на Маяцком поселении (Винников, Плетнева, 1998).

Не менее интересен второй ритуал, обнаруженный в котловане кузницы, а именно брошенный в его заполнение расчлененный скелет женщины. Создается впечатление, что это жертва для обезвреживания духов огня или кузнечного дела, недовольных уничтожением кузницы. Наконец, представляет интерес факт, что в трех постройках этого гнезда были у порога уложены кирпичи. Все они

со следами вторичного использования, т. е. с остатками известкового раствора. Эти вынутые из кладок только что отстроенных зданий кирпичи, видимо, играли роль своеобразных оберегов: кирпичные кладки принадлежали карагану, имевшему громадную сакральную силу, которой, вероятно, в какой-то мере обладали и использованные кирпичи, охранявшие от злых чар входы в оба жилища гончаров и в кузницу.

Двор второго караван-сарая раскопан значительно меньше первого. Однако и на нем прослежено свободное от строений пространство вблизи от конюшни (помещения для скота). Кроме того, в раскопанном западном углу было выявлено три котлована жилищ и несколько хозяйственных ям, относившихся явно ко времени функционирования данного караван-сарая.

Все они представляют собой единое компактно расположенное на небольшой площади гнездо. Жилища-полуземлянки с открытыми очагами в центре пола близки типологически к жилищам из первого караван-сарая. Стены у них тоже на каркасе из жердей, поставленном внутри котлована по периметру пола. Никаких следов производства в них не было, вероятно, в них обитали служители караван-сарая, которые также должны были жить поблизости от «гостей»-караванщиков.

Самыми ранними комплексами, возникшими в период строительства крепости, были жилища, ямы, гончарные печи, плавильные горны и разные ритуальные объекты, обнаруженные с внешней стороны юго-западной стены — на берме, т. е. между стеной и рвом. Все они были врезаны в материк, большая их часть функционировала до возведения на данном участке стены и рва, но следует подчеркнуть, что трассировка стены была, видимо, уже произведена. Ни один из этих ранних комплексов не был помещен к стене ближе чем на 2 м. Но при проведении здесь рва, что, естественно, делалось после окончания работ на стене, часть этих построек была, видимо, полностью уничтожена, многие из них частично срезаны им.

Жилые постройки, как и в предыдущих гнездах, были поставлены достаточно близко друг от друга — это тоже полуземлянки с очагами в центральной части пола, хозяй-



ственными ямами, врезанными в пол, и входами, расположенными вблизи от одного из углов. Однако каждая из них отличалась и некоторыми особенностями. В одной, сгоревшей и особенно сильно разрушенной рвом, находилась гончарная мастерская, рядом с которой находилась гончарная печь, а в другой помимо обычного очага в углу соорудили круглую глинобитную печь с отделенной от топки «чистой» частью, выложенной саркельскими кирпичами (без следов извести на них, т. е. не бывших в употреблении). Вполне возможно, что это была хлебная печь (рис. 67). В большой хозяйственной яме этого жилища были обнаружены зерна карликовой пшеницы и ячменя, на которые были брошены два жернова.

К этому гнезду относилось и своеобразное, крепко поставленное хозяйственное сооружение-полуземлянка, служившее, вероятно, амбаром или погребом (рис. 68). Необычным в нем является внутренняя довольно массивная перегородка из крупных стояков-столбов, делящая помещение на две неравные части (как в погребках Маяцкого поселения). В меньшую вел вход, расположенный в углу постройки, а в перегородке была дверь, на пороге которой уложены два кирпича (оберега?). Во внутреннем помещении в стенке был сделан подбой и в нем захоронена головой ориентированная на юго-запад пожилая женщина — европеоид-мезокран. Типологически погребение близко к обоим захоронениям мужчин в гончарной заброшенной мастерской первого караван-сарая. В данном случае постройка также была заброшена, котлован ее использовали, видимо, для захоронения и затем забили, как и все остальные котлованы, материковой глиной.

Ко времени существования этих строений относятся остатки пяти плавильных горнов, расположенных на обособленном от жилья участке. Сохранилось от них немного — только врытые в материк основания горнов с сильно оплавленными стенками и дном, заполненные золой и углем. В одном из них удалось проследить следы поддувала. Особый интерес представляют обнаруженные в каждой из горновых ям остатки ритуальных жертвоприношений: черепа коня или собаки или же части черепов — нижние челюсти с зубами, а также ноги коня с копытами. Видимо,

эти жертвы предназначались для охраны людей от злых духов огненного кузечно-плавильного дела.

Исследователей этого участка привлекли многочисленные «хозяйственные» ямы, пятна которых четко выявлялись в материке. При расчистке оказалось, что далеко не все они являлись погребками или зернохранилищами. Более трети из них использовались (возможно, вторично) для совершения в них захоронений людей и животных (преимущественно собак). Погребенные люди относились к одному антропологическому типу: брахикранов «среднеазиатского междуречья», мужчины укладывались (буквально втискивались в ямы) на спине, вытянуто, женщины чаще скорченно на боку. Собаки — крупные, по-видимому охотничьи или овчарки, помещались в могилу полностью, хотя некоторое, вероятно ритуальное, нарушение их скелетов прослеживается довольно четко (рис. 69).

Погребения коней сопровождали человеческие, отдельных их захоронений обнаружено не было. Погребения людей и животных в круглых ямах довольно часто встречались на Маяцком поселении (Винников, Афанасьев, 1991; Винников, Плетнева, 1998).

Сооружение рва и засыпь большинства комплексов глиной не полностью прекратили использование этого обжитого участка. Довольно значительное количество ям, в заполнении которых археологи обнаружили кусочки (крошки) извести, явно были заполнены, а вероятно, и выкопаны после постройки здесь стены. В них по-прежнему производили захоронения людей и животных (собаки, барана), а также совершали сложные жертвоприношения овец, телят, лошадей, рыб, сопровождавшиеся огненными ритуалами. От них до нас дошли большие прямоугольные ямы с прокаленными стенками, заполненные костями ножек молодых жертвенных животных и их черепами, смешанными с золой и угольками (рис. 70).

Однако жизнь на берме действующей крепости была невозможна. Жители крепости начали искусственно понижать ее уровень, сбрасывая со стены землю из котлованов построек и больших зерновых ям, которые начали активно сооружать в крепости во второй строительный период, относящийся уже к X в.



Жизнь в крепости в этот период заметно изменилась. Прежде всего, фактически перестали функционировать или, во всяком случае, сильно видоизменились и стали застраиваться караван-сарая. Особенно уверенно об этом, опираясь на археологические факты, мы можем говорить относительно первого караван-сарая. Его комнаты превратили в жилища. В углу длинного помещения для скота соорудили небольшую овальную полуземлянку с открытым прямоугольным очагом в центре, а проход во двор караван-сарая был изрезан хозяйственными ямами, поверхность которых обмазывалась зеленой плотной глиной.

Полностью исчез со двора «курень». Его засыпали и поставили новую кузницу и рядом с ней — жилые и хозяйственные постройки, заметно отличавшиеся от разрушенных жилищ предшествующего времени. Домики были наземные с глинобитным полом, стены у них были дощатые, с обеих сторон покрытые глиняной обмазкой (рис. 71). На всем пространстве двора бывшего караван-сарая было исследовано более 20 синхронных этой застройке ям и благоустроенных погребков (рис. 64).

Лучше всех остальных построек этого нового «гнезда» сохранились остатки кузницы, основание которой было углублено в материк на 0,2—0,3 м. В плане постройка овальная, стены на жердевом каркасе, ямки от которого прослежены по всему периметру пола. В центре помещался горн с соплом и отпечатками мехов, а рядом — массивная доска от наковальни, деревянное корыто для воды и большая яма, заполненная крицами.

Началась, по-видимому, активная застройка не только двора караван-сарая, но и всей внутренней площади крепости, сопровождавшаяся разрушением ряда выстроенных всего 60—70 лет назад кирпичных зданий. Так, во втором караван-сараяе весь западный угол был застроен наземными или слабо углубленными в материк жилыми постройками и зерновыми ямами. Жилища были выстроены с максимальным использованием крепостных стен: в углу две стороны домика были стенами крепости, облицованными деревом, а две — дощатыми, обмазанными глиной. Такие же стены были и у другого просторного квадратного жилища, тоже «пристроенного» вплотную к стене крепости. В

центре его пола находился небольшой открытый очаг, а в одном из углов была поставлена печь, сооруженная из кирпичей и камней. Появление такой печи в саркельском жилище, видимо, свидетельствует о связях хозяйки дома, скорее всего, с Крымом, где, как мы увидим ниже, подобные печи были широко распространены в ту эпоху.

Аналогичные домики — наземные или слегка углубленные, с глинобитными полами и печами в углах (в сочетании с открытыми очагами в центре пола) — местами составили целые ряды, создавая как бы еще не вполне обустроенные и ровные «улицы».

Перестройки значительно изменили планировку даже внутри цитадели. Была застроена территория вокруг донжона — домиками, погребками, хозяйственными ямами. Даже на кирпичной площадке перед донжоном была поставлена небольшая постройка, служившая, возможно, личной пекарней хозяина донжона. Остальные строения принадлежали, вероятно, приближенным правителя. Сохранность их очень плохая, и попытаться восстановить внешний вид зданий вряд ли возможно.

Не поддается объяснению факт полного уничтожения в этой части длинного здания, служившего конюшней, верхний этаж которой был, вероятно, казармой. От этого здания нетронутыми остались только концы, в отгороженных отсеках которых находились обстоятельно сделанные, глубокие, выложенные кирпичом «погреба». Не исключено, что это были арсенальные помещения.

Сильно пострадало в северо-восточном отсеке цитадели довольно сложное сооружение непонятного назначения. Сохранность его настолько плохая, что мы можем говорить только о наличии большой вымощенной кирпичом платформы, от которой остались разрозненные участки отпечатков кирпичей, и следы кладок обширного квадратного здания, сооруженного на платформе, а также соединенного с платформой вымошкой второго меньшего здания с толстыми стенами, что, видимо, можно связывать, как и в донжоне, с двух- или трехэтажностью постройки (рис. 72). Нет никаких данных для предположения о значении этого комплекса в жизни крепости. Это явно общественное здание (или комплекс зданий), но не языческое



святилище, не христианский храм и не мечеть, об архитектуре которых того времени у нас есть довольно ясные представления. Возможно, здесь находилась синагога, существование которой в Саркеле было бы вполне логично. Крепость принадлежала кагану, принявшему иудейство, 300 воинов гарнизона могли также быть иудеями, и поэтому каган и бек (царь) считали необходимым соорудить в крепости иудейский молельный дом, а перед ним — обширную платформу. Однако и эта постройка во второй период подверглась частичному разрушению и была заброшена. На платформе были поставлены из кирпичей на растворе глины какие-то совсем небольшие и не слишком устойчивые постройки (три в ряд), которые могли быть лавочками торговцев, а платформу, возможно, стали использовать как базарную площадь(?). Все это недоказуемо, но ясно, что и лавочки простояли на платформе недолго — только до гибели Саркела, т. е. до взятия его князем Святославом в 965 г.

Жизнь в Саркеле длилась около 130 лет. За это время обычно на оседлых поселениях накапливался довольно мощный культурный слой (в среднем по 1 см за год). В Саркеле этого не случилось — слой нарастал медленно, так же, как на всех известных мне поселениях салтово-маяцкой (хазарской) культуры. Объяснить это можно только тем, что на поселениях поддерживался порядок и чистота. Дело в том, что на них рылось большое количество хозяйственных ям. Старые, источенные мышами ямы забрасывались, и их использовали повсеместно в качестве помоек, сбрасывая в них все отходы жизни и производства. То же происходило и с котлованами брошенных жилищ и погребов. Итак, все «культурные напластования» сбрасывали в ямы, на поверхность, покрытую слоем дерна, попадало немного. В результате в Саркеле за 100 с лишним лет накопилось не более 0,2 м слоя. Это, по существу, был дерновой древний слой с втоптаннми в него разными потерянными предметами и отдельными черепками.

Саркел был взят с боем, сожжен, разграблен, разрушен. Многие кирпичные здания перестали функционировать, в частности Главные ворота, донжон, базарная площадь. Разгром был тотальным, и он сразу дал значительный пласт «культурных» накоплений, насыщенных громадным коли-

чеством битой посуды. В результате толщина собственно саркельского слоя достигла 0,5—0,6 м. К тому же к наслоениям разгрома следует прибавить и наслоения первой после разрушений застройки, производимой славянами-боршевцами и кочевниками (печенегами и гузами), начавшими селиться и ставить домики и юрты в крепости, особенно в ее менее разрушенной части — в цитадели.

Заселявшие крепость от начала ее существования и до возникновения на ее развалинах нового поселения, именовавшегося в древнерусской летописи Белой Вежей, разные этнические общности оставили после себя прежде всего определенный набор керамической посуды, являющийся как бы «паспортом» каждого из них. В слое первого периода существования Саркела основными группами керамики были местные: столовая гончарная лошенная посуда, разные хозяйственные сосуды, изготовленные из того же глиняного «теста» (но без лошения), кухонные горшки и котлы с внутренними ушками, сделанные из глины с отошающей примесью кварцевого речного песка, лепные горшки, хорошо сформованные из глины с примесью «органики» (травы, соломы), изредка попадались обломки привозной тарной керамики: амфор и «тмутараканских» кувшинов (рис. 73—75).

Слой второго периода вместе со слоем гибели и бело-вежской первой застройкой характеризуется значительно большим разнообразием керамики. Кроме местной, которая осталась фактически той же (почти пропали нелощеные хозяйственные сосуды), появилась боршевская посуда и пышно украшенная кочевническая (рис. 75). Это и дало основание говорить о частичном заселении крепости славянами и кочевниками (Белецкий, 1959, с. 132; Плетнева, 1959, с. 266). Предложенное выше решение относительно образования «комплексного» слоя вносит, как мне представляется, некоторую ясность в сложный вопрос о времени проникновения славян и кочевников в Саркел. Они действительно заселили Саркел, но только после разрушения крепости Святославом. Следует признать, что высказанное об этом почти 70 лет назад предположение М. И. Артамонова абсолютно правильно и вряд ли в будущем будет оспорено.



Слой второго периода жизни Саркела отличается от первого резким (в 5—10 раз) увеличением обломков тарной посуды. Ее вместе с содержимым (вином, пряностями, нефтью и пр.) привозили из Приазовья, Крыма и даже Византии (рис. 75). Связи с этими землями осуществлялись, скорее всего, водным путем, и, может быть, это стало причиной ликвидации классических караван-сараев в крепости, которые более необходимы были сухопутным караванам.

Таким образом, крепость Саркел, выстроенная в основном как таможенно-перевалочный пункт на скрещении сухопутных дорог, в X в. стала торгово-ремесленным городком, мимо которого с Азова на Волгу и обратно плыли по Дону корабли с товарами.

В большом районе нижнего Дона, ограниченного с востока его правым притоком Цимлой, сосредоточено кроме Саркела, расположенного, как говорилось, на левом берегу реки, еще пять правобережных крупных укрепленных и неукрепленных поселений. Все они тесно связаны друг с другом водными и сухопутными путями в один экономический и, вероятно, политический узел, который возглавлял Саркел, являвшийся каганской крепостью с каганским гарнизоном и наместником. Утверждение многих историков, основанное на рассказе Константина Багрянородного, о том, что главной функцией Саркела была оборона земли хазар, лишено основания, поскольку Саркел стоял в густо населенном районе, далеко от границ, которые нуждались в защите.

Приходится пожалеть, что почти все поселения этого района оказались, как и сам Саркел, затопленными водами Цимлянского моря. Попавшие в зону затопления памятники по возможности исследовались археологами. Поиски и обследование раннесредневековых памятников было поручено И. И. Ляпушкину (Ляпушкин, 1958 а, б, в, г, д).

На затопляемых памятниках саркельской округи стационарные раскопки были проведены им только на Карнаушовском городище (Ляпушкин, 1958б). Памятник располагался на первой террасе левого берега речки Котлубанки, на мысу, образованном рекой и овражком. С восточной и южной сторон мыс укреплен валом и рвом, общая длина которых достигает 850 м (рис. 76)

Ров, вырытый в материке (суглинке) на глубину до 2,4 м, шириной 2,6 м, в разрезе чашевидный — с немного наклонными (сужающимися) стенками и округлым дном. Вал насыпан на дневную поверхность земель — выкидом из рва: нижний его слой — темный дерновой, верхний — материковый. Ширина основания вала примерно 5 м, сохранившаяся высота не превышает 1 м: верх был срезан, поэтому гребень его выделялся на поверхности желтовато-коричневой глинистой полосой. Никаких следов деревянных конструкций обнаружено как будто не было, но наличие их можно предполагать: они стояли на уничтоженной вершине вала. Следует также учитывать, что с внешней стороны на пространстве между валом и рвом (берме) прослежен золистый слой, смешанный с глиной, возможно представлявший собой остатки внешней деревянной облицовки вала, обмазанной для предотвращения поджога во время осады глиной. Высота вала вряд ли превышала 2—2,5 м. Тем не менее вместе со рвом это было довольно серьезное укрепление, хотя и выстроенное без использования камня, которого в окрестностях просто не было.

Площадь укрепления очень значительна: 600×150—450 м. С севера от него — отделенное оврагом и широкой ложиной — расположено поселение, протянувшееся вдоль берега примерно на 1 км. Культурный слой на обеих частях памятника практически отсутствует — это нижний предматерик, сливающийся с современным дерном, однако глубокая распашка поверхности позволила выявить на ней остатки построек (куски обожженной глины, скопления обломков посуды и пр.). Кроме того, на поверхности выделялись неглубокие западинки и курганообразные насыпи золы с включениями большого количества костей животных и обломков керамики. С той или иной степенью вероятности можно говорить, что все эти остатки и следы жизнедеятельности людей располагались на площади не сплошь, а как бы «гнездами», отделенными друг от друга свободными от застройки участками, что было отмечено в первый же год исследования памятника И. И. Ляпушкиным.

На территории укрепления и поселения было вскрыто несколько полуземлянок и наземных построек, три золис-



тых всхолмления (зольника), образовавшихся из выбросов золы из очагов соседних жилищ. Это были, как и на других памятниках хазарского времени, отнюдь не «сорные кучи», как полагал И. И. Ляпушкин, а постоянные места исполнения семейных ритуалов, связанных, видимо, с почитанием очага и огня (Русанова, 1998).

Две открытые довольно просторные полуземлянки, углубленные в материк на 1 м, характеризуются хорошо утрамбованными (утоптанymi) материковыми полами (иногда в местах стертости подмазанными), ровными стенками, видимо, без облицовки деревом, двускатными крышами из хвороста и камыша, покрытых для утепления слоями глины и дерна (рис. 77). В полу были вырыты ямы-погребки, а очаги помещали в углах и обкладывали камнями, обломками керамики и явно вынутыми из кладок «саркельскими» кирпичами (со следами извести). Последнее дает нам основание для датировки Карнауховского поселения вторым периодом истории Саркела, т. е. не ранее первой половины X в. Вход в одной из полуземлянок был вырезан в стене в виде двух ступенек, а другая, вероятно, была снабжена внутренней приставной лестницей.

Мы остановились на описании этих жилищ потому, что на памятниках нижнего Дона раскопок проводилось мало и о стационарных типах жилых сооружений на больших открытых поселениях можно судить пока только по этим остаткам карнауховских домиков, по ряду признаков весьма отличных от жилых построек, известных на поселениях других степных районов Подонья.

Однако еще более оригинальными, не обнаруженными ни на одном памятнике в ареале Хазарского каганата, являются длинные большие полуземлянки (3—3,5×10—14 м), устойчиво ориентированные по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Это, очевидно, не жилые помещения, очагов в них не было, а пол, пропитанный на значительную глубину отложениями гумуса и золы, слегка скошен с обеих длинных сторон к центральной осевой линии, вдоль которой была прорыта узкая канавка (сплошная или прерывающаяся). Входы в эти помещения располагались в торцовой стенке или в длинной боковой, но тоже поблизости от торца: это просто выемки в материке с покатым дном.

Очевидно, эти постройки предназначались для скота — в основном овец (молодняка) и дорогих (привозных) коней. У одного из длинных помещений была небольшая квадратная пристройка, соединенная с ним узким проходом, служившая, вероятно, для каких-то специальных целей, связанных с содержанием и обслуживанием скота.

Столь же необычными и фактически неизвестными в культуре Хазарского каганата до настоящего времени остаются и наземные постройки Карнауховского поселения (рис. 78). Стены этих построек имеют турлучную конструкцию. Их тростниковый каркас установлен и закреплен в канавках, довольно глубоко вырытых в материк. Затем каркас с обеих сторон обмазывался глиной и обжигался до красноты. Толщина стен достигала 0,3 м, обжиг давал им почти кирпичную крепость, предохраняя от разрывов и разрушений. В некоторых постройках стены дополнительно были укреплены врытыми в пол вдоль длинных сторон и в углах массивными столбами. Постройки большие прямоугольные, размеры их от 20 до 36 м<sup>2</sup>, полы плотные материковые без подмазки, местами у стен обожженные. Эти помещения, как и полуземлянки, были жилыми, хотя, возможно, только в летнее время. Очаги в них располагались в центре пола, хозяйственные ямы — у стен и в углах. Там же, вдоль стен стояли пифосы и пифосы-кувшины. Наиболее интересными находками в них были остатки тандыров двух типов. К первому относятся конусовидные или «кувшинообразные» небольшие с прокаленной поверхностью ямки, заполненные золой. В них, скорее всего, запекалось мясо. Второй тип — обычные «хлебные» наземные конусовидные тандыры, от которых обычно сохраняется только немного углубленное в материк основание, напоминающее по внешнему виду тарелкообразный очаг и поэтому нередко принимаемое за обычный очаг, обмазанный глиной. Так случилось и с И. И. Ляпушкиным, считавшим, что он открыл обмазанный глиной очаг с прокаленным дном и краями. Ни наклонные внутрь стенки этого «очага», никогда не встречавшиеся в «тарелкообразных» очагах, ни очень сильный провал открытого сооружения, ни, главное, завал обожженной глины внутри «очага» не привели исследователя к заключению о его первоначальной



форме и назначении. В результате тандыры в степной Хазарии были открыты и изучены только спустя четверть столетия (в начале 80-х гг.) К. И. Красильниковым (Красильников, 1986).

Таким образом, в летних просторных жилищах не только жили, но в них велась и хозяйственная работа: продуктовые и зерновые ямы, сосуды-хранилища, жернова свидетельствуют о том, что в этих постройках и хранились и обрабатывались разнообразные продукты.

Карнауховское поселение состоит из двух частей: укрепленной и неукрепленной. Было отмечено, что, несмотря на равную как будто застроенность территории, в укреплении ни разу не встречено остатков наземных, в значительной степени производственно-хозяйственных помещений. Очевидно, какие-то отличия между частями существовали. Не исключено, что они заключались в социальном статусе обитателей. Укрепление могло принадлежать богатой разросшейся семье, у которой были возможности оградить себя не только от участвовавших в то время набегов печенегов, но и от людей, живших вне укрепления.

На той же речке Котлубанке, ниже по течению, на ее правом берегу у хутора Среднего находилось еще одно типологически близкое Карнауховскому укрепленное земляным валом поселение. Вал и ров, чуть заметные в XX в. на поверхности, протяженностью более 1 км ограждали трапециевидную площадь размером примерно в 15 тыс. м<sup>2</sup>. На ее поверхности М. И. Артамонов отметил западинки от затянувшихся дерном котлованов полуземляночных построек (Артамонов, 1935, с. 25—27, рис. 10). Поскольку поверхность этого памятника не распахивалась, зольные кучи на нем не были обнажены, а подъемный материал ограничивался небольшим количеством довольно мелких обломков посуды, идентичных карнауховскому керамическому комплексу.

Отметим только одну особенность укреплений Среднего городища: на одном из углов в систему вала «вписан» высокий курган, поверхность которого покрыта меловым щебнем. Создается впечатление, что курган являлся неотъемлемой частью укрепления — остатком башни, возможно поставленной на древний курган. Башня была со-

оружена с использованием известняка, от которого осталась только россыпь щебня.

Ареал саркельской округи включал еще один памятник — это хорошо и давно известное специалистам и краеведам Правобережное Цимлянское городище\*, даже визуальный осмотр поверхности городища, заваленного мощными отвалами битого мелового камня и щебня, позволяет говорить о том, что здесь стояли стены укреплений, сооруженные из обработанных меловых блоков.

Белокаменная крепость располагалась на высоком (70 м) крутосклонном мысу правого берега Дона, отрезанном от массива берега двумя глубокими оврагами. Только узкая перемычка, перерезанная небольшим ровиком, соединяет мыс с берегом. Белокаменные стены крепости были разрушены (разобраны) по постановлению Донского Войскового правительства в 1744 г. Прекрасно обработанные известняковые блоки были использованы для строительства бастионов Старочеркасской крепости. Тем не менее уничтоженная крепость продолжала привлекать археологов (Сизов, 1889, с. 278; Артамонов, 1935, с. 27—30; Ляпушкин, 1958а, с. 90, 117—126 и сл.; Плетнева, 1994; Флеров, 1994). В результате их усилий городище изучено весьма основательно: было вскрыто более половины его площади (рис. 79).

Удалось проследить многие архитектурные навыки и приемы, использовавшиеся строителями белокаменной крепости, а также устройство жилищ и приемы домостроительства.

Анализ культурного слоя позволил выделить два этапа жизни на нем в хазарское время\*\*.

В первый этап на треугольной площадке мыса размещалось поселение, на котором было исследовано около 50 юртообразных жилищ.

\* Городище, находившееся на высоком правом берегу, не подлежало затоплению. В годы строительства канала работы на нем не финансировались руководителями стройки, а потому и не велась.

\*\* Следует отметить, что первоначально мыс был заселен в эпоху бронзы, культурный слой того времени сильно изрезан последующей тесной застройкой средневековой эпохи.



Основания всех юртообразных жилищ углублены в материк обычно на 0,15—0,2 м, но изредка встречаются котлованы глубиной до 0,8 м. Форма их в плане преимущественно круглая, овальная или так называемая «неправильно округлая», т.е. с нарушениями типичного контура. Встречаются и квадратно-прямоугольные постройки, но с сильно округленными углами (рис. 80, 81, 82).

Помимо них на этом поселении было обнаружено несколько жилищ необычной планировки. Они состоят из двух отделений: главной — жилой и дополнительной пристройки, вплотную примыкавшей к основной части (рис. 83). Стены построек были каркасной конструкции: в полу по периметру всюду прослеживались ямки от жердевого каркаса. Покрытие каркаса, скорее всего, было войлочным, как у хорошо известных этнографически юрт. В одной из расчищенных построек удалось зафиксировать по всей площади «пятно» плотной «сажи». Ее не было только в центральной части (над очагом). Вполне возможно, что эта сгоревшая органика была войлоком, а над очагом в войлочных юртах всегда оставлялось дымовое отверстие. Сгоревший войлок лег на погибшее в огне жилище. Возможно, что в некоторых, особенно маленьких построечках (бедных) вместо войлока пользовались камышом или даже соломой (соломенными матами), но никаких следов глиняной обмазки, скрепляющей их и утеплявшей стены, нигде обнаружить не удалось. Материковый глиняный пол во всех постройках тщательно выровнен, в его центре располагали открытый очаг: простой «кострообразный» совсем не углубленный в пол или «тарелкообразный», углубленный всего на 5—10 см. В полу жилищ вырывались хозяйственные сравнительно небольшие ямы-погребки и ямки-тандыры (для выпечки мяса?), аналогичные обнаруженным в Саркеле и Карнаукове. Полы в большинстве юрт были испещрены многочисленными ямками от вбитых в них столбиков. Они окружали очаги, т.е. являлись остатками приочажных устройств для подвешивания котлов, большинство их были следами от ножек закрепленной в полу мебели, в частности ставившегося обычно напротив входа ложа хозяина («тёра»), наиболее почетного и почитаемого места в доме.

Расположение жилищ на поселении (на большей части вскрытой площади) не дает представления о каком-либо устойчиво сохранявшемся порядке. Исключением является размещение жилищ «курением», т.е. по кругу на центральной участке поселения (рис. 84). Курень состоял из восьми жилищ: семь — по кругу, одно в центре. В него входили самые крупные, в том числе — двухкамерные, постройки. Особенно бросается в глаза величина главной — центральной «юрты» (около 25 м<sup>2</sup>) с тремя очажками, «тёром» и ямкой-тандыром. Очевидно это было жилище главы данного поселения, а остальные семь юрт вокруг принадлежали его ближайшему окружению. Жилища на других раскопанных участках, расположенные хотя и близко, но за пределами выявленного круга, размещались беспорядочно, иногда довольно скученно, почти соприкасаясь друг с другом.

Поселение было укреплено. По склонам мыса всюду были заметны следы эскарпирования в виде чуть заметной (обвалившейся) ступени, перешеек, соединявший мыс с берегом, был перерезан ровиком. А вот были ли поставлены стены по периметру мыса, сказать пока затруднительно. Предварительно можно предположить, что укрепления были. Дело в том, что от них почти всюду остались только длинные заплывшие «выемки». Исследования показали, что выемки были обрамлены заплывами и скоплениями глины, расстояние между ними (4 м) является, очевидно, шириной проходившей здесь стены. Глина перекрывала черный гумусированный слой, относившийся к эпохе бронзы. От стены, в месте пересечения ее траншеей, сохранились ямки от вбитых в древнейший слой двух рядов не очень толстых бревнышек (около 0,15 м), поставленных друг от друга примерно на 0,2 м. Очевидно, они ограничивали стену с обеих сторон, а примерно по ее середине проходил еще один ряд аналогичных бревен, вероятно служивший дополнительным креплением внутренней части стены. Из чего состояла «внутренность» стены, мы не можем даже предполагать, т.к. от засыпки ядра не осталось ничего. По аналогии со стенами Маяцкого городища это, возможно, были слои щебня и глины, насыпавшиеся (набивавшиеся) в крепежный каркас. Во время этой работы и образовались по обеим сторонам стены глинистые жидкие (расползшиеся) наteki.



На тот же слой древнего гумуса (культурного слоя эпохи бронзы), перекрытого натеками глины, были поставлены воротные укрепления, угловые и срединные башни. Сооружены они были из великолепных белокаменных блоков с прекрасно обработанной поверхностью, стандартный размер которых 0,6×0,3×0,4 м. В одних случаях их укладывали прямо на поверхность, в других — на песчаниковые плиты, тщательно подогнанные друг к другу. К сожалению, сохранность белокаменных участков так же плоха, как и предположительно существовавших деревянно-глинобитных частей стен. Были открыты обрывки кладок только нижнего ряда, но, судя даже по ним, стены, сооруженные из камня, были не «панцирные», а сложенные полностью из каменных блоков, они отличаются от белокаменных замков лесостепной зоны.

Вполне вероятно, что с первым периодом строительства укреплений на мысу можно связывать прослеженные раскопками В. И. Сизова в 80-х гг. XIX в. остатки нескольких круглых башен, построенных, видимо, из белокаменных блоков. Они располагались «цепочкой» по плато, соединенном с мысом узким перешейком, перерезанным, как говорилось, ровиком. К сожалению, в наше время от этих сооружений не сохранилось и следа, и поэтому выяснить хотя бы устройство их оснований не представляется возможным. Все они многократными глубокими распашками полностью стерты с лица земли.

Таким представляется мне поселение на Правобережном Цимлянском мысу в первый период своего существования. Отметим, что косвенно факт строительства на нем в то время первых белокаменных зданий подтверждается и находками каменных блоков в жилищах. Правда, там они были значительно хуже обработаны, обломаны и явно вырублены, без соблюдения стандартных размеров, но наличие их свидетельствует, что жители поселка прекрасно знали о существовании каменоломен и пользовались ими.

Другой, не менее важной находкой в жилищах являются кирпичи. Все они, как и на Карнауховском поселении, со следами известкового раствора на поверхности, а это значит, что все были вынуты из кладок. Причем, как и в самом Саркеле, их укладывали у порогов или у очагов, т. е.

в местах, несомненно нуждавшихся в охране от проникновения злых сил. Поскольку единственным в этой большой округе кирпичным зданием был Саркел, то находка вынутых из кирпичных каганских (имеющих сакральную силу) стен дает нам право говорить о синхронности Правобережного укрепленного поселения как с уже отстроенным Саркелом, так и с Карнауховским комплексом.

Поселение было захвачено, разгромлено и сожжено. Мужчины, вероятно, погибли, защищая свои жилища, много женщин и детей было перебито прямо в жилищах, их полурастащенные зверьем скелеты были найдены в их развалах — вокруг очагов, в кладовках и т. д. (рис. 85). У одной из убитых женщин вдоль ног были обнаружены спрятанные, видимо, в сапогах серебряные дирхемы халифа Харуна ар-Рашида (786—809 гг.), а древнейшей монетой клада была драхма Хормизда IV (579—590 гг.). Ясно, что серебро в семье накапливалось и хранилось, на Дон, и, в частности, на Правобережное поселение, оно попало самое раннее в конце VIII в. Очевидно, этим временем (+10-15 лет) можно датировать появления на мысу первых поселенцев, а наличие вынутых из саркельских кладок кирпичей и в то же время отсутствие находок обломков красноглиняных кувшинов, распространившихся в Саркеле в последней четверти IX в., говорит о том, что поселок существовал на протяжении почти столетия.

Сожженный поселок и руины его укреплений некоторое время оставались пустыми, постепенно затягиваясь песком и дерном, зарастая травой. Однако крепость на этом мысу, с которого прекрасно прослеживался на большое расстояние участок Дона и поймы, была, видимо, нужна, и ее решили вновь отстроить. Стены крепости на этот раз начали сооружать из двух панцирей, сложенных без раствора из тщательно обработанных крупных белокаменных блоков, пространство между которыми должно было быть заполнено камнем, щебнем, возможно, и глиняным раствором. Меловой камень для строительства доставляли на мыс в необработанном виде: обтеска привезенных глыб осуществлялась на строительной площадке, т. к. учитывалась необходимость большого количества сколов и щебня для за-



бивки их между панцирями. Строительство велось, во всяком случае, не один год, т. к. на мысу начал образовываться жилой слой, перемешанный со строительным мусором. Вдоль возводимых панцирей, ставящихся даже не на материк, как в Саркеле, а прямо на культурный слой предыдущего поселения, строительный мусор в виде валов из щебня и кусков камня достигал местами в высоту 1,5—2 м. Его не убрали, рассчитывая после окончания кладок панцирей забить этим отвалом ядро стены. Но строительство крепости было по непонятной сейчас причине прервано. Панцири были уже поставлены, и, вероятно, частично произведена была засыпка внутреннего пространства, и на этом все закончилось. В таком виде стояло это неоконченное сооружение до середины XVII в., когда его уничтожили. До нас дошел план остатков крепости, сделанный тогда же инженером Санцыперовым до разборки панцирей. План почти глазомерный, но существенно, что на нем всюду по внутреннему периметру «стен» изображены «валы» из щебня, а рядом даны разрезы стоящих панцирей и высоких валов. Таким образом, ясно, что валы не были результатом разборки стен, хотя, судя по прослеженной мной стратиграфии их образования, они, конечно, были основательно подсыпаны в процессе разборки панцирей.

Итак, вероятность существования укреплений по периметру мыса еще в первый период жизни на нем и очевидность недостроенности во второй строительный период представляются мне вполне допустимыми гипотезами, опирающимися на факты.

Хронологически период второго строительства оторван от гибели поселения не более чем на 10—20 лет. А это значит, что как массовый керамический материал, так и состав многочисленных «индивидуальных» находок, состоящий в основном из категории керамического и железного хозяйственного инвентаря, в целом абсолютно идентичен.

Наиболее характерной категорией керамики на поселении являются обломки кухонных горшков, сформованных на гончарном круге из глины со значительной примесью речного песка. Типичнейшей чертой их является, как и всюду в каганате, линейно-волнистый орнамент, покрывавший их от венчика до донца. Из этого же теста изготовлялись по-

добные горшкам формой и орнаментикой котлы с внутренними ушками — один из самых распространенных типов кухонной посуды на степных поселениях (рис. 86).

Помимо кухонной посуды, сделанной на гончарном круге, нередко использовались на поселении и лепные кухонные горшки (без орнамента) и даже лепные котлы с внутренними ушками, правда, последние встречались редко (рис. 87).

Лошенной столовой посуды также попадалось немного, это обломки кубышек и приземистых кувшинов с короткими горлами. Зато обломков амфор встречалось множество в слоях обоих периодов. Дата их не выходит как будто за рамки IX в. (рис. 87). Отмечу, что в слое был обнаружен даже один обломок венчика красноглиняного кувшина раннего типа, т. е. первой половины IX в. Но он, как и обломок поливного сосуда IX в., единичен.

Следует сказать, что благодаря хорошей сохранности на этом памятнике железа (сухой песчаных грунт) здесь была открыта великолепная коллекция бытовых и производственных предметов, сделанных из этого металла. Это — многочисленные мотыжки (и их обломки), ножики, кресала, наборы рыболовных крючков, предназначенные для ловли разных рыб, и глиняные или небрежно выточенные (оббитые) из кирпича грузила, кузнечные инструменты: наковаленки, молотки, ножницы для резки металла и щипцы, разные сельскохозяйственные орудия: лемехи, чересла, серпы, виноградорный нож (рис. 88—94). Последняя находка особенно важна, поскольку является неопровержимым свидетельством существования здесь, на Дону (как и в наши дни), виноградников (Потапенко Л., Потапенко А., 1998, с. 23—25). Попадают в слой и железные части сбруи коня (удила, стремяна), немного оружия: топорик, несколько копий и довольно многочисленный и многообразный набор наконечников стрел, большинство которых следует датировать не ранее конца IX в. — первой половины X в.

В целом все обнаруженные на Правобережном вещи имеют широкие аналогии в древностях не только культуры Хазарского каганата, но и синхронных ей памятников Восточной Европы. В частности, в Саркеле, где железо почти не сохранялось в слое, изредка встречались сильно корро-



зированные обломки абсолютно аналогичных предметов, а на городище Маяки, о котором говорилось выше, были обнаружены прекрасной сохранности идентичные правобережным комплексы железных предметов разного назначения.

По керамике и вещевым индивидуальным находкам периоды, прослеженные нами стратиграфически, не выделяются. Однако факт наличия и даже преобладания на памятнике стрел, которые можно относить к концу IX в. — первой половине X в., свидетельствует, видимо, о времени прекращения жизни поселения (рис. 95). Стрелы принадлежали, скорее всего, воинам, захватившим и уничтожившим поселок. Что же касается времени неоконченного строительства крепости, то оно относится, видимо, к первой половине X в. По неясной причине стройка была неожиданно прервана и более не возобновлялась\*.

Помимо описанных нами, несомненно, наиболее выдающихся памятников «хазарской» культуры в цимлянском регионе нижнего течения Дона, в него входило несколько поселений без следов укреплений (Крутой, Хороший, Потайновский), открытых и обследованных еще М. И. Артамоновым в начале 30-х гг. (Артамонов, 1935, с. 31—32, 48, 49). После него никто не проводил здесь разведок, даже такой дотошный исследователь, каким был И. И. Ляпушкин, ограничился только визуальным осмотром уже известных памятников. Затопление почти всей площади ре-

\* Надо сказать, что представленная здесь интерпретация материала (разделение культурного средневекового слоя на два периода) совершенно новая. И. И. Ляпушкин и я сама в 50—60 гг. считали средневековые наслоения однослойными. К нам присоединился и М. И. Артамонов, поверивший полевым наблюдениям обоих учеников (Артамонов, 1962, с. 318—323). Думаю, что мы ошиблись, не рассмотрев четкого разделения слоя строительной прослойкой. К сожалению, к прежней точке зрения считал возможным присоединиться В. С. Флеров (Флеров, 1994), раскопавший самый край городища с наименее выраженным культурным слоем. По неясной причине он не захотел связать хотя бы траншеей свой раскоп с моим (1959 г.), где хорошо выявлялись перекрытые строительным мусором второго периода основания (т. е. разрушенные жилища) юртообразных построек.

гиона «морем» сделало практически невозможным открытие новых поселений, поскольку они размещались обычно на берегах рек, а значит, были затоплены или размыты «морскими приboями».

Погребальных комплексов в цимлянском районе, относящемся к хазарскому времени, открыто немного, но те погребения, которые исследованы и изданы добросовестно, дают представление как о погребальном обряде, так и об антропологическом типе скелетов. Мы выше уже говорили о погребениях в Саркеле. Там были похоронены брахикраны-европеиды, в нескольких случаях метисированные. Одно погребение пожилого мужчины, тоже брахикрана, европеоидного типа на Правобережном городище, захороненного по характерному «зливкинскому» обряду.

Костяк вытянут на спине, с руками вдоль тела, головой на запад в неглубокой узкой яме. Судя по обряду и антропологическим показателям, скелет принадлежал человеку болгарского этноса, но с небольшой (едва заметной) примесью монголоидности (южносибирского типа). Помимо похороненного человека, в сожженных жилищах на этом самом городище, как говорилось, попадались скелеты убитых женщин. Скелеты были расташены, отдельные кости явно изгрызены зубами хищников, но черепа у некоторых скелетов сохранились достаточно хорошо для антропологических измерений. Все они типологически близки мужскому черепу и, очевидно, относились к тому же этносу.

Цимлянский район входит в зону плодородных винно-травчатых степей. К ней же относится и часть региона нижнего течения Дона, вплоть до впадения его в Азовское море. Памятники хазарского времени этого региона в целом не отличаются от цимлянских типологически. С Саркелом можно сравнить хорошо известное в археологической литературе Семикаракорское городище, расположенное у устья реки Сал, слева впадающей в Дон. Городище находится на довольно большом холме с пологими склонами, возможно окруженном со всех сторон в древности болотом и маленькой речушкой Салком (притоком Сала). Семикаракорская крепость полностью стерта с лица земли постоянной распашкой. Ее план удалось выявить только весной по



цвету покрывавшей поверхность холма травы (Плетнева, 1967, с. 39, рис. 9). Над стенами трава немного более сухая и мелкая, т. к. сохранившаяся нижняя часть стен была сложена из сырцового кирпича. Крепость квадратная в плане (размер внутренней площади 190×210 м) с квадратной же цитаделью внутри, примыкавшей к восточной стене крепости. Цитадель довольно большая, размеры ее внутренней площади 70×90 м. К внешней стороне северной стены крепости примыкают громадные «курганы». Возможно, это были древние курганы, использованные строителями крепости в качестве оснований для сторожевых башен. Еще один курган оказался «встроенным» в восточную стену крепости, а с запада от крепости на холме видны всхолмления еще трех аналогичных (немного меньших размерами) «курганов». Не исключено, что именно такие курганы-башни, выстроенные не из сырца, а из белого камня, стояли на примыкавшем к Правобережной крепости участке берега. Небольшие раскопки были проведены на Семикаракорском городище В. С. Флеровым в 70-х гг. (Флеров, 1972—1975). Были вскрыты остатки сырцовой стены — несколько нижних рядов с вкраплениями в сырцовый массив обожженных кирпичей саркельского типа. Никакой практической роли они не играли, назначение их исключительно сакральное: это были своеобразные обереги, аналогичные кирпичам-оберегам в жилищах Саркела и других поселений. Стена ставилась без фундамента, толщина ее достигала 3 м. С внешней стороны стены было выявлено несколько безынвентарных погребений «зливкинского типа».

В целом очевидно, что строительными приемами (бесфундаментностью, размерами, расположением на острове, цепочкой башен) этот памятник весьма близок Саркелу и Правобережному городищу, а непосредственно связанные со стенами курганы-башни напоминают башенные круглые выступы городища у хут. Среднего, а также у чир-юртовских укреплений в Дагестане (см. ниже). Погребения, обнаруженные вдоль стен, аналогичны саркело-беловежским кладбищам, окружавшим город, правда уже в беловежское время, т. е. с конца X в. и в последующие два столетия.

Не меньший интерес представляет большой комплексный и хорошо исследованный памятник у хутора Крымско-го, расположенный поблизости от Семикаракорской крепости, но на правобережье Дона, на берегу древней протоки, именуемой Сухой Донец. Крымский комплекс состоит из двух городищ, четырех селищ и обширного бескурганного могильника. Основным исследователем его был Е. И. Савченко, работавший там в течение более 10 сезонов (тоже в 70-х гг.). Приходится пожалеть, что результаты исследований на городищах и селище до сих пор не опубликованы, так же как остаются неизвестными результаты работ на Семикаракорях (только в кратких сообщениях АО). Мы можем только констатировать, что укрепления на Крымских городищах сохранились очень плохо. Очевидно, это были, как и на Карнаухохе, земляные валы или стены, сооруженные из деревянных щитов с земляной засыпкой между ними. Вдоль этих «валов» прослеживаются почти совершенно заплывшие рвы. Автору раскопок удалось опубликовать только материалы, полученные при исследовании могильника (Савченко, 1986). Всего на нем вскрыто 140 погребений, из них 10 — отдельные захоронения коней с оружием и сбруей, аналогичные погребениям Красногорского могильника (см. гл. 2). Следует сказать, что это основное отличие могильника от остальных бескурганых погребений и могильников степной зоны. Все остальные черты весьма характерны для погребений «зливкинских типов». Это прямоугольно-овальная форма могильных ям с продольными или поперечными заплечиками или без них, ориентировка погребенных головами на запад (с сезонными отклонениями), совместные захоронения, обычная частичная или полная ритуальная нарушенность скелетов. Типичен и довольно бедный инвентарь при нередком включении в него (в 66 могилах) керамических сосудов — кухонных горшков, лощеных горшков, кувшинов и иногда кружек и кубышек, а также лепных грубых кухонных горшков.

Могильник достаточно обширный, и ясно, что время его функционирования было длительным: судя по опубликованным вещам, это весь IX в. Добавлю, что дата комплекса в целом подтверждается и громадным количеством обломков амфор (и целых сосудов), обнаруженных на обо-



их городищах и поселениях в раскопах и подъемном материале. Все они относятся к IX в. Это явно привозные из Крыма тарные сосуды, хотя, конечно, исследование этой исключительно обширной (равной по объему саркельской) коллекции позволит сделать ряд самых неожиданных наблюдений и выводов. В настоящее время можно только говорить об оживленных связях Крымского комплекса поселений с Крымом и даже Византией и об активном включении его в сеть торговых путей, покрывавшую Хазарию.

Помимо этих памятников с более или менее заметными укреплениями в нижнем течении Дона известен в настоящее время ряд неукрепленных столь же обширных поселений. Это, в частности, открытые еще М. И. Артамоновым селища у станиц Мариинской, Николаевской, Константиновской (Артамонов, 1935). Все три расположены вдоль берегов Дона или его протоков. К этой же группе следует отнести и открытое в 60—70-х гг. поселение у станицы Багаевской. С ним, видимо, можно связывать и синхронный ему могильник, обнаруженный также в окрестностях Багаевской при строительстве там шоссе. В нем было исследовано более 10 погребений типично «зливкинских», произведенных в неглубоких могилах. Наиболее близки они Крымскому могильнику, т. к. в погребениях встречается довольно много вещей (оружие, сбруя, украшения) и чучела (кости) коней (Швецов, 1983, с. 109—113; Братченко, Швецов, 1984). На античном Кобяковом городище четко выявлен хазарский слой, обломки керамики, в котором имеются многочисленные аналогии на памятниках этого времени, а также перекрывающий его древнерусский слой, датированный по амфорам, характерным кухонным горшкам, крестикам и просфорнице не ранее XI в., что позволяет сопоставить его с беловежским периодом жизни Саркела. Подчеркну, что оба средневековых поселения занимают на городище значительно меньшую площадь, чем античное Кобяковское укрепленное поселение.

Древнерусское селище на Кобяковом представляет особый интерес потому, что древнерусским временем следует датировать поселение у ст. Раздорской, а также у станицы Багаевской (оба открыты еще М. И. Артамоновым). На них были обнаружены обломки амфор с «воротничком»

и высокими плоскими ручками и древнерусских кухонных горшков, относящиеся к XI в\*. Все эти находки, вместе с фактом существования и расцвета в XI в. Белой Вежи, свидетельствуют о русской колонизации нижнего Дона, проходившей в XI в. и окончившейся примерно в первой половине XII в.

Перечисленные выше хазарские памятники безусловно относятся к типу оседлых земледельческих поселений и свидетельствуют об оседлом быте населения нижнего Дона в Хазарии IX в. Однако это заключение касается только поселений, так или иначе связанных с Доном — с его богатыми землями, обилием воды, широко развитым рыболовецким промыслом и возможностью пользоваться рекой в качестве наиболее удобной дороги, соединяющей их в один экономически наиболее богатый блок, связанный с крымскими городами с запада и Итилем — с востока.

Практически со всех сторон этот большой экономически развитый регион был окружен степью с иными остатками и следами поселений.

Так, на юг от него — были проведены разведки по реке Сал. На всем маршруте от устья до речки Куберле, слева впадающей в Сал, нам ни разу не удалось выявить стационарное поселение. Это были исключительно остатки кочевий, характеризующиеся большими размерами (иногда вдоль реки до 1 км), отсутствием культурного слоя с находками, редко попадающимися на поверхности обломками керамики и костями животных. Только одно кочевье, относимое мной к типу II, отличается более компактным расположением и большим количеством обломков керамики на поверхности. Находилось оно поблизости от Семикаракор, т. е. у самого устья Сала. Многие из выявленных «кочевий» почти неуловимы — на территории их предполагаемого расположения остатки пребывания человека (обломки керамики и костей) настолько редки (примерно на 50—

\* Близ ст. Багаевской М. И. Артамонов обнаружил около балки Артугановской остатки могильника, характеризующегося погребениями в ямах, обложенных каменными плитами (каменных ящиках?). Скелеты в них были ориентированы головами на северо-восток, а датированы исследователем были не ранее конца X в.



100 м, 1—2 находки), что мы предпочитали считать их просто «обитаемыми полосами», образовавшимися в периоды кратковременных стойбищ. С севера нижнедонской регион также обрамлен, вероятно, кочевьями. Более 40 были выявлены мной в маршрутах по притокам Северского Донца — речкам Кундрючьей, Быстрой и Белой Калитве и несколько обнаружено А. В. Гадло на правом притоке Дона — Аксае. Большую часть открытых памятников представляли собой кочевья II (стационарного) типа, т. е. ежегодно летом или зимой обитаемые поселения. Они отличаются от менее постоянных стойбищ (больших с неопределенно-расплывчатыми очертаниями) сравнительно небольшими размерами (в длину вдоль берега не более 300 м), расположены на первой террасе. Как правило, они были с двух сторон отделены от основного массива берега овражками, в которых удавалось проследить следы ныне пересохших источников с ручейками, впадающими в реку. На одном аксайском кочевье А. В. Гадло заложил небольшой раскоп и обнаружил следы открытых кострообразных очагов наземных юрт, от стен которых в дерне не осталось никаких следов (Гадло, 1978). Характерно, что в слое явно преобладали обломки лепной посуды, в том числе и лепных массивных котлов с внутренними ушками.

Однако нужно учитывать, что, квалифицируя открытые в этом районе памятники, мы в основном располагали только данными визуального осмотра, и поэтому уверенно говорить об их исключительно кочевом-полукочевом характере вряд ли возможно. Это сомнение представляется обоснованным в свете открытий, сделанных К. И. Красильниковым по реке Айдару (Красильников, 1981, с. 112—113). Там несколько ранее работ, проведенных К. И. Красильниковым, мне в разведке удалось обнаружить ряд памятников, осмотр которых позволил считать их кочевьями. При более тщательном обследовании К. И. Красильников доказал, что многие из них были остатками оседлых поселений с земледельческо-ремесленной экономикой и расположенными рядом могильниками, хотя попадались здесь и кочевья, по конструкции жилищ и изобилию лепной керамики аналогичные кочевью, раскопанному А. В. Гадло.

Таким образом, степи от Белой Калитвы до Аксая также, при более тщательном и обстоятельном исследовании памятников, могут оказаться районом смешанной экономики с преобладанием в нем отгонного скотоводства. Напомню, что именно в этом районе (у ст. Кривянской) были найдены знаменитые баклажки с руническими надписями (Артамонов, 1954, с. 263—268), а в 1894 г. обнаружен клад восточных монет, наиболее поздними из которых были абсидские дирхемы начала IX в. (как и в кладе на Правобережном городище). Кроме того, в этом районе в наше время, когда там проводится постоянная стройка разнообразных объектов, нередко находят дирхемы, прекрасные лощеные сосуды и пр.

Не меньший интерес представляют и памятники к востоку от цимлянского блока, открытые по реке Чир и на Дону вблизи впадения в него этой довольно большой степной реки. Разведки и небольшие стационарные работы на некоторых открытых памятниках были произведены в этом районе в 50-х гг. И. И. Ляпушкиным, а в 1963 г. выше по течению Чира, на участке, не залитом морем, а следовательно, и не обследовавшемся И. И. Ляпушкиным, разведки были продолжены мной (Плетнева, 1967, рис. 3 и 5). Всего здесь было открыто по Дону и в нижнем течении Чира 7 стационарных поселений, а выше по Чиру 4 кочевья и «обитаемая полоса». Размещение этих разнотипных памятников на сравнительно небольшой обследованной территории очень показательно. Естественно, что вдоль основной водной магистрали и вблизи от нее возникали постоянные (земледельческо-ремесленные) поселки. Все они сравнительно небольшие (в длину не более 300 м), на всех, даже сильно пострадавших от современного строительства, прослеживался культурный слой, достаточно насыщенный находками — обломками кухонных горшков со сплошным линейным орнаментом, лощеной посуды, иногда пифосообразных сосудов с «витым» венчиком, а также амфор, что говорит о связях этого участка с торговыми центрами. Правда, амфорные обломки совсем отсутствуют на поселении у Нижне-Чирской и их очень мало на поселениях у Суворовской и Ближней Мельницы. На обоих были произведены раскопочные работы. На Суворовском поми-



мо обычных «салтовских» полуземлянок было исследовано два обжигательных горна, а в одной из полуземлянок на полу — шесть великолепных тарных крупных горшков, орнаментированных линейным орнаментом. Очевидно, это были изделия местных мастеров. Судя по ним, можно уверенно говорить о прекрасной технической подготовленности этих ремесленников, которые, вероятно, вполне удовлетворяли спрос на тарную посуду местных форм. Амфорами просто не пользовались. Что касается Ближней Мельницы, то это единственное боршевское поселение на нижнем Дону (не считая Саркела раннебеловежского периода). Славянский поселок жил обособленной жизнью, в его слое и раскопанных комплексах обломки амфор единичны, также как и местной гончарной посуды с соседних поселений.

Этот небольшой экономически достаточно развитый район с севера окаймлен расположенными в верховьях Чира кочевьями (как на Айдаре). Вероятно, сюда жители низовий Чира отгоняли стада на все лето. Практика весенне-летних перекочевков была типична для обитателей степной части каганата, о чем довольно подробно рассказывается в известном письме хазарского царя Иосифа испанскому вельможе Хасдаю ибн-Шафруту. О своих степных подданных он писал: «...они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи...», далее о себе он сообщил, что зимой живет в городе, но «с месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей полевой работе. Каждый из (наших) родов имеет еще наследственное владение (полученное от) своих предков место, где они располагаются в его пределах...» Сам каган кочует в своем домене и только «в конце месяца Кислева» приходит к своему городу-зимнику. Таким образом, с апреля по октябрь включительно подавляющее большинство степняков проводило время вне своих постоянных зимних поселений (цитировалось по Пространной редакции письма. Коковцов, 1932, с. 102—103). Судя по археологическим данным, откочевки были разные — одни уходили от своих постоянных жилищ на 20—30 км, другие на сотни километров, что зависело от величины «наделов» и стад, от положения, ко-

торое занимал человек в обществе, т. е. месте в хазарской иерархии.

В заключение перейдем к наименее изученному и поэтому весьма дискуссионному вопросу, а именно — к общей характеристике погребальных комплексов, вошедших в настоящее время в научную литературу как «курганы с ровиками».

«Продвижение» этого типа памятников в науку происходит крайне медленно. Фактически в настоящее время никто из активно работающих в поле археологов специально не занимается ими. Находки их обычно попадают случайно при тотальных раскопках могильников, состоявших из курганов ранних эпох (бронзы, скифов, сарматов).

Сообщения о раннесредневековых курганах ограничиваются обычно кратким упоминанием в АО. Именно в таких условиях был обнаружен в 1971 г. и затем так же издан первый курган этого типа, возможная связь которого с хазарами была в виде гипотезы высказана в публикации (Клейн и др., 1972). Насыпь кургана была почти уничтожена распашкой. Под насыпью находился квадратный «ровик» со сторонами 11,5×12 м, ориентированный сторонами по странам света. На всех четырех углах оставлены перемычки, служившие, вероятно, входами, а с западной стороны к этому сооружению примыкала небольшая тоже квадратная пристроечка, от которой в материке сохранилась только неглубокая канавка. В ямке крестообразной формы, врезавшейся в ровик с восточной стороны, были обнаружены челюсти и ноги коня, видимо, остатки тризны. Следует подчеркнуть важную особенность, а именно — ровик был тщательно забит глиной до уровня древней дневной поверхности. В центре квадратной площадки, огороженной ровиком, находилась подбойная могила, ориентированная по длинной оси по линии восток—запад. Глубина могилы (подбоя) от материка около 2 м, а входной ямы — 1 м. На дне входной ямы был обнаружен скелет лошади, уложенной головой на восток. Погребение в подобие человека было произведено в деревянном гробу, но было сильно разорено грабителями. Даже по небольшому количеству оставшихся вещей видно, что оно сопровождалось разнообразным инвентарем: оружием, украшени-



ями, сосудами. Кроме того, в могиле была обнаружена золотая византийская монета — солид Льва III, чеканенный в Константинополе в 725—732 гг.

Двумя годами раньше открытия этого погребения в Цимлянском районе на левом берегу Дона близ Романовской у хут. Ясырев был раскопан распаханый земляной курган (диаметром 20 м, высотой 0,6 м).

Под насыпью был выявлен ровик, шириной до 0,8 м, глубиной — до 1,1 м. Он забит серой плотной супесью комковатой структуры. В плане ровик овальный или, вернее, прямоугольно-овальный сплошной, т. е. без перемычек по длинной оси он ориентирован север—юг с небольшим сезонным отклонением. Размеры обрамленной ровиком площадки 9,5×7 м. Восточная часть рва забита перемешанными костями баранов (ребрами, частями позвоночника, ножками, обломками двух черепов и одним целым черепом). Южнее этого нагромождения костей были брошены две туши баранов, но без голов, а обломки черепов и нижние челюсти находились немного южнее. Севернее нагромождения костей также были обнаружены останки двух баранов, но, вероятно, не целые туши, а лишь отдельные их части. Наконец, в западной половине рва была помещена еще одна целая туша барана, причем не прямо на заполнении рва, но на специально утрамбованной на глубине 0,8 м глиняной площадке. Все остальные кости и туши баранов находились в заполнении ровика на той же глубине: от 0,6 до 0,8 м.

На площадке, окруженной рвом, почти в центре располагалась узкая длинная яма, ориентированная по длинной оси, как и площадка, с севера на юг. Яму расчистили до глубины более 2,6 м, но остатков погребения обнаружено не было, т. к. глубже копать было невозможно из-за заливавшей могилу грунтовой воды. В заполнении могилы попадались мелкие угольки (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, с. 71—72, табл. XXX).

Поскольку вещей в раскопанном кургане обнаружить не удалось, авторы предпочли не писать о хронологии памятника и тем более о его культурной принадлежности. Думаю, что в настоящее время мы можем уверенно отнести его к группе «курганов с ровиками». Была ли централь-

ная яма погребальной или это была «символическая могила»-кенотаф, выяснить не удалось. Тем не менее этот памятник имеет для нас особенное значение, поскольку разведки А. И. Семенова (Семенов, 1993) в районе Левобережного Цимлянского водохранилища позволили предполагать возможность существования здесь ряда могильников, в которые входили такие курганы. Одним из самых вероятных является факт наличия могильника у станицы Романовской. Там, в окрестностях, помимо описанного выше было обнаружено два богатых захоронения. Одно обнаружено в 1884 г. случайно, и сведения о нем весьма фрагментарны: довольно подробно перечислены золотые предметы и обломки золота, а также монеты-солиды Константина IV (681—685) и Леонтия II (695—798) (Семенов, 1983, с. 98—102). Второе погребение раскопано А. И. Семеновым. Оно не опубликовано, но, судя по многочисленным упоминаниям о нем автора раскопок (в тезисах, небольших общих статьях), погребение относится к типу «курганов с ровиками». Доподлинно известно только, что в нем найдена византийская монета-солид Константина II (661—663). Приходится пожалеть, что как будто аналогичные курганы в Цимлянске и Волгодонске, интерпретированные так А. И. Семеновым, также остаются неизданными, и с полной уверенностью использовать туманные сведения о них вряд ли возможно (Семенов, 1988).

Представляется очевидным, что все эти курганы, а также ряд других аналогичных курганов, открытых в Цимлянском районе, находки которых известны по публикациям АО, дают нам право считать округ Саркела одним из наиболее насыщенных ими районов.

Впрочем, всюду, где в низовьях Дона велись новостроечные работы, курганы с ровиками попадались постоянно. Пожалуй, наиболее добросовестная статья о них была опубликована М. В. Власкиным и Л. С. Ильюковым (1990), которые раскопали в междуречье Сала и Маныча у с. Большая Орловка Мартыновского р-на два могильника, в которых вскрыли 15 курганов с ровиками. Курганы распаханы почти до основания, поэтому о конструкции насыпи судить нет оснований, но подкурганые устройства удалось проследить и опубликовать достаточно полно.



Совершенно очевидно, что главным признаком этих сооружений являются квадратные ровики (рис. 96, 97). Однако они различаются между собой прежде всего размерами, т. е. фактически размерами окантованных ими площадок: от 42 до 170 кв. м, одна из них достигала 560 кв. м. Несмотря на то, что большинство площадок правильно квадратные, иногда ровики немного искажают принятую форму — бывают искривлены внутрь или наружу. Далее: из 15 курганов ровики имели перемычки (входы) на всех четырех углах 13 курганов, один раз вход располагался на северной стороне; у одного из них, как в новочеркасском кургане, находилась на западной стороне небольшая квадратная пристройка, от которой сохранились в материке канавки. Таким образом, определенных строительных канонов при сооружении ровиков не соблюдалось. Но несмотря на некоторую нестандартность, функциональное назначение ровиков всюду одинаково. Нижние слои их заполнения насыщены, местами весьма интенсивно, костями животных (овец и лошадей), а на дно укладывались наряду с отдельными костями этих животных, целые или, видимо, ритуально нарушенные скелеты. После совершения необходимых жертвоприношений и поминальных тризн рвы специально засыпались, вероятно, с целью сохранения сделанных приношений. Помимо очевидной роли вместилищ для жертвоприношений, рвы отделяли внутреннюю площадку от окружающего ее мира живых и служили своеобразной преградой.

Использование этой площадки позволяет нам разделить курганы с ровиками на две группы: 1 — с захоронением, произведенным в центре площадки, и 2 — без каких бы то ни было следов захоронения.

В первую группу входит подавляющее большинство курганов. Могильные ямы ориентированы в широтном направлении. Все могилы и погребения в них разграблены и разрушены, но даже по очень слабым следам первоначальных конструкций и обряда ясно, что, во-первых, могилы, которые удалось реконструировать, относятся к двум типам: 1 — с входной ямой, служившей как бы «ступенькой» и вырытым в ней глубоким подбоем, 2 — с продольными уступами (плечиками), на которые опирались поперечные

деревянные плахи перекрытия. Погребенные в могилах люди уложены были вытянуто на спине, все похороненные в могилах с заплечиками ориентированы головами на восток, а в подбоях — на запад (с одним исключением). Хоронили по единому обряду и мужчин и женщин — по остаткам скелетов удалось определить пол и возраст 10 покойников (возраст тех и других не превышает 40 лет). Во входных ямах дважды были обнаружены остатки захороненных коней, полностью разрушенных.

Естественно, что в разрушенных грабителями погребениях оставшийся инвентарь очень небольшой. Тем не менее общее представление о культуре (и хронологии) погребений он дает. Наиболее частой находкой являются разбитые лепные горшки — обычно гладкостенные с защипами или насечкой по венчикам; иногда на стенках по сырому тесту процарапаны знаки или как бы «зачесы» многозубым штампом. Сбруя коня представлена удилами с гвоздевидными псалиями, парой стремян и их обломками, тленом и железными оковками деревянного седла. Из оружия сохранились колечки кольчуги и железные пластины панциря, обломки сабель и длинных ножей-кинжалов, костяные накладки на лук, трехлопастные наконечники стрел, а от воинских поясов — железные и бронзовые пряжки (и обломки), бляшки, близкие или идентичные аналогичным предметам из могильников IX в. В одном из захоронений были обнаружены игральные кости-кубики. Совсем не сохранилось в женских погребениях украшений (или их обломков), вероятно, они сопровождалась довольно богатыми уборами, полностью похищенными грабителями. Не попало в этих 15 курганах ни одной монеты. Возможно, они были, но тоже попали в руки «гробокopatелей». Впрочем, их могло и не быть. Во всяком случае, пока вряд ли стоит считать наличие монеты одним из этнокультурных признаков. Скорее всего — золотая монета при погребенном является социальным признаком.

Помимо вышеописанных у Большой Орловки в 1972 г. был случайно обнаружен еще один, относящийся к тому же времени памятник (Косяненко, 1983, с. 113—116). Это высокий курган (около 4 м), в насыпи которого вещи лежали, по сведениям автора публикации, «компактной гру-



дой» (следов захоронения, видимо, не было). Набор вещей в «груде» был необычен для погребения в одной могиле. Он состоял из 15 удил, 7 стремян, одного воинского пояса (бронзовой пряжки, серебряного наконечника, 45 бронзовых позолоченных бляшек). Кроме них в груде были обнаружены еще две крупные декоративные бляхи-нашивки (золотая и бронзовая), а также золотой «солнечный амулет» (круг с шестью спицами) и солид Тиберия III (695—705) с припаянной петелькой. В комплекс входили два бронзовых сосуда — кувшин и блюдо и остатки сложной разборной конструкции из железных пластин с петлями на концах, железных стержней, пяти бронзовых полых позолоченных шаров — наверший с припаянными трубочками. В собранном виде эта конструкция представляла собой, видимо, два квадрата размером 92×98 см и 63,5×76 см, вероятно концентрически расположенных (вставленных один в другой) и увенчанных шарами\*.

Насыпи курганов второй группы перекрывали ровики без центрального захоронения. В археологической литературе они получили уже название «кенотафов», т. е. специальных поминальников, сооружаемых в память об убитых на чужбине воинов, тела которых не было возможности доставить в родные степи. Трудно сказать, так ли это. Однако представляется весьма вероятным, что все окруженные ровиками площадки с погребениями и без них были поминальными храмиками умершим предкам, поэтому сооружение кенотафа вполне закономерно: так осуществлялось почитание умерших вне зависимости от наличия или отсутствия покойника.

Курганы с ровиками обоих типов встречаются по всему Нижнему Дону вплоть до устья, попадались они в степи и севернее Цимлянского района — на правом берегу Дона. В заключение раздела о нижнедонских курганах с ровиками остановимся на характеристике одного из них, расположенного западнее Сальско-Маньчских могильников в районе станицы Багаевской (так называемая Веселовская груп-

\* Доклад В. С. Флерова об этом «сооружении» был сделан 13.XI.1997 г. на группе археологии средневековых степей ИА РАН.

па курганов). Материал достаточно полно описан и опубликован (Мошкова, Максименко, 1977, с. 45—48, табл. XXVIII—XXIX). Насыпь кургана распахивалась, поэтому высота ее не превышала 0,5 м. Ровик квадратный (13×13 м), но с сильно выпуклыми сторонами, что придает ему почти округлую форму в плане. Перемычка-вход оставлена в восточном углу. Костей и останков животных в заполнении ровика не обнаружено (рис. 98).

В центре площадки, опоясанной ровиком, находилась большая могила с обширным подбоем в юго-западной стенке, ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Дно подбоя было покрыто деревянным настилом и посыпано меловой крошкой, а настил и дно входной ямы (ступеньки) покрывала подстилка из травы (возможно, плетеной?). Могила частично разрушена, особенно пострадала входная яма, в заполнении которой попадались разрозненные кости коня, лежавшего на ступеньке (череп его вместе с некоторыми костями «сползли» в погребальную камеру). В подбое был захоронен мужчина, уложенный вытянуто на спине, головой на северо-запад. Верхняя часть скелета сильно разрушена и перемешана с костями коня, нижняя полностью сохранилась. В головах покойника (в нетронутой разрушением части могилы) стоял массивный лепной горшок и рядом с ним — заупокойная пища — кости, ноги и лопатка лошади, а также кости барана и длинный железный нож. В ногах погребенного стоял железный котел с бронзовым дном, в котором находился игральный кубик, а рядом с ним нож с костяной рукоятью и мотыжка. Справа от скелета был помещен берестяной колчан с трехлопастными стрелами (сохранность их очень плохая). На колчане лежало так называемое «горлышко бурдюка», а под ним остатки деревянного лука со срединной и концевыми накладками. У правой руки находился кожаный мешочек с кресалом и кремнями в нем. Вдоль правого бедра были положены два ножица, а у левого — массивный нож-кинжал в деревянных ножнах. Наиболее яркой находкой являются остатки воинского пояса с серебряными накладками, пряжкой и наконечником. Надо сказать, что прямых аналогий орнаментике этого поясного набора в салтово-маяцкой культуре не известно. Но неко-



торое стилистическое сходство орнамента на наконечнике с орнаментом наконечника из Салтова (Плетнева, 1967, рис. 44; 49) очевидная близость лировидной пряжки из чирюртовского могильника VII—VIII вв. (Ковалевская, 1979, табл. 15:11) в Дагестане представляются мне несомненными. Датировать этот комплекс следует, исходя из этих весьма скудных данных, не позже начала IX в.

Там же в окрестностях станицы Багаевской в группе курганов, названной «Четыре брата», было обнаружено типологически близкое курганам с ровиками хазарского времени погребение, относящееся ко времени поздних кочевников (Мошкова, Максименко, 1974, с. 22—23, табл. XII, табл. V, 6, табл. IX, 7). Насыпь кургана земляная, сильно распаханная. Под насыпью в погребенной почве вырыт круглый в плане ровик без перемычек и, как предыдущий, без остатков каких бы то ни было жертвоприношений. Диаметр внутренней площадки 9,5 м. Могила расположена в центре площадки и ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Она подбойная, подбой сделан в южной стенке. Во входной яме-ступеньке лежали отчлененные ноги коня (черепа не было) и на одной из ног — проржавевшее стремя. В подбое находился скелет мужчины, уложенного вытянуто на спине головой на юго-запад. Вдоль правого бедра были обнаружены остатки деревянного лука с костяной срединной накладкой, а поперек скелета — от левого локтя к правому колену лежал двулезвийный меч в деревянных ножнах. Накладка на лук и меч позволяют считать это погребение позднекочевническим — XI и даже, возможно, XII вв., но произведено оно явно по обряду, характерному для значительно более раннего времени.

Выше уже говорилось, что у Багаевской известно поселение XI в. и могильник с погребениями в каменных ящиках (Артугановский), видимо синхронный ему. Очевидно, в этом районе жизнь продолжалась и после исчезновения Хазарского государства: народы и этносы, заселявшие его, продолжали существовать. По-видимому, похороненный в данном кургане относился к одной из этнических группировок каганата, в которой еще сохранилась, хотя и в немногочисленном виде, погребальная обрядность. В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что

сходство объясняется сохранением древней обрядности в конкретной «Багаевской группе» этого типа памятников. Впрочем, совершенно очевидно, что только изучение всех открытых в настоящее время курганов с ровиками позволит археологам в будущем прийти к каким-то более обоснованным выводам.

\* \* \*

Подведем итоги. Рассмотренные в двух главах памятники степного варианта дают нам некоторое представление о распространении их в донских степях, об их очевидном единстве и в то же время заметном разнообразии.

Ареал варианта громаден — более 400 тыс. кв. км. Эта территориальная «неохватность» является главной причиной слабой изученности варианта. Как мы видели, исследованными с большей или меньшей полнотой можно считать только земли нижнего Дона и часть бассейна среднего Донца. Еще некоторые участки степи затронуты разведкой, основная же территория донской степи не подвергнута даже предварительному обследованию археологов. Как правило, последних привлекают степные курганы, стремительно исчезающие с лица земли под гусеницами тракторов и тяжелыми плугами и потому требующие внимания специалистов. Однако точно так же исчезают из степей любые следы жизни и деятельности людей прошедших эпох, в том числе и остатки средневековых поселений и бескурганых могильников. Поиски этих почти невидимых на поверхности памятников очень трудоемки и требуют от специалиста не только высокой квалификации, но и серьезной увлеченности делом. Участки степи, на которых работают такие ученые, «оживают» под их ногами.

Карты расположения открытых памятников, нередко их планы или кроки, описания и результаты стационарных исследований ложатся на страницы отчетов. Но они остаются недоступными для серьезной обработки и тем более для полноценной публикации их в специальных изданиях. Такой публикацией нельзя, конечно, считать кратенькие одна-двухстраничные сообщения в АО, т. к. в лучшем слу-



чае на них можно только сослаться. Так, полученный с большими финансовыми, физическими интеллектуальными и духовными затратами материал лежит без движения на полках архивов и хранилищ. Авторское право не позволяет пользоваться этим материалом, а сами авторы не могут издать свои материалы, поскольку опубликовать археологические источники с каждым годом становится все тяжелее.

Таким образом, даже прекрасно изученные районы и группы памятников донской степи остаются мало известными специалистам, а это не способствует появлению и осуществлению новых планов по поискам новых средневековых памятников в тысячекилометровых маршрутах.

Тем не менее то, что открыто и хотя бы частично опубликовано, позволяет сделать ряд наблюдений, свидетельствующих прежде всего о правомерности выделения степных памятников бассейна Дона, датируемых IX в., в отдельный вариант салтово-маяцкой культуры. Практически все перечисленные еще И. И. Ляпушкиным и мной (1958, 1967 г.) характеризующие вариант признаки остались по-прежнему определяющими. Это: 1 — «земляные» укрепления, 2 — наличие оседлых поселений, стационарных кочевий, сезонных кочевий, обитаемых полос, 3 — пространенность юртообразных жилищ (особенно в кочевьях), 4 — погребальный обряд зливкинского типа: бескурганые ямные захоронения западной ориентировки, почти без сопровождающего инвентаря. Однако чем глубже будут исследоваться регионы и отдельные памятники, тем больше будет открыто особенностей и отклонений, не соответствующих выявленным признакам. Некоторые из них давно и хорошо известны исследователям, например, существующие, наряду с земляными укреплениями, белокаменная сырцовая и кирпичная архитектура. Другие, в частности могильник с трупосожжениями на городище Маяки, довольно богатые захоронения у Крымского, сопровождавшиеся погребениями лошадей, круглые в плане могильные ямы с погребениями людей, коней, собак, катакомбные (редкие) захоронения и, наконец, курганы с ровиками, требуют фундаментальных исследований. Все эти как будто чужеродные включения как нельзя лучше отражают слия-

ние различных культурных традиций — процесс сложения новой культуры. Те же явления, как мы видели, наблюдались и в лесостепном варианте.

Самым близким по ряду типологических признаков к рассмотренному варианту, особенно к нижнедонскому региону, является Приазовский, которому будет посвящена следующая глава.



## ПРИАЗОВЬЕ, НАСЛЕДИЕ БОСПОРА

Несмотря на явную типологическую близость (по ряду признаков) с донским степным вариантом Приазовский вариант нельзя считать регионом донского, отличающегося от него только некоторым своеобразием. Действительно, такое впечатление создается при первом ознакомлении с памятниками, расположенными в районе северного берега Таганрогского залива. Там, начиная от устья речки Самбек до Кальмиуса вдоль берега обнаружены остатки обширных поселений. Их размеры (до 1,5 км длиной и 200—300 м шириной) и очень слабая выраженность культурного слоя, наряду с отсутствием у большинства видимых границ позволяют как будто отнести их к типу поселений-кочевий (Плетнева, 1967, с. 16, рис. 3, с. 195). Большинство их было сильно задерновано, и потому подъемный материал на поверхности бедный и невыразительный. Однако в тех случаях, когда поверхность бывала распахана, находок керамики было вполне достаточно для того, чтобы уверенно датировать поселения в основном IX в. и составить представление о соотношении разных групп керамики между собой. Всюду на этих поселениях преобладающим материалом являются обломки тарной посуды, преимущественно амфор (75%), а также лепных горшков и горшков, изготовленных на круге из глины с примесью морского песка (смешанного с мелкими ракушками) и ор-

наментированных сплошным линейным орнаментом. Иногда попадались на этих кочевьях и обломки котлов с внутренними ушками: гончарных, аналогичных горшкам, и лепных, близких типологически к обнаруженным в слое Саркела. Следует отметить, что на нескольких поселениях, лучше остальных сохранившихся, удалось проследить на обеих торцовых границах заплывшие и задернованные овражки, изредка по дну которых до сих пор журчали маленькие ручейки с прекрасной водой, впадающие в залив. В этой прожигаемой солнцем степи подобные ручейки-источники были необходимы в каждом поселении-кочевье как для людей, так и для водопоев скота. Такие источники-колодцы были обнаружены А. В. Гадло на нижнедонских кочевьях, располагавшихся у небольших речек, сильно мелевших или пересыхавших.

Всего на одном поселении у села Натальевка на поверхности удалось заметить «пятна» развалов каменных построек, возможно каменных цоколей глинобитных или даже турлучных домиков. Расстояния от одного до другого развала от 50 до 170 м: это были, видимо, беспорядочно разбросанные по всей площади домики и окружающие их широкие «дворы». Размеры поселений и их небольшую насыщенность материалом, вероятно, следует объяснять именно этой разъединенностью хозяйственно-бытовых комплексов на поселении.

Таков этот район Приазовского варианта, исследование которого только начато. Западнее открытых памятников, вдоль берега Азовского моря тянутся, вероятно, аналогичные большие поселения-кочевья, есть они и на берегах впадающих в залив и в море речек и рек. Это подтверждается разведками по Миусу, где, как и на донских речках, вместе с крупными кочевьями попадались и сравнительно небольшие поселения. Исследования в этом районе еще впереди. Пока у пос. Беглица на Миусском заливе известно только одно случайно открытое захоронение брахикрана, уложенного на спине, вытянуто, головой на запад, с кувшином и горшком в головах. Могильника поблизости не обнаружено.

Интерпретация всех открытых памятников как кочевий или полукочевий нуждается в подтверждении стацио-



нарными работами. Визуальный осмотр всегда влечет за собой неизбежные ошибки в трактовке. Так в свое время произошло с «городищем Самбек». М. И. Артамонов вслед за М. А. и А. А. Миллерами считал остатки сооруженной на территории средневекового поселения крепости XVIII в. средневековым городищем, найдя на нем признаки, близкие к фортификации Семикаракорской крепости.

«Дополнительное» также визуальное обследование этого памятника убедило меня в том, что средневековой крепостной застройки здесь не было, а в устье реки Самбек у с. Вареновка находилось обычное для этого района Приазовья кочевье, небольшой подъемный материал которого позволил относить его к хазарской эпохе (Плетнева, 1967, с. 195).

Наиболее серьезные исследования комплексного (многослойного) памятника под общим названием «Самбек» были проведены П. А. Ларенком в конце 70-х гг. (Ларенок, 1983, с. 124—129). Культурные слои прослежены им по правому берегу реки Самбек от южного края Вареновки до берега Таганрогского залива. Это прежде всего слой поселения позднего бронзового века и перекрывающий его слой средневекового поселения, в южной части которого располагалось полуобвалившееся в залив укрепление XVIII в.

Всего на этой территории была вскрыта площадь в 640 м<sup>2</sup>. К сожалению, большая часть раскопов была заложена на позднем городище, где средневековый слой местами был сильно разрушен. По составу керамического материала (в основном амфор) удалось установить, что он относится к двум периодам: хазарскому (IX—X вв.) и древнерусскому (XI—XIII вв.). Кроме амфор, хазарский слой характеризуется обломками горшков с линейным орнаментом, лепной посудой, в том числе — котлами с внутренними ушками, и редкими обломками лощеных серых столовых сосудов, а в древнерусском слое керамика представлена горшками древнерусских типов. Остатки обнаруженных средневековых построек: две полуземлянки, хозяйственные ямы, погребения в круглой яме не всегда хронологически определимы. Правда, хозяйственные ямы с жертвоприношениями (погребениями?) собак и поросенка, также, как и захоронение человека в круглой яме, скорее все-

го, следует сопоставлять с аналогичными саркельскими и датировать IX в. Время остальных ям и обоих жилищ возможно было определить по находкам керамики в заполнении, на полу, в очагах, но автор, по-видимому, не сделал этого и его датировки ничем не подкреплены (в публикации). Однако общий его вывод о том, что средневековый слой в Самбеке оставлен смешанным этнически населением, верен: в древнерусское время население на Таганрогском заливе оставалось тем же, что и в хазарское. Выше мы видели, что те же процессы проходили и в ряде районов нижнего Дона.

В отличие от северного берега для южного берега Таганрогского залива и впадающих в него небольших рек (Еи, Куго-Еи, Сосыки) наиболее характерным типом памятников являлись так называемые «обитаемые полосы» (о них уже упоминалось в предыдущих главах). Это просто следы жизни на современной дневной поверхности, и их только условно можно называть «памятниками». Всюду в этом районе на распаханых берегах встречаются на поверхности обкатанные вековыми дождями и ветрами обломки керамики и костей животных (рис. 58). Количество находок невелико, иногда на 1000 м попадает 3—5 обломков, а местами на таком же отрезке берега удавалось собрать до 40 обломков керамики и кости. Следов культурного слоя нигде в обрезах берега прослежено не было. Сплошная «заселенность» берегов, хотя и незначительная, говорит, по-видимому, о нестабильности мест стойбищ: кочевники подкочевывали к берегу, несколько меняя расположение юрт, и так, за несколько десятилетий, берега покрывались остатками стойбищ, оставленных несколькими кочевыми группировками. Интересно, что на берегах Таганрогского залива на поверхности нередко встречались обкатанные временем кости крупных рыб (позвонки, ребра, лобные кости). Это свидетельствует об интенсивно проходившей здесь рыбной ловле (как и на северном берегу залива). Помимо рыбных костей, на берегах встречались кости животных, преимущественно лошадей и овец. Керамика же представлена в основном обломками амфор (70%) и лепных горшков (20%). Кухонных гончарных и столовых лощеных сосудов — очень мало. Основная масса амфорного матери-



ала датируется концом VIII—X вв., но попадают среди них и более ранние, относящиеся примерно к VI или, скорее, к VII вв. Говорить о более четкой дате трудно из-за крайней фрагментарности материала. Однако последнее не мешает заключить, что все амфоры привозные, очевидно из Тамани и Крыма, хотя какая-то часть могла попасть сюда и из более далеких византийских провинций. Как бы там ни было, но очевидно, что подкочевывавшие к Азову айлы (коши) поддерживали активные торговые отношения с империей (Плетнева, 1964, с. 1—3; Плетнева, 1967, с. 15, рис. 3).

Южнее Таганрогского залива берег Азовского моря сильно заболочен, и, по-видимому, этим следует объяснять отсутствие там следов археологических памятников. Ширина заболоченности очень значительна: от 15 до 50 км. За нею тянется в глубь материка плоская ровная степь Прикубанья, пересеченная небольшими речками — притоками Кубани. Этот район в течение последних десятилетий активно исследовался новостроечными экспедициями, раскопавшими десятки курганов и сотни погребений. Среди впускных захоронений разных эпох в насыпях попадались и средневековые погребения кочевников, в том числе и хронологически близкие к хазарскому времени. В наши дни опубликовано (подробно описано и интерпретировано) шесть таких захоронений, произведенных в неглубоких прямоугольных или овально-прямоугольных ямах (Атавин, 1996).

Покойники уложены на спине, вытянуто, головами на восток (четверо), северо-восток и север. Пять погребений сопровождалась чучелами коней, от которых сохранились черепа и отчлененные по первый или второй сустав кости ног. Как правило, их помещали слева или справа от погребенного и ориентировали головой ту же сторону, что и человека (рис. 99). Один раз в сравнительно небогатом захоронении вместо чучела коня слева от черепа человека находился череп козы. Не исключено, что в данном случае коза «заменила» коня. В качестве заупокойной пищи использовалось мясо овец и коровы. Принадлежали эти погребения воинам и потому вместе с ними и их конями в могилы попадали оружие (мечи, палаши, луки, колчаны, стрелы, ножи), конская сбруя (стремена, удила) и почти

всегда — богато украшенные воинские пояса. Разнообразная гарнитура этих поясов (пряжки, бляшки, наконечники) наряду с конской сбруей дают основание датировать обнаруженные комплексы VII в., только некоторые из них можно отнести к началу — первой половине VIII в.

Совершенно ясно, что это не рядовые погребения. Покойники сопровождалась останками коней, оружием и воинскими поясами — основным свидетельством их высокого положения в обществе. Особое положение, очевидно, обуславливалось и расположением этих погребений в насыпях курганов, гордо возвышавшихся над ровной поверхностью степи.

Все основные признаки этих погребений, как мы видели в предыдущей главе, типичны для рядовых захоронений праболгар, занимавших донские степи в хазарское время, а обряд погребения праболгарских воинов, обнаруженных в бассейне Дона, в Дунайской и Волжской Болгариях и датированных второй половиной VIII—IX вв., практически идентичен описанным выше ранним захоронениям.

Основным отличием праболгарских погребений разных регионов и даже отдельных могильников и погребений одного региона является их ориентировка. Напомню, что в Подонье преобладает западная (с сезонными отклонениями) ориентировка, хотя попадают здесь целые могильники или погребения с северной или восточной. То же можно сказать и о погребениях, известных в Волжской Болгарии (Генинг, Халиков, 1964, с. 22—72). В одном из наиболее изученных раннесредневековых могильников Дунайской Болгарии — Ново-Пазарском все погребенные ориентированы головами на север (Станчев, 1957, с. 15), а в Северном Причерноморье и Крыму (см. ниже) синхронные и типологически близкие восточноприазовским, видимо, болгарские погребения также ориентированы головами на восток.

Очевидно, многообразие ориентировок при общем типологическом единстве обряда можно объяснять принадлежностью похороненных разным праболгарским союзам, существование которых в европейских степях подтверждается письменными свидетельствами (см.: Артамонов, 1962, с. 79—102; Генинг, Халиков, 1964, с. 100—131).



Не исключено также, что восточная ориентировка была наиболее ранней у болгар, постепенно в последующие 150—200 лет почтой полностью исчезающая.

Как бы там ни было, но, возвращаясь в Восточное Приазовье, мы можем констатировать факт синхронности обнаруженных здесь воинских погребений праболгар с «обитаемыми полосами», на которых были найдены обломки амфор, датирующихся VII в. И те и другие относятся ко времени существования Великой Болгарии хана Кубрата, и это пока единственные археологические свидетельства пребывания кочевых праболгар на территории, которую византийцы называли Великой Болгарией (Чичуров, 1980, с. 60, 162). Феофан Исповедник писал, что вокруг захиревшего приморского городка Фанагории, в котором жили евреи, кочуют болгарские орды. Ясно, что Таманский полуостров был также землей Великой Болгарии, однако ни о какой оседлости создателей этого очень небольшого и кратковременного «государственного» образования нет сведений в письменных источниках.

Таманский полуостров является одним из наиболее исследованных археологами регионов России. Карта археологических памятников полуострова была составлена еще в 20-х гг. сотрудниками Темрюкского музея, в 80-х гг. она была значительно дополнена (количество памятников увеличилось в три раза) и скорректирована Я. М. Паромовым (Паромов, 1992, с. 140—145; Паромов, 1993, с. 111—148). Анализ собранных материалов позволил автору тотальных разведок убедительно интерпретировать полученные данные о памятниках, разделив их на несколько хронологических этапов от VI в до н. э. по XIV в. включительно. Памятники, относимые к 4-му и 5-му этапам, датируются им по подъемному материалу (в основном амфорным обломкам) соответственно VI—VII и VIII—IX вв. (рис. 100). Несмотря на то, что Я. М. Паромов оговаривает некоторую условность такого деления из-за недостаточной разработанности хронологии средневековых амфор, думается, что работа сделана им предельно добросовестно и 4-й этап выделен вполне правомерно (отдельные уточнения в будущем, конечно, вероятны). Поселения этого этапа синхронны «обитаемым полосам» с амфорами VII в. и воинским

погребениям Приазовья. Их немного — всего 22 памятника. Как и в античное время периода упадка все они находились на берегу моря или на древних дорогах. У моря эти поселения располагались обычно на развалинах античных портов типа Фанагории, Патрея, Тамани. Болгары в них, видимо, селились и жили редко. Что же касается остальных поселений, то до публикации их подробного описания, планов и материала с каждого памятника невозможно в настоящее время говорить об их типологической принадлежности. Ясно только, что это не «обитаемые полосы», но кочевья это или оседлые поселки, остается пока неясным. Тем не менее малое их количество сравнительно со следующим этапом настолько выразительно, что Я. М. Паромов 4-й этап считает временем «затухания» жизни на полуострове. Зато позднее (5-й этап) жизнь вновь здесь закипела. Слои и находки VIII—IX вв. встречены на 69 памятниках. Они, как и в предыдущее время, локализуются в портах и вдоль дорог, которые нередко прослеживаются благодаря «цепочкам» открытых поселений, соединенных дорогой. Помимо того, поселения возникали и на отдаленных от торговых путей, но удобных для земледелия (и виноградарства) районах. Поселения были оседлые, земледельческие или торгово-земледельческие. В портовых городах появилось ремесло. Подъемный материал на памятниках VIII—IX вв. позволяет говорить, конечно, только о развитии гончарного ремесла: обломки гончарных кухонных горшков, украшенных линейным орнаментом и изготовленных из местных глин с отошающими примесями морского песка (с ракушками), встречаются на поселениях повсеместно и в большом количестве наряду с обломками амфор конца VIII—IX вв. Впрочем, и сами амфоры в массовом количестве стали изготавливаться, по-видимому, на месте, т. е. в ремесленных мастерских приморских городов.

Надо сказать, что на рядовых поселениях Таманского полуострова раскопок не производилось. Как правило, археологов привлекали приморские портовые города. Поскольку это были порты азиатской части Боспора, возникшие здесь еще в VI в. до н. э., основными их исследователями были специалисты-антиковеды. Средневековые поселения начали появляться на развалинах самых круп-



ных из них еще в период 4-го этапа (V—VI вв.), но расцвет их относится к VIII—IX вв. Этот процесс удалось уловить при исследовании материалов Таманского и Фанагорийского городищ, в Патрее и отчасти в Кепях.

Таманское городище, античная Гермонасса, в VIII—IX вв. называлось, согласно сведениям Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, с. 171, 175 и сл.), Таматархой. Это был хазарский портовый город. Однако городище было многослойным — культурные наслоения в центральной части достигали 10 м. Слои Гермонассы были перекрыты мощными средневековыми отложениями, в которых значительное место занимали напластования хазарской Таматархи. Более ранний слой (4-го этапа, согласно Я. М. Паромову) прослежен на городище не всюду. Он характеризуется в основном привозной из византийских провинций «позднеантичной» посудой: плохого качества краснолаковой и ангобированной, амфорами, а также лепными кухонными сосудами, мисками и сковородами, лепной столовой посудой (горшочками и кувшинчиками с ручками).

Хазарский слой прослежен практически на всей основной центральной части городища. Античный слой был распространен много шире вдоль берега залива, но и в хазарское время город занимал довольно большую территорию — примерно 400x150—200 м (рис. 101). По размерам и расположению на высоком береговом обрыве Таманское городище напоминает обычные поселения IX в. на северном берегу Таганрогского залива и на берегах рек и речек Донского бассейна.

Первые археологические работы на городище, которые скорее следовало бы назвать кладоискательскими, были организованы казаками еще в 1824 г. Далее в течение почти всего XIX в. городище бессистемно шурфовалось. Цели раскопщиков всегда были конкретные и практически нереальные. А. Фиркович стремился обнаружить какие-нибудь следы пребывания в Тамани евреев, К. Р. Бегичев желал исследовать укрепления и также не преуспел в этом, В. Тизенгаузен в 1868 г. хотел найти дополнительные материалы для доказательства принадлежности Таманского городища Тмутаракани. Этот очень серьезный и опытный

археолог не смог разобраться в стратиграфических хитросплетениях культурного слоя городища и, проработав там один сезон, счел дальнейшие исследования нецелесообразными. После него более 60 лет археологи не касались этого памятника. И только в 1930—1931 гг. А. А. Миллер начал стратиграфическое изучение средневековых напластований на городище, заложив у берегового обрыва сравнительно небольшой (250 кв. м) раскоп. В 1952—1955 гг. эти работы были продолжены Б. А. Рыбаковым, вскрывшем в разных частях городища немного более 3000 кв. м. Основным материалом для исследования в обеих экспедициях был громадный керамический комплекс. И. И. Ляпушкин, обработав материал экспедиции 1930—1931 гг., выделил в нем главные типы, характеризующие слой VIII—IX вв. (И. И. Ляпушкин, 1941, с. 208). Значительно больший по количеству и разнообразию материал экспедиции 1952—1955 гг. позволил установить неравномерность залегания «хазарского» слоя на городище. Так, на западе и юго-западе городища он прослежен от современной поверхности на глубине более 4 и даже 5 м, в центре — 2 м, на восточной окраине — от 1 м до 2,4 м, с наибольшей интенсивностью (насыщенностью) на глубине 1,6 м. Объясняется это не столько неровностью древней поверхности (времени Таматархи), сколько большими работами, проводимыми на городище с XVIII в. Так при строительстве береговой крепости по приказу А. В. Суворова были сняты верхние пласты в нескольких местах восточной части городища (до слоя середины XI в.), а в южной — до слоя IV в.

Исследование керамического комплекса хазарского периода городища свидетельствует о широком развитии гончарного ремесленного производства в этом городе (Плетнева, 1963, с. 66—68). Прежде всего гончары изготавливали кухонные горшки со сплошным линейным орнаментом и столовые лошенные сосуды. Ими пользовались в то время все население Таматархи. Эта посуда появилась в городе в VIII в., вместе с захватившими древние боспорские земли хазарскими войсками. Вместе с ними пришли и ремесленники, начавшие тогда создавать культуру, получившую название «салтово-маяцкая». Кто этнически были эти ремесленники-гончары, по их изделиям сказать вряд ли возмож-



но, но они принадлежали уже к определенному культурному кругу, складывавшемуся под эгидой хазарского кагана. Следует сказать, что гончары в Таматархе были высокой квалификации. Горшки, изготовлявшиеся ими, отличаются значительным разнообразием пропорций, стройностью, большинство сделано на ножном круге, традиционный линейный орнамент также многообразен и дополняется волнистыми насечками, штампом, украшавшим сосуд (рис. 101). Что касается лощеной посуды, то помимо обычных форм: кувшинов, кубышек, горшочков, нередко здесь крупные корчаги с ручками или без них. Лощеный орнамент, как правило, простой — вертикальные или наклонные полосы, но на мелких сосудах он часто усложнен необычным узором — спиралями, арками и пр. Многие лощеные сосуды не серого характерного для них обжига, а оранжево-красного, что говорит об обжиге их в больших, хорошо оборудованных печах. Именно в таких печах должен бы был производиться обжиг, вероятно, изготовлявшихся в то время в городе амфор, обломками которых забиты слои VIII — начала X в. на всех участках городища. Тогда же появилось (в IX в.) там и производство характерных высоких с плоскими ручками красноглиняных кувшинов. Мастерские, делавшие их, а также амфоры и пифосы, не прекратили существования и после смены власти в Таматархе, в X в. получившей странное русское наименование Тмутаракань (испорченное Тьма+Тархан?). Причем амфоры в то время заметно изменились в пропорциях, а кувшины долгое время оставались неизменяемыми, только в самом конце X и в XI вв. они стали менее стройными и более ломкими. Однако необычайное изобилие их обломков в слоях Таматархи и Тмутаракани позволяет, как мне кажется, условно в типологии именовать их кувшинами «тмутараканского типа» или просто «тмутараканскими».

К сожалению, не удалось ни разу обнаружить остатков ни одной мастерской, относящейся ко времени Таматархи. И если о гончарстве мы можем судить по обломкам гончарной продукции, то о других несомненно существовавших ремеслах археологических данных пока нет.

Часть керамических изделий попадала в Таматарху из соседнего Крыма и иногда из Византии. Это преимуще-

ственно тарная посуда — амфоры. О торговых связях можно судить только по немногочисленным находкам стеклянных браслетов IX в., обломков стеклянных сосудиков, поступавших сюда в основном из Передней Азии (Сирии) и Египта (Сорокина, 1963), а также по нескольким находкам монет херсоно-византийского чекана 60—80-х гг. IX в. (Кропоткин, 1963).

Малое количество находок почти всюду на раскопанной площади, отсутствие даже полуразобранных построек (в том числе, и мастерских) является следствием очень сильной перемешанности слоя и систематического уничтожения более древних каменных строений (их фундаментов и стен) строителями новых периодов. Обычно старые кладки разбирались полностью: необходим был строительный материал, которым здесь служил камень, добываемый прямо на месте стройки, и материковая глина для сырца. Деревя было вокруг немного, и пользовались им экономно.

Таким образом, от хазарского времени до нас дошли преимущественно обрывки не связанных друг с другом кладок, по которым редко удается восстановить план строения и тем более планировку раскапываемого участка.

Кладки, как правило, двухпанцирные с забутовкой мелкими камнями между ними — весьма распространенным строительным приемом, использовавшимся по всей Хазарии того времени. Особенно следует отметить укладку панцирных камней наклонно, т. е. «в елочку». Этот антисейсмический прием появился здесь с хазарского времени, он был заимствован, очевидно, из Кавказской Албании. Вместе с хазарскими строителями он распространился всюду, где при сооружении домов или оборонительных стен использовался камень.

На некоторых раскопах археологам удалось зафиксировать более или менее сохранившиеся цоколи домиков, сложенных в елочку, перекрывающих более ранние античные кварталы. При этом планировка кварталов не менялась, домики же, отстроенные заново, представляли собой двухкамерные постройки. Первый отсек был хозяйственным помещением, второй — жилым. В нем посредине пола располагался открытый очаг, типичный для кочевников. К домикам примыкали небольшие дворики, но от них на рас-



копах ничего не удалось обнаружить, кроме коротких обрывков кладок, иногда попадались полукруглые в плане кладки, очевидно угловые: узкие улочки и переулки требовали максимально возможного расширения хотя бы на пересечении их между собой. Этот прием также перешел в средневековье из античности, но несмотря на такую преемственность, облик города, конечно, отличался от древнего не только резким сокращением размеров, но и типами строений, которые в отличие от античных каменных и нередко двухэтажных домов с черепичными крышами были сырцово-саманные с камышовыми низкими кровлями. Однако это был все-таки город, а не разбросанное на берегу кочевье. Этот город был укреплен. Изрезанный последующим строительством остатки этих укреплений удалось проследить только на западной окраине городища. Это была сложенная из сырцового кирпича мощная стена, ширина которой достигала 4 м. Это укрепление сближает Таматарху с донским Семикаракорским городищем. Исследовать стену, проследить ее направление хотя бы на протяжении нескольких десятков метров, выяснить, был ли вдоль нее с внешней стороны прорыт ров, не удалось, однако факт ее принадлежности к хазарскому времени представляется достаточно доказанным.

Городской могильник Таматархи не был обнаружен ни первой, ни второй экспедициями. Логично предположить, что большое этническое разнообразие способствовало появлению здесь нескольких кладбищ: христианского, иудейского и различных языческих. Разведки вокруг городища не дали результатов.

Подводя итоги, можно констатировать, что результаты работ экспедиций на Таманском городище были в значительной степени обработаны и частично опубликованы. Разумеется, не все открытия экспедиции 1952—1955 гг. изданы, но общее представление о памятнике и достижения экспедиции в его изучении освещены в печати. Много хуже складывается судьба третьей экспедиции. Еще в 60-х гг. эта экспедиция была организована и возглавлена антиковедом А. К. Коровиной. Раскопы были заложены у берегового обрыва, этот участок продолжает оставаться основным вот уже более 30 лет. Руководство экспедицией в наши дни

осуществляется опять-таки антиковедом С. И. Финогеновой. Целью обеих исследовательниц было изучение слоев и материалов античной Гермонассы. Средневековые слои были как бы ненужным балластом, но археологи вынуждены были вскрывать эти слои столь же тщательно, что и античные. Многие годы было потрачено на эти предваряющие целевые исследования работы. В экспедиции скопился громадный новый и многообразный материал по всем средневековым периодам. Судя по отчетам, особенно хорошо представлено хазарское время. К сожалению, материалы эти не обработаны и мало известны археологам. Ясно, что, пока у экспедиции нет опытного специалиста-медиевиста, вся эта масса сведений будет лежать невоображаемой.

Дадут ли материалы этой экспедиции принципиально новую информацию — неизвестно, поэтому пока мы вынуждены ограничиться теми данными, которые были получены в основном экспедицией Б. А. Рыбакова 1952—1955 гг.

В 25 км восточнее Таматархи на том же берегу Таманского залива находился другой город-порт, также процветавший в хазарское время: Фанагория. В отличие от Гермонассы этот античный город сохранил свое древнее имя и в средневековье. Город был основан, как и Гермонасса, в VI в. до н. э. В первые века средневековья жизнь в нем постепенно затухала, обширный город превратился в зататный портовый городок, размеры его резко сократились: слой VI—VII вв. прослеживается более или менее четко далеко не на всем берегу. Правда, следует учитывать, что почти треть Фанагории размыта прибоем и остатки ее лежат на дне залива. Вполне вероятно, что часть поселения VI—VII вв. тоже уничтожена: городок был портовый, и жители, естественно, занимали участки, максимально приближенные к морю.

Как и на всем азиатском Боспоре, расцвет жизнедеятельности на древних развалинах античного города начался в хазарское время — т. е. во второй половине VIII — IX вв. На сохранившейся от размыва части берега слой Фанагории того времени занимал участок, равный в длину 1000 м, а в ширину около 200 м. В основном это была первая терраса, только местами средневековый слой прослеживался



на склонах холмов второй террасы. Отметим, что такое расположение поселения характерно для поселений и кочевий хазарской эпохи как в Приазовье, так и в степях Бассейна Дона.

Раскопки Фанагорийского городища ведутся уже более 150 лет — с 1853 г., когда там на земле одного из находившихся на территории городища хуторов была случайно обнаружена посвятельная надпись Кассалии Афродите Уралии. С тех пор на городище постоянно производятся работы учеными-антиковедами (Кобылина, 1956, с. 15 и сл.). Или (особенно в XIX в.) — дилетантами, интересовавшимися античностью. Н. М. Паромов, проведя колоссальные архивные исследования, впервые составил и опубликовал прекрасный план городища и ближайших окрестностей с нанесенными на него всеми заложенными и вскрытыми там раскопами и шурфами, которые удалось по архивным данным локализовать с достаточной убедительностью и точностью (Паромов, 1993, с. 111—148). На плане видно, что подавляющее большинство раскопок заложено вне территории средневекового города (первой террасы). Культурный слой средневековья мощностью около 2-х м перекрывал античные отложения практически только на первой террасе (рис. 102).

Раскопы, на которых зафиксирован и исследовался этот слой, находятся в основном буквально на кромке берегового обрыва. Два раскопа — на склоне центрального холма второй террасы — дали весьма скудные сведения о средневековых наслоениях и остатках сооружений. Лучше всего представлен средневековый участок города в центральной его части (рис. 103), где была единым раскопом вскрыта большая (600 кв. м) площадь (Плетнева, 1981, с. 16, рис. 6). На ней прослежен довольно длинный (20 м) отрезок улицы, ширина которой достигала 3 м, и примыкающие к ней с севера, т. е. со стороны моря, три переулка. К морю же сворачивала и мостовая самой улицы. Как улица, так и переулки замощены черепками посуды (в основном обломками амфор) и костями животных, причем на улице отчетливо выделены четыре слоя мостовых, что свидетельствует о длительности и активном функционировании этой, видимо, одной из «магистральных» дорог, проходивших че-

рез город. Вдоль переулков и улицы сохранились остатки каменных цоколей. Большинство их сложено в елочку и панцирной техникой. Вокруг них и внутри помещений прослежены «заплывы» глины, видимо от саманных или даже глинобитных стен. Домики, когда удавалось проследить их планировку, двухкомнатные, к ним примыкали дворики, огороженные крепкими стенами, сложенными, вероятно, полностью из камня. Внутри двориков вкопаны в землю почти по венчик громадные пифосы или же выкопаны большие хозяйственные ямы, обмазанные глиной и нередко слегка обожженные. В полу одного из домов было обнаружено погребение мужчины брахикрана, захороненного вытянуто на спине головой на север. Следует отметить, что на углу, где улица поворачивала к морю, дворовый «забор» был специально закруглен. В этом же дворике с пифосами был обнаружен квадратный (1×1 м), сложенный из глины жертвенник с открытым очагом в центральной, тоже квадратной части. Таким образом, мы в данном случае видим широко распространенную при сооружении ритуальных объектов планировку «квадрат в квадрате».

Таким был город в конце VIII—IX вв.

Его керамический комплекс в целом идентичен керамике Таматархи, что и позволяет уверенно говорить о датировке этого слоя. Однако некоторая разница все-таки есть, а именно — в слое Фанагории этого времени практически отсутствуют обломки красноглиняных кувшинов «тмутараканского типа». Очевидно, что слой прекратил нарастание, а значит, жизнь здесь окончилась до широкого распространения этого типа сосудов. В Таматархе тоже наибольшее количество обломков этих сосудов встречается в слое конца IX—X вв., также как и в Саркеле и в Белой Веже. Так устанавливается время гибели Фанагории — примерно в конце IX в.

Надо сказать, что период, предшествовавший хазарскому, на центральном раскопе выявить не удалось, работы на нем прекратились, и раскоп был засыпан. Период V—VI—VII вв., фиксировавшийся на всех береговых раскопах, с особенной тщательностью был изучен А. Г. Атавиным, который смог убедительно расчленить его на хронологические периоды. Каждый из них характеризовался своим



керамическим комплексом. Приходится пожалеть, что остатки строений сохранились здесь много хуже, чем в центральном раскопе: как правило, это разрозненные кладки цоколей. Благодаря хорошо прослеженной стратиграфии особенно четко удалось наблюдать изменение типа кладки в хазарское время: кладки в елочку всюду перекрыли остатки каменных цоколей, относящихся к сооружениям более раннего времени.

Средневековые фанагорийские могильники не раскапываются совершенно, хотя можно говорить о местах расположения нескольких средневековых кладбищ. Остатки двух из них находились на территории античных некрополей в восточной части городища на холмах второй террасы. Там было вскрыто несколько безынвентарных могил, в которых погребенные были уложены вытянуто на спине головами на запад. Третий, видимо, большой могильник расположен у подножья горы Шапурской к югу от городища. Здесь было обнаружено более десяти аналогичных безынвентарных захоронений в нескольких раскопчиках-шурфах, заложенных в поисках границ античного города, т. е. культурного слоя древней Фанагории. Антропологических определений черепов не проводилось, поэтому этническая принадлежность похороненных осталась невыясненной, вещей нет, а значит, и хронология всех этих могил неясна. Более чем скромный погребальный обряд может, конечно, означать, что погребения относились к одной из вероятных для раннего средневековья религий, известных и принятых какой-то частью населения Фанагории, а именно к христианству или иудаизму. Эти общие соображения в совокупности с фактом нахождения на городище типичных иудейских надгробий со знаками — тамгами — на тыльной стороне являются пока единственными свидетельствами принадлежности этих погребений к эпохе средневековья.

В западной части городища, на окраине средневековой Фанагории М. М. Кобылина обнаружила еще один могильник, в котором было вскрыто 9 погребений, все они безынвентарные, типологически близкие к вышеописанным, но 7 из них совершены в каменных ящиках. Видимо, это обстоятельство послужило причиной датировки погребений от XII до XIV вв., однако такие могилы, обложенные кам-

нем, начали появляться в Крыму в IX в. Здесь, на Таманском берегу, они известны в Тмутаракани, где датируются первой половиной XI в. Фанагория дает дату наиболее раннего распространения этого обряда и дополнительно как бы подтверждает ее.

К какому периоду раннего средневековья принадлежали безынвентарные захоронения? Если допустить, что это — остатки древних иудейских кладбищ, то они в равной степени могут датироваться VI—VII и IX вв.

Как бы там ни было, но, как и в Таматархе, мы можем только говорить об этнической пестроте городского населения Фанагории, основываясь на скудных данных письменных свидетельств, археологически это логическое предположение недоказуемо — материал отсутствует.

Помимо этих двух достаточно крупных и известных за пределами полуострова городов, северо-восточнее Фанагории, всего на расстоянии 4—5 км от нее находилось еще одно, видимо, небольшое приморское поселение, тоже возникшее в конце VIII в. на античных развалинах, — Кепы. Культурный слой там, хорошо документированный и выявленный по керамическому комплексу, относится к концу VIII—IX вв. Кепы раскапывались крупными, высококвалифицированными учеными-антиковедами (экспедиция Н. И. Сокольского), и раннее средневековье до сих пор не нашло своего исследователя из числа участников экспедиции, способного и заинтересованного в обработке и издании материалов того времени. Поэтому мы можем констатировать только факт существования поселения в хазарское время и гибель его одновременно с Фанагорией.

На противоположном от Фанагории и Кепов берегу Таманского залива расположены развалины античного Патрея. Здесь также были зафиксированы незначительные по площади следы культурного слоя V—VII вв. и перекрывающий его слой большого (15 га) поселения хазарского времени (Паромов, 1993а, с. 148). На территории поселения были обнаружены два погребения, относящиеся к обоим выявленным раннесредневековым периодам. Скелеты в них уложены головами на юго-запад, вытянуто, на спине. В одном у головы находились лошенная кубышка с ручкой и бедро барана, у правой руки — два нолика, а во рту — золо-



тая византийская монета второй половины VIII в. Другое захоронение было частично перекрыто хазарской кладкой в елочку и датировано медной византийской монетой VII—VIII вв. (Сударев, 1994, с. 114—115, табл. 7 а, в).

Раскопки на памятниках Приазовского варианта продолжают. Из года в год растет количество этих памятников, исследуются известные большие города, накапливаются новые материалы из их раскопок. Главным же достижением является то, что все чаще полученные материалы, в том числе и те, которые давно лежали в архивах и подвалах российских музеев, начинают привлекать молодых ученых и нередко публиковаться.

Регион Приазовья от северного берега Таганрогского залива до Таманского полуострова — один из самых перспективных для археологического изучения хазарской государственности и некоторых особенностей той культуры, которая появилась в этом регионе в хазарский период.

Эти новые привнесенные особенности органично влились в культуру населения бывшего Боспорского царства. Этому особенно способствовало то обстоятельство, что непосредственно перед хазарами по этой территории кочевали родственные им болгары, объединенные в раннегосударственное образование со складывавшейся близкой к хазарской культуре.

Еще более заметно проявляются своеобразные черты этой культуры, принесенной хазарскими завоевателями в близкую приазовской этническую и культурную среду восточной части Крымского полуострова и даже в причерноморских городах и поселениях западных территорий Крыма.

## Глава 5

### КРЫМСКИЕ ВЛАДЕНИЯ КАГАНАТА. СТЕПНОЕ ПРИДНЕПРОВЬЕ В VIII в.

Крымская земля буквально набита археологическими памятниками. Тысячелетиями они накапливались на полуострове, и кажется, что весь он состоит из этих отложений бурной строительной и разрушительной деятельности человека.

Интересующие нас памятники времени появления и освоения Восточного Крыма подданными хазарского кагана археологически выявляются очень выразительно (рис. 104). Они синхронны с описанными в предыдущей главе поселениями Таманского полуострова. Особенно это относится к морским портам европейской (крымской) части бывшего Боспорского царства. Те и другие неоднократно в течение ряда сезонов исследовались археологами, и благодаря этому мы можем сопоставлять их не только хронологически, но и типологически.

Главным городом-портом этого обширного региона, занимавшего весь Керченский полуостров, была столица древнего государства Пантикапей. Долгое время в начале средневековья полуразрушенный Пантикапей именовали Боспором, а в хазарское время, судя по сведениям, сообщаемым в письме царя Иосифа, его в каганате называли К-р-ц.

Позднее — в древнерусский период — это имя изменили на Корчев. Древнее название практически сохранилось и поныне — Керчь.



Боспор раскапывался и раскапывается много, но все внимание археологи-антиковеды сосредоточили на изучении остатков античного города, раскинувшегося по склонам горы Митридат. Прекрасно исследованы городская планировка, жилые постройки, общественные и оборонительные сооружения, остатки ремесел и пр. начиная с VI в. до н. э. и кончая IV в. н. э. Небольшие раскопки проводились и в портовой части города, где был обнаружен позднеантичный слой III—IV вв. н. э. Раннесредневековые памятники на территории Боспора и современной Керчи были открыты более 150 лет назад. Это катакомбные, подбойные и ямные захоронения, основным исследователем которых начиная с 1904 г. был В. В. Шкорпил (Засецкая, 1993, с. 23). Могилы этого обширного некрополя, расположенного на северном склоне горы Митридат, датируются исследователями второй половиной IV—VII вв. Существование такого кладбища является косвенным свидетельством наличия не менее крупного поселения на античных развалинах города. Но ни на г. Митридат, ни в портовой части, т. е. у подножья горы, остатков такого поселения обнаружено не было. Только Е. В. Веймарн открыл в 1957 г. при исследовании интерьера церкви Иоанна Предтечи следы слоя (обломки керамики) IV—VII вв., а А. Л. Якобсон утверждал, что капители в этой церкви перенесены в нее из стоявшей где-то поблизости разрушенной базилики VI в.

Впервые средневековые слои в Керчи были открыты и исследованы только в 60—80-е гг. Т. И. Макаровой, заложившей на бывшей Рыночной площади, поблизости от церкви Иоанна Предтечи, у ее стен и даже внутри здания раскопы общей площадью более 600 кв. м. Средневековая тысячелетняя стратиграфия прослежена ею начиная с III до XIII вв. включительно. Интенсивное строительство на этой территории проходило в VI в. (вскрыты остатки юстиниановой базилики), в хазарское время (VIII—IX вв.), в корчевский древнерусский период (Макарова, 1998).

Хазарский слой выделен по характерному для этого времени керамическому комплексу: обломкам кухонных гончарных горшков с линейно-волнистым орнаментом, лошечных сосудов, амфор VIII—IX вв., кувшинов с плоскими

ручками, относящихся в подавляющем большинстве к ранним вариантам этой группы сосудов, т. е. к первой половине IX в.

С этим слоем связаны остатки мощной стены, сохранившейся на высоту пяти рядов. Стена шла в направлении запад-восток и прослеживалась в длину на 15 м. Толщина ее — 1 и 1,1 м. Она бесфундаментная, двухпанцирная, пространство между панцирями забито щепнем и мелкими обломками камней. Панцири сложены на глиняном растворе, на многих участках в елочку. Вдоль южной стороны, всего в 0,5—0,7 м от этой стены, прослежена кладка второй аналогичной стены, служившая, видимо, дополнительным креплением первой.

С севера перпендикулярно первой, вероятно, основной стене пристроены три также довольно массивные кладки (толщиной 0,7—0,75 м), сложенные в той же технике. К сожалению, весь этот интереснейший комплекс большой постройки, возможно являвшейся частью цитадели, не удалось исследовать полностью. Судя по стратиграфии, разрушена и разобрана эта постройка была примерно в конце IX в. Поверхность над остатками кладок сровняли утрамбованным слоем белой крошки ракушечника. Эта нивелировочная прослойка прослеживалась на раскопе всюду на глубине 2—2,5 м. В последние годы на Рыночной площади были проведены дальнейшие исследования средневекового слоя, в частности и хазарского времени. Результаты их не опубликованы, поэтому говорить о результатах начатых работ преждевременно. Отметим только, что там удалось обнаружить аналогичные массивные крепостные стены, являвшиеся, возможно, частью той постройки, которой принадлежали остатки ранее открытых мощных стен.

В керченском музее хранятся несколько иудейских надгробий (рис. 105). Вероятно, они происходят из находившегося где-то поблизости от города кладбища. Однако местоположение последнего до сих пор достоверно не установлено, поэтому вряд ли пока возможно связывать надгробия конкретно с собственными хазарами или даже шире — с периодом хазарского господства в Керчи (К-р-ц).

Изучение античных боспорских поселений было направлено в основном на городки приморской полосы вос-



точной части Таврики. На развалинах многих из них были обнаружены слои и сооружения, относившиеся к раннему средневековью. Наибольшее количество материала было получено при исследовании Тиритаки, поскольку город жил вплоть до VI в., а затем на его развалинах возникло небольшое поселение конца VIII—IX вв. (Гайдукевич, 1952, с. 47, 50—52, 67—72, 100—105, 127—131, 134). Культурный слой этого времени прослежен был на нескольких участках городища. Всюду это верхний, перекрывающий все остальные культурные отложения слой, характеризующийся керамическим комплексом, типичным для поселений Таманского и Керченского полуостровов хазарского времени. Это прежде всего амфоры и красноглиняные кувшины с плоскими ручками, датирующие слой концом VIII—IX вв., а также большие пифосообразные сосуды серого обжига, украшенные вертикальным или сетчатым лощением. Кухонная керамика представлена гончарными горшками, сделанными из теста с примесью толченой ракушки, т. е., как и в приазовских сосудах, здесь для изготовления глиняного теста использовался морской песок, насыщенный ракушками. Горшки покрыты сплошным линейным или линейно-волнистым орнаментом.

Сохранились в этом слое и остатки построек. Обычно это сложенные в елочку кладки цоколей, на которых стояли стены из сырцового кирпича. Очаги в этих жилищах помещались в углах и сооружались из обработанного плитняка, на полу находили каменные парные жернова, иногда разбитые. Рядом с домиками выкапывались глубокие зерновые ямы. Ясно, что обитатели жилищ занимались земледелием. Планировка домиков Тиритаки осталась неясной из-за очень плохой сохранности остатков кладок, которые нередко лежали почти на поверхности.

На территории античной Тиритаки располагались, по видимому, не только поселения, но и средневековые могильники. На одном удалось открыть случайно при исследовании античной северо-восточной крепостной стены обложенную меловыми плитами могилу, в которой был похоронен мужчина головой на запад вытянуто на спине с руками, скрещенными на груди. На плите у изголовья был вырезан крест, вещей не было. Могила относилась к вер-

нему слою и датируется не позже IX в. Судя по обряду и вырезанному кресту, погребение христианское.

Аналогичные могилы в каменных ящиках, т. е. обложенные белыми плитами, были открыты на юго-западе от городища. Они также безынвентарные, и потому только их сходство с могилой над крепостной стеной позволяет относить их к IX в.

Всего в 4 км северо-восточнее Керчи на побережье расположено городище, представлявшее собой античный портовый городок Мирмекий. На его развалинах тоже в конце VIII—IX вв. располагался небольшой поселок, от которого до нас дошли только участки слабо выраженного слоя с характерными обломками керамики, жернова, зерновая яма и остатки частично сложенных в елочку кладок цоколя одного домика (Гайдукевич, 1952а, с. 178, рис. 81).

Следует сказать, что рядом с Мирмекием и южнее Пантикапея (Боспора) кроме Тиритаки известно еще пять приморских поселений хазарского времени. Они также возникли на развалинах античных поселений примерно в конце VIII — начале IX вв. Таковым является, в частности, поселение у Героевки, прекрасно исследованное А. В. Гадло (Гадло, 1969).

Это тоже вполне оседлое, земледельческое поселение со стационарными домиками на каменных цоколях с печами, идентичными печам средневековой Тиритаки (рис. 106). Автор раскопок полагает, что эта местная античная традиция была воспринята осевшими на землю кочевниками, заменившими этими печами привычные открытые очаги в центре пола.

Характерно, что всюду, где очаги «выходят из употребления», совершенно исчезают из производства и использования котлы с внутренними ушками.

Планировка средневекового поселения у Героевки — «гнездовая», причем один хозяйственный комплекс отделен от другого свободным от застройки пространством шириной не менее 10—15 м.

Известно еще около 10 поселений на северном и южном морских берегах Керченского полуострова, относимых археологами к хазарскому времени, но раскопки на них не производились и судить о характере их застройки и об эко-



номическом укладе жителей сейчас не представляется возможным.

То же можно сказать и о нескольких десятках поселений, обнаруженных на полуострове в степи. Несомненно, многие из них возникли на незаселенных местах, возможно, первоначально освоенных в качестве кочевий, локализующихся обычно около речушек и источников. Пока уверенно можно говорить только об одном поселении хазарского времени, обосновавшемся на руинах античного городка Илурата (Гайдукевич, 1958, с. 134—137). Оно было небольшим и, как в Тиритаке, занимало далеко не всю площадь античного города. В раскопе у западного края городища был обнаружен и исследован всего один дом, состоявший из двух помещений. Цоколи сложены в елочку на глиняном растворе. В углу большого помещения поставлена печь из обтесанных каменных плит, вероятно взятых из печи разрушенной постройки античного времени.

Существенно отметить, что ориентировка этого здания абсолютно не соответствует античной. Очевидно, что античные развалины уже не просматривались на поверхности. Средневековая постройка перекрыла древние остатки стен, не используя их в качестве цоколей. Добавим, что в отличие от Тиритаки, в Илурате не прослежены остатки построек V—VII вв. и потому античный город ко времени появления новых поселенцев успел зарости слоем дерна и покрыться травой.

Вот на этот фактически как бы «чистый» от застройки участок и пришли кочевники. Их полустационарные юрты были поставлены прямо на зольник, расположенный к востоку от городища. Зольники были прослежены и у западной окраины городища. Все они образовались в античное время и представляли собой, как полагал В. Ф. Гайдукевич, огромные свалки, состоявшие из золы, обломков костей и керамики. Анализ золы позволил судить об основном топливе, которым пользовались жители Илурата, — это была трава, бурьян, солома, угольков почти не было — дерево не жгли, его использовали в строительстве и ценили высоко. Так было и в средневековье.

На высоких, заросших травой холмообразных зольниках было сухо, и, видимо, поэтому именно их начали в

первую очередь осваивать под застройку первые поселенцы хазарского времени. От этой застройки до нас дошли хорошо видимые на поверхности к югу и юго-востоку от городища «каменные круги», размещенные как на зольниках, так и вне их. Диаметр этих кругов от 3 до 30 м, они не всегда бывали правильно округлыми, возможно, потому, что камни лежали фактически на поверхности и за прошедшее тысячелетие многие были сдвинуты с места. Исследователи полагали, что круги малого диаметра могли быть обрамлением оснований круглых построек, а большие окружали «загоны для скота». Это предположение представляется вполне вероятным. По-видимому, подкочевавшие к Илурату новые обитатели вначале поселились в юртах на широкой площади вокруг развалин крепости. Это были кочевники, которые позже, перейдя к оседлому образу жизни, заняли и часть территории городка. Плохая сохранность кругов и их неизученность не позволяют сделать более уверенные и четкие заключения об интерьере, устройстве, назначении, но время их существования определяется VIII—IX вв. по находкам немногочисленных обломков средневековых красноглиняных сосудов с тонкими бороздками.

Второй район, занятый хазарами одновременно с Керченским полуостровом, также находился на территории Восточного Крыма. Это юго-восточное побережье Черного моря и южные предгорья Крымских гор. Здесь также было открыто и частично стационарно исследовано более 20 пунктов конца VIII—IX вв.

Поселения этого района Крыма, относящиеся к хазарскому времени, в основном занимали укрепления, поставленные в предыдущую (византийскую) эпоху.

Так, заново были отстроены в полуразрушенной византийской крепости в IX в. стены в Сугдее (рис. 107). Они бесфундаментные — кладки ставились на широкие плоские плиты, нивелировавшие поверхность. Типичные хазарские жилища со стенами (или цоколями?), сложенными в елочку, перекрывали византийские постройки в том числе — местами на сровненных с землей (заровненных) остатках византийских фортификационных сооружений (Баранов, 1990, с. 55—57). И. А. Баранов писал, что, несмотря на большие размеры (20 га) этого хазарского ук-



репления, оно не был городом, т. к. в нем не прослеживалась квартальная планировка, не было обнаружено ни одной ремесленной мастерской, нет признаков оживленной внутренней торговли. Последнее трудно оспоримо, поскольку так называемых индивидуальных находок вообще мало, но наличие обломков бытовой (кухонной) посуды, видимо, все-таки может означать, что ее не привозили за тридевять земель, а делали где-то на месте, ближе к тем, кто ее приобретал. Кроме того, любой археолог знает, как мало попадает в слое монет. В Сугдее найдено два солида Феофила (829—842) и три херсоно-византийские монеты Константина Багрянородного (913—959). Город и после ухода из него хазар, снова став византийским, продолжал жить и развиваться.

Что же касается двух первых аргументов, приведенных в качестве свидетельства неразвитости городского поселения, то, очевидно, археологи, занимающиеся историей и культурой степных народов, должны выработать свои критерии в определении характера исследуемого памятника. Те признаки, которые, по-видимому, необходимо учитывать при отнесении того или иного европейского памятника к определенному типу, не могут быть безусловными критериями для степных (или захваченных степняками) поселений.

Известно, как долго держался там в качестве основного отопительного устройства дома открытый очаг, помещенный в центре пола. Точно так же степняки, даже уже осевшие на землю, предпочитали в освоенных ими поселениях придерживаться своей древней планировки «гнездами».

Наконец, вряд ли правильно говорить, что в Сугдее или на других памятниках, существовавших в хазарское время, отсутствовали ремесла. Во-первых, площади, вскрытые археологами на этих обширных поселениях, сравнительно небольшие и мастерские просто из-за этого могли не попасть в раскопы. Во-вторых, ремесла, связанные с огнем (керамическое, стекольное, кузнечное), по-видимому, выносились за пределы города. Свидетельство этому — факты расположения многочисленных гончарных районов, обнаруженных в Крыму и относимых к VIII—IX вв., рядом с населенными пунктами, но ни в коем случае не среди жилых кварталов или гнезд. Так было в самой Сугдее, око-

ло которой были обнаружены даже два гончарных района, а также в Херсонесе и некоторых других крупных хронологически близких памятниках. Это явные свидетельства отделиения домашнего ремесла в производственную отрасль. Обнаруженный на большом поселении, примыкавшем к крепостным стенам Кордон-Обы кузнечный комплекс (Баранов, 1990, с. 81—83), располагался на самой окраине, на расстоянии не менее 20 м от соседней «усадыбы» (гнезда). В Сугдее, у западного откоса ворот, тоже вне города в первой половине X в. была сооружена кузница. Стены у нее выложены из камня техникой в елочку, а у входа находился, по-видимому, горн, от которого сохранилось круглое в плане прокаленное основание (под), вокруг которого обнаружены обломки кричного железа и железный «лом».

Очевидно, и кузнечное ремесло было уже выделено в товарную отрасль производства. В настоящее время хорошо известны несколько железорудных баз Крыма, причем не только в Восточном Крыму, но и на юго-западе полуострова. Крупнейшей из них была Керченская. Крицы из нее распространялись не только по Крыму, но и вывозились в восточные области Хазарии, в частности в Саркел, где было найдено более сотни керченских криц.

Таким образом, отсутствие на памятниках в жилых комплексах следов ремесленной деятельности не означает неразвитости ее в данном населенном пункте и позволяет, при наличии близлежащих производственных мастерских, говорить о высоком статусе поселения.

Помимо остатков крепостных и бытовых сооружений к хазарскому периоду, видимо, относится громадный зольник, расположенный у развалин более древнего круглого в плане «святылища» (или круглой башни?), почти полностью перекрытого хазарской стеной (Баранов, 1991, с. 147—149). Рядом с зольником было раскрыто несколько склепов с захоронениями, судя по сопровождающему инвентарю, VIII в. (Баранов, 1991, с. 154—158). Основные погребения в склепах совершены в плитовых могилах. Покойники уложены на спине, вытянуто, головами на север, все принадежали к брахикранам «зливкинского типа». Вокруг центральной могилы захоронено еще несколько человек, по мнению И. А. Баранова, ритуально умерщвленных (с



пробитыми головами). Определить, кому этнически принадлежали эти склеповые погребения, в настоящее время нельзя. Гипотеза И. А. Баранова, что это хазары-иудеи с убитыми на их похоронах «челядинцами» (христианами и язычниками), не убедительна, т. к. в его изданных работах тезисного характера изложены только предположения без конкретной документации.

Следует сказать, что на городище Сугдеи была найдена плита обкладки могилы с нанесенными на нее тамгами и стилизованным семисвечником, а на соседнем с городищем некрополе — надгробие с семисвечником. Но отношения к склеповым захоронениям они не имеют, а существование иудеев-евреев в Крыму, в том числе и в крупном порту Сугдее, вряд ли может вызвать возражения.

Названия больших принадлежавших хазарам городов в Крыму упомянуты в письменных источниках. Так, в перечне хазарских городов, приведенном в пространной редакции письма царя Иосифа (X в.), названы «Суг-рай» (Сугдея), «К-р-ц» (Керчь), «Манк-т» (Мангуп) и др. (Коковцов, 1932, с. 102).

Мангуп — город, равный по значению двум вышеописанным, а по занимаемой площади он превосходит все крымские памятники хазарского времени.

Он, как и все поселения Крыма, отстроен на развалинах византийского поселения VI—VII вв., но хазарский слой отделен от нижнего стерильной прослойкой, т. е. какое-то время площадь была незаселенной, заброшенной. Несмотря на то, что подъемный материал хазарского времени встречался всюду на городище, культурный слой прослежен «пятнами» — гнездами. Часть крепостных стен поставлена была в хазарское время. Стены бесфундаментные, уложены нередко прямо на культурный слой предыдущего периода (Герцен, 1990, с. 112). Кладка стен двухпанцирная, внешний панцирь состоит из крупных лицевых белокаменных блоков, внутренний — из «рваных» камней. Пространство между панцирями забито забутовкой из мелких камней и щебня. Местами стены хорошо датируются стратиграфически, а на одном из участков был обнаружен клад из восьми медных монет — варварских подражаний солидам Льва III (717—741), перекрытый одним из блоков хазарс-

кой кладки. Следует особенно отметить, что на блоках стен Мангупа значительно чаще, чем на стенах других памятников, изображены различные знаки, многие из которых сопоставимы с обычными тюркскими тамгами, широко распространенными в каганате и Дунайской Болгарии. По мнению И. А. Баранова, наличие таких знаков на стенах является определяющим свидетельством принадлежности крепостных сооружений хазарам или хронологически относящихся ко времени хазарского владычества (Баранов, 1990, с. 58—59).

Помимо этих хорошо известных в то время в качестве хазарских владений городов, раскопки велись и на менее крупных поселениях. Одно из них давно исследуется археологами и активно посещается туристами. Это поселение на горе Тепсень у с. Планерское (Коктебель) (рис. 108). Памятник начал изучаться в 1929—1930 гг., и с большими или меньшими перерывами на нем продолжали раскопки все последующие годы XX в. Однако наиболее серьезные работы были проведены здесь В. П. Бабенчиковым (Бабенчиков, 1958, с. 88—146). Тепсень представляет для нас особый интерес по двум причинам.

Первая возникла из-за споров в специальной литературе относительно этнической (этнокультурной) принадлежности этого памятника. Они возникли сразу же после первых раскопок на нем Н. С. Барсамова. Авторитетное, а вернее — авторитарное заключение по этому вопросу было высказано рядом ведущих археологов того времени, которые практически единодушно предложили считать его славянским городищем XI—XII вв. Конечно, были и альтернативное мнение и высказывания, согласно которым материалы поселения Тепсень ближе всего к салтово-маяцкой культуре и соответственно датируются VIII—X вв. Это обобщивалось объективной оценкой фактов: на большой территории вдоль морского берега от Тамани до Алупки распространена была одна (единая) культура. Все ее признаки характеризуют и культуру Тепсеня. В настоящее время эта точка зрения получила всеобщее признание, и перед исследователями Тепсеня уже не стоит задача доказывать, что Тепсень не имеет никакого отношения к славяно-русской культуре и истории.



Второй причиной, привлекающей внимание археологов к памятнику, является открытие на нем синхронных поселению христианских храмов и окружавших их кладбищ, состоявших из «плитовых» могил (рис. 109).

Один из храмов — трехнефная громадная базилика (длинной 37 м), выстроенная на более древнем тоже трехнефном храме меньшего размера. В нартексе и нефах базилики обнаружены захоронения в могилах, также обложенных и перекрытых каменными плитами. Интересно, что в центральной части апсиды раннего храма удалось проследить кладку из сырцовых кирпичей, выложенных в елочку, на которой сохранились остатки обмазки — штукатурки (снаружи и изнутри). Пол внутри этой апсиды был вымощен плитами известняка. Кладка из сырца, да еще и выложенного в елочку, как бы подчеркивает, что выстроена она была в хазарское время. Это, очевидно, означает, что захватившие крымские земли хазарские войска не только не преследовали чуждую им религию, но их строители участвовали в постройке церкви.

Поблизости от этих базилик стоял еще один «малый храм». В связи с тем, что на Тепсене нет поздних материалов, его также можно отнести к хазарской эпохе. То же можно сказать еще об одном небольшом храме, обнаруженном на участке поселения у берегового обрыва (в порту?), вокруг которого также располагалось христианское кладбище.

Следует сказать, что в этом храме стены были, как и в трех остальных, оштукатурены и на обломках штукатурки обнаружены следы фресковой росписи.

Рядом с этим последним храмом был раскопан довольно большой участок поселения, на котором были открыты остатки не менее трех хозяйственных гнезд — усадеб, состоявших из жилых домиков и хозяйственных построек. Все дома двух-трехкамерные (последние как бы с небольшими «сенями»). В углах — печи, сложенные из плитняка, иногда помимо печей или вместо них в центре пола или в углу помещали открытые очажки. Вскрытые остатки представляют, видимо, только цоколи построек, большинство которых сложены были в елочку. Стены, как и на других поселениях, были из сырцовых кирпичей (рис. 108). По-

добные постройки были обнаружены и на вершине Тепсены около большой базилики. К цоколям дома там с двух сторон примыкали дугообразные кладки цоколей фундаментального дворового забора.

Одновременное функционирование трех христианских храмов на Тепсене свидетельствует не только о терпимости хазар по отношению к христианству, но и о том, что здесь находился один из влиятельных христианских центров и это, естественно, привлекало и привлекает ученых к данному памятнику.

Всюду на вскрытых участках прослеживались остатки и следы более ранних кладок, ясно, что Тепсень был обитаем и в предыдущую эпоху, но выявить постройки, относящиеся к той эпохе, видимо, не удалось: ранние постройки разбирались почти полностью для нового строительства. Косвенно это подтверждается, в частности, тем, что в кладках большого храма были обнаружены обломки христианских стел VI—VII вв., очевидно взятых из разрушенного раннего кладбища. Некоторые поздние могилы IX — начала X века перекрыты такими же стелами.

Помимо «плитовых» могил на западном склоне холма Тепсень обнаружено кладбище, на котором было исследовано около 100 погребений (Баранов, 1990, с. 116—124). Погребения были совершены в простых грунтовых могилах, в могилах с заплечиками, т. е. с деревянными перекрытиями, в деревянных ящиках. Как правило, покойники в них уложены вытянуто на спине, головами на юго-запад (иногда на северо-запад). Изредка попадались погребения, в которых скелеты лежали на боку с подогнутыми ногами (рис. 109). Почти на всех скелетах хорошо заметны следы ритуального разрушения. Вещи при покойниках встречались очень редко. Это предметы туалета и женские обычные украшения, бубенчики, ножи. В ряде могил были обнаружены сосуды с вином, ставившиеся у головы покойника. Это были не лощеные столовые кувшины, характерные для большинства погребений в Хазарии, а широко распространенные в Крыму того времени ойнохой, причудливо расписанные красным или белым ангобом: сочетаниями линий, волны, арок и завитков. Такие ойнохой попадались и в могилах бассейна Дона, но там это была редкая находка.



Не исключено, что подавляющее большинство этих захоронений христианские. Находки в них монет и мелких вещей не противоречат этому. Даже обычай ставить в могилу сосуд с вином мог быть сохранившимся и допустимым пережитком язычества в христианском обряде. Единственным очевидно языческим было погребение воина-всадника.

В нем рядом с человеком было помещено чучело коня (череп и кости ног) и детали конской сбруи: стремяна, серебряные с позолотой круглые и квадратные бляхи. При скелете человека найдены сабля-палаш, кинжал с кольцевидным навершием, листовидные наконечники стрел, кресало-пластина с шарнирно соединенным с нею кольцом, сохранилась бронзовая большая литая бляшка от воинского пояса, щиток которой украшен сложной двусторонней пальметкой. Это ранняя вещь, датирующаяся первой половиной VIII в. Однако в целом комплекс относится к хазарскому времени. Красивые, нарядные вещи обычно долго жили в семьях, передаваясь по наследству из поколения в поколение.

Отчетные данные о захоронении практически отсутствуют (они очень краткие), вещи сохранились не полностью, поэтому сейчас трудно говорить не только о точной дате комплекса, но и о его этнической принадлежности. Ясно, что языческое погребение всадника было помещено рядом с христианскими могилами. Веротерпимость была обоюдной. Это напоминает беловежские кладбища, где, видимо, погребали в конце X—XI вв. людей всех вероисповеданий, которые были известны и приняты в этом городке.

Мы рассмотрели остатки комплексов хазарского времени трех укрепленных поселений, два из которых были и оставались на протяжении всего средневековья крупными портовыми городами. Таким же было и поселение Тепсень, прекратившее, правда, свое существование уже примерно в конце X в.

Отличительной особенностью поселений этой части Крыма являются очень заметные следы византийской культуры, значительно более выразительные, чем на поселениях Керченского и тем более Таманского полуостровов. Дома византийской планировки и конструкций (часто со сте-

нами, сложенными сплошь из камня) нередко группируются в кварталы. Большое количество привозной тарной посуды говорит об активной торговле с другими византийскими провинциями. Только в ассортименте бытовой посуды произошли некоторые изменения. Так, краснолаковая посуда совсем исчезла в конце VIII в., ее полностью заменили красноглиняные миски и ойнохои. Обломки лошенной керамики в слое попадают редко. Особенно заметно изменилась кухонная керамика. Всюду исчезли лепные горшки. Им на смену пришли прекрасно сделанные на круге из глины с примесью морского песка горшки, орнаментированные по всему тулову линейно-волнистым орнаментом. Они стали основным характеризующим признаком слоя хазарского времени наряду с кладками елочкой.

Еще каких-нибудь 25—30 лет назад исследователи Крыма, в том числе и потративший на археологическое изучение крымского средневековья многие годы А. Л. Якобсон (Якобсон, 1958; он же, 1964; он же, 1959; он же, 1970; он же, 1979), практически знали и исследовали поселения хазарского времени исключительно в Восточном Крыму. В западной половине полуострова памятники конца VIII—IX вв. с признаками «хазарского пребывания» еще не были обнаружены. Считалось, что хазар вообще не было в этой части Крыма. В настоящее время вдоль западного и юго-западного побережья Черного моря известно уже около 20 поселений со слоем хазарского времени (Баранов, 1990, рис. 1). Все это фактически византийские поселения, на какое-то время, вероятно, захваченные хазарскими войсками. Пришедшее с ними из восточных областей Хазарии немногочисленное население оставило местами выложенную в елочку стену или просто разбитый горшок с линейно-волнистым орнаментом. Следует отметить, что на пяти поселениях хазарская прослойка перекрывает слои античного времени, а это значит, что пустовавшая долгие века античная крепость вновь заселилась в результате строительной деятельности хазарского правительства.

Самым выдающимся крымским памятником античности и средневековья является Херсонес. В средневековую эпоху Херсонес безусловно оставался византийским крупным провинциальным городом (Якобсон, 1959). Благодаря



письменным источникам мы знаем, что в его истории был период (IX в.), когда там правил ставленник хазарского кагана. С этим периодом связывали обычно упадок экономики Херсонеса. Однако в настоящее время можно считать доказанным, что в тот век Херсонес продолжал оставаться центром торговли и ремесла, хотя сравнительно с предшествовавшей эпохой более «регионального уровня» (Седикова, 1997, с. 22). Данные об этом археологи получили при изучении самого массового материала, а именно — при анализе десятков тысяч керамических обломков. Громадное количество обломков местной посуды, изготовленной в самом Херсонесе или в соседних поселениях, свидетельствует о существовании развитого ремесленного производства. Вне города, в окрестностях были обнаружены два гончарных комплекса IX в. по производству разнообразной, но преимущественно тарной керамики, амфор, кувшинов и кухонных горшков. Существенно, что кухонные горшки заметно отличаются от характерных горшков хазарского типа. Они красноглиняные, украшенные одной или двумя прямыми, а чаще волнистыми линиями. В производственную глину подмешивали для отошения не морской песок, а мелкий шамот. Естественно, что не встречались здесь и обломки лощеных сосудов. Столовые кувшины, как и вся остальная керамика красно-оранжевого обжига, тонкостенные с низким горлом и яйцевидным туловом, т. е. весьма выразительно отличающиеся от характерных серых лощеных приземистых сосудов салтовско-маяцкого круга памятников. Печи в обоих комплексах сохранились плохо, но по дошедшим остаткам можно уверенно говорить об их типологической близости со всеми открытыми в Крыму печами, относящимися к тому же времени. Это был период интенсивного развития керамического производства на всем полуострове. Гончарные центры, кроме Херсонеса, были обнаружены в Канакской балке, близ Мисхора и Трудолюбовки, в Чобан-Куле около Судака. Кроме того, отдельные находки печей известны практически по всему побережью Черного моря. Обычно сохраняются только нижние их части — топки.

Иногда удается расчистить и часть стенок верхней камеры, чаще от нее сохраняется только небольшой кусок

разделительного перекрытия с несколькими продухами. Печи преимущественно большие, квадратные (3×3 и 4×4 м), топки двухканальные с отходящими в обе стороны меньшими каналцами, перегородки с множеством продухов, довольно значительных диаметров (до 10 см). Предпечные ямы также большие, квадратные (2,5×2,5 м и более), пол у них выше пода печи не более чем на 20—30 см, хотя попадают и печи, углубленные так же, как предпечь. Все они — типично византийской конструкции (Якобсон, 1979). Следует отметить, что в тех случаях, когда топка печи сооружалась в культурном слое или в рыхлом материке, она обкладывалась камнем и сырцовыми кирпичами, пол так же выкладывался сырцовыми кирпичами, как и перегородки между каналами. В целом это были сложные сооружения, требующие при их строительстве и эксплуатации больших технических знаний. В виде исключения попадались среди этих печей и круглые в плане (например, в Трудолюбовке). Но они такие же большие (диаметр 3 м) и топки у них многоканальные, как и у квадратных печей.

На всей территории каганата гончарные печи были круглыми. Они были много меньше (диаметры 1—2 м), а топки их — бесканальные. Как своеобразный «пережиток» (впрочем, в больших печах необходимый) в некоторых из них вместо разделяющей каналы стенки в центре топки оставляли столб, поддерживавший горизонтальную перегородку с продухами (например, в Канцырском гончарном центре, в Саркеле). По-видимому, двухъярусные византийские (крымские) печи были прототипами печей, волнами распространявшимися в степях в I тыс. н. э. (от черняховских до хазарских гончаров включительно). Несмотря на преемственность обжигательных устройств, изделия, изготовлявшиеся и обжигаемые в херсонесских мастерских, как говорилось выше, резко отличались типологически и функционально от салтовской посуды. В других гончарных центрах, в частности в Восточном Крыму, более связанном с хазарами, делалась на продажу в большом количестве ставшая, видимо, популярной на полуострове среди рядового населения поселков и городов характерная бытовая керамика: кухонные горшки с линейным орнаментом и лощеные сосуды. Правда, последние не получи-



ли большого распространения, поскольку красивые ойнохои, фляги и привозные сосуды, покрытые желтой поливой, вполне заменяли ее.

Надо сказать, что в настоящее время мы практически не располагаем на территории Крыма погребениями второй половины VIII—IX вв., которые можно бы было связать с пришедшими из Хазарии воинами. И. А. Баранов делает попытку разделить известные сейчас отдельные погребения и могильники на группы, которые соответствуют определенным этносам (Баранов, 1990, гл. V). Так, захоронения в могилах с подбоями и в склепах он, вероятно, справедливо считает аланскими. Все плиточные могилы отнесены им к византийскому (греческому) населению. Это уже менее убедительно, поскольку все они прежде всего христианские и в них могли лежать разноэтничные христиане. Впускные в древние насыпи, одиночные могилы включены им в 3-ю группу. Это богатые захоронения, сопровождавшиеся погребением коня или его чучела, сбруей, оружием, воинскими поясами и украшениями. Датируются они по инвентарю VII — началом VIII вв. В целом, они идентичны впускным погребениям Приазовья, о которых говорилось выше (Баранов, 1990, с. 109—115).

И. А. Баранов уверенно связывает их с праболгарами, А. И. Айбабин, опираясь на аналогичные материалы Приднепровья, считает некоторые, наиболее богатые из них, хазарскими (Айбабин, 1985).

К 4-й группе, согласно И. А. Баранову, следует относить погребения в обычных прямоугольных ямах, нередко, правда, усложненных заплечиками, на которые опирались доски перекрытия. Покойники в ямах помещались на подсыпках из песка или углей, иногда в досчатых гробах. Обычное положение погребенных вытянутое на спине, головами на запад или (реже) на северо-восток. Большинство скелетов было подвергнуто ритуальному разрушению. Обычно сопровождавший инвентарь беден, ограничен ритуальной пищей (кости барана и сосуды — у головы или ног скелетов), хотя попадают и захоронения, произведенные с останками коня, скромной сбруей и оружием. Как правило, погребения 4-й группы сгруппированы в довольно обширные могильники. Датируются они широко — от VII до IX вв.

Подавляющее большинство относится ко времени владычества хазар в Крыму. Типологически эта группа очень устойчива и вполне сопоставима с синхронными им праболгарскими захоронениями, известными в наши дни в степях Восточной Европы, в Подунавье (в Дунайской Болгарии) и на Средней Волге (в Волжской Болгарии). Их этническая принадлежность праболгарам не вызывает у исследователей сомнений. Ранние погребения этой группы относятся к праболгарам, поселившимся в Крыму в VII — первой половине VIII вв., однако значительная часть их появилась на полуострове вслед за хазарскими войсками и, возможно, оставалась наиболее верной опорой власти каганата в этой области. Подчинение кагану и, вероятно, служба в его войсках и других «административных учреждениях» позволили Константину Багрянородному назвать болгар, обитавших на землях между Боспором и Херсонесом, «черными болгарами», как бы этим отделив их от свободных дунайских и волжских болгар.

Подводя итоги, следует признать, что пребывание хазар или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо, а на многих памятниках и совсем незаметны. Не удалось, как мне окажется, обнаружить «хазарское присутствие» и по материалам погребальных комплексов. Этническую принадлежность впускных погребений кочевников с конем и разнообразным сопровождавшим покойника инвентарем, относящихся к VII — началу VIII вв., определить весьма затруднительно и, видимо, пока преждевременно. Безусловно, они типологически весьма близки обычным ямным захоронениям того же времени, обнаруженным в ряде крымских могильников, особенно в тех случаях, когда погребенный в яме был богатым воином и был захоронен с конем и оружием, — сходство фактически полное.

Возникает вопрос о погребальном обряде, принятом собственно хазарами. До настоящего времени он остается спорным и нерешенным. А. И. Айбабин в основном на материалах памятников VII — первой половины VIII вв. Северного Причерноморья (Приднепровья) и Крыма предложил свое решение этой проблемы. В публикации остатков случайно найденного и разоренного захоронения пер-



вой половины VII в. (Айбабин, 1985) у с. Ясиново б. Херсонской губернии он, помимо блестящего стилистического анализа сохранившихся в Эрмитаже предметов из погребения, рассмотрел в целом очень небольшую серию аналогичных, по его мнению, погребений, часть которых также была обнаружена случайно и также разорена (Айбабин, 1982, с. 176—180). Несмотря на это, автор попытался найти общие признаки, характеризующие эти погребения: I — ориентировка покойников головой на северо-восток или восток, II — наличие чучела или целого остова коня. По расположению останков коня относительно покойника он делит эти погребения на три варианта: 1 — останки коня над человеком, 2 — рядом с ним, 3 — на ступени, а человек уложен в подбой. Подчеркивая факт самых различных этнических определений этой группы захоронений: болгарам, тюркам — ту-гю, хазарам и даже русам и славянам, он более склонен считать их хазарскими. Для обоснования своей гипотезы автор, помимо выявленных погребений этой группы, привлекает ряд уникальных синхронных им памятников.

Наиболее богатым, ярким и знаменитым из них является так называемый Перещепинский клад (сокровище). Клад был обнаружен местными крестьянами села Малая Перещепина Полтавской губернии в песчаных дюнах левого берега реки Воркслы. Он состоит из множества золотых и серебряных предметов (сосудов, украшений, оружия), разных золотых накладок и золотых византийских монет. Естественно, что все эти вещи были растащены жителями и комплекс затем долгие годы собирался воедино: практически почти все, что возможно было собрать, попало в Эрмитаж. С тех пор богатство и неординарность клада постоянно привлекали к нему внимание многих дилетантов, меценатов и профессионалов-археологов. В результате была создана целая «перещепинская» библиотека. Наиболее квалифицированное описание и издание принадлежит сотрудникам Эрмитажа. Их последнюю публикацию «Сокровища хана Кубрата» можно считать образцом такого типа издания, предметный каталог и альбом к нему в этой работе и ряд предшествующих каталогам исследовательских статей заслуживают самой высокой профессиональной оценки

(Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фонякова, 1997). Небольшая разноголосица в некоторых вводных разделах относительно принадлежности клада хану Кубрату возникла из-за вышедшей до этой книги в свет на нескольких языках работы Й. Вернера, в которой автор счел возможным уверенно говорить о Перещепинском кладе как о погребении хана Кубрата (Вернер, 1988). Мнение это было поддержано большинством болгарских археологов-медиевистов, и примерно на месте находки клада ими был воодружен памятный знак-колонна как бы на могиле Кубрата. Несмотря на уверенность одного из крупнейших немецких археологов, несмотря на некоторые весьма, правда, туманные и разноречивые рассказы местных жителей о каких-то признаках угля и золы, обнаруженных в кладе, о золотом кувшине с пеплом и мелкими косточками, о золотых накладках, возможно покрывавших деревянный «саркофаг» и другие в основном поздние наблюдения за местностью вокруг клада, у нас все же нет серьезных и документированных доказательств, которые бы позволили считать это зарытое сокровище погребением. Дата клада определялась по монетам не раньше середины VII в., а по вещам, аналогичным всему кругу погребений VII в., к VII и даже началу VIII вв.

Ряд вещей из клада крепко связывает его с широким тюркским миром от сибирского Копенского чаатаса до Ясиновского захоронения. Сходство с последним с особенной яркостью выявляется благодаря идентичности орнамента, покрывавшего перещепинскую кружку и золотые бляшки и наконечник пояса ясиновского набора, представлявшего собой композиции из крутых завитков. Этот мотив завитков встречался и на других золотых сосудах, но в сочетании с другими элементами. Поскольку форма кружки весьма близка к копенским золотым сосудам, орнаменту также можно связывать с тюркским кочевым искусством. Она появилась в степи, была, видимо, какое-то время популярна среди знати, но не нашла продолжения в прикладном искусстве в степях в последующие столетия. Видимо, этот орнамент возник и получил некоторое распространение в мастерской при каком-то крупном княжеском дворе VII в. Поскольку перстни с криптограммами Кубрата из клада указывают на явную связь сокровища с этим ханом, можно



предполагать, что при том дворе и существовала ювелирная мастерская. «Тюркские» связи не противоречат этому, т. к. болгары были так же крепко связаны с Тюркским каганатом, как и хазары.

Таким образом, если не считать Перещепинское сокровище погребением или тем более остатками поминального храма, а трактовать его только как сокровище, т. е. накопленное при дворе Кубрата и его потомков (сыновей) состояние, необходимое каждому владельцу, то мы имеем как будто достаточные данные для того, чтобы не отрицать очевидной связи этого погребенного (спрятанного) богатства с болгарскими ханами. Владельцем, зарывшим клад, скорее всего, был один из сыновей Кубрата или даже его внуков, поскольку в кладе встречаются вещи, которые можно отнести к VIII в. Под постоянным натиском хазар болгары отступали из приазовских степей (бывшей Великой Болгарии) на крайние северные рубежи земель, занятых родственными им культурами. Но и там их настигла хазарская экспансия. Одним из косвенных свидетельств этого является зарытие родовых сокровищ. Время было бурное, поэтому могло, конечно, быть, что не болгарский хан спрятал захваченное богатство, а один из хазарских военачальников, захвативший сокровище, возможно, даже немного пополнивший его своими богатствами, тоже накопленными (в основном предметами, сделанными в VIII в.). Высказывались сомнения в возможности зарытия сокровища, поскольку сейчас там нет никаких заметных примет для обозначения местоположения клада. Это возражение вряд ли следует учитывать, т. к. за 1200 лет местность претерпела самые разнообразные изменения. Однако все это только гипотезы.

Достаточно весомых и убедительных археологических доказательств пребывания хазар в степях в VII в. пока нет. Это был век аварского господства и праболгарского широкого освоения степных пространств Причерноморья и Крыма. Их более или менее достоверные следы и находят археологи, а чаще — случайно местные жители в окрестностях современных сел и деревень. Оба народа были еще кочевниками, по-видимому, второй стадии кочевания: перекочевки по определенным маршрутам с постоянными зимниками и летовками. На них при ханских дворах возникали ювелирные и кузнечные мастерские, а в степях тогда же

появлялись гончары-ремесленники, образовавшие целые поселки (типа Канцырки на среднем Днепре). «Канцырский гончарный центр» продолжал существовать и в VIII в. и, возможно, даже в первой половине IX в. — времени походов хазарских войск в Приднепровье. Видимо, хазары и здесь, как и в Крыму, не стремились к повсеместным разрушениям. Это было не выгодно хазарским правителям. Тем не менее никаких следов оседлости или строительства, подобно крымским, с приходом хазарских войск в Приднепровье не выявлено.

Пожалуй, ко времени хазарских походов можно отнести только знаменитый Вознесенский комплекс (рис. 110). Этот памятник представляет собой огороженную валом из земли и камня прямоугольную площадку (62×31 м), расположенную на «высшей точке большого плато» левого берега Днепра. На этой укрепленной площадке было сложено кольцо из камней диаметром не менее 9 м. Это кольцо было разрушено двумя ямами. Одна из них небольшая — 0,55×0,4 м, глубиной 1 м. На дне ее — три стремени и обложенные золотом ножны трех палашей и портупеи. Выше в яму поместили части конской сбруи, которая была украшена блинками из позолоченной бронзы, там же были брошены серебряные фигурки льва и орла, видимо наверх византийских штандартов. Все это было перекрыто слоем железных вещей: 40 удила, более 60 пряжек, гвозди и 7 наконечников стрел, 58 стремян и обрывки кольчуги. Многие вещи явно побывали в огне. В заполненную яму с силой было «вбито» три палаша (они даже погнулись). Затем яму засыпали слоем земли. Вторая яма расположена рядом с кольцом (к северо-западу от него). Она вдвое больше (1,25×1 м) и глубже (1,63 м), была завалена камнями, взятыми из каменного кольца, вперемешку со слоями земли. Вещей в этой яме попадалось немного: 22 наконечника стрел, костяное орудие, отщеп кремня, 20 обломков амфор и много (до 200) обломков и целых, обожженных «сырых» конских костей. Вокруг этой ямы было обнаружено еще 800 обломков лошадиных костей и много обломков посуды.

Раскопанный еще в 30-х гг. памятник (Гринченко, 1950) своей необычностью и расположением на территории, которую большинство украинских археологов до сих пор считают славянской, почти единодушно долгие десятилетия



считался погребением (трупосожжением на стороне) славянского вождя. Сам В. А. Гринченко склонялся к мысли, что это был военный укрепленный лагерь, который в результате неожиданной гибели его защитников был превращен в их могилу. Следуя мнению исследователей памятника, я также считала его погребальным комплексом, но не славянским, а явно принадлежавшим какому-то тюркско-му хану (Плетнева, 1967, с. 101—102).

В настоящее время наиболее обоснованной представляется точка зрения А. К. Амброза (Амброз, 1982), считавшего Вознесенское укрепление обычным тюркским поминальным (не погребальным!) храмом, аналогии которым он видел в столь же слабо укрепленных сооружениях, обнаруженных в монгольских степях. Это, в частности, раскопанный полностью храм царевича Кюль-Тегина, выстроенный в 732 г. По площади он примерно равен Вознесенскому и также ориентирован по длинной оси восток—запад. Стены храма Кюль-Тегина глинобитные (камня в степи не было), дополнительно храм укреплен мощным рвом: 6 м в ширину и 2 м в глубину. Разумеется, этот храм, сооруженный присланными из Танской империи мастерами, строившими императорские гробницы, трудно сравнивать с постройкой, которую соорудили строители далекой от китайской ойкумены земли. Однако в Тюркском каганате далеко не все поминальные сооружения сооружались на таком же уровне, что и Кюль-Тегину. Большинство из них вообще сохранились плохо, и можно только говорить об общей для всех ориентировке по длинной оси — северо-восток—юго-запад, размеры их весьма различны, обычно значительно меньше Вознесенки и Кюль-Тегина: 35×23 м, 35×16 м, наибольший — 40×30 м. Много меньше был раскопанный Л. Р. Кызласовым храм Сарыг-Булун в Туве. Там вместо каменного кольца-жертвенника была поставлена каркасная восьмиугольная юрта диаметром 6 м. Юрту после церемоний поминок сожгли, а над ней насыпали из песка платформу и установили статуи. Фактически все каменные тюркские оградки являлись такими же поминальными храмиками, устроенными для рядовых тюрок, на что справедливо указывал А. К. Амброз.

В Вознесенском храме совершались, по-видимому, те же поминальные обряды, что и во всех тюркских сооружениях этого назначения. Так яма, заполненная перемежаю-

щимися десятью слоями камней и земли, содержащая большое количество горелых и «сырых» костей лошади позволяет, во-первых, сопоставить ее с открытыми жертвенными ямами, открытыми в храме Кюль-Тегина, и, во-вторых, с заполнением поминальных оградок, состоявшем также из камней, костей лошадей и (реже) овец, углей, мелких предметов. Во время поминок (неоднократно повторявшихся) сжигали части животных и вещи, затем остатки кострища и, видимо, тризны забрасывали вместе с камнями в оградку. Остатки каменного круга также могли быть основанием разобранной или сожженной юрты после совершения определенных поминальных жертвоприношений, которые затем были перенесены в вырытую рядом, постепенно забрасываемую яму. Меньшая яма, забитая вещами, была, как представляется, заполнена ими одновременно. Обычай сопровождать погребения вещами, причем уложенными в специально вырытые ямки-тайнички рядом с захоронением, характерен для многих тюркоязычных народов, а нередко их находили отдельно, не связанными ни с какими соседними погребениями. По-видимому, мы можем считать таковыми все обнаруженные в степях так называемые «кенотафы» (захоронения вещей и коней без человека).

Что же касается аналогий Вознесенскому поминальному комплексу в пределах Восточной Европы, то А. К. Амброз считал Перещепинский клад остатками такого поминальника (яма с подношениями драгоценных даров), но наиболее близким к Вознесенке является находка близ с. Глodosы в бассейне Северного Буга. Там также была обнаружена укрепленная площадка, ориентированная по длинной оси с северо-восток на юго-запад. Вдоль берега р. Сухой Ташлык прослеживалась ограждавшая площадку с северо-запада двойная линия рвов, упиравшихся концами в прорезавшие берег овражки (Сміленко, 1975, с. 109—111). Юго-восточная часть площадки затоплена водохранилищем. В восточной части площадки была обнаружена яма. В ней на дне обнаружены были две кучки перегоревших костей человека с углем и золой, а над ними конская сбруя, части оружия, украшения и оплавленные серебряные сосуды. Остальные вещи также с явными следами огня. Весьма существенно, что на костях человека были заметны удары рубящим оружием.



Дело в том, что наличие захоронения сожженных останков человека свидетельствует о его принадлежности к богатым трупосожжениям. Так глудосский комплекс интерпретирует исследовавшая его А. Т. Смиленко. А. К. Амброз предлагает другое решение, а именно — человек был принесен в жертву во время поминального обряда: его зарубили так же, как и барана, кости которого брошены там же.

Близость этих памятников к обрядам, распространенным среди тюркоязычных народов, входивших в Тюркские каганаты, а также и в появившихся после гибели последних нескольких степных каганатах, не исключает того, что Вознесенский и Глудосский поминальные храмы могли принадлежать хазарам — одному из самых западных тюркоязычных народов в Восточной Европе.

Именно в это время — в VIII в. они начали активное продвижение в Приднепровье и даже далее — на запад, отесняя к Дунаю остатки болгарских и аварских орд.

Думаю, что храмы ставились на захваченных землях не только как поминальники знатным умершим, но и как памятники (напоминания) о новых властителях захваченных территорий.

Сами погребения кочевых владык, как известно по письменным источникам разных эпох, тщательно скрывались. В частности, хазарских каганов хоронили в могилах, вырытых на дне отведенной из русла реки. Однако необходимо помнить, что мы не знаем пока ни одного поминального храма на основных землях Хазарского каганата. «Случайно» они не попадают на глаза археологов, а разведочные работы, специально направленные на их поиски, не производились. Отсутствие новых данных не позволяет в настоящее время с абсолютной уверенностью связывать «поминальники» конкретно с хазарами.

В следующей главе рассмотрим памятники, известные сейчас на территории, где, согласно сообщениям письменных источников, обитали хазары, а земли, по которым они кочевали и на которых оседали, принадлежали самому хазарскому кагану — были его доменом.

## КАВКАЗСКИЕ ПРЕДГОРЬЯ И РАВНИНЫ. СТЕПИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИКАСПИЯ

Работая над хазарской проблематикой, нельзя, конечно, обойти территорию вдоль берега Каспийского моря: степи и предгорья от Терека до Дербента, стоявшего в узком проходе между Каспием и горным хребтом (рис. 111) на границе Древней Албании (Азербайджана), владельцы которой всеми возможными средствами пытались защитить свои земли от постоянных сокрушительных набегов северных соседей. Этнический состав последних, согласно письменным свидетельствам, был очень пестрым, и археологически выделить в нем хазар можно только условно. Что же касается хазарского периода на этой территории, то он представлен в основном памятниками, датирующимися второй половиной VII—VIII вв. Это и по письменным источникам время возникновения и роста Хазарского государства, когда несколько тюркоязычных народов, обитавших там еще с гуннского времени, подчинились власти хазарских правителей и объединились в достаточно крепкое государство.

Экономика, а значит, и культура этого нового объединения только начинала складываться на основе культуры савирского союза («Царства гуннов»), поэтому выделить ее можно не по типологическим признакам, а хронологически. Надо сказать, что долгое время именно отсутствие таких признаков и очень незначительные полевые работы,



проводившиеся на средневековых памятниках, делали археологическое изучение хазарского периода на земле нынешнего Дагестана вообще невозможным.

А между тем еще М. И. Артамонов в конце 30-х гг. считал, что исследование раннесредневековых археологических памятников Дагестана — одна из основных задач археологов-хазароведов. Он сам начал эти исследования с города Дербента (Артамонов, 1946), проработав источники и все опубликованные данные о нем и, что существеннее, — внимательно ознакомившись в Дербенте с его древними укреплениями, планировкой города и его сохранностью. Его наблюдения над архитектурными приемами строителей архитектурных памятников салтово-маяцкой культуры значительно более позднего времени. Поставленные во второй половине VI в. стены были «двухпанцирными». Панцири сложены из крупных прекрасно обработанных блоков, заполнение между ними состояло из рваного камня, залитого известью. Общая ширина стены доходит до 4 м, а высота местами — до 20 м. Помимо каменных стен при визуальном осмотре города были зафиксированы остатки более древней сырцово-саманной стены. Мы знаем, что и «двухпанцирные» кладки и сырцовое строительство широко распространилось позже в Хазарском каганате. Хазарские воины и войска каганата не просто проходили через Дербент в периоды походов на Закавказье, какое-то время они владели этой крепостью (в первой половине VII в.). Именно тогда они оставили на каменных стенах граффити: изображения животных, в основном коней, и многочисленные знаки-тамги. Все они близки по стилю и начертаниям изображений на многих памятниках Хазарии, рассмотренных в предыдущих главах. Интересно, что рисунки, как правило, помещены на стенах не выше человеческого роста, т. е. не на блоках во время строительства, а на уже стоявшей стене. Такое же размещение граффити было характерно для Маяцкой крепости, для Плиски и Преслава и всюду, где удавалось открыть стены, сохранившиеся в высоту хотя бы на 2 м. Следует, правда, учитывать, что не столько у этнических хазар, сколько у болгар было это стремление к нанесению рисунков и знаков на ровные ка-

менные поверхности — на крепостные стены или даже скалы. Однако хазарские воины были, как и жители Хазарии, многоэтничны, а болгар в ней было во всех регионах каганата и во все века его существования больше, чем хазар.

Поисками хазар или хотя бы следами их пребывания, а также какими-либо следами существования на территории Дагестана в VII—VIII вв. хазарского государства решил в конце 50-х гг. заняться Л. Н. Гумилев, который попытался провести там разведки. Он ограничился повторным осмотром погруженной в море части Дербента и несколькими небольшими маршрутами на машине вдоль Терека (Гумилев, 1966).

В одном из маршрутов он проехал по берме известного Шелковского городища, по которой проходила проезжая дорога, и даже снял его план, правда по ошибке на чертеже вдвое уменьшив его размеры.

Тем не менее он уверенно считал, что обнаружил столицу Хазарии Семендер. Ни толщина культурного слоя, ни его содержание остались невыясненными.

Наличие раннесредневекового материала на этом городище было зафиксировано последующими исследователями, хотя культурный слой памятника в целом очень незначителен (Магомедов, 1983, с. 41—42). В плане городище квадратное (450x450 м), по периметру укрепленное мощной стеной, глинобитной и сложенной из сырца, с воротными проемами на каждой стороне. Кроме двух привратных башен, на углах и на каждой из сторон крепости размещены еще восемь выступов-башен (рис. 112).

Укрепления, сложенные из глины, сильно оплыли, превратившись в высокие «волнистые» от череды башенных выступов валы. Рвы тоже сильно заплыли, видимо, они окружали городище со всех сторон, но в настоящее время видны только с западной и восточной.

«Открытием Семендера» закончилась деятельность Л. Н. Гумилева в этом регионе, поездки по берегу Терека убедили его в том, что Хазария погибла от трансгрессии Каспия, стала Атлантидой и искать ее памятники на земле бессмысленно.

Новый этап археологического хазароведения на этих землях связан с М. Г. Магомедовым. Он открыл Прикас-



пийскую Хазарию на обширной территории Терско-Сулакского междуречья и далее на юг почти до Дербента. Миф о Хазарской Атлантиде оказался более или менее эффектной сказкой. Оказалось, что на Тереке, помимо Шелковского, в топких болотах протоков устья стояло еще одно близкое типологически городище (Некрасовское). Оно меньше Шелковского, в плане не такое геометрически правильное, без башен и всего с одними воротами, но стены его глинобитные и сложены из сырца тех же размеров (рис. 112). Также на болотистых постоянно подтапливаемых берегах нижних течений Акташа и Сулака было обнаружено еще несколько городищ с аналогичными или близкими кладками стен. В плане они округлые небольшие (в диаметре около 100 м), помимо стен были окружены мощными глубокими рвами (рис. 112), служившими не только защитой от врагов, но, возможно, использовавшиеся в качестве осушительно-отводных «каналов», преграждающих доступ наступающей воды внутрь крепости, стены которой возведены были как бы на искусственном островке. Создание «искусственных островов» при строительстве крепостей на плоских берегах впоследствии, как мы видели, широко использовалось в Хазарии. Археологическое исследование этих равнинных городищ затруднено целым рядом причин, главнейшей из которых является выступающая в раскопах и шурфах вода. Только редкие находки обломков керамики позволяют говорить о том, что во всяком случае верхний слой на некоторых из них относится к VII—VIII вв.

Основной массив памятников, связанных с хазарской эпохой в этом регионе, расположен в дагестанских предгорьях. Это крупные городища, размеры которых (от 30 до 120 га) позволяют считать их остатками городов. Все они прекрасно укреплены сырцово-глинобитными или каменно-глинобитными стенам и рвами, а внутри у наиболее крупных выделяются дополнительно укрепленные участки, очевидно цитадели (Магомедов, 1983, глава 1).

Одним из наиболее крупных и наиболее и давно (с XIX в.) известных городищ такого типа является Чир-юртовское, стоявшее на правом берегу реки Сулак, у выхода реки из предгорий на равнину (рис. 113). С открытой, наименее защищенной стороны, город был огражден рвом и

стеной, сооруженной из рваного камня и сырцовых кирпичей с прослойками камыша, игравшими роль антисейсмической подушки. Стена снабжена полукруглыми башнями, кроме того, в ней перемычками соединены круглые выносные башни, основанием для которых служили, видимо, насыпи значительно более древних курганов. М. Г. Магомедов убедительно сопоставляет этот памятник с городом Беленджером, упомянутым несколькими арабскими авторами в качестве одной из столиц Хазарии. В небольших раскопах рядом со стеной внутри города и на примыкающем к стене снаружи поселении были обнаружены остатки каменных сложенных в елочку цоколей глинобитных жилищ. К сожалению, больших работ на основной территории города провести не удалось, т. к. она была затоплена после строительства на Сулаке плотины. Зато вокруг этого города было обнаружено и в значительной части раскопано несколько синхронных могильников, на которых открыто несколько разных типов погребальных сооружений, что несомненно свидетельствует прежде всего об этнической неоднородности жителей этого города. Два могильника, занимавших очень большую площадь, характеризовались грунтовыми (бескурганскими) могилами — ямными, подбойными и катакомбными. Их основной исследователь — Н. Д. Путинцева датировала открытые погребения V—VII вв. и считала, что в погребальных обрядах, прослеженных на одном из могильников, отчетливо просматриваются глубокие кавказские традиции, однако тот же могильник В. Г. Котович и И. П. Костюшенко связывают с савирами. Другие ученые полагали, что ямные погребения принадлежали болгарам, т. к. похороненные относились к характерному брахикранному европеоидному типу так называемого «зливкинско-го» типа, а захороненные в катакомбах долихокраны несомненно являлись аланами. Всего на этих могильниках было раскопано более 200 захоронений, катакомбы среди них составляют 75%, ямные — 16% и подбойные — 8% (Магомедов, 1983, с. 87).

Наибольший интерес для нас представляет третий могильник, отличающийся от двух первых прежде всего курганскими насыпями. Курганы расположены на предгорной сравнительно узкой террасе правого берега Сулака двумя



группами (рис. 114). Первая состояла из 65 курганов, разбросанных на площади 1000×400 м. В ней раскопано всего 5 курганов. Вторая группа занимала большую площадь и состояла из 96 насыпей, из которых 54 исследованы. В каждой группе выявляются «гнезда» из больших курганов, окруженных малыми. Поскольку насыпи сооружены из материковой глины, они сильно расплылись и некоторые почти не видны на поверхности. К тому же все большие курганы были явно разграблены: центр каждого прорезан воронкообразной ямой.

В подавляющем большинстве курганов находились катакомбные захоронения. Дромосы у них трапециевидные, ориентированные по оси север—юг, размеры их колеблются от 2 до 7 м длиной, от 0,8 до 2 м шириной и от 1 до 5 м глубиной. Дно горизонтальное, но иногда наклонно к камере или же снабжено ступеньками. Забутовка дромосов, как правило, произведена сырцовым кирпичом или рваным камнем.

Погребальные камеры строго перпендикулярны дромосам, входы в них заложены сложенными из камня на глиняном растворе стенками, изредка — каменными плитами или стенкой, сложенными из сырцовых кирпичей. Размеры камер соответствуют размерам дромосов и насыпей над ними, т. е. под большим курганом всегда находится обширная камера со столь же большим дромосом. Размеры камер от 150×120 м, до 2,5×4 м, высота достигает 1—2 м. Своды камер обычно сводчатые, но встречаются и двускатные, стены побелены. Полы ровные, иногда вымощенные тонкими известняковыми плитами, на них прослежен слой угля, который перекрыт камышовым настилом. В нескольких камерах были обнаружены остатки гробов из туго сплетенных жгутов из камыша.

Большая часть захоронений, особенно выделяющихся крупными размерами, полностью разграблена. Однако даже по тем обломкам вещей (саблям, копьям, лукам, седлам), брошенным за ненадобностью предметам (железным пряжкам, кольцам, стрелам и пр.) или потерянным грабителями мелким деталям наборов украшений можно уверенно говорить, что погребения отличались изобилием самого разнообразного инвентаря: оружия, сбруйных наборов, бо-

гатых поясных воинских наборов, различных украшений. В наиболее крупных и, видимо, богатых могилах встречались и золотые византийские солиды первой половины VII в., но все они использовались в качестве подвесок в ожерелья (в них пробиты отверстия или припаяны петли). В целом все эти материалы позволяют датировать курганный могильник второй половиной VII—VIII вв. Особенную известность в науке получили костяные обломки накладок, вероятно седельных, на которых сохранились остатки сложных сцен охоты: двух всадников, волка, кабана. Изображения сделаны профессионально, прекрасно переданы стремительное движение и сила изображенных персонажей, а на всаднике — ряд реалистических подробностей одежды и вооружения (рис. 114).

Чир-юртовские курганы связываются М. Г. Магомедовым с хазарским этносом. Это только одна из возможных гипотез. Автор видит подтверждение ее правомерности в некоторых чертах погребального обряда и в характере сопровождавшего инвентаря. Так, подкурганые катакомбы заметно отличаются от аланских строго выдержанной по странам света ориентировкой, заполнением дромосов камнями и сырцом, оригинальной «кибиткообразной» формой некоторых погребальных камер, настилами на пол камки, своеобразными «гробами» из жгутов камыша. Существенно также, что в катакомбах, в отличие от аланских, производились только одиночные (индивидуальные) захоронения, принадлежавшие, судя по богатству положенных в них вещей, в основном оружия и конской сбруи, знатным воинам. В качестве подвесок в costume этих воинов использовались золотые византийские солиды VII в.: самый ранний — Маврикия Тиберия (582—607), самый поздний — Ираклия и его сына Ираклия Константина (603—641). Тот факт, что все монеты были «вторичного использования», а также весь дошедший до нас остальной инвентарь, имеющий аналогии в Вознесенском поминальнике и других синхронных ему степных захоронениях, позволяет датировать этот могильник второй половиной VII — первой половиной VIII вв. Таким образом, не имеющие аналогов среди окружающих памятников подкурганые захоронения времени господства хазар в дагестанских сте-



пях, принадлежавшие наиболее богатой военизированной знати города, действительно могли быть хазарскими.

Помимо курганов на второй (отдаленной от города) группе были открыты каменные цоколи и стены двух небольших церквей, расположенных в 700 м друг от друга (рис. 115). Обе постройки поставлены без фундаментов, стены сложены из рваного камня на глиняном растворе, с глинобитными полами, оба храма прямоугольные в плане, размеры их 15×7,5 м и 13,2×6,3 м. Ориентация по длинной оси, естественно, восток—запад, входы с западной и южной сторон, в восточном конце алтарная часть. В одной из них стены изнутри выложены так, что внутренняя часть церкви как бы крестообразна. В верхнем (восточном) конце «креста» — апсида, в которой находился алтарь, полностью уничтоженный, стоял массивный каменный тщательно изваянный, с фигурными концами крест. Обломки креста были разбросаны по апсиде. Внутреннее пространство другой церкви прямоугольное, но алтарь в восточной части здания сохранился много лучше: на двух прямоугольных песчаниковых плитах был поставлен четырехугольный массивный постамент (высотой 0,45 м), на котором был закреплен в выдолбленном гнезде такой же, как в первой церкви, массивный каменный крест, также разбитый. Помимо креста рядом с алтарем обнаружены обломки стоявшей рядом с крестом плиты с изображением аналогичного по форме «фигурного» креста. Церкви синхронны окружающим их курганам и были разрушены, по предположению М. Г. Магомедова, одновременно с разграблением богатых курганов арабскими воинами.

Судя по рыхлости (непрочности) стен, оба храма были невысокими и, возможно, даже не имели крыш. Каждый из них был связан с определенным гнездом курганов. Это самые древние христианские храмы на Северном Кавказе, и поставлены они были хазарами, и молились в них — хазары.

Помимо катакомб под двумя курганами этого могильника были обнаружены сооруженные из камня наземные склепы (оба оказались ограбленными). Распространение склеповых захоронений ряд ученых также считает возможным связывать с установлением хазарской власти в пред-

горном Дагестане. Особенно выразительны склеповые, богатые оружием и украшениями, погребения известного Агачкалинского могильника, сопровождавшиеся конским погребением, совершенным перед входом. Раскопавший этот памятник К. Ф. Смирнов датировал его IX — началом XI вв. и уверенно относил к хазарам (Смирнов, 1951). Хазарам же принадлежали, видимо, столь же богатые погребения в склепах у городища Тарки, относимые к VIII—IX вв. (Магомедов, 1983, с. 93). Как правило, склепы сопровождалась грунтовыми могилами, нередко такими же богатыми и также с захоронениями коней, что и склепы. Кроме Агачкалинского, это соединение обрядов наблюдалось в Узункалинском и Урсекалинском могильниках. Датировка всех их очень устойчива — это конец VII — начало XI вв., т. е. в целом соответствует времени существования Хазарского государства в Восточной Европе.

Не только Беленджер (Чир-юртовское городище) находился на Сулаке — самой крупной реке Прикаспийского Дагестана. М. Г. Магомедов считал возможным локализовать в долине Сулака от Чир-юрта и выше по течению примерно на 15 км «хазарское владение» Беленджер, главный город которого был первой столицей каганата (рис. 113). В этой долине, на обоих берегах располагалось еще более десятка больших и малых городищ и неукрепленных поселений, иногда сопровождавшихся могильниками. По подъемному материалу — обломкам характерной «сероглиняной посуды», идентичной чир-юртовской, — их, вероятно, можно считать синхронными, но это нуждается в дополнительных доказательствах, которые могут быть получены при стационарных раскопках хотя бы на двух-трех наиболее ярких из этих памятников.

Археологические исследования велись и в соседних регионах — в долинах Акташа и Ярыксу. На правом берегу реки Акташ находится крупное Андрей-аульское городище, его длина вдоль берега 1,5 км и почти такая же ширина (рис. 113). Оно окружено мощным глинобитно-сырцовым валом и широким (заплывшим) рвом. В одном из его углов на обрывистом крае берега располагалась цитадель, укрепленная сырцово-глинобитной стеной и рвом, а с северо-запада к городищу примыкало, вероятно, неукрепленное



поселение, хотя какие-то длинные «западины», обрамляющие поселение, прослеживаются на поверхности (возможно, это были следы рвов?). У подножия городища, на склоне громадного древнего оврага были обнаружены остатки гончарного района — несколько разрушенных горнов, аналогичных горнам, распространенным в степях Хазарии в более позднее время (в IX в.).

Раскопки на этом громадном поселении дали возможность получить представление о типе жилых построек. Это наземные прямоугольные в плане домики, площадью от 7 до 20 кв. м, с турлучными стенами и черепичными крышами. Открытые «тарелкообразные» очаги помещались в центре, в полу вырывались довольно крупные ямы — домашние погребки. Рядом с жилищами сооружались ямы-зернохранилища: большие, конусовидные.

Керамический материал в верхних напластованиях слоя характеризуется преобладанием обломков различных групп и типов сероглиняной посуды, обычной для хазарского времени.

Андрей-аульское городище, как и Чир-юрт, «запирает» долину Акташа — оно также построено на границе предгорий со степью. Также на пограничной полосе располагалось городище на речке Ярыксу, получившее среди местного населения название Хазар (Азар)-кала. Крепости и поселения возникли и отстроены здесь в степной части, в основном на правых берегах обеих речек. Их концентрация, как отмечал М. Г. Магомедов, значительно меньше, чем в долине Сулака (примерно на 30 км — 5 поселений).

Дошедшие до нас в армянских и арабских сочинениях постоянные упоминания названий разных городов, расположенных в северо-восточных предгорьях, вызывают постоянные споры о локализации этих городов, о привязке названий к конкретным памятникам. Особенно много соображений возникает относительно локализации Семендера — густонаселенной и богатой столицы Хазарии, о которой, как об Итиле, сохранились не только краткие упоминания, сделанные мимоходом, но и сравнительно подробные описания. М. Г. Магомедов считает, что Семендером могли быть остатки громадного Таркинского городища, расположенного к югу от Махачкалы на склонах

горы Тарки-тау. Размеры городища, протяженность его оборонительных укреплений и встречающаяся в подъемном материале «сероглиняная керамика» позволяют во всяком случае считать это городище одним из хазарских городов. Стационарные работы на этом памятнике не велись, и пока вряд ли стоит связывать его с Семендером — данных для этого не более чем о любом другом крупном городище, в частности Урцекском, размеры которого около 40 га, и на нем, как в Андрей-аульском, выделяется прекрасно укрепленная цитадель. Вокруг городища прослеживаются сельскохозяйственные земли, весьма продуманно защищенные горными ответвлениями хребта и длинными сырцовыми стенами. Семендер же, как известно из источников, был окружен садами и виноградниками.

Впрочем, сады, бахчи и виноградники были при каждом населенном пункте Хазарии. Палеоботанические исследования, заключающиеся в тщательной отмывке сырцовых кирпичей и изучении отпечатков зерен на поверхности кирпичей на Чир-юртовском городище, дали длинный список культурных растений, распространенных в то время в Хазарии: разные сорта пшеницы, ячменя, винограда, клевера, люцерны, щавеля, кое-каких лекарственных трав. Существование развитого земледелия у этих еще совсем недавних кочевников подтверждается наличием оросительных каналов в долине Акташа. При их исследовании были обнаружены мелкие обломки характерной сероглиняной керамики, поэтому принадлежность каналов к хазарской эпохе представляется весьма вероятной.

Находки на памятниках зерновых ям и жерновов, аналогии которых были распространены в каганате во все время его существования, служат дополнительными доказательствами земледелия у хазар и их подданных.

Подводя итоги, можно сказать, что, ознакомившись с материалами о хазарах в Восточном Предкавказье, исследованных и обобщенных около 20 лет назад М. Г. Магомедовым, являющимся первооткрывателем ранней Хазарии, приходится сейчас констатировать, что начатое им дело не продолжается в Дагестане и многие вопросы остаются нерешенными, а гипотезы растут и становятся все чаще фантастическими.



\* \* \*

Нет археологических сведений о заселении земель севернее Терека. Вдоль моря они сильно заболочены, а западнее — в Терско-Кумском междуречье степь использовалась кочевниками в качестве пастбищ (следов поселений там пока не обнаружено). Зато далее — на Ставропольской возвышенности, по мнению А. В. Гадло, проводшим там многолетние разведки (Гадло, 1994, с. 43—46), в VI—VII вв. степь еще использовалась для летне-осенних кочевий, но в VIII в. она стала районом постоянных зимовищ, часть которых постепенно становились оседлыми поселениями. Здесь им было обнаружено более 50 поселений, аналогичных поселениям хазарского времени Подонья, Приазовья, Восточного Крыма. Характерно, что в западной части возвышенности преобладающим типом поселений были надпойменные селища (размеры — 200—400×50—100 м), а в восточной — крупные (до 1,5 км в длину) пойменные, видимо, остатки летних кочевий, которые, возможно, будут открыты и в Терско-Кумыкском междуречье. Культурный слой на всех поселениях небольшой, и распространен он не по всей площади поселения, а «пятнами». Жилища на поселениях были наземные — переносные (юрты) и турлучные, возможно, саманные, поставленные на каменные цоколи.

Керамический подъемный материал аналогичен керамике Таматархи и Фанагории, поселений Восточного Крыма. В нем преобладали обломки амфор, что свидетельствует о сильных и постоянных связях этого района с западными провинциями каганата. Хазарское правительство, заинтересованное в расширении кочевых летовок на горных пастбищах, основательно потеснило алан из предгорий.

Памятником, подтверждающим этот процесс освоения новых территорий, является знаменитое Хумаринское городище, находящееся в 11 км от города Карачаевска (рис. 116). Городище представляет собой остатки мощной крепости, сооруженной на высокогорном плато, возвышающемся над долиной Кубани (Биджиев, 1983). Крепость обнесена каменными стенами с многочисленными башнями. Общая их протяженность 2000 м, толщина от 3,5 до 5 м, они по-

ставлены без фундаментов на немного местами подтесанную (сбивелированную) поверхность материка-скалы. Стены сохранились на высоту до 3 м, первоначально же на наиболее опасных участках они достигали, вероятно, высоты 10 м. Сложены они были из крупных песчаниковых хорошо обработанных блоков и состоят из двух панцирей, между которыми уложены также обработанные блоки или забита забутовка из битого камня и щебня. При строительстве стен использовался известковый раствор в основном для промазки нижнего ряда кладки, а также при укладке наружных панцирей цитадели и главных (северных) ворот.

Помимо стен крепость дополнительно была защищена рвом, перерезавшим подход к ней с востока: он прорыт от балки до балки, длина его более 1 км, ширина 9 м при глубине 5 м.

Жилища, которые удалось проследить в раскопах, заложенных в основном для исследования стен, представлены наземными юртообразными постройками с очагами в центре пола или квадратными постройками с турлучными стенами, иногда поставленными на каменный цоколь. Сооружались в крепости и полуземлянки, также с очагами в центре пола и, видимо, турлучной конструкцией стен.

Керамический комплекс близок по составу керамике, обнаруженной на поселениях, открытых А. В. Гадло в Ставрополье. В нем, как и там, преобладают обломки керамической тары — амфор и изредка попадаются обломки красноглиняных кувшинов «тмутараканского типа», что дает нам основание датировать этот памятник не VIII—X вв., как предполагает Х. Х. Биджиев, а второй половиной IX—X вв.

Уникальной находкой на городище являются развалины сравнительно небольшого святилища: квадратной постройки размерами 7×6,2 м со входом, ориентированным на летний восход солнца. Стены постройки возведены без фундамента, кладка панцирная из хорошо обработанных блоков, уложенных насухо, но со швами, промазанными раствором извести.

Внутри внешнего квадрата был сооружен из двойного ряда несколько «уплощенных» блоков еще один квадрат, в котором горел сильный огонь: земля в квадрате прокалена и насыщена золистыми прослойками. Рядом со святилищем



был обнаружен зольник — очевидно, зола и угли выносились из помещения после совершения ритуала. Х. Х. Биджиев полагает, что ориентировка святилища, его планировка (квадрат в квадрате), жертвенник с горящим огнем позволяет считать это сооружение зороастрийским храмом. Однако следует помнить, что культ огня и Солнца, квадратная (или прямоугольная) планировка (квадрат в квадрате) широко распространены в религии тюркоязычных народов (Войтов, 1996, с. 27—47), в частности праболгар (Ваклинов, 1977, с. 111—114). Святилища с подобной планировкой были раскопаны на Маяцком поселении, о чем уже говорилось в данной книге (в главе 2).

Этническая принадлежность Хумаринского городища и памятников на Ставропольской возвышенности, обнаруженных А. В. Гадло, древним болгарам представляется очевидной, но государственная их принадлежность Хазарскому каганату тоже несомненна. Праболгары со второй половины VII в. входили в каганат и в большинстве его регионов, как говорилось, были преобладающим населением. О распространении культуры, сложившейся в каганате и о пограничных южных областях этого государства, изложенные выше материалы дают некоторое представление.

На стенах Хумаринского городища были обнаружены граффити — знаки и надписи рунического письма. И. Л. Кызласов относит их к группе «кубанского» алфавита (Кызласов, 1994, с. 19—22). Есть основание считать этот алфавит, известный на нескольких памятниках Восточной Европы, собственно древнеболгарским в отличие от донского — хазарского.

Прикубанские земли начиная со времени образования Великой Болгарии (VII в.) были заселены болгарями: сначала кочевыми, оставившими после себя сезонные кочевья и разбросанные по древним степным курганам впускные погребения, а затем (в VIII—IX вв.) — оседлыми, от которых в земле сохранились остатки поселений и стационарные могильники. В последние два десятилетия на берегах Краснодарского водохранилища было обнаружено несколько селищ, подъемный материал которых представлен обломками кухонной и лощеной посуды так называемых салтово-маяцких типов и обломками амфор IX — начала X вв.

Кроме того, болгарам же принадлежит ранний «пласт» могил VIII—IX вв. большого и достаточно полно исследованного Казазовского могильника (190 могил). Погребения произведены по традиционному «зливкинскому» обряду, но ориентированы головами на север, северо-восток, восток, что также характерно для части болгарских племенных союзов (Тарабанов, 1983, с. 93—97). Во многих погребениях в отличие от обычных болгарских попадаются предметы вооружения (сабли, копья, луки и пр.), конской сбруи, украшений и разнообразная, в основном лошенная посуда. Не исключено, что значительное количество воинских захоронений в этом и некоторых других аналогичных могильниках Прикубанья объясняется тем, что на этом южном хазарском пограничье необходимы были военизированные отряды, игравшие здесь ту же роль, что и аланы на северном пограничье, частично переселенные хазарским правительством в лесостепное Подонье из Центрального Предкавказья.

\* \* \*

Что же в настоящее время мы знаем и можем сказать о восточных территориях каганата — о поволжских и прикаспийских (калмыцких) степях? По письменным источникам следует, что это были земли, входившие в обширный домен хазарского кагана, по которым он кочевал вместе со своим родом каждое лето, возвращаясь осенью в свой «зимник» — главный город Хазарии, расположенный, согласно данным ряда арабских и персидских источников, на реке Итиль (Волге) и называвшийся ее именем — Итиль или Атиль (Коковцов, 1932, с. 83—87; Заходер, 1962, с. 196). Поскольку царь Иосиф в своем письме уточняет местоположение Итиля, указывая, что он находится «у входа в реку», т. е. у впадения Волги в Каспийское море, то, естественно, Итиль на исторических картах помещали обычно в нижнем течении Волги.

Город состоял из двух частей, разделенных рекой. Правобережная часть была собственно Итилем, в ней находилась крепость, сооруженная из кирпича, в которой жил



царь и его войско, а на левом берегу располагался Хазаран, или Восточный Итиль. Это была торговая часть города, в ней жили купцы и ремесленники, останавливались караваны. Все были разноэтничны и придерживались разных вероисповеданий, и соответственно этому там были выстроены мечети и церкви, медресе, синагоги, караван-сарай. Жилые дома в городе строились из глины и часто были просто войлочными юртами. В источниках размеры города назывались разные, нередко фантастические — до 30 фарсахов (фарсах примерно 6—7 км) вдоль реки, более или менее устойчиво указывались только размеры западной части — 1 фарсах. Если вспомнить, что длина многих простых поселений Хазарии равнялась 1—1,5 км, то длина в 1 фарсах для главного города страны кажется вполне реальной.

Все эти сведения с большей или меньшей степенью детализации изложены в сочинениях восточных авторов X, XI, XII, XIII и даже XVI вв. (Заходер, 1962, с. 185).

Казалось бы, располагая такими сведениями о многочисленных фундаментальных постройках города, сооруженных очевидно, из устойчивых к превратностям времени материалов, а также о размерах громадного города, существовавшего несколько столетий, можно бы было найти хотя бы «следы пребывания» его на берегах в виде размытого разливами реки культурного слоя. Однако археологам до сих пор не удается обнаружить остатки развалин Итиля. Предположений о его местонахождении высказывалось много. Единственно, в чем сходились все исследователи, это размещение города на берегах Нижней Волги. Так, М. И. Артамонов априорно помещал его примерно в районе Енотаевска — Селитренного (Артамонов, 1962, с. 390) и даже отправил туда в 1959 г. отряд своих учеников Л. Н. Гумилева, В. Д. Белецкого, И. Эрдели для обстоятельного обследования местности. Ничего, что можно было бы считать остатками населенного пункта IX—X вв., там обнаружено не было. Это было объяснено Л. Н. Гумилевым непостоянством реки, меняющей русло, и подъемом уровня воды в Каспии (Гумилев, 1966, с. 126—128). Как бы там ни было, но эта попытка открыть пропавший город кончилась полным неуспехом (Артамонов, 1966, с. 3).

Совершенно очевидно, что поиски Итиля могут дать хоть какой-то результат только при тщательнейшем исследовании волжских берегов от Каспия и почти до Саратова. Безусловно, нужно предварительно изучить данные аэрофотосъемки или еще более эффективные космические съемки обследуемых берегов. В настоящее время в низовьях Волги, где вероятнее всего стоял этот город, вести археологические работы (даже разведки) весьма затруднительно из-за очередного подъема уровня воды в Каспии. Большие участки суши просто залиты морскими волнами, а многие пока только «подтоплены», т. е. вода не дошла до поверхности, но выступает в разных пунктах на различной глубине от нее (от 1 до 2 м). Бедствия обоих видов, к сожалению, коснулись памятников, которые в последние годы археологи склонны считать остатками Итиля.

Таковыми, в частности, являются остатки поселения у с. Самосделка Астраханской области. Поселение находилось в многорукавной дельте реки, в нескольких километрах от берега моря. Молодые астраханские археологи (Д. В. Васильев и др.) обнаружили здесь на поверхности невысокого холма остатки кирпичных сооружений и обломки поливной керамики, позволившие датировать эти остатки XIV—XV вв.

Поселение было перерезано на большой площади громадными силосными траншеями, и благодаря выбросу из них на поверхности оказались немногочисленные находки из нижележащих культурных напластований этого сложного памятника. В целом большинство их относится к X—XII вв. Особенно много обломков грубой лепной посуды, украшенной своеобразным богатым орнаментом и датируемой, судя по аналогичным находкам в саркельском культурном слое, X — началом XI вв. Это так называемая гузо-печенежская группа керамики, попадающаяся и на других нижеволжских поселениях (вернее, дюнных стоянках). Находки XII в. представлены обломками поливной керамики. Таким образом, существование на этом всхолмлении поселения со слоем X—XII вв. очевидно. Однако следует отметить, что очень редко на поверхности и в подчистках разрезов слоя попадались обломки посуды более раннего времени: лощеных столовых сосудов и кухонных горшков с



линейным орнаментом. Кроме того, на поселении был найден целый лощеный кувшин. Этот небольшой материал все же позволяет предполагать, что под слоем X—XII вв. лежит слой хазарского времени.

Подчистки разрезов слоя в силосных траншеях, а также несколько небольших шурфиков показали, что в настоящее время на этом памятнике можно изучать только верхний (золотоордынский) слой. Вероятно, следующий под ним слой также частично может быть исследован (в верхнем горизонте). Слой, насыщенный огузо-печенежской керамикой X в., заливадается водой. Предполагаемый слой хазарского времени недоступен.

Все сказанное не позволяет как будто говорить о том, что же представляет собой этот полузатопленный и сильно разрушенный памятник. Но если допустить возможность наличия на нем слоя IX в. и перекрывающего его слоя X—XII вв., то не исключено, что это большое поселение было сначала Итилем, а затем вплоть до монгольского завоевания половецким торговым городом Саксином. После разрушения Саксина на его развалинах монголы основали свое поселение.

Заключая, следует все-таки пока констатировать, что Итиль не обнаружен. Где-то там, в низовьях Волги, заливаемые морем и занесенные песком действительно лежат развалины Итиля, и каждый археолог, обнаружив раннесредневековый памятник, будет надеяться, что нашел Итиль. Когда Каспий в очередной раз уйдет в свои берега, Самоделка должна исследоваться, и это, может быть, даст искомый так долго результат.

В разведке по берегам нижней Волги Л. Н. Гумилев в конце 50-х гг. искал не только Итиль. Его интересовали и погребения, встречающиеся в песчаных сыпучих дюнах (Гумилев, 1966, с. 110—129). Сохранность их плохая, т. к. песок постоянно перемещается, то обнажая скрытое в нем, то, наоборот, надолго покрывая остатки деятельности человека и природы плотными тяжелыми насыпями (буграми). Открытые разведками погребения, относимые к хазарской эпохе или близкому к ней времени, Л. Н. Гумилев, не затрудняясь доказательствами, дал этнические определения: телесцы, печенеги, барсилы, хазары. Данных для датиров-

ки этих погребений очень мало, но даже в тех случаях, когда в погребении встречены вещи, они датируются автором произвольно. Так, погребение «барсила» и «печенега» относятся не к VI и IX вв., а, по-видимому, к XII—XIII вв. Более уверенно говорить о дате трудно, т. к. сохранность стремян, по которым определяется время захоронения, плохая. Однако погребальный обряд, в частности ориентировка «барсила», уложенного головой на восток со сбруей коня и оружием (саблей, луком), а «печенега» — головой на запад, с останками оседлого и взнузданного чучела коня может быть основанием для отнесения «барсила», скорее всего, к половцу довольно позднего времени, возможно, из орды «саксинов», а второе погребение, вероятно, было печенежским, но принадлежало одному из перемещенных монголами в начале XIII в. из Приднепровья «черных клобуков». Что же касается так называемых телеских захоронений, то это были остатки сильно разрушенных погребений, время которых установить невозможно из-за отсутствия в них каких-либо датирующих или иных вещей. Предположение Гумилева, что это были якобы мертвецы, похороненные стоя в могильной яме, — недоказуемо. Погребения, которые автор называет хазарскими, на самом деле являются обычными (рядовыми) праболгарскими захоронениями. Покойники в них уложены головами на запад или север, почти без вещей, только с одним-двумя сосудами и остатками поминальной пищи (кости барана) в головах. Судя по сосудам, время погребений довольно позднее — IX—X вв. Несколько скелетов, по мнению Л. Н. Гумилева, ритуально разрушены, но полной уверенности в правильности этого наблюдения нет, т. к. погребения находились почти на поверхности или же были полностью открыты ветрами.

Таковы археологические изыскания Л. Н. Гумилева в Нижнем Поволжье. К сожалению, они ничего не прибавили для исследования проблемы заселения этих мест хазарами.

Следует признать, что в ведшихся им по песчаным нередко заливаемым берегам волжских протоков разведкам, имевшим основную цель — поиски хотя бы малых следов Итиля, невозможно было найти ни одного кургана, относящегося к хазарскому времени. Все курганы располагались на высоких незаливаемых местах. Как говорилось в пред-



шествующих главах, археологи все увереннее связывают эти подкурганные захоронения с собственно хазарами. Как правило, такие курганы попадаются археологам не часто, причем в могильниках, состоявших из курганных насыпей предыдущих эпох, т. е. фактически находки их являлись «случайностями». Именно так (случайно) были открыты в 70—80-х гг. первые подкурганные «хазарские» погребения в бассейне нижней Волги и, что особенно ценно, некоторые из них достаточно подробно опубликованы.

Наибольший интерес представляют два кургана в могильниках, расположенных на берегу одного из правых рукавов Волги в урочище Кривая Лука (Федоров-Давыдов, 1984). Оба могильника в основном состоят из сарматских курганов. В первом из них (Кривая Лука XXVII) наряду с сарматскими был исследован и раннесредневековый курган №5 (рис. 117). Насыпь его земляная плоская, ров под ней квадратный (19,5×19,5 м), ориентированный сторонами по странам света, без перемычек. Ширина рва в верхней части (чашевидной в разрезе формы) доходит до 2,6 м, а нижней (с вертикальными стенками) — 1 м. Общая глубина рва более 1 м. В нижней части рва на дне обнаружен скелет барана, уложенного в ритуальной позе — с закинутой на спину головой и поджатыми ногами. После засыпки и утрамбовки этой части рва в чашевидной верхней части произвели не менее 15 жертвоприношений, остатки которых обнаружены в виде скоплений костей овец и крупного рогатого скота. Затем ров засыпали, утрамбовали и заложили подсушенными голубовато-бурыми комьями грунта.

Могила находилась в западной части огражденной рвом площадки. Она, как у всех подобных захоронений, подбойная и глубокая: входная яма достигает 2 м, дно подбоя ниже почти на 1 м, в стену он заглублен на 1,5 м, ширина погребальной камеры 1,75 м. Могила ориентирована по длинной оси несколько необычно — север—юг, на полу прослежена меловая подстилка. Погребенный в ней мужчина уложен головой на юг на камышовой подстилке, возможно, циновке, а сверху он был перекрыт деревянными плашками. Рядом с покойником находились чучело коня, ориентированное головой на юг, взнузданное и оседланное, и чучело барана. В головах была помещена заупокой-

ная пища, состоявшая из кусков баранины и конины. Под мясом был поставлен лепной кухонный горшок и брошен еще один кусок баранины с воткнутым в кость ножом, а также деревянная окованная серебром чашечка. Погребение не разрушено и сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем, в основном оружием: палашом, луком, кистенем и другими принадлежностями богатого воина, в частности — золотыми и серебряными накладками на одежду и пояс. Вещевой комплекс позволяет датировать захоронение второй половиной IX — первой половиной X в.

Сооружением и заполнением ровика и могилы не ограничивались все ритуальные действия этого захоронения. После совершения погребального обряда всю площадь внутри рва покрыли слоем плотной глины и в центре (восточнее могилы) на подушку из листьев и травы уложили деревянный настил (4,8×5,7 м), очевидно для исполнения на нем заключительных ритуалов.

Курган во второй группе (Кривая Лука IX) был тоже с уплотненной насыпью. Под ним прослежено два рва (рис. 134). Один кольцевой проведен вдоль края насыпи, он широкий (до 6 м) и мелкий (0,2 м). Второй — квадратный (13×15 м), ориентированный углами по странам света. В углах оставлены перемычки. Глубина рва 1 м, ширина по верху более 2 м, по дну — 0,75 м. Края рва местами обожжены. Заполнение рва в нижней части — голубоватые и коричневые комья земли, а выше — куски обожженной глины. Подбойная могила сооружена в центральной части площадки, ориентация ее по длинной оси северо-запад—юго-восток. Погребение разрушено и разграблено, хотя по некоторым сохранившимся на месте костям скелета можно судить, что покойник был ориентирован головой на юго-запад. На дне входной ямы было помещено чучело барана, а в ее заполнении — разрозненные кости конского захоронения, кости барана, коровы, лошади от заупокойной пищи, обломки лепного горшка, обломки костяных накладок лука, несколько серебряных поясных бляшек и тяжелый серебряный наконечник ремня.

Ритуал обряда очень близок первому захоронению. Это естественно, поскольку оба находятся в одном районе, на соседних кладбищах. Но следует подчеркнуть, что даже в данном случае несомненного обрядового сходства просле-



живаются и отдельные различия в погребальной обрядности, в частности ров во втором кургане с перемычками и без жертвоприношений с явными следами использования огня при захоронении. Дата обоих комплексов немного завышена в публикации (IX—X вв.). Думаю, что по вещевому материалу это IX в., причем, возможно, первая его половина. «Омоложение» погребений привело к предположению, что они печенежские. Данных для этого нет, т. к. печенежский обряд при общих для всех восточноевропейских кочевников особенностях обряда все же очень отличается от описанного выше (Плетнева, 1990). Аналогии же рассмотренному здесь обряду известны на Нижнем Дону, время их, как мы видели (конец VII — первая половина IX вв.), определено достаточно четко, и к печенегам отношения эти раннесредневековые погребения не имеют.

В пределах нижнего Поволжья, в междуречье Волги и Дона известно (и главное опубликовано) еще несколько могильников, в которых были обнаружены погребения, относящиеся хронологически отчасти типологически к тому же кругу памятников. Они расположены на берегах притоков Дона Иловли и Аксая. На Иловле (Круглов, 1992) на двух находившихся поблизости друг от друга могильниках эпохи бронзы и раннего железного века обнаружено три кургана, которые автор публикации считает хазарскими.

Наиболее крупный из них (диаметр 34 м) перекрывает круглый в плане ров без перемычек (диаметр 20 м), чашевидный в разрезе, глубиной 0,8 м. Следов жертвоприношений в нем нет (рис. 118). В центре площадки помещена подбойная могила, ориентированная на оси северо-северо-запад—юго-юго-восток, вокруг которой разбросаны обломки четырех сосудов: двух лепных горшков, одного гончарного и одной амфоры. Могила разрушена и ограблена. Однако удалось установить, что в ней был погребен старик брахикран, уложенный головой на юго-юго-восток. Вместе с разбросанными костями человека были обнаружены кости ног и челюсть лошади, кость ноги барана (заупокойная пища?), кусочки дерева и угольков, а на дне могилы остатки, видимо, войлочной подстилки. На дне входной ямы был обнаружен характерный кухонный хазарский горшок, покрытый линейным орнаментом, очевидно выкину-

тый из подбоя при ограблении. Небольшое количество случайно оставленных мелких предметов позволяет датировать этот комплекс тем же временем, что и курганы в Кривой Луке, но в нем обнаружен был золотой солид, чеканенный в середине VIII в. (751—754). Это еще раз подтверждает довольно сильное запоздание сопровождавших погребения монет (не менее 50 лет), а также, по-видимому, дает основание ограничить время совершения погребения первой половиной IX в.

Этот курган находился в могильнике у д. Барановка, два других были обнаружены в могильнике у соседней д. Петрунино. Оба относились к той же хазарской эпохе, но типологически они сильно отличаются прежде всего тем, что у них нет ровиков. Вторым отличием является широтная ориентировка могилы и соответственно — западная или восточная ориентировки погребенных в них покойников. Сходство их с подкурганскими могилами, окруженными ровиками, очевидно. Это такие же подбойные глубокие сооружения, погребения в которых произведены с чучелом коня, с заупокойной пищей (бараниной), лепными горшками, конской сбруей. Встречены в этих могилах и предметы вооружения: кинжал, нож, роговые концевые накладки, тяжелый лук. В одной из могил под скелетом найден серебряный диргем 756—757 гг.

Сравнительная бедность вооружения, отсутствие поясов с накладками и пряжкой, замена золотого солида серебряным диргемом подчеркивает иной экономический и, вероятно, социальный статус погребенных.

Возможно ли относить эти курганные захоронения к той же группе, что и курганы с ровиками? Не исключено, что это вполне вероятно, если учесть, что в обоих курганах сохранились явные следы сакрализации подкурганной площадки. В одном кургане вокруг могилы были разбросаны обломки разбитых во время тризны четырех сосудов (лепных и гончарных), а в другом поверхность под курганом была обожжена и покрыта слоем угля и золы, в котором обнаружены остатки тризны — кости барана и лошади. Отсутствуют только ровики, ограждающие и охраняющие предмогильную площадку, но вполне возможно, что ограда была деревянной.



С той же степенью вероятности принадлежности аналогичных подкурганых захоронений хазарам можно говорить о погребениях на Аксае (Круглов, 1992). Там в четырех могильниках ранних эпох было обнаружено 7 таких захоронений. Под двумя из них как будто прослежены следы круглого и прямоугольного ровиков (и тот и другой не выявлены полностью — по всей длине). Ширина и заглубленность вскрытых частей так незначительна, что можно предполагать наличие здесь не ровика, а канавки для установки оградки (деревянной или даже плетеной из камыша).

Погребения в большинстве могил разграблены полностью, никаких признаков ритуального разрушения в них не наблюдается. Дошедшие до нас остатки захоронений и инвентаря в них свидетельствуют, что погребения принадлежали конным воинам, вооруженным тяжелыми луками. Только одно захоронение принадлежало женщине. Оно не разграблено. Сопровождающие женщину украшения представлены золотыми серьгами, перстнями, двумя подвесками — золотыми солидами Фоки (607—610) и Ираклия и Ираклия-Константина (613—625). Интерес этого кургана заключается не в богатстве инвентаря, а в особенности насыпи кургана, в центральной части которой набросано много камней песчаника, причем располагались они как бы в ограниченном чем-то пространстве (круглом или квадратном?). Возможно, это еще один факт в пользу существования здесь какой-то ограды, внутрь которой набрасывались так называемые поминальные камни (Амброз, 1982).

Таким образом, есть некоторое основание относить подкурганые погребения без ровиков к той же группе памятников, что и погребения с ровиками. Е. В. Круглов предлагает считать курганы с ровиками — захоронениями богатых и знатных воинов, а без ровиков — рядовых воинов, но этнически и те и другие были хазарами. Это вполне вероятная гипотеза, хотя, конечно, делать какие-либо окончательные выводы вряд ли сейчас корректно. Материалы этих захоронений VIII—IX вв. нуждаются в обработке, т. е. прежде всего в самом обстоятельном исследовании. Однако прежде необходимо собрать обо всех подкурганых захоронениях этого времени полную информацию (а это сейчас уже сотни раскопанных курганов). Выше мы уже не раз

говорили, что сделать это возможно (по материалам архива), но использовать в дальнейшей работе нельзя до издания материала автором раскопок.

Курганы с ровиками и без них известны в Заволжских степях, среди них попадаются и кенотафы со следами мощных подкурганых кострищ (Амброз, 1982, с. 214), но данные о них разбросаны по различным местным, не всегда доступным изданиям или вообще не опубликованы.

Встречаются в нижневолжском регионе и погребения, впущенные в древние насыпи. Некоторые из них аналогичны и синхронны приазовским захоронениям воинов-праболгар (Смирнов, 1959, с. 219—220), другие, значительно более скромные, также, очевидно, праболгарские. Покойники в них уложены на спине головами на запад или север и, как правило, в сопровождении гончарных сосудов: горшков с линейным орнаментом и лошешных кувшинов, кусков баранины. Останки коней в этих погребениях не попадались, но вместо коня в некоторых помещениях были чучела баранов. Сосуды и встречающиеся изредка мелкие вещи (украшения, накладки поясов и пр.) позволяют датировать эту группу захоронений, в отличие от ранних (VII в.) впускных праболгарских захоронений Приазовья, не ранее IX в. (Шилов, 1959, с. 510 и др.; далее — указанные работы, К. Ф. Смирнова, Е. В. Круглова, Г. А. Федорова-Давыдова).

Следует упомянуть и активно исследовавшиеся в последние 20 лет на Средней Волге в степных долинах Самарской Луки и немного выше Жигулей по течению Волги несколько могильников, состоявших из подкурганых погребений (иногда нескольких под одной насыпью). Археологи, открывшие и опубликовавшие их, считают их праболгарскими и датируют концом VII—VIII вв. (Матвеева, 1997, с. 91; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 169—171). В целом можно согласиться с этой датой. Что касается этнического определения, то оно также в основном вполне вероятно, хотя ряд существенных особенностей связывает обрядность многих курганых погребений с нижневолжскими и донскими курганами с ровиками. Прежде всего это сами ровики, которые и здесь ограждают площадки с погребениями богатых людей. Рвы — квадратные с разрывами в углах, иногда



круглые в плане со следами горения в них. В заполнении попадаются кости лошадей и овец, чаще черепа, нижние челюсти или зубы коней. Вторая особенность, встречающаяся в этих захоронениях, — подбой и ниши, вырытые в одной из стенок могилы. Они попадались примерно в 12% исследованных подкурганных погребений. Добавлю, что в одном из курганов были обнаружены накладки от лука «хазарского типа», а в двух других — золотые солиды, один из которых датируется VII в. (610—645).

Все эти материалы свидетельствуют с очевидностью о значительном разнообразии в погребальной обрядности у населения, появившегося примерно во второй половине VII в. в Среднем Поволжье.

Если сооружение курганных насыпей в VII в., судя по находкам в Подонье, было распространено и среди праболгар, то ровики вокруг богатых могил в сочетании с подбоем, захоронениями коней и другими признаками, по видимому, были свойственны обряду какой-то близкородственной этнически и духовно, но иной этнической группировке, в погребальном обряде которой более чем в болгарских погребениях выступают черты сходства с древнетюркскими погребальными обычаями.

Интерес представляет факт нахождения погребальных комплексов с чуждыми болгарам чертами вне территории Самарской Луки. В частности, одно из самых богатых захоронений (к сожалению, разоренных) в могильнике у с. Шиловка, расположенного выше Самарской Луки по течению Волги примерно на 100 км. Там под курганом с ровиком и деревянными конструкциями была вырыта катакомба, в которой находилось погребение человека, а в дромосе (входной яме) был помещен конь (полный его остов). Погребение полностью разрушено, но сохранившиеся в нем вещи свидетельствуют о несомненном богатстве умершего. Именно в этой могиле найден был золотой солид, а также обломки костяных узких пластин со сложными рисунками воинов, всадников, лучников, оседланных коней, животных (зайцев, медведя, терзающего ланя), воинов, выглядывающих из-за сложенной из крупных каменных блоков стены, а также двух сражающихся, переплетенных языками драконов (рис. 119). Стиль изображений весьма напомина-

ет изображения всадника и животных на чир-юртовских пластинах (Дагестан), обнаруженных в одном из подкурганных катакомбных погребений VII в., в котором был похоронен, как полагает М. Г. Магомедов, представитель хазарской знати. Кроме того, рисунки близки изображениям на серебряных блюдах, изготовленных по мнению специалистов в одной из хазарских ювелирных мастерских (Даркевич, 1976, с. 167—170; Конилов, 1989, с. 50—51).

Таким образом, видимо, у нас есть основания считать подкурганные богатые захоронения с чертами, сближающими их с курганами с ровиками хазарскими. Хазарские воины могли прийти сюда, как и в Приднепровье, вместе с праболгарами. Часть из них осталась в Самарской Луке. Богатые хазарские погребения могильников севернее Самарской Луки, вероятно, свидетельствуют о продвижении каких-то военных хазарских отрядов вверх по Волге. Видимо, по этой проторенной дороге проходили позднее на будущие земли Волжской Болгарии и праболгары.

Предполагаемая историками борьба двух тюркских знатных родов Ашины и Дуло, возглавивших в VII в. два самостоятельных объединения государственного типа: хазарское и болгарское, не означает, что эти два народа, жившие бок о бок друг с другом, особенно тесно в предкавказских долинах (совр. Дагестан), постоянно находились во враждебных отношениях. Отдельные стычки и вытеснение с удобных хозяйственных угодий, конечно, были, и о них сообщалось в источниках. Мирное сосуществование далеких степных народов не привлекало внимания их современников из цивилизованных стран. Именно вследствие отсутствия сведений об общественных и политических потрясениях нет в письменных источниках и сведений о населении Прикаспийских степей Волго-Кумско-Сальского междуречья (калмыцких). Только царь Иосиф сообщил в своем письме, что эти земли были его кочевьями, по которым по кругу вдоль всех трех рек он каждое лето кочевал со своими стадами: это был его собственный домен. Там же по обширной Калмыцкой степи кочевали и другие хазарские роды. Было очевидно, что без серьезных разведок и стационарных работ вряд ли возможно получить дополнительные источники о населении и исторической геогра-



фии эпохи средневековья, которые могли бы подтвердить сведения, известные историкам из письма Иосифа.

Однако планомерных исследований средневековых древностей и памятников на этой территории практически не проводилось. Все находки курганов и погребений хазарского времени можно считать случайно обнаруженными археологами при тотальных исследованиях сотен курганов эпохи бронзы и савромато-сарматского периода. Судя по очень немногочисленным и небрежным публикациям, они не привлекали полевых исследователей. Фактически материалы не обработаны и остаются недоступными специалистам. Поэтому сейчас отметим только, опираясь на опубликованные и отчетные данные, что раннесредневековых курганов с ровиками в Калмыцкой степи раскопано довольно много. Причем здесь нередко попадаются захоронения, в которых ровики окружают рядовые погребения (почти без сопровождающего инвентаря).

Таков, в частности, курган в могильнике «Гува-1» (Шнайштейн, 1979, с. 60—61, рис. 1, 6). Он сравнительно небольшой (диаметр 12 м, высота всего 0,27 м), опоясан рвом, ширина которого 3 м, а глубина в материке около 0,1 м (рис. 120). Под насыпью прослежено несколько скоплений золы, обнаружены кусочки мела и обломки лепных горшков. Могила с большим и глубоким подбоем, врезанным в южную стенку входной ямы, глубина подбоя от древней поверхности более 2 м. Погребенный был помещен в подбое вместе с причудливо уложенным рядом с ним чучелом коня. Ориентированы оба головами на запад. От заупокойной пищи сохранилась бедренная кость барана и несколько позвонков. Чучело (без головы) другого барана, от которого в могиле между передними и задними ногами коня остались кости четырех отчлененных ног, было как бы приторочено к седлу. От седла не сохранилось даже тлена, хотя от камышовой циновки, покрывавшей погребения, остались довольно четкие видимые следы. Вероятно, седла на чучеле коня просто не было и баранья тушка уложена была на предполагаемом месте седла. Никаких металлических деталей и частей конской сбруи, предметов вооружения и воинского убора не было обнаружено.

Поблизости от черепа были найдены две бронзовые серьги салтово-маяцкого типа, что и дает нам дополни-

тельные основания для отнесения данного комплекса к хазарскому времени.

Как бы ни мало мы знали пока о хазарских древностях Калмыкии, можно уверенно говорить о том, что изучение их в перспективе вполне реально. Не только курганы с ровиками, но и богатейшие каганские захоронения могут быть обнаружены на дне пересекающего Калмыцкие степи старого волжского русла.

Значение этого региона для исследования хазарской культуры подтверждается замечательной находкой, случайно обнаруженной на дне разграбленной могилы полуразрушенного кургана в 1970 г. в могильнике Кермен Толга близ Элисты. Это прочерченные на разбитых лобных костях быка три строки тюркских рун, которые их исследователь И. Л. Кызласов относит к «донскому варианту» рунического письма (Кызласов, 1994, с. 250—253). По-видимому, именно донское письмо было особенно широко распространено в среде собственно хазарского населения каганата (рис. 121). Добавлю, что вместе с черепными костями на дне могилы валялась характерная для салтово-маяцких древностей мотыжка.

Таким образом, несмотря на несомненную необходимость изучения средневековых памятников в этом обширном регионе даже попавшие случайно или, вернее, «попутно» курганные материалы хазарского времени не исследуются и не издаются. Еще менее привлекают калмыцких археологов поиски остатков и следов поселений (кочевий, полуседлых и оседлых). Впрочем, какой-то «космический всплеск» интереса к этой категории памятников появился у археолога Цуцкина лет 20 назад при расшифровке снимков поверхности Калмыцкой степи из космоса. Он отметил видимые на них линии несуществующих сейчас дорог, сходящихся к несуществующим, но, видимо, когда-то населенным пунктам. Хотелось бы думать, что дороги скрещивались у хазарских крупных поселений (городов?), но это предварительное предположение так и остается неподтвержденным археологическими разведками.



## Заключение

### СЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Громадное сильное государство, возглавленное, очевидно, весьма пассионарным этносом — хазарами, рухнуло, не оставив, казалось бы, «ни племени, ни наследка», как писал русский летописец об обрах (аварах). Правда, сохранились рассказы греко- и латиноязычных авторов-современников об аварах и их каганате, в VII—VIII вв. не менее мощном, чем Хазарское государство. Авары принесли и оставили после себя в степях, а немного позже распространившиеся и по всей Европе сабли и стремена, а также тысячи погребенных всадников и их жен, благодаря которым мы можем судить об их материальной и духовной культуре.

По-видимому, нет народов и государств, которые бы не оставляли в истории и культуре последующих поколений уловимого следа. Даже в тех нередких случаях, когда почти не доходят до нас связные письменные свидетельства об их существовании, земля и немногочисленные предметы (обычно произведения искусства) доносят через тысячелетия неопровержимые факты, по которым можно восстанавливать по крупинкам сложные процессы экономического и этнического развития исчезнувшей страны, появления и расцвета в ней культуры и иногда удается уловить «отпечатки» некоторых политических событий, происходивших в ее истории в упоминаемых в сочинениях авторов так или иначе соприкасавшихся с ней стран.

В предшествующих главах я попыталась показать те, порой пока очень скудные, а потому и спорные, археологические факты, свидетельствующие о существовании Хазарского каганата. Следует учитывать, что более или менее широкое исследование памятников, которые возможно относить к хазарскому периоду в истории различных регионов юго-востока нашей страны, начались совсем недавно — не более полстолетия тому назад. Представляется очевидным, что в настоящее время единство бытовой культуры во всех ареалах раннего и развитого периодов жизни каганата можно считать доказанным и вряд ли будет вызывать возражения. Это была культура, принадлежавшая разным этническим группировкам и народам, входившим в Хазарское государство (в основном нескольким древнеболгарским этносам, аланам, собственно хазарам). Единство ее, как говорилось, было обусловлено вхождением этих народов в крепкое государственное объединение. Этот вывод, опирающийся на фактические материалы, полученные в тотальных разведках в отдельных регионах и стационарных раскопках на довольно большом количестве памятников, очевидно, можно считать доказанным.

Столь же доказанной является общая оседлость населения каганата и в основном земледельческий характер его экономики, хотя в отдельных областях сохранялось сезонное кочевание или отгонное скотоводство, а это значит, что в течение полугода в году люди вели привычный издревле *кочевнический образ жизни*. Практически отголоски кочевничества и всадничества прослеживаются не только при изучении состава костей животных (т. е. состава стад), в которых преобладали овцы и лошади, но и в дошедших до нас следах духовной культуры: в погребальной обрядности, в рисунках-граффити и надписях-рунах на камнях, кирпичках, костяных (роговых) поделках, керамике, а также в произведениях прикладного искусства.

Воины-всадники были наиболее привилегированной и богатой частью общества (рис. 122). Соответственно их хоронили с положенными всаднику почестями. Прежде всего погребенного сопровождали останки коня: целой туши или чучела, т. е. головы и отчлененных ног, соединенных шкурой. Конь был соратник, спутник и товарищ как на



этом свете, так и на другом, бывшем продолжением той же жизни и порядков. Конь укладывался рядом взнузданным и оседланным, обычно с дорогой, украшенной серебряными или бронзовыми, изредка золотыми бляшками сбруей. К седлу иногда приторачивали необходимую в дороге пищу — лучшие куски туши овцы. Чаще эту успокойную пищу помещали поближе к покойному — у головы, рядом с сосудами с питьем и кашей. Характерно, что хозяину стада полагалось оставить в пищу часть главного животного, составлявшего его богатство, — овцу (барана), хотя случалось, что вместе с бараниной помещали и куски конины, т. е. второго главного составляющего стада. Женщин же чаще сопровождали кусками говядины. Таким образом, статус богатого воина соблюдался и на том свете, что явствует даже при рассмотрении сопровождавших его в могиле животных. Надо сказать, что и на поминальных тризнах чаще всего использовали этих же животных, но в некоторых регионах с давно осевшим населением (в частности, в лесостепи) широко употребляли для этих целей других домашних животных, коз, свиней, реже — коров (быков). Ни разу не встречен был ни в качестве сопровождающих животных, ни в качестве тризновой жертвы только верблюды и осел, хотя оба входили в состав стада особенно в степных районах Хазарии. Во всяком случае, изображения обоих животных не раз попадались на рисунках, сделанных руками степных обитателей.

Помимо животных с погребенными воинами в могилу помещалось дорогое оружие — сабли и копья, а также топоры, кинжалы, луки с колчанами и стрелами и украшенные богатой гарнитурой воинские пояса. К сожалению, как правило, богатые могилы разорялись и вещи сохранялись только в редких случаях, поэтому о полном наборе сопровождающего инвентаря, в который входили разнообразные, нередко драгоценные украшения, судить трудно.

В богатых мужских могилах в лесостепном варианте часто рядом совершалось захоронение обычно молодой женщины или даже женщины и ребенка. Это были убитые на похоронах челядинцы-рабы. Они возводились в ранг законных жён и детей, в ряде случаев ритуально обсыпались углем, как бы приобщаясь к семье умершего воина, а

следовательно, их также сопровождал довольно богатый набор украшений: серьги, браслеты, бусы, охранные амулеты и пр.

Наконец, большинство лесостепных и степных захоронений отличается строго соблюдаемым, весьма устойчивым ритуалом, а именно разрушением скелетов с целью обезвреживания умершего и, возможно, «очищения» его, освобождения от земных забот. Разрушения скелетов бывали полные или частичные, иногда заменялись просто связыванием ног или рук, но распространены они были повсеместно.

Пожалуй, только погребения в подкурганых подбойных могилах (с ровиками и без них) не подвергались «обезвреживанию», т. е. разрушению тела самого покойника. Возможно, правы те ученые, которые предполагают, что сооружение ровиков или иной ограды также было уловленной археологами попыткой защиты от выхода умершего в покинутый им мир, хотя, конечно, могло быть и наоборот — ровик служил предотвращением могилы от осквернения.

Все перечисленные особенности обряда соблюдались с некоторыми вариациями, о которых мы говорили в предыдущих разделах, на всей территории Хазарии, т. к. вера в потусторонний мир, бывший продолжением земной жизни, была повсеместной. Это не всегда выражалось в богатстве инвентаря. Известно, что по степям разбросаны сотни могильников и погребений IX — начала X вв. почти безынвентарных. Только в головах многих из них ставились горшки с пищей и оставлялся кусок мяса. Этого запаса должно было хватить только на дорогу. Средства для продолжения жизни умершие получали в таком случае, видимо, по прибытии «на место». В общем, эта уверенность имеет, очевидно, те же корни, что и вера в восстановление из частей коня целого животного, а из ломаных сосудов, разбитых зеркал, согнутых или сломанных сабель и других предметов новых, пригодных к употреблению вещей. Думаю, что эти же представления воскрешения лежали и при соблюдении обряда трупосожжения, это тем более вероятно, что в костер бросали все необходимые вещи, с которыми родичи могли или хотели похоронить покойника. Тризны и жерт-



воприношения во время похорон и в последующие по ритуалу действия служили свидетельством почитания памяти умершего и, вероятно, поддержания его имиджа в мире умерших.

Таким образом, погребальный обряд свидетельствует о глубоких языческих представлениях, пронизывавших все хазарское общество вне зависимости от этнической принадлежности хоронившего населения, от имущественного состояния родичей, от места их обитания, т. е. в центральных областях или на самых окраинах этого обширного государства.

Это прослеживается не только в исследованных погребальных ритуалах и при рассмотрении погребального инвентаря, обнаруженного в могилах.

Помимо того что вещи нередко специально ломались или обгорали в погребальных кострах, большинство из них играло в могиле определенную роль оберегов, обычно необходимых умершему. Таковыми были все острые предметы — от сабель до ножигов и иголок, а также отпугивавшие злых духов зеркала, специально положенные без футляров и блестящей стороной вверх, блестящие перламутровые большие пуговицы или бронзовые звенящие бубенчики. Однако наиболее действенными силами защиты обладали, конечно, разнообразные амулеты.

Единый набор амулетов распространен был по всей Хазарии, но далеко не всюду амулеты, тем более целые наборы, помещались в могилы. Более всего к этому обычаю были склонны аланы как в Предкавказье, так и в донецкой лесостепи. Там почти в каждой могиле, в которой погребены члены более или менее богатой семьи, археологи обнаруживают эти предметы, игравшие громадную роль в сакральных представлениях людей. Обычно они сопровождали не мужские, а женские и детские захоронения, наименее защищенную часть населения. Впрочем, может быть и иное толкование, а именно: и те, и другие несли в себе большие неизрасходованные (дети) или сакральные (женщины) силы, могущие повредить оставшимся на земле. Амулеты оберегали не только умерших, но и живых от умерших. Следует также учитывать, что женщины в семьях долгое время сохраняли за собой

обязанности домашних жриц и амулеты были их ритуальными атрибутами.

Амулеты были разные. Простейшие, использовавшиеся в Хазарии больше других, состояли из косточек животных — их включали в ожерелья вместе с бусами. Это были просверленные клыки (собак, лис, изредка кабанов), когти и пястные косточки. Выше мы видели, что зубы и целые челюсти животных (собак, лошадей) часто использовали в качестве оберегов, бросая их в заброшенные ямы (погребба), жилища, плавильные печи и керамические горны. Сила этих предметов настолько ценилась, что подражания им отливались из металла: бронзовые когти иногда попадаются в поселениях и могильниках.

Кроме наиболее действенных защитных частей хищных животных нередко изготавливали бронзовые отливки целых фигурок животных или самых важных и характеризующих их частей. Обычно это были фигурки лошадей и баранов (козлов), их головок или просто бараньих рогов. Этот выбор животных-помощников особенно ярко демонстрирует живые кочевнические традиции в сознании людей так же, как подбор животных для жертвоприношений и тризн, о чем говорилось выше.

Однако самыми популярными были амулеты так или иначе связанные с культами огня, солнца, неба — «солнечные амулеты». Они представлены круглыми (колесообразными) литыми бронзовыми подвесками с различным количеством спиц (от 4 до 8). Иногда прямые спицы заменены крутыми свастическими завитками, но чаще на внешней стороне кольца размещены три (и одна петля для подвешивания) или, если без петли, — четыре головки хищной птицы — так называемые «соколиные головки», расположенные клювиками в одну сторону, что также создает эффект свастики. Какими бы ни были концы свастик, но обычно они ориентированы «по часовой стрелке», хотя изредка направление движения обозначено в противоположную сторону. В. Е. Флерова в этом и других амулетах видит отзвуки понимания хазарами двойственности мироздания (Флерова, 1997, с. 69—70; Флерова, 1997а, с. 67—70). Не случайно получили, по ее мнению, распространение в Хазарии и исчезли с гибелью государства подвески-амулеты с



головками лошадей или верблюдов, повернутыми в разные стороны, но объединенные общим стержнем, рождающим жизнь и мир. Та же сложная и глубокая идея заключена в кольцевой подвеске с грифоном и всадницей на нем. Так расшифровка смысла каждого амулета дает нам представление не только о религиозных воззрениях населения Хазарии, но и позволяет хотя бы гипотетично представить их миропонимание. Все эти вопросы подняты и рассмотрены В. Е. Флеровой в большой специальной работе, в которой кроме амулетов она рассматривает громадный пласт изображений-граффити и рисунков на костяных предметах, также прочерченных на гладких поверхностях остро оточенным концом ножа или шила. Расшифровка сложных и запутанных картин на костяных предметах, видимо, как и истолкование смысла амулетов будет вызывать возражения и дискуссии, но эта первая попытка разгадывания лаконично выраженных предельно стилизованными изящными изображениями сложнейших идей представляется мне необходимой и перспективной.

Вполне естественно, что создаваемой сложной мировоззренческой системе должна была соответствовать высокая интеллектуально-духовная жизнь в этой громадной стране. Приходится пожалеть, что в письменных источниках до нас доходят только сведения о наиболее странных, кажущихся дикарскими (нередко и являвшихся ими) обычаях. Идеологическими основами религии и представлениями о мироздании «варваров» не считали нужным интересоваться — их заслоняли общие, широко распространенные в народной среде внешние проявления многочисленных религиозных ритуалов. Среди них царили пережитки самых разнообразных представлений ранних, уже пройденных форм религии. Это и сопровождавшиеся тризнами и богатыми дарами погребальные культы и связанные с ними культы предков и культы вождей, инициации, магические обряды, поклонение силам природы и даже отдаленные «отзвуки» тотемизма. Впрочем, такое «смешение» свойственно всем религиям мира. Древние обычаи и верования живут в них, распространяются значительно шире и народы крепко держатся за веру в силы, ведающие всеми земными делами и нуждами.

Мы говорили о своеобразных разветвлениях погребального культа, выражавшихся в многократных жертвоприношениях и сооружении больших укрепленных храмов — поминальных святилищ, свидетельствовавших о культах предков и вождей. Причем подобные большие и малые поминальники совершались как на могилах, так и вне их, хотя всегда связывались с погребальным культом, т. е. с погребальным церемониалом. Инициации, как нам представляется, удалось зафиксировать при раскрытии подземного сложного лабиринта, в центре которого, в случае благополучного прохождения по лабиринту, юношу-мальчика ждали последние, возможно, нелегкие испытания и обряд посвящения (рис. 123).

В погребениях мальчиков с вещами, в том числе с оружием и даже с поясами, хоронили в возрасте не моложе 7—10 лет. Это, по-видимому, означает, что возраст иницируемых колебался в пределах между этими годами. Это находит косвенное подтверждение и в размерах ходов подземного лабиринта, по которым мог сильно согнувшись пройти или протиснуться только совсем небольшой человек.

Какие-то магические колдовские обряды нашли выражение не только в помещении в могилы острых предметов — оберегов, но, по мнению В. Е. Флеровой, в начертании знаков и тамг, различных изображений, сцен охоты и боя, пастьбы и танцев, каравана и пр. на стенах Маяцкой крепости и многих болгарских крепостей на Дунае. Вполне возможно, что это предположение верно. Но, конечно, многие бытовые сцены могли просто отображать действительность без желания воздействовать на нее. Как бы там ни было, но некоторые рисунки дают дополнительные к письменным свидетельствам данные о некоторых интересных обычаях, существовавших в каганате. Таково, например, изображение ритуальной пляски двух мужчин. Оба обнаженные, с копьями и в масках. Один, видимо, ранит другого, который при этом снимает с лица маску. Это напоминает правило в рыцарском турнире — побежденный обязан был поднять забрало. Подобные пляски обнаженных людей с оружием обычно сопровождали ритуал погребения знатных людей (Плетнева, 1984, с. 74).



Верблюд, ведомый поводырем, тоже может быть бытовым рисунком, однако это может быть и пожелание благополучного пути.

Камнями заваливались входы в захоронения, белокаменные стены и даже отдельные кирпичи обладали особой силой оберегов, а значит, были сакральными. О поклонении дубам известно по письменным источникам, а по археологическим материалам мы знаем, что дуб пользовался предпочтением в качестве строительного материала и в производстве, где требовался дающий особый жар дубовый уголь. Конечно, все можно объяснить бытовыми и производственными нуждами. Но в Саркеле на дне донской старицы был найден ствол дуба с вонзенным в него кабаньим клыком. Это, очевидно, остатки жертвоприношения дубу, причем жертвенным животным был кабан, один из древних возможных тотемов какого-то рода. Такими же воспоминаниями о древних предках были и носимые в ожерельях когти и клыки волков и собак, изображения волков и захоронения с человеческими почестями собак.

Таким образом, языческие верования и обряды пронизывали всю жизнь людей, сплотивавшихся Хазарским каганатом. Но основным у них оставалась вера и почитание огня—солнца—неба. Это был культ Тенгри-хана. По-видимому, ему посвящались наиболее распространенные среди народа «солнечные» амулеты, ему же ставились традиционно квадратные храмы, предназначенные для жертвоприношений, с мощными кострищами в центральном квадрате. Несмотря на массу других «тенгри», окружавших человека, несмотря даже на веру в покровительство жизни самой богини Умай, в религиозных представлениях постепенно утверждался монотеизм. Очевидно, именно эта религиозно-философская направленность приводила интеллектуальную верхушку хазарского общества к принятию мировых религий. При этом следует полагать, что менее всего в Хазарии пользовался популярностью ислам. От арабов народы, входившие в каганат, претерпели не только разорение и изгнание большей части населения в Донские степи, но и унижительное насильственное принятие чуждой религии (религии врагов) каганом, войско которого было разгромлено, а он бежал по степи, спасаясь от арабских отрядов.

Каган и его ближайшее окружение вынужденно приняли ислам, но как только арабы оставили степи, отказались от этой религии, и более нет сведений ни письменных, ни археологических о каких бы то ни было политических или религиозных связях каганата с мусульманским миром вплоть до середины X в., когда Хазария ослабела и превратилась из могучей державы в сравнительно небольшое владение.

Совсем иное отношение удалось проследить археологам к христианству. Напомню, что в Кавказских предгорьях на курганном кладбище одного из самых крупных хазарских городов археологи обнаружили две небольшие «семейные» церкви, относящиеся к VIII в. Однако особенно много следов христианизации в хазарском обществе (под хазарским владычеством) было зафиксировано на крымских памятниках хазарского времени. На ряде поселений IX — начала X вв., находившихся под властью хазар строились христианские храмы, а вокруг них группировались обширные христианские могильники.

Однако ни в степи, ни в лесостепи нигде не было обнаружено ни одного факта, позволившего бы связать какой-либо из раскапываемых памятников с христианским культом. Там всюду, насколько об этом позволяют судить археологические исследования, царили языческие обряды и языческое мировоззрение.

Если о христианстве среди хазар сообщений почти не сохранилось, то о распространении в Хазарии иудаизма известно довольно много. Особенно подробно писал об этом событии хазарский царь Иосиф в своем письме, которое сохранилось даже в двух редакциях — пространной и краткой. Литература об иудействе хазар огромная, опирается она в основном на данные этих знаменитых писем и ряда упоминаний в других источниках. Остановившись на характеристике результатов этих исследований не является целью этой книжки, поскольку она посвящена обзору археологических памятников восточноевропейских степей хазарской эпохи.

Приходится констатировать, что среди этих памятников нет ни одного, который можно бы было абсолютно уверенно связать с хазарами-иудеями. Несколько иудейс-



ких надгробий, обнаруженных в Фанагории и Керчи, означают лишь то, что в них жили иудеи-евреи. Феофан Исповедник вполне определенно писал, что в Фанагории в конце VII в. жили евреи (Чичуров, 1980, с. 60), а о присутствии хазар тогда (тем более иудеев-хазар) и речи не было. В другом торговом морском порте — Боспоре (Керчи) также, конечно, могли селиться евреи-иудеи, а значит, было рядом и иудейское кладбище. Хазар, владевших городом в VIII—IX вв., было немного. Это были, вероятно, воины при каганском наместнике. Они в IX в. могли быть иудеями, т. к. входили в привилегированные группировки, окружавшие верховных властителей Хазарии, которые в тот период приняли иудаизм.

Возможно, что к подобной же немногочисленной группе хазар принадлежал и саркельский гарнизон и именно для него, как говорилось выше, построили кирпичное здание на обширной вымощенной двумя слоями кирпичной площадке. Здание *могло быть* синагогой. Однако доказательств этого нет, как нет и никаких других следов пребывания иудеев в Саркеле. Жизнь в нем была «пронизана» языческими верованиями и обрядами, некоторые из них были связаны с человеческими жертвами, что ни одной из мировых религий не свойственно.

Нет в Саркеле и погребений, которые можно бы было связать с иудаизмом и в той же мере и с христианским культом, ни на одном кирпиче не прослежены даже попытки изобразить знаки, хотя бы гипотетично связываемые с этими религиями. Это кажется необъяснимым, поскольку в элитарно-каганской крепости, охраняемой его собственными воинами (гарнизон), должны бы были присутствовать люди, исповедовавшие религию своего сюзерена и хотя бы частично (с нарушениями канонов) соблюдавшие ее обрядность. Именно такой могильник с явно языческими захоронениями богатых воинов с оружием и конскими костями (остатками чучел?) и отдельными конскими захоронениями был обнаружен не на исконно хазарских землях, а на Дунае (в Югославии), примерно в 70 км от Белграда у с. Челарево (Radovan Bunardžić, 1980). Погребений много, они разорены, но несмотря на разграбленность в большинстве из них обнаружены вместе с при-

знаками соблюдения языческих обрядов обломки каменных плит и кирпичей с изображениями иудейской символики. Высказывались самые разные предположения о этнической принадлежности могильника. Наиболее распространенным и признанным является утверждение, что это часть хазар (кабары), которые, согласно Константину Багрянородному, ушли из Хазарии к венграм. Это действительно одно из вероятных объяснений появления всадников-иудеев (хазар?) на Дунае. Могут появиться и иные предположения, и они также будут вполне допустимыми. Однако важность этого памятника останется неоспоримой при любой его этнической интерпретации, поскольку свидетельствует о возможности при необходимости нарушать даже суровые каноны иудейской религии в погребальной обрядности.

Итак, подводя итоги сказанному, можно уверенно говорить о том, что на всей громадной территории каганата только в двух портовых городах сохранились какие-то следы иудейских погребений (надгробий), но и там нельзя считать вполне доказанным, что они относились к хазарской эпохе.

Объединяющей же религией, которая определяла духовную жизнь в каганате, верования и обрядность, было язычество.

Следующим объединяющим фактором была, казалось бы, общая на всей хазарской земле письменность. И она не была заимствована ни из Закавказья, ни из Византии или Рима и даже не от евреев, с религией которых верхушка каганата была хорошо знакома. Правда, мы знаем, что знаменитое письмо царя Иосифа было написано на иврите, но писал его не сам Иосиф, а умудренный знаниями еврейской истории и житейским опытом придворный чиновник, происходивший, скорее всего, из евреев.

Этносы, входившие в каганат, пользовались вариантами широко распространенной по всей евразийской степи древнетюркской рунической письменности.

Обнаруженные на памятниках восточноевропейской степи рунические надписи И. Л. Кызласов собрал воедино, заново издал, изучил и весьма убедительно разделил на две основные группы. Названия группам автор дал по рекам,



на которых стоят памятники, давшие нам первые находки древней письменности, распространенной в Хазарии: первая группа получила название «донской», вторая — «кубанской». Существенна выделенная им третья смешанная группа «доно-кубанская».

Излишняя осторожность помешала автору дать обеим группам рун этнические наименования. К первой (донской) группе он отнес всего три надписи, обнаруженные в регионе нижнего Дона, и 18 надписей, процарапанных на белокаменных блоках Маяцкого городища. Кроме того, на нижнем же Дону найдена краткая надпись, сделанная доно-кубанским письмом. Регион Нижнего Дона, как мы видели, можно считать территорией преимущественного обитания на ней собственно хазар, две надписи обнаружены на предметах из погребений, возможно принадлежавших хазарам. Как будто бы далеко от собственно хазарского региона находится белокаменная крепость Маяцкого городища. Однако следует помнить, что район расположения крепости был «пограничным». Тихая Сосна была нитью, соединяющей «нанизанные» на нее чуждые лесостепному (аланскому) варианту салтово-маяцкой культуры крепости, стены которых складывались или из прекрасно обтесанных белокаменных блоков, или из сырцовых кирпичей. И те и другие свойственны опять-таки областям, где присутствие хазар зафиксировано письменными источниками. Итак, донское письмо у нас есть основания считать *хазарским*.

Хумаринское городище (в Прикубанье), одна из самых укрепленных в Предкавказье хазарских крепостей, отстроено и заселено было, видимо, исключительно болгарским этносом. Все шесть хумаринских надписей относятся к группе кубанского письма.

По-видимому, не будет преувеличением считать кубанское письмо, этнически принадлежавшим древним болгарам. Кубань, судя по сведениям письменных источников и археологическим данным, более чем на столетие раньше появления Хазарского каганата освоена древнеболгарским населением. Она входила в ареал первого болгарского государственного объединения — Великую Болгарию. Там появилось и утвердилось, вероятно, руническое письмо, отличающееся от рунических письменностей других госу-

дарств-каганатов. Весьма интересно, что в Волжской Болгарии и в ареале ее влияния было распространено, видимо, кубанское — болгарское и в меньшей степени — доно-кубанское письмо, причем употреблявшееся там вплоть до XII в.: в Биляре была обнаружена обломанная ручка сосуда, на которой *по сырой глине*, т. е. мастером-гончаром, сделана коротенькая надпись из пяти знаков. Очевидно, грамотность распространялась всюду и в разных слоях населения.

Все остальные надписи были процарапаны на поверхностях привезенных в северные лесные районы Волжской Болгарии серебряных сосудов. Следует сказать, что две из них выполнены смешанным доно-кубанским письмом, а две кубанским. Ясно, что блюда доставлялись и как-то маркировались еще во время их пребывания или транспортировки через южные, в частности, донские районы Хазарии, которые в IX в. были заселены сплошь болгарями. Недаром на Донце, на городище Маяки, был обнаружен обломок амфоры с кубанской надписью, сделанной почти скорописью (Кляшторный, 1979).

Дотошное палеографическое исследование рунических надписей евразийских степей, проведенное И. Л. Кызласовым, явилось неоспоримым доказательством существования в каждом государственном тюркоязычном образовании (каганате) собственного алфавита. При этом интересен факт слияния алфавитов при тесном взаимодействии и этническом слиянии народов, входивших в разные государства, объединенные в одно.

Прочитать восточноевропейские надписи, пользуясь давно расшифрованными алфавитами енисейского (хакасского) и орхонского (тюркского) письма, пытались многие, в том числе и крупные тюркологи (А. М. Щербак, С. Г. Кляшторный и др.). И. Л. Кызласов полностью отрицает возможность в настоящее время расшифровки хазарского и болгарского алфавита, поскольку палеография их очень своеобразна. Очевидно, археологам какое-то время придется ждать открытия енисейско-хазарской билингвы. Эта надежда вполне может быть осуществлена, т. к., по утверждению И. Л. Кызласова, в бассейне южного Енисея встречены надписи, имеющие сходство с донским хазарским письмом. Расшифровка и чтение письменных памятников



Хазарии будет одним из крупнейших открытий тюрколо-гии XXI в. Надписи, конечно, короткие и их нельзя срав-нивать с солидными, почти «летописными» эпитафиями, обнаруженными в Сибири, но зато здесь нас могут ждать самые неожиданные сюрпризы. Тюркскими рунами могли писать все входившие в каганат народы: не считая самих хазар и болгар, это могли быть в первую очередь аланы, затем какие-то угро-финские этносы, славяне и даже ев-реи. Развитая письменность была, видимо, повсеместно принятой в крепком государстве. Самое же распростране-ние письменности является одним из важнейших свиде-тельств, подтверждающих существование такого государ-ства.

Об изобразительном искусстве дают представление только единичные предметы совершенной торевтики и произведения прикладного искусства, а также тысячи раз-нообразных, меняющихся во времени орнаментированных пряжек и накладок (бляшек и наконечников) от воинских поясов.

Все эти вещи позволяют изучать не только высокое ма-стерство ювелиров-прикладников, но в ряде случаев про-следить некоторые обычаи, вооружение, одежду изобража-емых персонажей и даже предположить, что мастерам были хорошо известны многие восточные легенды и сказки и действовавшие в них герои (рис. 124).

Неоспоримым доказательством государственности и экономического подъема является расцвет материальной культуры.

Мы попытались по возможности полно показать на конкретных примерах культуру, характеризующую быт на-родов, заселявших подвластные кагану земли. Очевидно, несмотря на региональные (вариантные) различия, куль-тура находилась на весьма высоком уровне развития. При-чем это касалось не только городов, но и сельской жизни в самых отдаленных от центральных областей районах. Стро-ительные-архитектурные традиции заимствовались хазара-ми из цивилизованнейших стран средневекового мира: Ирана и Византии (и их провинций). Широкие степные пространства позволяли раскидывать поселения на боль-ших территориях, а это способствовало поддержанию на

них настоящей чистоты, о которой даже и думать не могли жители тесных западноевропейских городов и поселений. Старые котлованы жилищ и хозяйственных ям, как прави-ло, использовались под помойки, которые по их заполне-нии тщательно засыпались окружающим грунтом. Такого не было ни в одном европейском государстве. Наши зна-ния об этой восточноевропейской степной культуре конца VIII —начала X вв. дают возможность уверенно говорить о существовании на этой территории сильного объединяю-щего центра, который создавал условия для жизни и подъе-ма творческих сил входивших в объединение народов. Роль пассионарного ядра в данном случае играли хазары, дав-шие толчок к образованию сильного многоэтничного госу-дарства. Его властители обеспечивали относительное спо-койствие в стране, единение этносов и постепенное их сли-яние друг с другом. Все эти процессы прослеживались с большей или меньшей четкостью и в письменных источ-никах (Артамонов, 1962; Новосельцев, 1990). Приходится пожалеть, что нередко эти процессы и самое существова-ние каганата вызывают и вызывали у историков нашей стра-ны неоправданные сомнения и скептическое противостоя-ние. Будем надеяться, что археологические материалы и источники помогут в конце концов разобраться в обста-новке и событиях того далекого времени, увидеть и ощу-тить единую высокоразвитую культуру, которая могла об-разоваться только в рамках крепкого государства. Этим го-сударством в те столетия и на той территории мог быть только Хазарский каганат.

Конечно, исследование его культуры во многих регио-нах степи только еще начинается, а многие известные фак-ты требуют обстоятельных исследований. Тем не менее, чем активнее мы — археологи будем изучать «хазарские древности» и чем глубже проникать в «хазарскую пробле-матику», тем отчетливее поднимутся контуры незаслужен-но забываемого исторической наукой мощного Хазарского государства.

Перед нами лежит еще очень долгий и трудный путь восстановления исторической истины.



Книга Светланы Александровны Плетневой посвящена археологии Хазарского каганата — государственного образования VII—X вв., которое объединяло многие земли и народы юга Восточной Европы, от Нижнего Поволжья и Северного Кавказа до Нижнего и Среднего Поднепровья. В этом отношении Хазарию можно считать предшественницей средневековых государств — Древней Руси и Золотой Орды.

Об этих подвластных Хазарии землях и народах мы знаем по преимуществу из документов т. н. еврейско-хазарской переписки, составленных в 60-е гг. X в. — накануне гибели Хазарского каганата. Описывая свое государство в письме к сановнику кордовского халифа Хасдаю ибн Шап-руту, хазарский царь Иосиф стремился нарисовать идеальную картину процветающего и обширного царства, спасающего цивилизованный мир от варваров — дружин Руси. Этот расцвет был в прошлом, и чтобы понять, что собой представляла Хазария, понадобились труды уже не одного поколения археологов, которые далеки от завершения. При обсуждении в руководимой С. А. Плетневой группе Института археологии, которая занимается проблемами средневековой степи, проекта историко-археологического атласа Хазарии, выяснилось, что учету подлежит не менее восьми сотен археологических памятников — от крепостей

и крупных поселений с могильниками до следов кочевий. Многие из них известны лишь по данным археологических разведок, но не раскопок.

Тем не менее очерк общих проблем хазарской археологии, документированный многочисленными таблицами и картами, стал задачей, насущной не только для археологов и историков, но и для специалистов в области истории этнических и конфессиональных отношений и всех, кто интересуется тем прошлым, без которого невозможно понять настоящего.

Можно сказать, что написание этих очерков — научный долг С. А. Плетневой, посвятившей свою жизнь исследованию хазарских и — шире — «кочевнических» древностей Восточной Европы. Свои исследования в Саркеле — самой знаменитой из хазарских крепостей — С. А. Плетнева начала еще под руководством основателя хазарской археологии М. И. Артамонова (а ее монография «Саркел и шелковый путь» увидела свет в 1996 г.). Работы С. А. Плетневой подтверждают справедливость высказанной Артамоновым гипотезы: разнообразные в этническом и культурном отношении земли Хазарского каганата объединяет единая материальная культура — т. н. салтово-маяцкая, надэтническая «государственная» культура Хазарии.

Выделяемые Плетневой варианты этой культуры — в донской лесостепи, донских степях, степном Приазовье, Крыму, в Дагестане — имеют свою этническую специфику, хотя и демонстрируют общие салтово-маяцкие связи. Выявление этой этнической специфики учитывает и культурные, и антропологические признаки: может быть, в тексте книги физическая антропология слишком прямолинейно увязывается с этносом (антропологический тип характеризует не прямо этнос, а «популяцию»), однако связь «брахикранов» и «долихокранов» с определенными погребальными обрядами позволяет воспринимать антропологические признаки как этнодифференцирующие, отличающие болгарский (праболгарский) и аланский этнические компоненты.

Вторжение хазар в степи Северного Причерноморья значительно изменило этническую ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе. Исторические известия свиде-



тельствуют о перекочевке ряда болгарских (праболгарских) племен на запад, в Болгарию Дунайскую, и на север, в Болгарию Волжско-Камскую. Оставшиеся под властью хазар болгары Северного Причерноморья составили основу населения Хазарского каганата: их памятники, расположенные от Приазовья до Днепра, равно как и в Крыму, принадлежат *Черной Болгарии*, упомянутой в середине X в. Константином Багрянородным. С. А. Плетнева считает, что это наименование отличает зависимых от Хазарии болгар от свободных дунайских и волжских, но в середине X в. черные болгары могли уже воевать против хазар, равно как и против греков и Руси.

Другим важнейшим этническим компонентом населения Хазарского каганата обоснованно считаются аланы. Их памятники с характерным «катакомбным» обрядом известны не только на Северном Кавказе, но и в донской лесостепи: они — оседлые земледельцы — могли быть переселены туда для защиты границ. Этот компонент сыграл особую роль и в истории восточнославянских племен. Возможно, даже этноним соседних *северян* (равно как гидронимы *Северский Донец*, *Сев*) имеет иранское происхождение.

Северяне, наряду с радимичами в Левобережье Среднего Днепра и киевскими полянами, платили дань Хазарскому каганату до конца IX в.; еще дольше в зависимости от хазар пребывали вятичи на Оке и славяне, расселившиеся на Дону (им посвящены работы А. З. Винникова: ср., в частности, тезисы — Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К столетию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1998, с. 108—110). Этот земледельческий анклав в плодородной лесостепи был необходим Хазарии, в частности, для поддержания кочевого скотоводства в степи. Недаром целая система крепостей, в том числе крупное Маяцкое городище, призвана была контролировать этот регион. Соответственно, этническую ситуацию в регионе характеризует характерная смешанность этнокультурных традиций, включающих не только аланские и болгарские, но и славянские компоненты (в исследованном С. А. Плетневой Дмитриевском комплексе памятников). Напротив, славянская волынцевская культу-

ра Левобережья Днепра включала некоторые компоненты салтово-маяцкой культуры (в том числе следы кочевнических юрт на поселениях и т. п.), а на окраине древнего Киева обнаружены остатки могильника с трупосожжениями в урнах — сосудах «салтовского типа» (ср. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1, М.—Л., 1958, с. 136—138).

Отношения восточных славян и Хазарского каганата, равно как и интерпретация письменных свидетельств и археологических памятников, характеризующих эти отношения, получили в новейшей историографии противоположные трактовки. Изданное в 1982 г. письмо киевской еврейско-хазарской общины (ср. русское издание 1996 г.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. «Гешарим», М.—Иерусалим) было воспринято как свидетельство власти хазар над Киевом вплоть до 30-х гг. X в., хотя в письме говорится о том, как член этой общины оказался там во власти иноверцев. Напротив, в другой концепции (В. В. Седов. Русский каганат // Отечественная история 1998, №4. С. 3—15) система крепостей в лесостепи и даже строительство Саркела воспринимается как свидетельство могущественного Русского (славянского) каганата, против которого была направлена эта оборонительная деятельность Хазарии с начала IX в.\* И то, и другое построения прямо противоречат источникам, прежде всего — русской Начальной летописи, свидетельствующей о том, что лишь в конце IX в. князь Олег присвоил себе дань, которую брали со славян Поднепровья хазары, и только с тех пор эта территория стала называться Русской землей. О серьезности этого конфликта свидетельствует нумизматика: по данным Т. Нунена именно в последней четверти IX в. прекращается приток восточного серебра как в Восточную, так и в

\* Дискуссия по этому поводу состоялась на двух международных конференциях, проведенных в 1998 г. в Москве в Институте славяноведения (см., в частности, тезисы докладов В. В. Седова и С. А. Плетневой в сборнике: Славяне и кочевой мир. Средние века — новое время. М., 1998) и Петербурге в Государственном Эрмитаже (см. упомянутые тезисы А. З. Винникова и тезисы В. Я. Петрухина в сборнике «Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь»). На обеих конференциях широко обсуждались проблемы Хазарии.



Северную Европу — Хазария устанавливает торговую блокаду, которую Руси удается прорвать лишь в начале X в., используя окружные пути — через Волжскую Болгарию.

Русские князья по данным Бертинских анналов и арабских источников действительно претендовали на престижный титул кагана, но в собственно русской традиции этот титул был признан лишь после того, как русский князь Святослав разгромил в 60-е гг. X в. Хазарский каганат: митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» именуется этим титулом Владимира Святославича и Ярослава Мудрого.

Для истории Хазарского каганата и хазарской археологии свойствен определенный, отмечаемый С. А. Плетневой парадокс: Хазария во многом определяла судьбы Восточной Европы, но памятники, принадлежащие собственно хазарам, тюркскому этносу центрально-азиатского происхождения, составлявшему правящий слой в каганате, многочисленны, и их атрибуция вызывает споры. Собственно хазарскими считаются курганы, под которыми погребальная камера располагалась внутри четырехугольного ровика. Эти малочисленные погребения всадников (в другой своей работе С. А. Плетнева насчитывает около 100 таких курганов), которые сопровождалась иногда богатым инвентарем (часто они разграблены), обнаружены по преимуществу в калмыцких степях, хотя известны и находки в Приазовье. Но богатейшие хазарские археологические комплексы относятся к Приднепровью: это не курганы, а знаменитый «клад» из Малой Перещепины, а также поминальные памятники в Вознесенке и Глудосах. Вслед за А. К. Амброзом С. А. Плетнева учитывает центрально-азиатские параллели этим обрядовым комплексам и считает их памятниками, связанными с традиционным заупокойным культом самих каганов (ср. Семенов, 1988). Впрочем, центральноазиатские связи обнаруживают и памятники других регионов Хазарского каганата: недавно в курганном погребении у с. Шиловка на Самарской луке были найдены замечательные костяные пластины с традиционными для хазарского искусства сценами битвы, охоты и изображениями драконов, явно имеющими китайские параллели (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 106). Показательно, что эти яркие, в том числе и богатейшие памятники хазар

обнаружены на самой периферии каганата — это справедливо объясняется стремлением «закрепить» за собой границы, в том числе и при помощи символических — обрядовых — действий.

Датировка поминальных комплексов, связанных с культом кагана, может дать косвенные свидетельства, проливающие свет на еще одно парадоксальное явление в истории Хазарского каганата. Эти памятники относятся к первой половине VIII в., времени, когда каганату удалось выстоять в войне с арабами и упрочить свою власть в степи. Но вместе с тем это и единственные археологические памятники, которые можно связать с языческим — центрально-азиатским — культом кагана. Известно, что каган и его хазарское окружение приняли иудаизм, но о времени этого выбора веры приходится гадать: ал Масуди свидетельствовал, что обращение произошло на рубеже VIII и IX вв., при халифе Харуне ар-Рашиде. Полагают, однако, что это свидетельство относится к установлению раввинистической формы иудаизма как государственной религии при кагане Обадии (ср. Артамонов, 1962, с. 279—280), первоначально же, согласно письму царя Иосифа, иудаизм принял Булан, предок Обадии\*. Возможно, косвенным свидетельством принятия иудаизма в середине VIII в. является отказ каганов (и их окружения) от традиционного заупокойного культа.

Проблема собственно иудейских древностей остается трудной проблемой хазарской археологии. Дело в том, что очевидные следы иудейского культа у обитателей европейской степи были обнаружены за пределами Хазарского каганата, на Дунае: в кочевническом могильнике IX—X вв. у д. Челарево (Воеводина) в нескольких могилах были обнаружены кирпичи с символами, характерными для иудейс-

\* Представление о позднем — 861 г. — обращении хазар во время миссии Константина Философа (см. из последних работ — Zuckerman C. On the date of the Khazar's conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus' Oleg and Igor// *Revue des Études Byzantines* 53, 1995, p. 237—270) основано на гипотетическом толковании данных его славянского «Жития» (ср. Chekin L. C. Christian of Stavelot and the Conversion of Gog and Magog. A study of the ninth century reference to judaism among the Khazars// *Russia Mediaevalis*. T. IX, 1, 1998, p. 13—34).



ких надгробий (менора, пальмовые ветви — лулаб, плод — этрог; С. А. Плетнева ссылается на югославскую публикацию Р. Бунарджича — ср. краткую информацию: Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология, 1983 № 4, с. 174—181). Могильник был приписан каварам, хазарской племенной группировке, которая, согласно Константину Багрянородному, восстала против власти кагана и вместе с венграми откочевала на Дунай (кстати, эти венгры поименованы в русской летописи *черными уграми*, что напоминает о зависимых от хазар черных болгарях Причерноморья). Можно представить себе, почему кавары, оказавшись оторванными от Хазарии, в новом — христианском — окружении стали демонстрировать свою приверженность иудейским традициям: это стремление к «самоидентификации» хорошо известно культурным антропологам. Проблема заключается в том, что собственно в Хазарии ни иудейских надгробий, ни кирпичей с иудейскими знаками (при изобилии прочих граффити, исследованных В. Е. Флеровой), ни других определенных свидетельств отправления иудейского культа не обнаружено.

Иудейские надгробия известны в городах Северного Причерноморья, в том числе и в тех (Фанагория, Таматарха — Гермонасса, Боспор — Керчь и др., ср. из последних обзоров: Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Симферополь — Иерусалим, 1997, с. 9—22), где обнаружены древности салтово-маяцкой культуры; но они относятся к более раннему времени. Напротив, попытки удревить кладбища крымских пещерных городов — Мангупа, Чуфут-кале — и обнаружить там надгробия хазарского времени безосновательны: древнейшие надгробия Мангупа по данным Н. В. Кашовской, относятся к XIV в. (суущественно при этом, что на Мангупе также обнаружена характерная салтово-маяцкая керамика: стало быть, свидетельство Пространной редакции письма царя Иосифа, включающей Мангуп в сферу влияния Хазарии, заслуживает доверия).

С. А. Плетнева, отмечающая абсолютное господство языческих обрядов у болгаро-аланского населения Хазарии, обнаруживает в Саркеле постройку, которая ввиду отсутствия каких-либо характерных для жилого или произ-

водственного комплекса признаков, может быть трактована как синагога, но сама исследовательница признает сугубую условность этой атрибуции. Не менее сомнительна и атрибуция черепов двух погребенных в Саркеле, сохранивших некоторые признаки переднеазиатской расы, евреям — обряд погребения в заброшенной постройке никак не согласуется с иудейской традицией. Тем более неприемлема, как отмечает С. А. Плетнева, «иудейская» интерпретация склепов, обнаруженных в Сугдее: в центральной могиле умерший был погребен головой на север, вокруг располагалось еще несколько погребений с пробитыми черепами. Человеческие жертвы были характерны для погребального обряда язычников (как степняков, так и дохристианской Руси и др.), атрибуция этих могил иудеям-хазарам, при похоронах которых якобы убивали христиан и язычников, вообще граничит с религиозным наветом.

Распространенные представления о веротерпимости хазар подтверждаются не только описанием ал Масуди их столицы Итиля, где соседствовали иудейская, мусульманская, христианская и языческая (славяно-русская) общины, но и данными археологии. Принятие иудаизма не изменило ситуацию в степи и лесостепи, где оставалось господствующим язычество. Напротив, на Северном Кавказе издревле распространялось (из Албании Кавказской) христианство, и древнейшие христианские храмы открыты у хазарского комплекса памятников в Чир-Юрте. Не менее интересны для конфессиональной истории Хазарии храмы, открытые у поселения Тепсень в Крыму, где также обнаружен слой с салтово-маяцкой культурой. Более того, основываясь на сырцовой кладке в елочку, сохранившейся в одной из церквей, С. А. Плетнева полагает, что хазары принимали участие в строительстве этой трехнефной византийской базилики. Это напоминает об известиях «Жития Константина Философа» о его миссии в Хазарию (860—861 гг.): согласно «Житию», в результате диспута между византийским миссионером и иудеями из окружения кагана 200 хазарских мужей приняли христианство. Каган при этом сохранил приверженность иудаизму.

«Неуловимость» иудейских памятников Хазарии связана не только с тем, что слой приверженцев этой религии



был тонок, а обрядовые формы (в том числе погребальные) невыразительны: синагоги в позднеантичных и раннесредневековых городах Причерноморья и Византии могли размещаться в тех же базиликах, что и церкви (как это было в Херсонесе). Это связано и с малой исследованностью хазарских слоев как в городах Причерноморья, где с античных времен существовали еврейские общины, так и с весьма незначительной исследованностью собственно хазарских поселений. Столица Хазарии Итиль еще не открыта, и надежды ее обнаружить, которые все чаще связывают археологи с многослойным поселением у с. Самосделка в дельте Волги (см. о нем с. 193 и сл.), могут сбыться только после чрезвычайно сложных и дорогостоящих работ.

Книга С. А. Плетневой не столько подводит итоги полувекового изучения древностей Хазарского каганата, сколько ставит новые исследовательские задачи. Они связаны и со спасательными работами на уничтожаемых памятниках, и с публикацией огромного накопленного археологами, но неизданного материала.

Книга выходит в издательстве «Мосты культуры» — «Гешарим», принявшем в 1996 г. издание на русском языке упомянутой книги Н. Голба и О. Прицака о важнейших хазарско-еврейских документах. Ныне в Институте славяноведения РАН в содружестве с издательством «Гешарим» ведется работа по подготовке к изданию документов еврейско-хазарской переписки, включающей палеографический анализ текстов и новые комментарии, основанные, в частности, и на достижениях хазарской археологии. Представляется чрезвычайно актуальным подготовить серию книг «*Studia chazarica*», которая стала бы необходимым основанием для новых подходов к истории народов Восточной и Центральной Европы (включая историю еврейской диаспоры).

4.04. 99

В. Петрухин

## Afterword

Archaeology of Khazarian khaganate (i.e. the VII—X state) is the subject matter of Svetlana A. Pletnyova's book. Having integrated large territories and many peoples in the Southern of Eastern Europe [from the Volga lower regions and the Northern Caucasus up to the Dnieper lower and middle regions] this state can be considered the parent of such medieval states as Ancient Russia and Golden Horde.

We know about these territories and peoples under Khazars predominantly from the so-called Jewish-Khazarian correspondence, compiled in 60-s of X century, on the eve the Khazarian khaganate's fall. Describing his state in the letter to a dignitary (of a Cordovan caliph) Khasdai ibn Shaprute, Khazarian king Joseph tried to picture an ideal prospering and extensive empire saving the civilized world from the barbarous Russian retinues. But the heyday had been in the past, and to understand what Khazaria was — more than one generations of archaeologists have worked hard and the researches are not complete by far. When the Institute of Archaeology research group (occupied with problems of medieval steppe) headed by S. A. Pletnyova were discussing the project of the Khazaria atlas, they stated that no less than 800 monuments should be taken into consideration. Those monuments range from fortresses and large settlements with burial sites up to camping-ground relics. Many of them have only been traced by archeologists and not excavated yet.



Nevertheless an overview of Khazar archeology problems with tables and maps is now vital not only for archeologists and historians in general, but also for historians of ethnic and confessional relations in particular and for all interested in the past, as it enables us to better understand the present.

Such an overview can be regarded a scientific debt of Prof. Pletnyova who has been researching Khazarian (and broadly speaking «nomad») antiquities of Eastern Europe all her life. She started her researches in Sarkel (the most famous Khazarian fortress) directed by the Khazarian archeology founder M. I. Artamonov (having published the book «Sarkel and the Silk route» in 1996). Prof. Pletnyova's works confirm the Artamonov's speculation: a uniform material culture — the so-called saltov-mayatski, super-ethnic Khazarian «state» culture integrates diverse ethnic and cultural territories of Khazarian khaganate.

Prof. Pletnyova has specified some variants of this culture — in Don forestry steppes, Don steppes, steppes near Sea of Azov, Crimea, in Dagestan — with their ethnic characters but has demonstrated that they all have common (saltov-mayatski) traits. Revealing ethnic character the researcher takes into account also cultural, and anthropological characters. And though correlation of physical anthropology with ethnos may seem too straightforward in the book (as anthropological type defies not ethnos directly, but «population»), nevertheless close connection of «brachycranies» and «dolycranies» with certain burial ceremonies allows to consider anthropological character as defining an ethnos, and thus distinguishing Bulgarian (proto-Bulgarian) and Alan ethnic components.

The Khazarian intrusion in steppes to the North of Black Sea has greatly changed the ethnic situation in Eastern and South-eastern Europe. There are historical data that some Bulgarian (proto-Bulgarian) tribes migrated to the West, into Bulgaria Danube, and to the North, into Bulgaria on the Volga and Kama. Bulgarians of the regions to the North of Black Sea who stayed behind under the rule of Khazars formed basically the Khazarian khaganate's population. Their monuments (located from near Azov sea up to Dnieper, and in the Crimea) belong to *Black Bulgaria* mentioned in the middle of X by Constantine Porphyrogenitus. Prof. Pletnyova considers them to have been vassal

(to Khazaria) unlike free Danube and Volga Bulgarians, but in the middle of X Black Bulgarians could already be at war with Khazars as well as with Greeks and Russia.

Alans are considered to be another major ethnic element of the Khazarian khaganate. Their monuments (with characteristic «catacombs» ritual) are found not only on the Northern Caucasus, but also in Don forestry steppes: they (being sedentary farmers) could be moved there to guard the frontiers. This is the element to have played the special role in the history of Eastern Slavic tribes. Probably, even the ethnoneme of neighbour *severyane* (as well as hydronemes *Severski Donets*, *Sev*) is Iranian by origin.

*Severyane*, and also *radimichi* on the left river-bank of the middle Dnieper and Kiev *polyane*, paid a tribute to the Khazarian khaganate till the end of IX. *Vyatichi* on the Oka and slavs on the Don<sup>1</sup> stayed vassal to Khazars even longer. Khazaria virtually needed this agricultural enclave in the fertile forestry steppes, in particular, to maintain nomadic cattle husbandry in steppes. It is not without reason that a system of fortresses (including large Mayatski fortified site) was to supervise the region. Accordingly, we find in the region characteristically combined ethnic and cultural traditions, including Alan and Bulgarian, and also Slavic components (as in the Dmitriyevski complex of monuments, investigated by Prof. Pletnyova). On the contrary, Slavic Volyntsevo culture of the left bank of the Dnieper included some elements of saltov-mayatski culture (including nomadic yurts' traces on settlements etc.), and on the ancient Kiev outskirts there are detected the remnants of a burial ground with burnt corpses in urns — vessels of the «saltov type»<sup>2</sup>.

The relations of eastern Slavs and Khazarian khaganate, and the interpretation of the written documents and archeological monuments describing them, are treated in modern historiography in opposite ways. The Kiev Jewish-Khazarian community's letter (published in 1982) was considered to certificate Khazars

<sup>1</sup> See about them works of A. Z. Vinnikov; in particular, theses — Don slavs and Khazarian khaganate // Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia. In honour to the 100<sup>th</sup> birthday of M. I. Artamonova. SPb., 1998, pp. 108—110).

<sup>2</sup> Compare Karger M. A. Ancient Kiev. V. 1, Moscow — Leningrad, 1958, pp. 136—138).



rule over Kiev until 30-s of X, though the letter tells of a member of this community to get under the authority gentiles<sup>3</sup>. According to another (opposite) view<sup>4</sup> the system of fortresses in the forestry steppes and even Sarkel itself should attest the existence of a powerful Russian (Slavic) khaganate, and Khazaria directed its defensive activity against it since the beginning of IX<sup>5</sup>. Both theories directly contradict sources, and among them primarily – Russian Primary Chronicle) testifying that only in the end of IX prince Oleg took by force the tribute levied on the Dnieper Slavs by Khazars, and only since then the territory has been named Russian. Numismatics adds to the conflict: according to T. Nunen, the inflow of eastern silver into Eastern and Northern Europe stopped only in the last quarter of IX – Khazaria installed trade blockade, and Russia managed to break it through only at the beginning of X, and that is by using a roundabout – via Volga Bulgaria.

According to annals of St. Bertin and Arabian sources Russian princes did claimed for a prestigious title khagan. But Russian tradition recognized this title only after Russian prince Svyatoslav defeated Khazarian khaganate in 60-s of X: metropolitan Ilarion in his «Word about Law and Grace» named thus Vladimir Svyatoslavich and Yaroslav the Wise.

Prof. Pletnyova remarks that a paradox is characteristic for the history of Khazarian khaganate and Khazarian archeology: in many respects Khazaria determined the destiny of Eastern Europe, but purely Khazarian artifacts (those relating Turkic ethnos Central-Asian by its origin that formed there the ruling class) are sparse and causing disputes while being attributed. Purely Khazarian are considered burial mounds, under which burial camera is placed inside a quadrangular ditch. These rear

<sup>3</sup> Compare Russian edition of 1996: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. «Гешарим», М.—Иерусалим.

<sup>4</sup> V. V. Sedov. Russian khaganate // *Otechestvennaya istoria* 1998, No. 4. p. 3–15.

<sup>5</sup> The matter was discussed at the two international conferences in 1998 in Moscow (at the Institute of Slavyanovedeniya (see, in particular the reports of V. V. Sedov and S. A. Pletnyova in: *The Slavs and Nomadic World. Middle Ages – Modern Time*. Moscow, 1998) and St. Petersburg at the State Hermitage (see the above mentioned (1) work of A. Z. Vinnikov and also V. Ya. Petruchin in *Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia*. SPb., 1998).

horsemen burial sites (Prof. Pletnyova totals them in her other work about 100), which were sometimes accompanied by rich stock (frequently they are plundered), are detected predominantly in Kalmyk steppes, though there are some near Azov sea as well. But the richest Khazarian archeological complexes are on the Dnieper, but those are not burial mounds but the famous «treasure-trove» of Malaya Pereshchepina, and also remembrance monuments in Voznesensk and Glodosy. Agreeing with A. K. Amrose Prof. Pletnyova takes into consideration Central-Asian parallels of these ritual complexes and considers them to be connected with traditional burial cult of the very khagans' mounds<sup>6</sup>. However there are Central-Asian connections found also in monuments of other Khazarian khaganate regions: recently wonderful horn plates were found in a burial mound near Shilovka in the region of Samara arch. They depict traditional (for Khazarian art) battle and hunting scenes, bear dragon images, and obviously have Chinese parallels<sup>7</sup>. It is indicative, that these bright and richest Khazarian artifacts were found on the khaganate's periphery – the fact can be explained by the striving to «secure» the boundaries, with the help of symbolical (ritual) actions also.

While dating burial complexes (connected with the khaganate's cult) we can get additional evidence to enlighten another paradoxical phenomenon in Khazarian khaganate's. These monuments are of the first half of VIII, when the khaganate stood in war with Arabs and strengthened its authority in steppes. But, at the same time, those are unique archeological monuments, connected with the pagan (that is central-Asian) khagan's cult. It is known, that the khagan with the Khazarian environment accepted Judaism, but we can only guess the time of this faith choice. Al-Masudi testified that the conversion occurred on the border of VIII and IX, under caliph Harun ar-Rashid. This evidence, however, is supposed to refer to introduction of rabbinic Judaism as state religion under Obadia's khagan<sup>8</sup>, originally, according to king Joseph's letter, Bulan, Obadia's ancestor had

<sup>6</sup> Compare Semenov, 1988.

<sup>7</sup> Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, p. 106.

<sup>8</sup> Compare Артамонов, 1962, pp. 279–280.



accepted Judaism<sup>9</sup>. We can consider fall of traditional burial cult with khagans (and their environment) in the middle of VIII as additional indirect evidence that Judaism had been adopted.

Purely Judaic antiquities remain a difficult matter of Khazarian archeology. In fact obvious traces of Judaic cult of the European steppes' inhabitants were detected outside Khazarian khaganate, on the Danube. On the burial ground of IX—X near Chelarevo (Voevodina) there were found in several graves bricks with characteristic symbols of Judaic gravestones (menorah, palm branches — lulab, fruit — etrog<sup>10</sup>. The burial ground was attributed to kabars, Khazarian tribal group, which (according to Constantine Porphyrogenitus) revolted against the khagan's authority and together with Hungarians migrated to the Danube; by the way, in Russian Chronicle these Hungarians are called Black Ugrians, reminding us of Black (vassal) Pontic Bulgarians. It is possible to imagine, why kabars, separated from Khazaria, in a new (Christian) environment started to demonstrate their adherence to Judaic traditions: cultural anthropologists know only quite well this striving of a people to «self-identify». But the problem is that there are neither Judaic gravestones, nor bricks with Judaic signs in Khazaria itself (and that is when there are quite a lot of other graffiti, investigated by V. E. Flerova). There have not been found also any other traits of Judaic cult.

We know Judaic gravestones in Northern Pontic cities, including those (Phanagoria, Tamatarcha — Germonassa, Bospor — Kerch etc.<sup>11</sup>), where there detected antiquities of saltov-mayats-

<sup>9</sup> The concept that Khazars' conversion took place much later, about 861 — during the mission of Constantine the Philosopher (of the newest works see Zuckerman C. On the date of the Khazar's conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus' Oleg and Igor // *Revue des Études Byzantines* 53, 1995, p. 237—270) — is based on arbitrary explanation of data from his Slavic hagiography (compare Chekin L.C. Christian of Stavelot and the Conversion of Gog and Magog. A study of the ninth century reference to Judaism among the Khazars // *Russia Mediaevalis*. V. IX, 1, 1998, p. 13—34).

<sup>10</sup> Prof. Pletnyova cites the Yugoslavian publication of R. Bunardžić — compare brief information: Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // *Советская археология*, 1983 No. 4, p. 174—181.

<sup>11</sup> Compare from the newest reviews: Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // *Евреи Крыма. Симферополь—Иерусалим*, 1997, p. 9—22.

ki culture; but they are of earlier times. On the contrary, attempts to present as much older cemeteries of the Crimean cave cities (Mangup, Chuphut-kale) and to detect there Khazarian gravestones are groundless: most ancient Mangup gravestones, according to N. V. Kashovskaya, are of XIV. (It is essential, that there was detected in Mangup characteristic saltov-mayatski artware: therefore, evidence of the Extensive version of king Joseph's letter, that includes Mangup into the orb of Khazarian influence, is quite reliable).

Prof. Pletnyova, marking absolute domination of heathen rituals among Bulgarian-Alan population of Khazaria, finds in Sarkel a construction, being without any features of a residential or industrial complex, can be treated as synagogue, but the researcher herself recognizes this attribution especially conditional. Neither the two skulls buried in Sarkel can be attributed to Jews: though they keep some features of the Near Eastern race, burial ritual in a deserted construction does not be agree in any way with Judaic tradition. The more unacceptable is, as Prof. Pletnyova marks, «Judaic» interpretation of crypts in Sugdea: the dead was buried in the central grave with his head to the North, surrounded by some more burials with the punched skulls. Human sacrifices were characteristic to the heathen burial ritual (either those of the steppes, or pre-Christian Russia etc.). Attributing these graves to Jewish-Khazars, buried together with ostensibly killed Christians and heathens, we are on the verge of blasphemy.

The widespread notion about religious tolerance of Khazars are confirmed not only by al-Masudi's description of their capital Itil, where there lived side by side Judaic, Moslim, Christian and heathen (Slavic-Russian) communities, but by archeological data as well. Judaism did not change the situation in steppes and forestry steppes, where heathendom remained prevailing. Conversely, on the Northern Caucasus there had been spreading Christianity anciently (from Caucasian Albania), and the most ancient Christian temples are discovered at the Khazarian complex of monuments in Chir-Yurt. No less interesting for confessional history of Khazaria are the temples, discovered near settlement Tepsen' in the Crimea, where a stratum of saltov-mayatski culture was also detected. Moreover, basing on «herring-bone» stonework (in one church), Prof. Pletnyova supposes, that Khazars participated in construction of this Byzantian ba-



silica with three naves. It reminds us the «Legend of Constantine the Philosopher» about his mission to Khazaria (860—861): according to the Legend, as a result of the dispute between Byzantine missionaries and Jews from 200 Khazarian husbands of the khagan's environment embraced Christianity. The khagan himself nevertheless stayed devoted to Judaism.

Judaism of the Khazarian sites is «elusive» not only because there were very few devotees of this religion, and ritual forms (including burial) are expressionless: synagogues in late ancient and early medieval Pontic cities and in Byzantium could be situated in the same basilicas as churches (as it was in Chersones). It is also connected with the fact that Khazarian stratum of Pontic cities (where from antique times there were Jewish communities) is underinvestigated, and with the fact that purely Khazarian settlements are investigated rather poorly. The Khazarian capital Itil has not yet been found, and the hope to detect it (now more and more often connected with a multilayer settlement at Samosdelca in the Volga delta<sup>12</sup>, can come true only after extremely complicated and expensive works.

The Prof. Pletnyova's book not only summarizes half a century of the study of Khazarian khaganate's antiquities, but puts new research aims. Those demand to save destroyed monuments, and to publish vast material accumulated by archeologists.

The book leaves in publishing house «Cultural Bridges»—«Gesharim», published in 1996 (in Russian) the above mentioned book of N. Golb and O. Pritsak on the major Khazarian Jewish documents. Nowadays at the Institute of Slavonic Studies (Russian Academy of Sciences) in cooperation with the publishing house «Gesharim» documents of Jewish-Khazarian correspondence are being prepared for publishing. The publication will include paleographic analysis of the texts and new comments, based, beside others, on Khazarian archeology achievements. It seems extremely actual to prepare a book series «Studia chazarica», to present foundation for new approaches to the history of the peoples of Eastern and Central Europe (including the Jewish Diaspora history).

4.04. 99

V. Petruchin

<sup>12</sup> See about it p.193 al.

## Литература

- Айбабин А. И., 1982. Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.
- Айбабин А. И., 1985. Погребение хазарского воина // СА, № 3.
- Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К., 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.
- Амброз А. К., 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.
- Артамонов М. И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК, вып. 131. Л.
- Артамонов М. И., 1936. Очерки древнейшей истории хазар. Л.
- Артамонов М. К., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА, № VI.
- Артамонов М. И., 1946. Древний Дербент // СА, № VIII.
- Артамонов М. И., 1954. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА, № XIX.
- Артамонов М. И., 1958. Саркел — Белая Вежа // МИА, № 62. М.—Л.
- Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.
- Артамонов М. И., 1966. Предисловие // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.



- Артамонова О. А., 1963.** Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА, № 109.
- Атавин А. Г., 1996.** Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара.
- Афанасьев Г. Е., 1984.** Исследования южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. М.
- Афанасьев Г. Е., 1987.** Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII — X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.
- Бабенко В. А., 1914.** Памятники хазарской культуры на юге России // Тр. XV А.С., т. I. М.
- Бабенчиков В. П., 1958.** Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.
- Багалец Д. И., 1905.** Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Тр. ХУ А.С., т. I. М.
- Багалец Д. И., 1909.** Русская история. Часть I. Харьков
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998.** Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара.
- Баранов И. А., 1990.** Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.
- Баранов И., 1991.** Болгаро-хазарский горизонт в средневековой Сугдее // Проблемы на прабългарската история и култура, № 2, София.
- Березовец Д. Т., 1962.** Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. // КСИА АН УССР, вып. 12. Киев.
- Биджиев Х. Х., 1983.** Хумаринское городище. Черкесск.
- Братченко С. Н., Швецов М. Л., 1984.** Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА, № 3.
- Bunardžić Radovan, 1980.** Menore iz Čelareva. Beograd.
- Ваклинов Станчо, 1977.** Формиране на старо-българската култура. София.
- Василева Дафина, 1990.** Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.
- Вернер Йоахим, 1988.** Погребалната находка от Малая Перещепина и Кубрат-хан на Българите. София.

- Винник Д. Ф., 1977.** Торткули в местности Ничке // Кетьмень-Тюбе. Фрунзе.
- Винников А. З., 1984.** Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е., 1991.** Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж.
- Винников А. З., Плетнева С. А., 1998.** На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.
- Власкин М. В., Ильюков Л.С., 1990.** Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА, № 1.
- Войтов В. Е., 1996.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. М.
- Гадло А. В., 1969.** Раскопки раннесредневекового селища у д. Героевки в 1964 г. // СА, № 1.
- Гадло А. В., 1978.** Кочевье хазарского времени у ст. Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
- Гадло А. В., 1994.** Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб.
- Гайдукевич В. Ф., 1952.** Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА, № 25. М.—Л.
- Гайдукевич В. Ф., 1952а.** Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. // МИА, № 25. М.—Л.
- Гайдукевич В. Ф., 1958.** Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. // МИА, № 85. М.—Л.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964.** Ранние болгары на Волге. М.
- Герцен А. Г., 1990.** Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ, 1. Симферополь.
- Готье Ю.В., 1930.** Железный век в Восточной Европе. М.—Л.
- Гумилев Л. Н., 1966.** Открытие Хазарии. Л.
- Даркевич В.П., 1976.** Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М.
- Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонякова Н. А., 1997.** Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.
- Заходер Б. Н., 1962.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М.
- Засецкая И. П., 1993.** Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ, III. Симферополь.



- КБЧ** — Книга Большому Чертежу, 1950. М.
- Кобылица М. М., 1956.** Фанагория // МИА, № 57.
- Клейн Л. С. и др., 1972.** Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО-1971. М.
- Ковалевская В. Е., 1979.** Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки. САИ Е1-2. М.
- Коковцов П. К., 1932.** Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Кондукторова Т. С., 1984.** Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. М.
- Кондукторова Т. С., 1991.** Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж.
- Конигов Б. А., 1989.** Раннесредневековый ковш из лесного Прииртышья // Известия Сибирского Отделения АН СССР. Серия истории, типологии и философии. Вып. 1. Новосибирск.
- Константин Багрянородный.** Об управлении империей. М., 1989.
- Косяненко В. М., 1983.** Погребение у слободы Большая Орловка — ранний памятник салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Красильников К. И., 1976.** Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА, № 3.
- Красильников К. И., 1980.** Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. Вып. 160.
- Красильников К. И., 1981.** Возникновение оседлости у праболгар Среднедончья // СА, № 4.
- Красильников К. И., 1985.** Отчет о раскопках крепости салтово-маяцкой культуры у с. Красное Волоконовского р-на Белгородской обл. в 1984 г. Архив ИА АН СССР.
- Красильников К. И., 1986.** Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА, № 2.
- Красильников К. И., 1990.** О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедончья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Красильников К. И., 1991.** Могильник древних болгар у с. Желтое // Проблемы на прабългарската история и култура, № 2. София.

- Красильников К. И., Тельнова Л. И., 1997.** Грунтовой могильник у поселка Новолачное // Древности Подонцовья. Луганск.
- Кропоткин В. В., 1963.** Византийские монеты из Таматархитмутаракани // Керамика и стекло Тмутаракани. М.
- Круглов Е. В., 1992.** Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА, № 4.
- Круглов Е. В., 1992а.** Хазарские погребения на реке Аксай // Древности Волго-Донских степей, № 2. Волгоград.
- Кляшторный С. Г., 1979.** Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА, № 1.
- Кудряшов К. В., 1948.** Половецкая степь. М.
- Кузнецов В. А., 1964.** Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА, № 99.
- Кухаренко Ю. В., 1951.** О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК, вып. 41.
- Кызласов И. Л., 1990.** Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. М.
- Кызласов И. Л., 1994.** Рунические письменности евразийских степей. М.
- Ларенок П. А., 1983.** Хронология средневекового слоя городища Самбек // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Ляпушкин И. И., 1941.** Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим данным // МИА, № 6.
- Ляпушкин И. И., 1958а.** Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА, № 62. М.—Л.
- Ляпушкин И. И., 1958б.** Карнауховское поселение // МИА, № 62.
- Ляпушкин И. И., 1958в.** Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА, № 62.
- Ляпушкин И. И., 1958г.** Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА, № 62.
- Ляпушкин И. И., 1958д.** Славянское поселение на территории Ближняя Мельница // МИА, № 62.
- Магомедов М. Г., 1983.** Образование Хазарского каганата. М.
- Макарова Т. И., 1998.** Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ, VI. Симферополь.



- Макарова Т. И., Плетнева С. А., 1983.** Пояс знатного воина из Саркела // СА, № 2.
- Макарова Т. И., Плетнева С. А., 1984.** Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборника памет на проф. Станчо Ваклинов. София.
- Макаренко Н. Е., 1911.** Археологические исследования 1907—1909 гг. Маяцкого городища // ИАК, вып. 43. СПб.
- Матвеева Г. И. 1997.** Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Матолчи Я., 1984.** Кости животных с городища, селища и могильника (1978—1979 гг.) // Маяцкое городище. М.
- Милютин А. И., 1909.** Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИАК, вып. 29. СПб.
- Михеев В. К., Дяченко О. Г., 1972.** Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., вин. 4. Киев.
- Михеев В. К., Дегтярь А. К., 1974.** Раскопки Сухогомольшанского комплекса // АО-1973. М.
- Михеев В. К., 1985.** Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1974.** Работы Цимлянской экспедиции 1970 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья, I. М.
- Мошкова М. Г., Максименко Б. Е., 1974.** Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья, II. М.
- Новосельцев А. П., 1990.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Отчет Ив. Тимошенко** об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной // Тр. XII А. С., т. II. М., 1905.
- Паромов Я. М., 1992.** Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник, I. М.
- Паромов Я. М., 1993.** Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник, 2. М.
- Паромов Я. М., 1993а.** Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник, 3. М.
- ПВЛ, 1950.** Повесть временных лет, том I. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л.

- Плетнева С. А., 1959.** Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА, № 75. М.—Л.
- Плетнева С. А., 1963.** Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло Тмутаракани. М.
- Плетнева С. А., 1964.** Номадски поселища през VII—IX вв. в Приазовието и басейна на река Дон // Археология, год 71, кн. 4. София.
- Плетнева С. А., 1967.** От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.
- Плетнева С. А., Николаенко А. Г., 1976.** Волоконовский древнеболгарский могильник // СА, № 3.
- Плетнева С. А., 1981.** Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав, 2. София.
- Плетнева С. А., 1982.** Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С. А., 1984.** Маяцкое городище // Маяцкое городище. М.
- Плетнева С. А., 1984а.** Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. М.
- Плетнева С. А., 1976 и 1986.** Хазары. М.
- Плетнева С. А., 1989.** На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плетнева С. А., 1990.** Половцы. М.
- Плетнева С. А., 1990а.** Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника Саркела — Белой Вежи). М.
- Плетнева С. А., Красильников К. И., 1990.** Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. М.
- Плетнева С. А., 1994.** Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958—1959 гг. // МАИЭТ, № IV.
- Плетнева С. А., 1996.** Саркел и «шелковый путь». Воронеж.
- Потапенко Л. П., Потапенко А. И., 1989.** Виноград на Волге и Дону. Волгоград.
- Раппопорт П. А., 1959.** Крепостные сооружения Саркела // МИА, № 75.
- Рашид ад-Дин, 1952.** Сборник летописей, т. 1, кн. 2. М.—Л.
- Русанова И. П., 1998.** Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ, VI. Симферополь.
- Савченко Е. И., 1986.** Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках, вып. 1. М.



- Самоквасов Д. Я., 1908.** Могилы русской земли. М.
- Седикова Л. В., 1997.** Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук.
- Семенов А. И., 1983.** Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Семенов А. И., 1988.** К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре средневековых кочевников Восточной Европы // АС, № 29. Л.
- Семенов А. И., 1993.** Курганы хазарского времени в окрестностях Саркела // Археология и история юго-восточной Руси. Тезисы. Воронеж.
- Сибилев Н. В., 1926.** Древности Изюмщины, вып. II. Изюм.
- Сизов В. И., 1889.** Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Тр. VI А.С., т. IV. Одесса.
- Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., 1991.** Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт // СА, № 3.
- Смирнов К. Ф., 1951.** Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК, вып. 38.
- Смирнов К. Ф., 1959.** Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА, № 60 М.—Л.
- Сміленко А. Т., 1975.** Слов'яни та їх сусіди в стеновому Подніпрові (II—XIII ст.). Київ.
- Сорокина Н. П., 1963.** Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М.
- Спицин А. А., 1909.** Историко-археологические разыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП, нов. серия, часть XIX, январь.
- Станчев Станчо, 1957.** Некрополът до Нови Пазар. София.
- Сударев Н. И., 1994.** Погребения в районе поселения Гаркуша I (Патрей) // Боспорский сборник, 4. М.
- Тарабанов В. А., 1983.** Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Толмачева М. М., 1990.** Обработка черного металла в Хазарском каганате. Автореферат дисс. на соискание степени кандидата ист. наук. М.
- Уварова П. С., 1900.** Могильники Северного Кавказа // МАК, VII. М.

- Федоров-Давыдов Г. А., 1984.** Погребения хазарского времени из урочища Кривая Лука в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Флеров В. С., 1972—1975.** Раскопки Семикаракорского городища // АО-1971; АО-1972; АО-1973; АО-1974. М.
- Флеров В. С., 1993.** Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград.
- Флеров В. С., 1994.** Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987—1988, 1990 гг. // МАИЭТ, № IV. Симферополь.
- Флерова В. Е., 1988.** Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА, № 3.
- Флерова В. Е., 1997.** Граффити Хазарии. М.
- Флерова В. Е., 1997а.** Народный календарь Хазарии // Культуры степей Евразии вт. пол. I тыс. н. э. Тезисы. Самара.
- Флерова В. Е., 1997б.** Возможности реконструкции верований Хазарии по изобразительным источникам // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы. Харьков.
- Чичуров И. С., 1980.** Византийские исторические сочинения. М.
- Швецов М. Л., 1980.** Котлы из погребений средневековых кочевников // СА, № 2.
- Швецов М. Л., 1983.** О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Швецов М. Л., 1991.** Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура, вып. 2. София.
- Шилов В. П., 1959.** Калиновский курганный могильник // МИА, № 60. М.
- Шнайдштейн Е. Б., 1979.** Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.
- Якобсон А. Л., 1958.** Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА, № 85.
- Якобсон А. Л., 1959.** Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА, № 63.
- Якобсон А. Л., 1964.** Средневековый Крым. М.—Л.
- Якобсон А. Л., 1970.** Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА, № 168.
- Якобсон А. Л., 1979.** Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.



## Список сокращений

- АО — Археологические открытия  
 АС — Археологический сборник Государственного Эрмитажа  
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения  
 ИАК — Известия археологической комиссии  
 ИГАИМК — Известия государственной Академии истории материальной культуры  
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии  
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры  
 МАК — Материалы по археологии Кавказа  
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР  
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики  
 СА — Советская археология  
 Тр. А. С. — Труды Археологического съезда

## КАРТЫ РИСУНКИ ЧЕРТЕЖИ РЕКОНСТРУКЦИИ

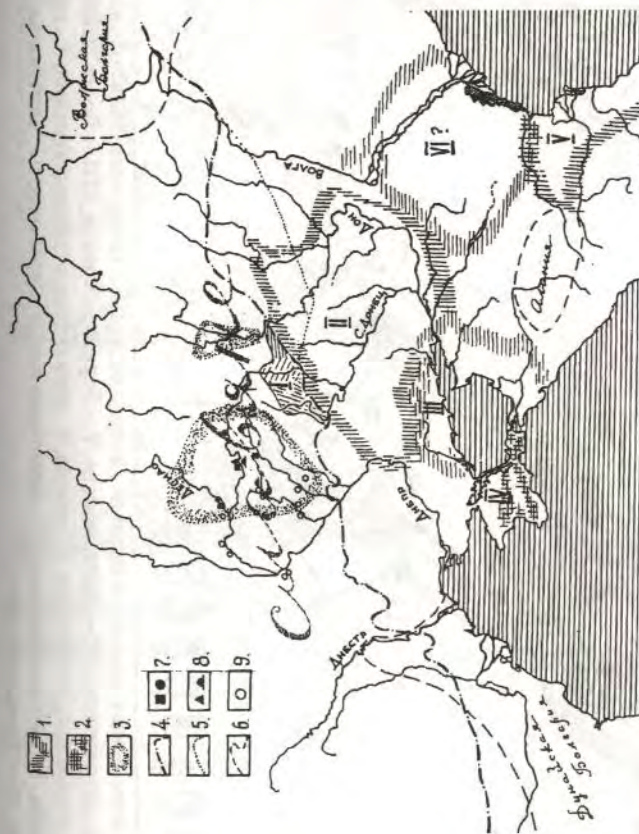


Рис. 1. Карта-схема. Варианты салтово-маяцкой культуры (обозначены римскими цифрами) в окружении наиболее связанных с ними государств и народов. 1 - условные границы вариантов, 2 - Крымский вариант, 3 - условные границы славянских культур: роменской и боршевской, 4 - границы степи с лесостепью, 5 - вариант восточного отрезка этой границы, 6 - границы соседних с Хазарией государств, 7 - волынцевские городища и селища (славянские?), 8 - волынцевские погребальные памятники, 9 - волынцевские памятники неясного назначения.



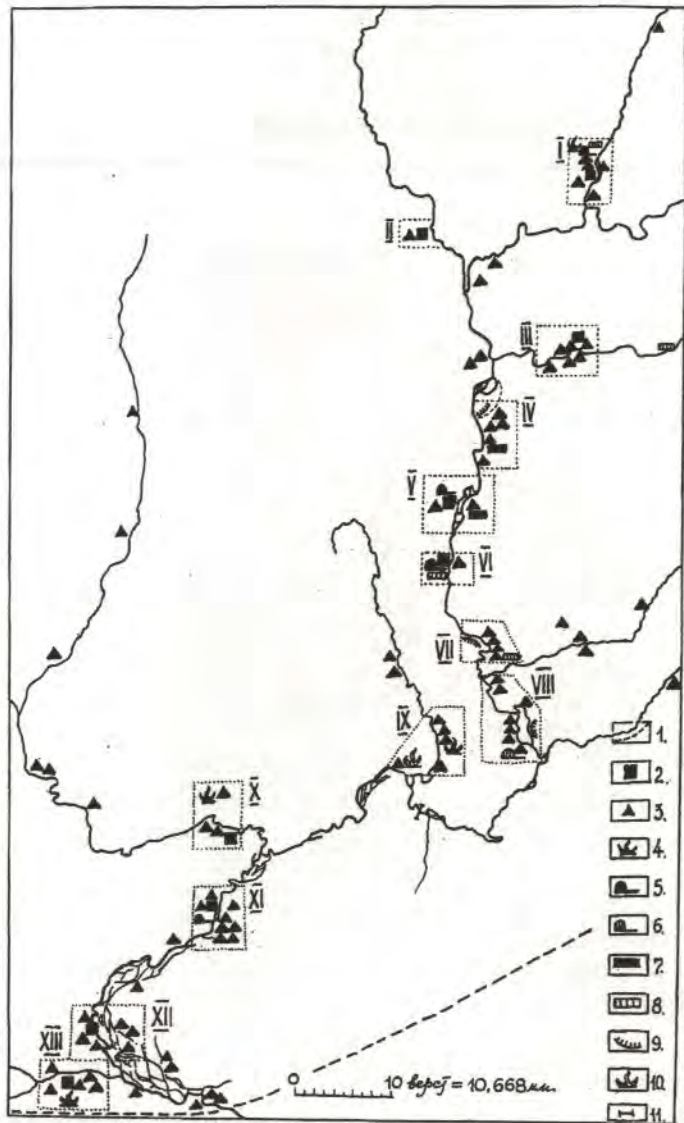


Рис. 2. Карта памятников лесостепного варианта в бассейне Северского Донца. «Гнезда поселений» обозначены римскими цифрами. Наиболее изученные археологически: 1 — Дмитриевское, V — Верхнесалтовское, XIII — Гомольшанское. Условные обозначения: 1 - граница степи с лесостепью, 2 - городища, 3 - селища, 4 - могильники с группосожжениями, 5 - катакомбные могильники, 6 - одиночные катакомбы, 7 - ямные могильники, 8 - одиночные ямные погребения, 9 - «местонахождение» керамики, 10 - одиночное группосожжение, 11 - «Каганский перевоз».

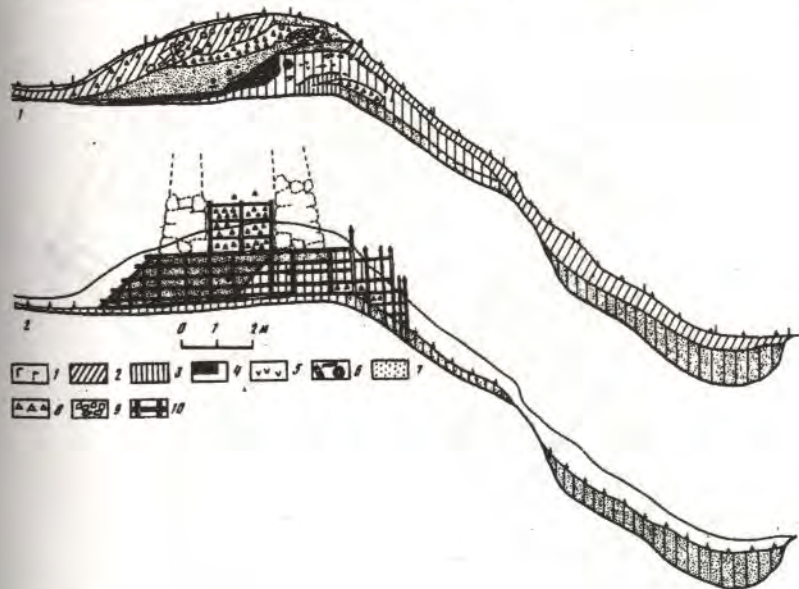
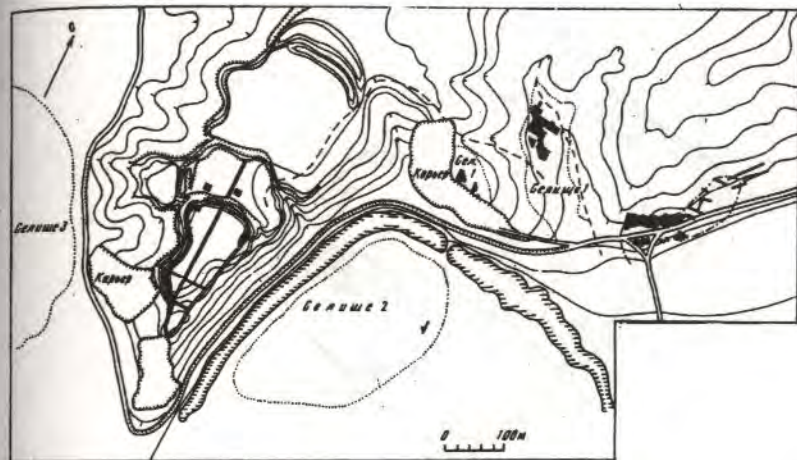


Рис. 3. План городища, селищ и могильника у с. Дмитриевское (черным обозначены раскопы на них) и разрез вала с вероятной его реконструкцией. 1 - гумус-дерн, 2 - серый гумусный слой, 3 - светло-серый гумусный слой, 4 - черный углистый слой, 5 - уголь, 6 - сгоревшие плахи и бревна, 7 - песок, 8 - меловая крошка, 9 - щебень и мелкие камни, 10 - деревянные крепления вала.



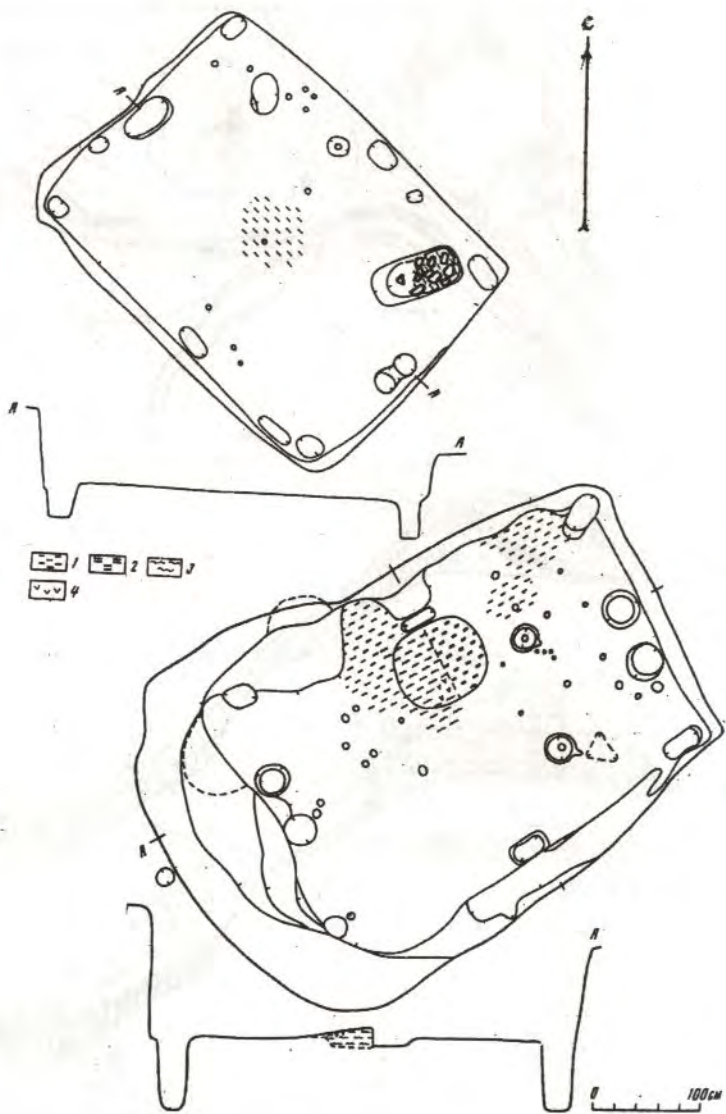


Рис. 4. Полуземлянки Дмитриевского поселения с очагами, помещенными в угол и у стены. 1 - глина, 2 - обожженная глина, 3 - зола, 4 - уголь.

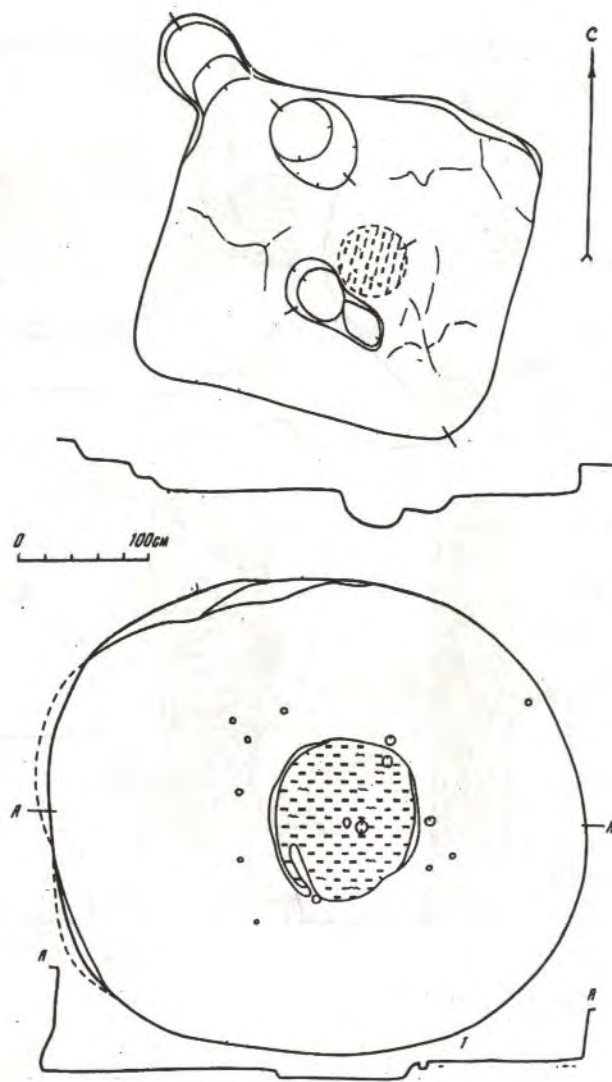


Рис. 5. Жилища с очагами в центре пола.



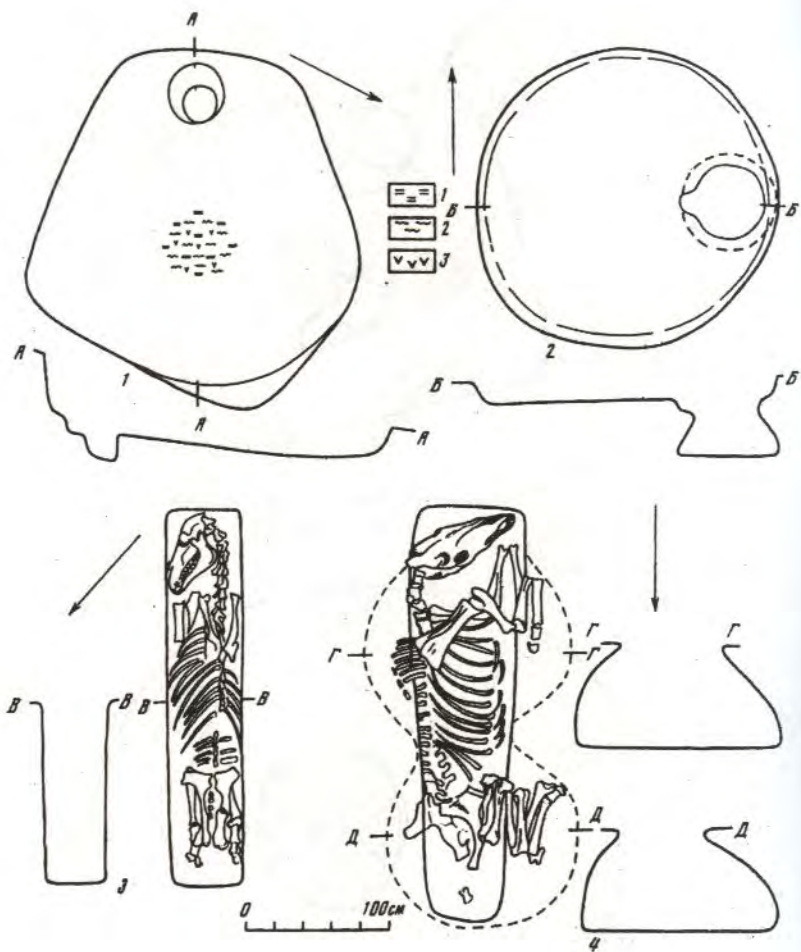


Рис. 6. Жертвенные комплексы и закладные жертвы молодых коней. 1 - обожженная глина, 2 - зола, 3 - уголь.

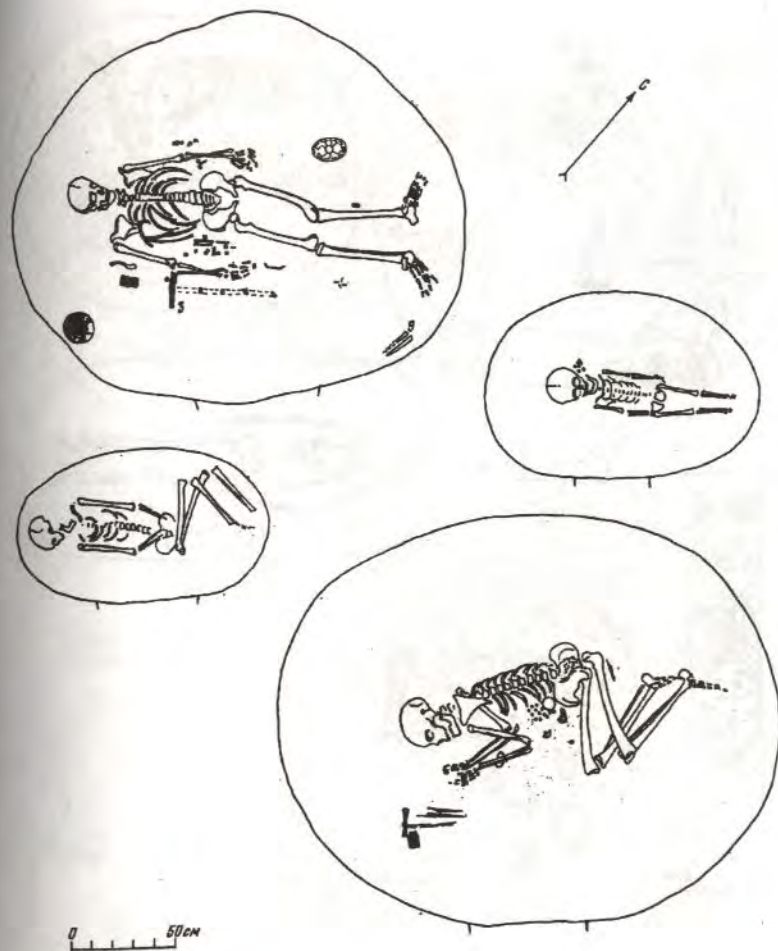


Рис. 7. Одиночные захоронения в катакомбах Дмитриевского могильника: воин, дети, женщина.



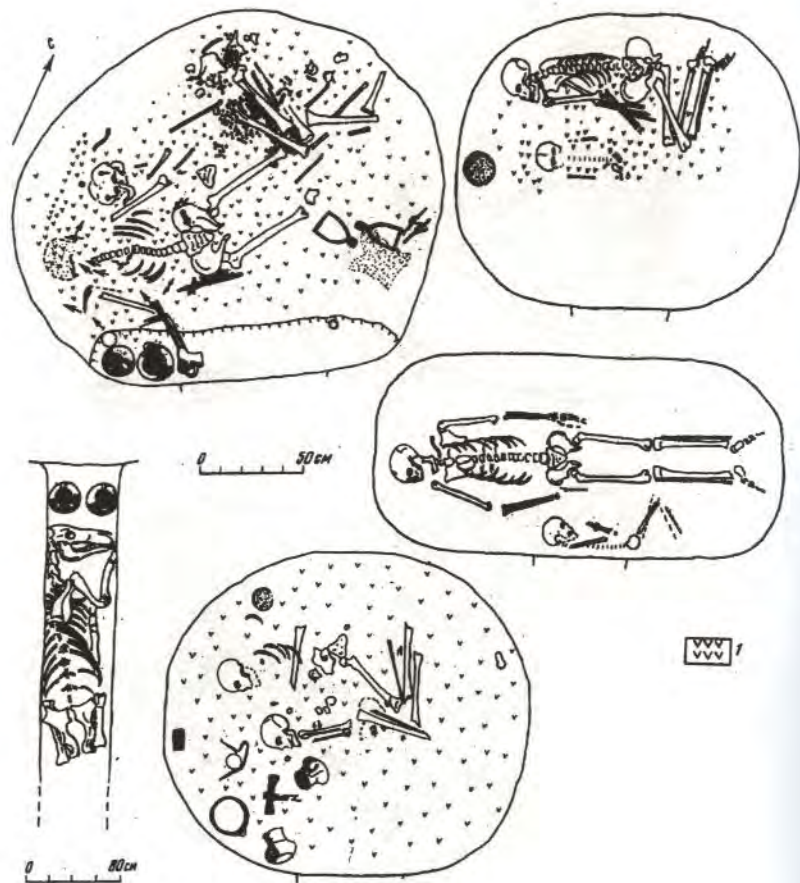


Рис. 8. Парные захоронения в катакомбах: ритуально разрушенное погребение мужчины и женщины (в дромосе этой катакомбы помещен остов коня), тоже ритуально разрушенное погребение двух женщин, ненарушенные погребения женщины с ребенком и мужчины с ребенком. 1 - уголь.

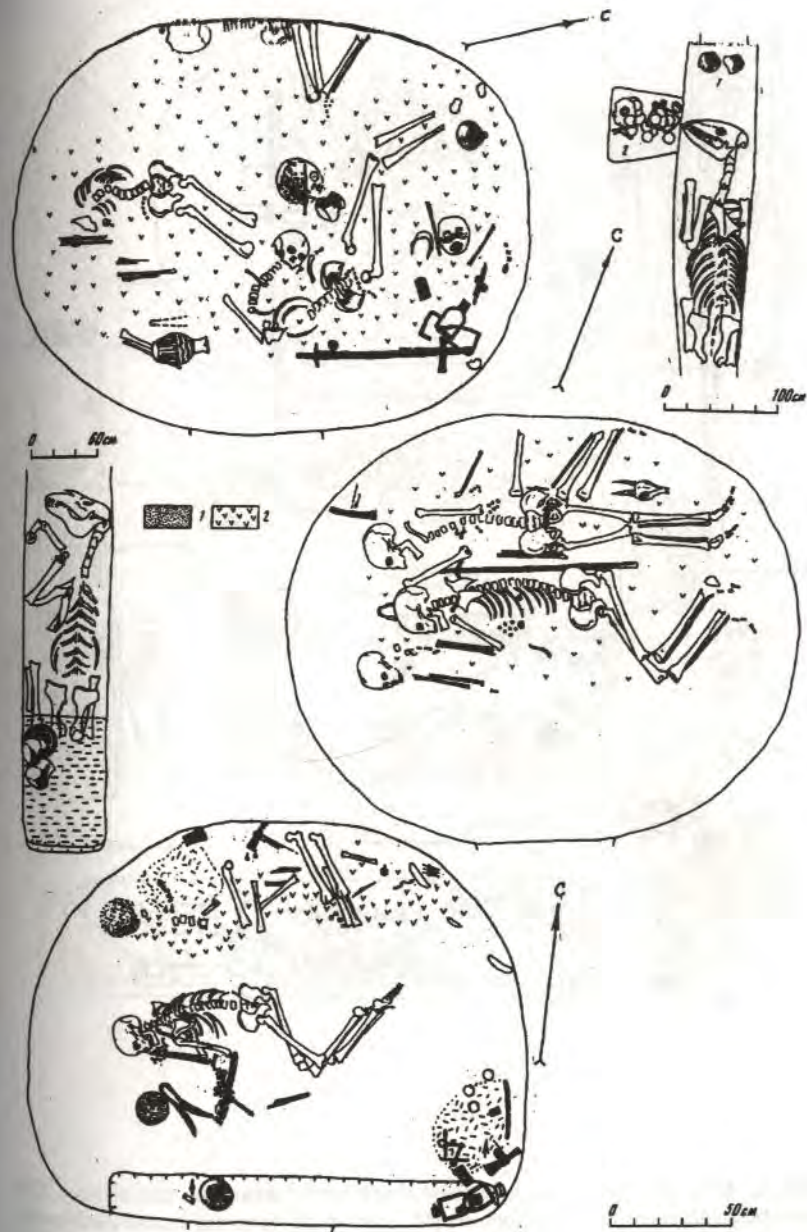


Рис. 9. Тройные захоронения в катакомбах. Их часто сопровождали погребения коней в дромосах и богатые сбруйные наборы. 1 - тлен, 2 - уголь.



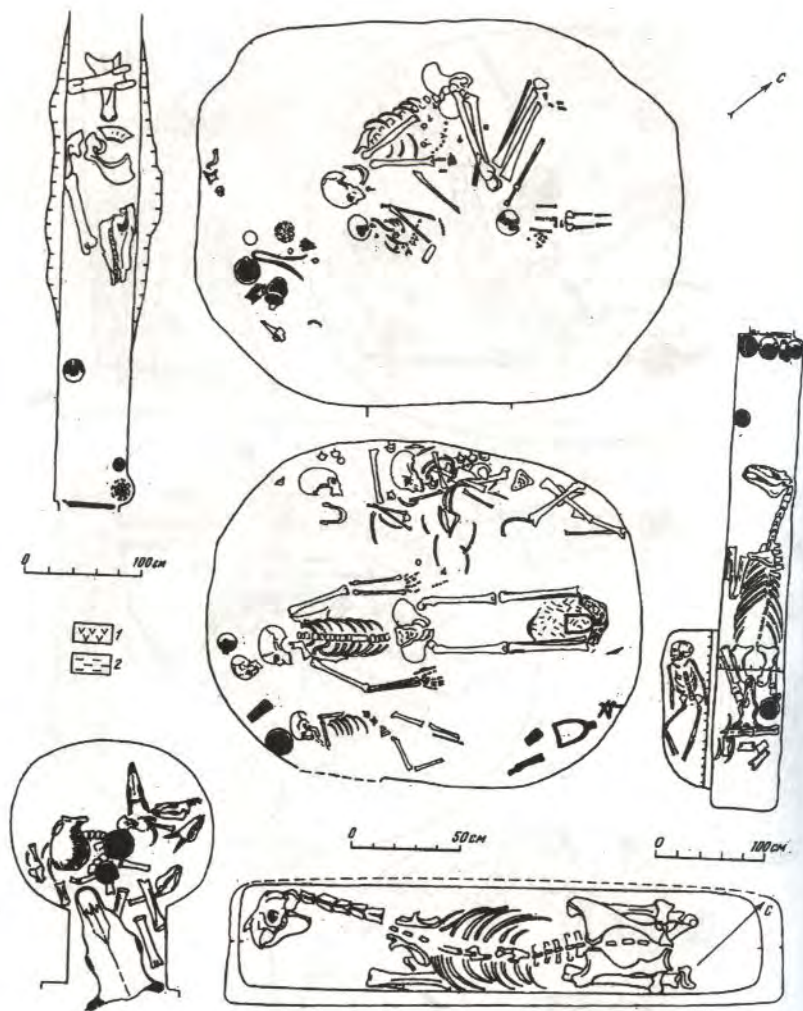


Рис. 10. Тройное (женщина с детьми) и семейное катакомбные погребения. Оба в сопровождении конских захоронений в дромосах. Кенотаф в виде катакомбы с маленькой погребальной камерой, в которой произведено жертвоприношение: сосуды с питьем, пять коз и бык, головы которых и часть костей брошены в камеру. Кенотаф - захоронение коня в дромосе, камера в котором отсутствует. 1 - уголь, 2 - глина.

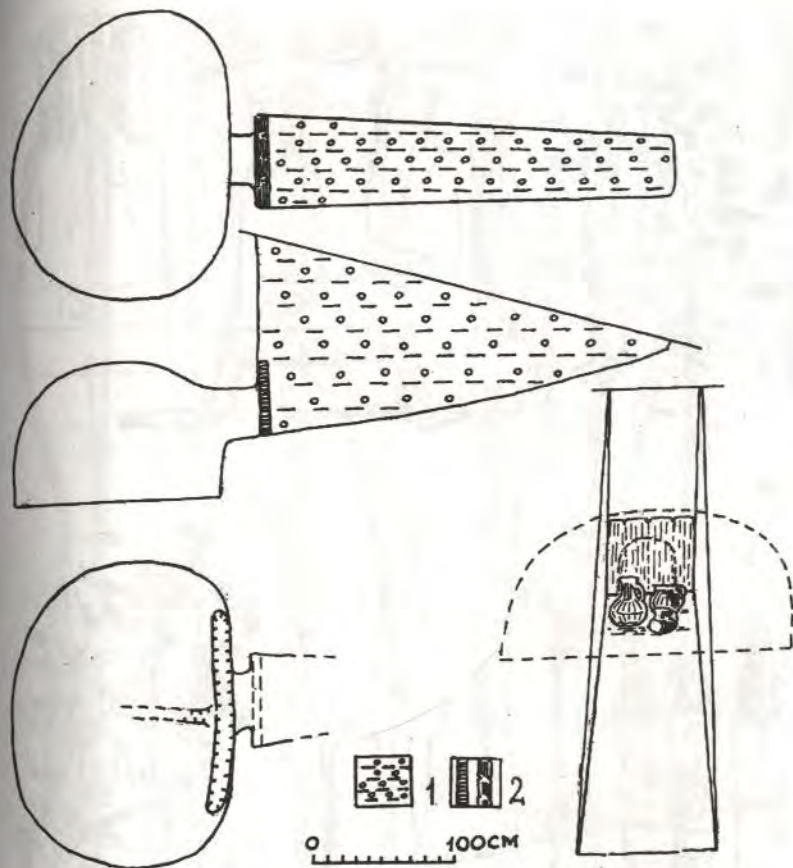


Рис. 11. "Классические" катакомбы, типичные для Дмитриевского могильника. 1 - глина с меловой крошкой, 2 - деревянные заслоны входов в камеру.





Рис. 12. Мотыжки, ножи, ножницы, кресало. Расположение мотыжек, ножей и боевых топориков у погребенных мужчин и женщин (цифрами обозначено количество находений). Помимо указанных предметов у скелета женщины указаны местонахождения ножниц и зеркал.



Рис. 13. Оружие: однолезвийные и двулезвийные палаши, боевые топоры, кистени, наконечники стрел, детали колчанов и костяные накладки луков.



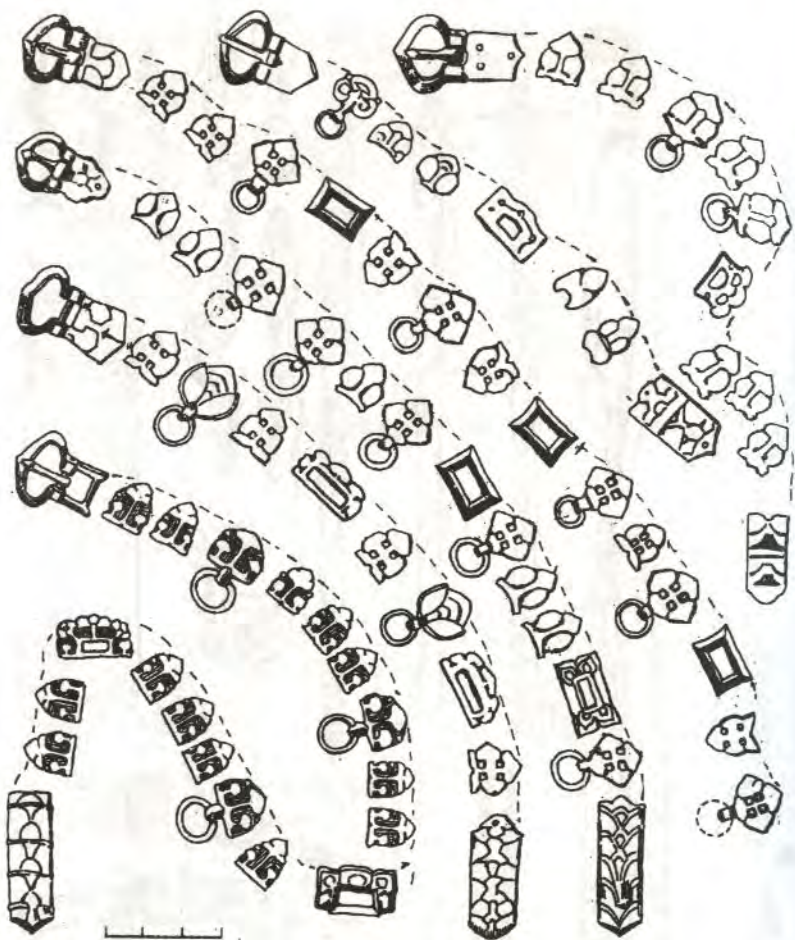


Рис. 14. Поясные воинские наборы из катакомб Дмитриевского могильника, относимых мною к первой половине IX в.

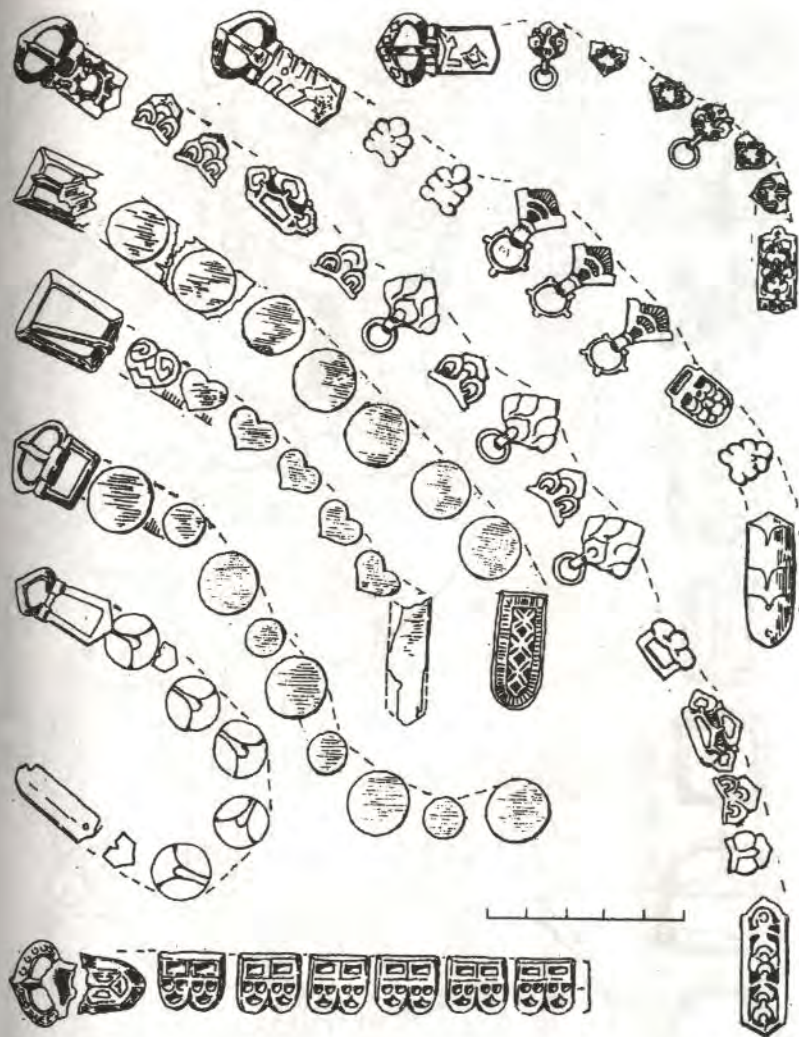


Рис. 15. Поясные воинские наборы, относящиеся ко второй половине IX, возможно, началу X вв.



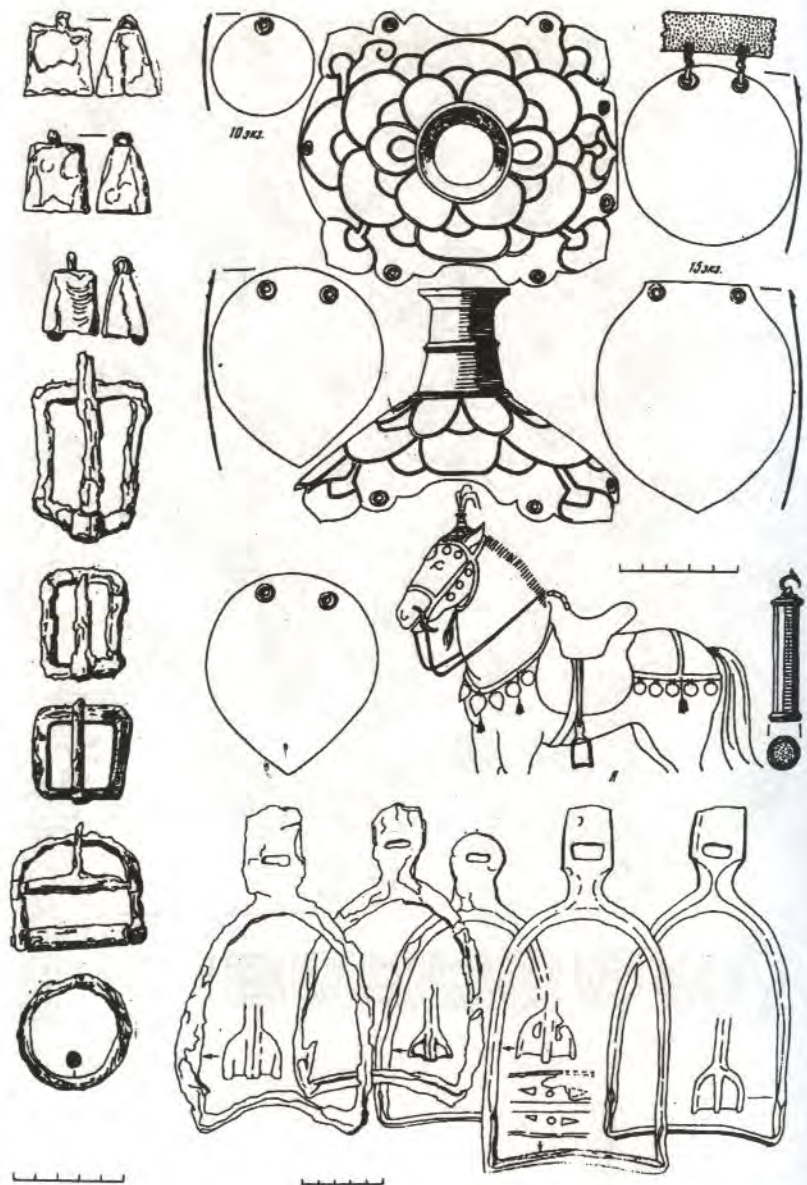


Рис. 16. Части конской сбруи: стремена, пряжки, железные колокольчики и богатый сбруйный набор из бронзовых позолоченных блях и налобника с трубочкой для султанчика из перьев.

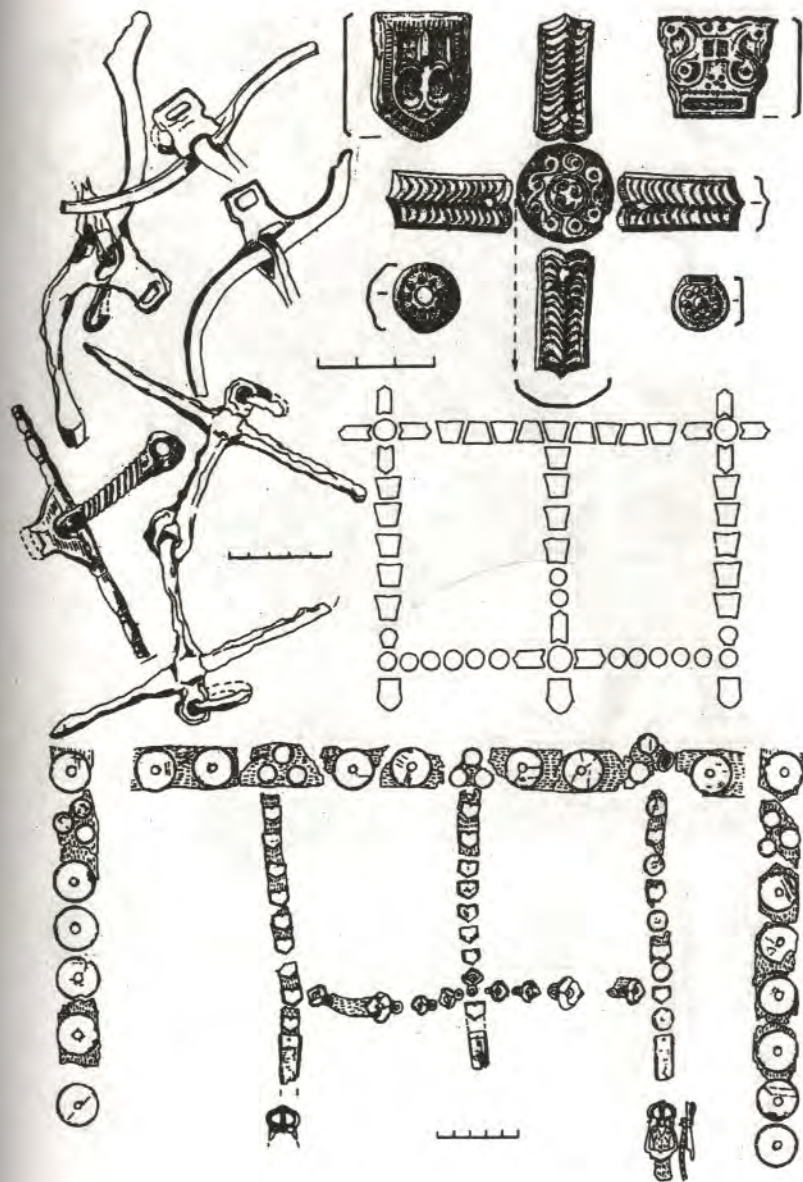


Рис. 17. Удила и серебряные бляшки-украшения оголовья.





Рис. 18. Всадник, похороненный в катакомбе №106 из Дмитриевского могильника. Рисунок художника О.Федорова.



Рис. 19. Украшения из серебра и бронзы: серьги, перстни, подвески, браслеты.





Рис. 20. Реликварии и их остатки из кости (рога) и кожи.



Рис. 21. Амулеты из бронзы.





Рис. 22. Амулеты из косточек, зубов, когтей лисы, бобра, зайца, амулеты из камня, амулеты в виде маленьких бронзовых зеркал. Фигурка идола и голова другого идола, вырезанные из мела.



Рис. 23. Зеркала из сплава бронзы и серебра. Одно из них (восьмиугольное) вывезено из Китая в VIII в. (эпоха Тан). Возможно, что это вторичная отливка с танского зеркала.





Рис. 24. Предметы туалета и одежды в основном отлиты из бронзы: копоушки, ногтечки, пинцеты, ложечки для растирания румян, ручки кисточек для бровей, туалетные железные ножницы, а также фибулы, нашивки, бубенчики и пуговицы, коромыслообразные пуговицы, железные пряжки и перламутровые пуговицы (из речных раковин).



Рис. 25. Кувшины и кружки разных типов из погребений Дмитриевского могильника. В набор кувшинов входят и привозные из Крыма так называемые ойнохоевидные кувшины с орнаментом, нанесенным белым ангобом.





Рис. 26. Миски, кубышки, лощеные горшочки, гончарные кухонные горшки и разнообразные лепные сосудики - в основном подражания гончарным.



Рис. 27. Характерная керамика из поминальных тризн и жертвоприношений.





Рис. 28. Крупные пифосообразные сосуды и кувшины из тризн.

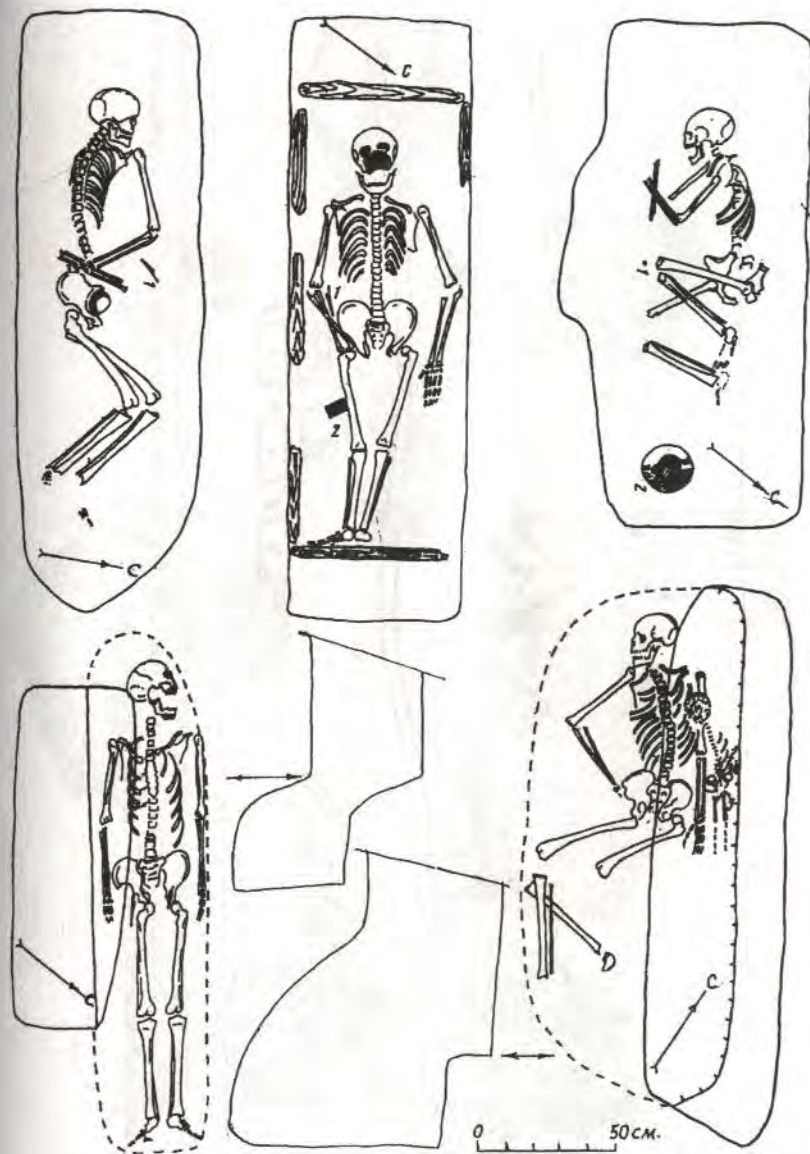


Рис. 29. Немногочисленные ямные и подбойные захоронения Дмитриевского могильника.



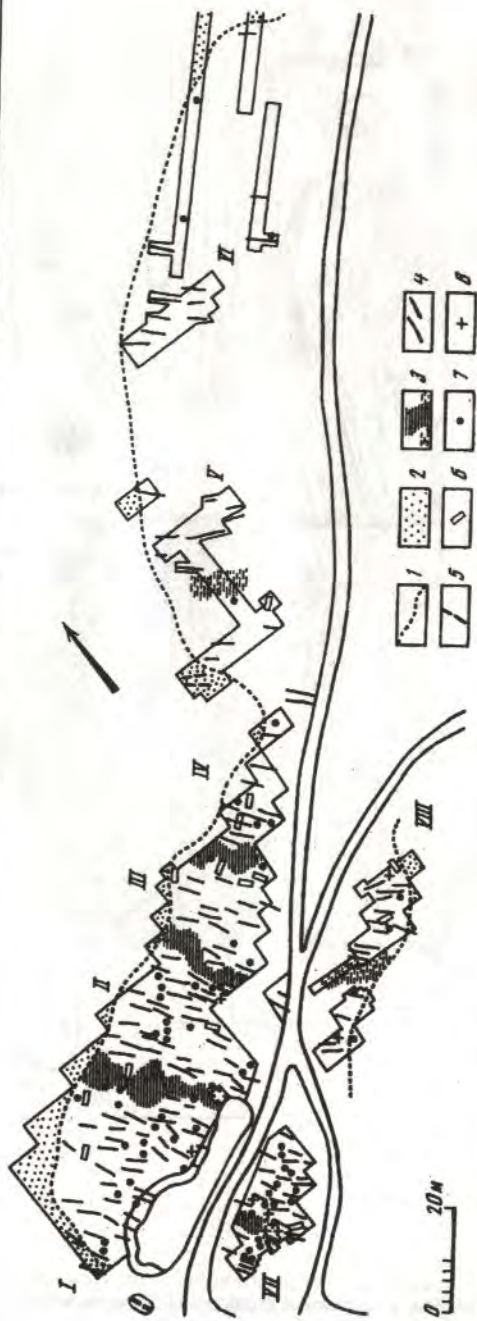


Рис. 30. Схематический план раскопанной части Дмитриевского могильника. 1 - границы могильника, 2 - рыхлый материк, непригодный для сооружения катакомб, 3 - свободные от катакомб участки, 4 - дромосы катакомб, 5 - катакомбы, которые начали сооружать и бросили из-за рыхлости грунта, 6 - ямные и подбойные погребения, 7 - тризны, 8 - группосожжения.



Рис. 31. Керамика из группосожжений.



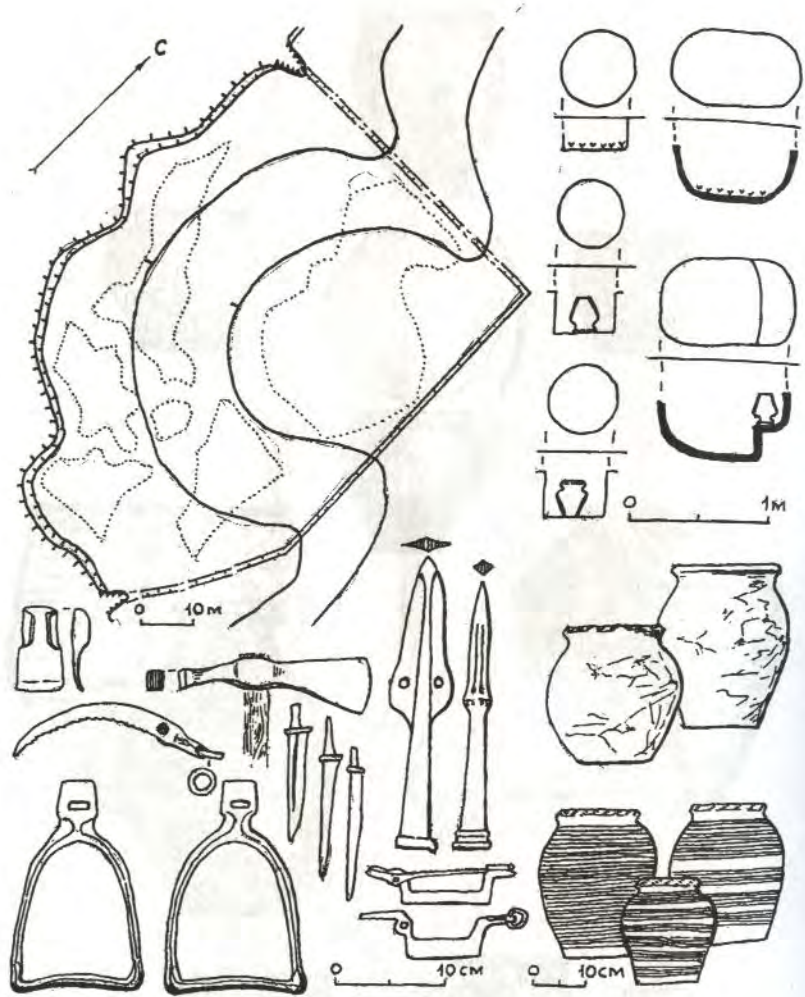


Рис. 32. Сухогомольшанский могильник. Территория могильника ограниченная рвом (точками обозначены границы шести выявленных на могильнике групп). Характерные типы погребений (черным обозначена обмазка глиной), типичная для захоронений керамика и вещи из комплекса XVI.

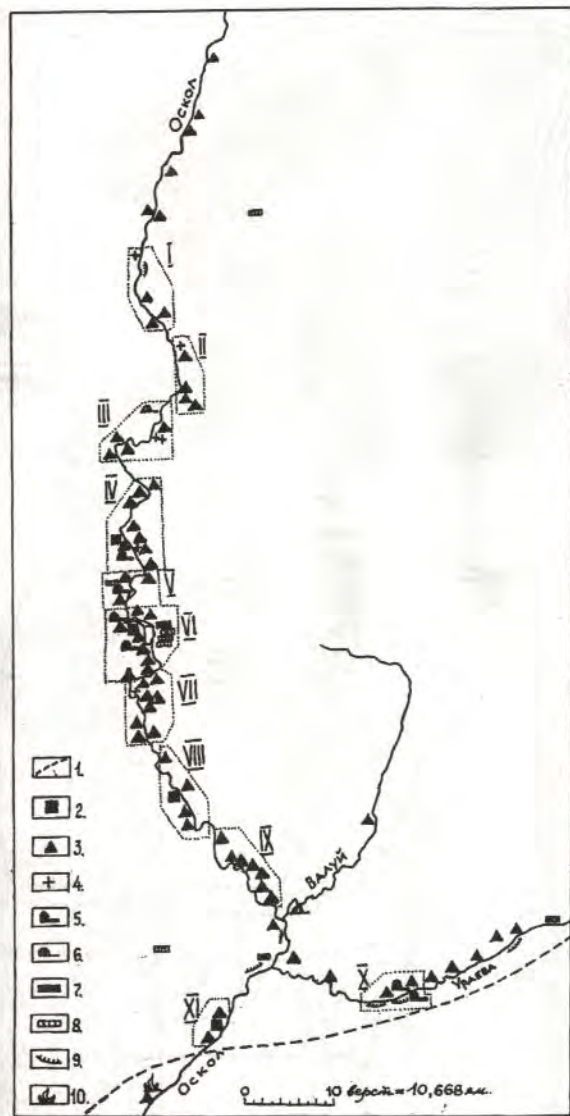


Рис. 33. Карта памятников лесостепного варианта в бассейне Оскола. "Гнезда" поселений обозначены римскими цифрами. Наиболее изученное из них №VI - Югановское. Условные обозначения: 1 - граница степи с лесостепью, 2 - городища, 3 - селища, 4 - горны, 5 - катакомбные могильники, 6 - одиночные катакомбы, 7 - ямный могильник, 8 - одиночные ямные погребения, 9 - "местонахождение" керамики, 10 - одиночное групопоже- ние.



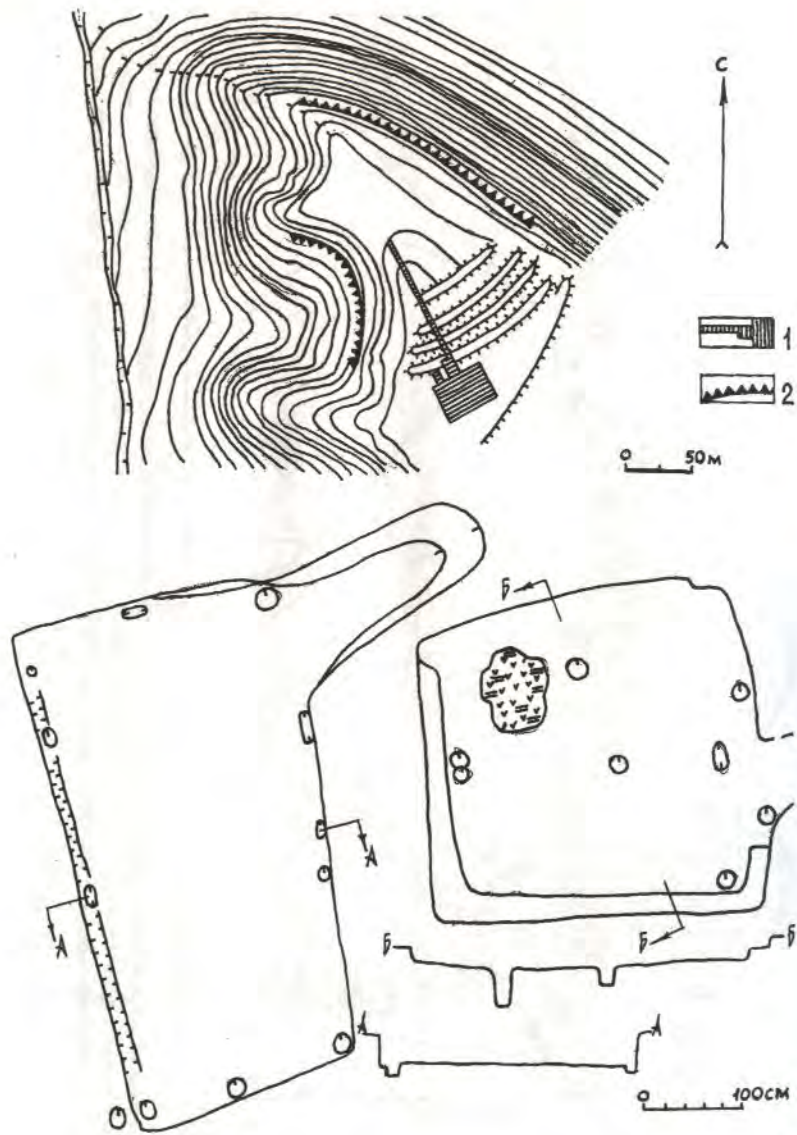


Рис. 34. План Ютановского городища и раскопанные на нем основания полуземных построек (жилого и хозяйственного назначения). 1 - раскопы на городище, 2 - остатки эскарпа. Материалы опубликованы Афанасьевым.

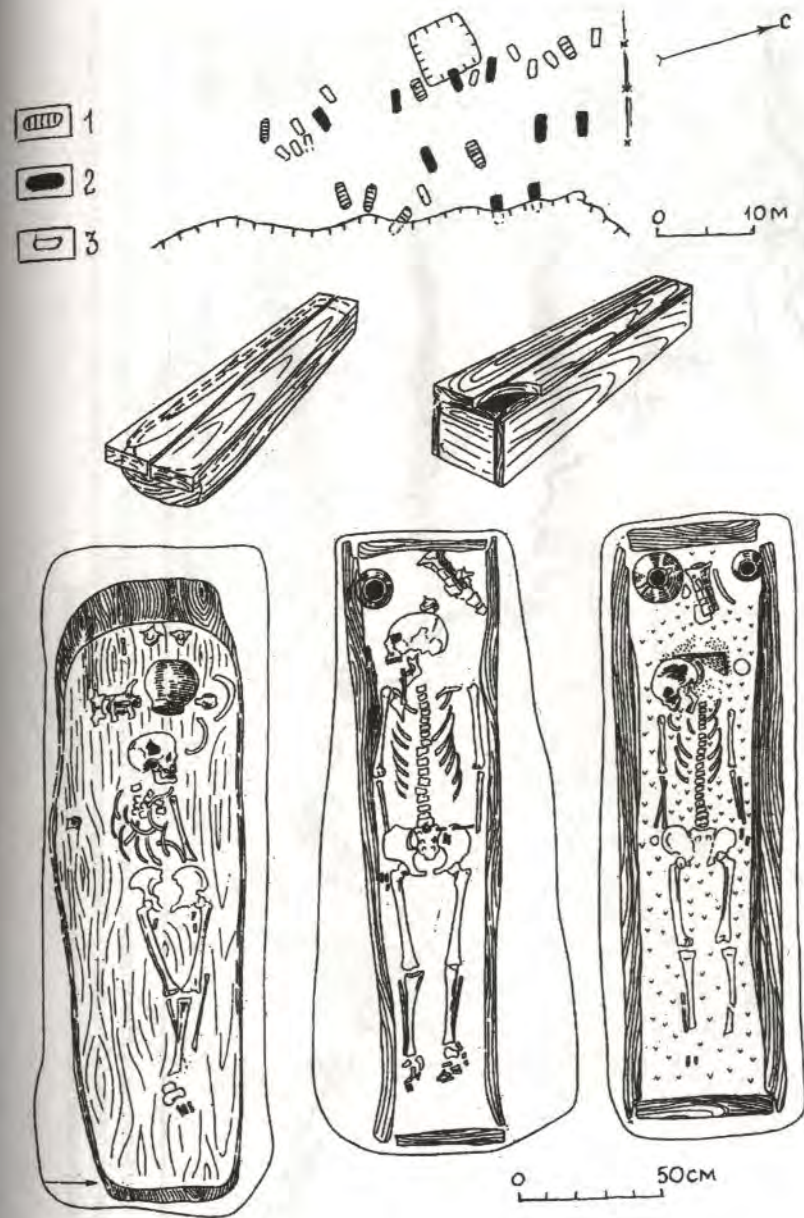


Рис. 35. План раскопанного участка Волоконовского могильника и типичные погребения в нем мужчины и двух женщин в гробах двух видов: колод и дощатых. 1 - мужские захоронения, 2 - женские, 3 - детские.



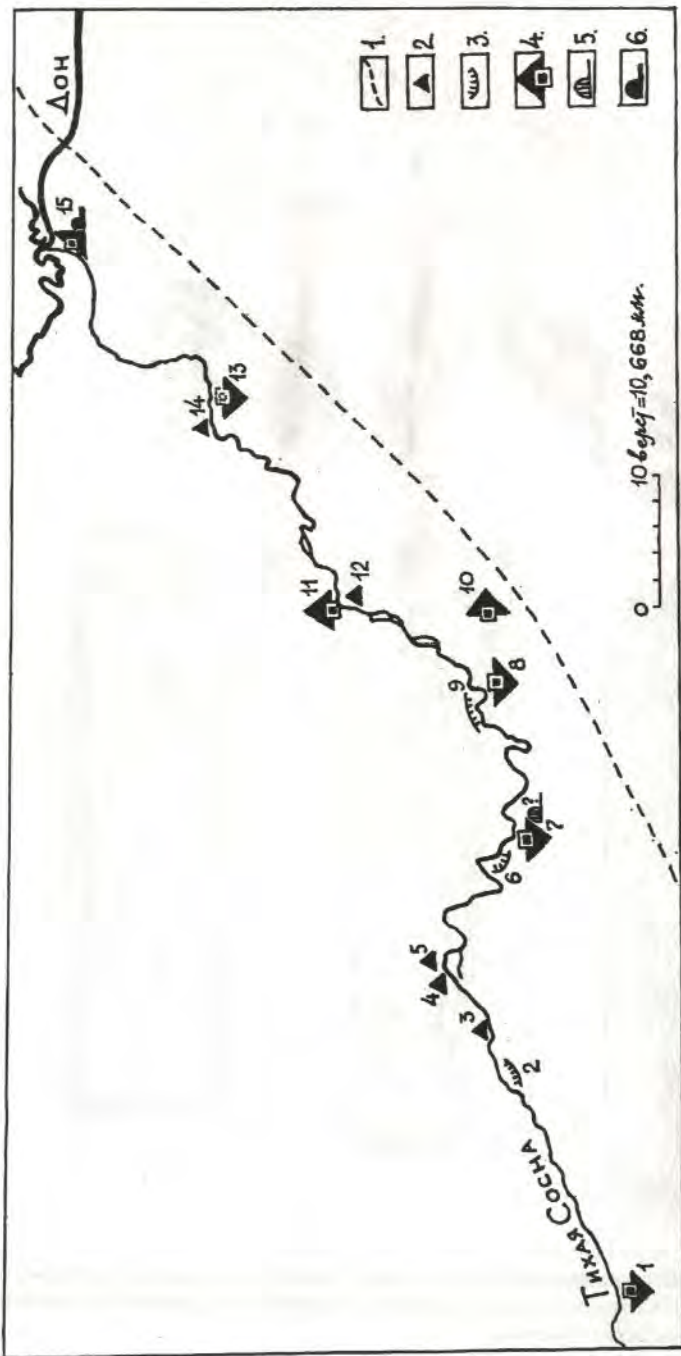


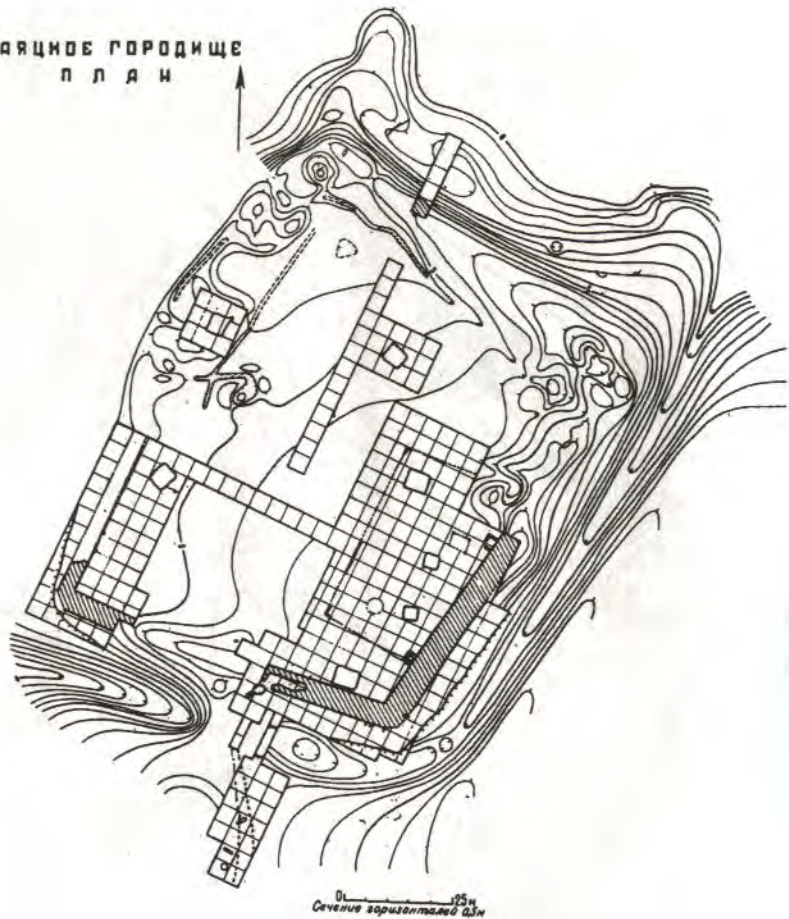
Рис. 36. Карта памятников лесостепного варианта на р. Тихая Сосна. № 1 - Красное городище, № 15 - Маяцкий комплекс. Условные обозначения: 1 - граница степи с лесостепью, 2 - селища, 3 - "местонахождение" керамики, 4 - крепости, поставленные на территориях обширных поселений, 5 - одиночное захоронение, возможно катакомбное, 6 - катакомбный могильник.



Рис. 37. План Маяцкого поселения с крепостью и могильника на окраине. 1 - раскопы на территории комплекса, 2 - курган, 3 - церковь, 4 и 5 - западины на поверхности селища, 6 - русло ручейка, 7 - современные дороги и тропинки, 8 - границы лесополос, 9 - дренажная канава, 10 - стены крепости.



Маяцкое городище  
П Л А Н



0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 м  
Северное горизонталью 02м

Рис. 38. План Маяцкой крепости с нанесенными на него раскопами. В раскопах указано местоположение жилых и хозяйственных построек, направление стен цитадели.



0 5 см



Рис. 39. Изображенные на поверхности меловых блоков сцена боя всадника с пешим лучником и всадник в ритуально торжественной позе.



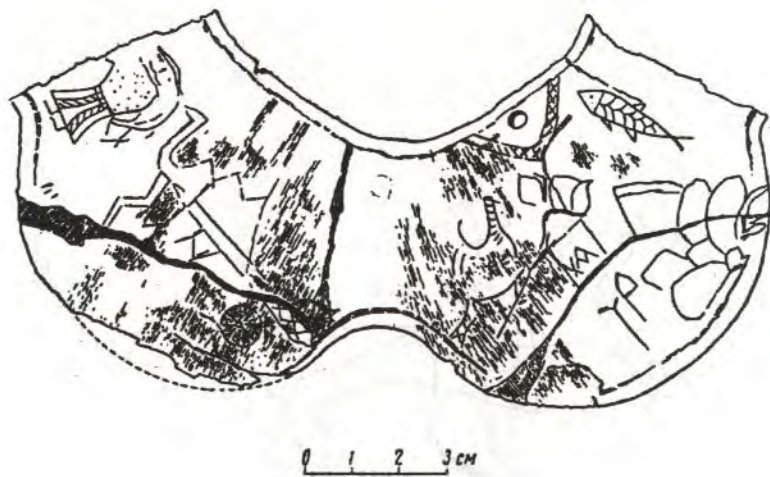
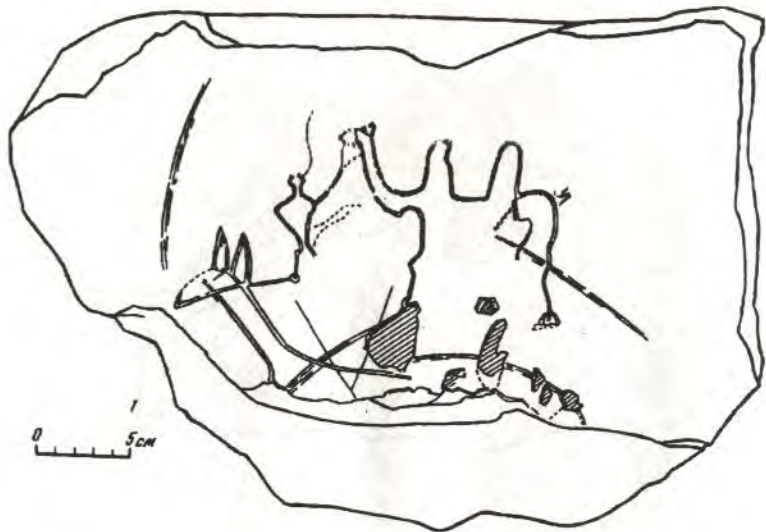


Рис. 40. Верблюд с поводырем на блоке (ниже небрежно прочерченная фигура животного) и аналогичная сцена верблюда с поводырем на костяном (роговом) реликварии. Реликвариий дан в развороте.

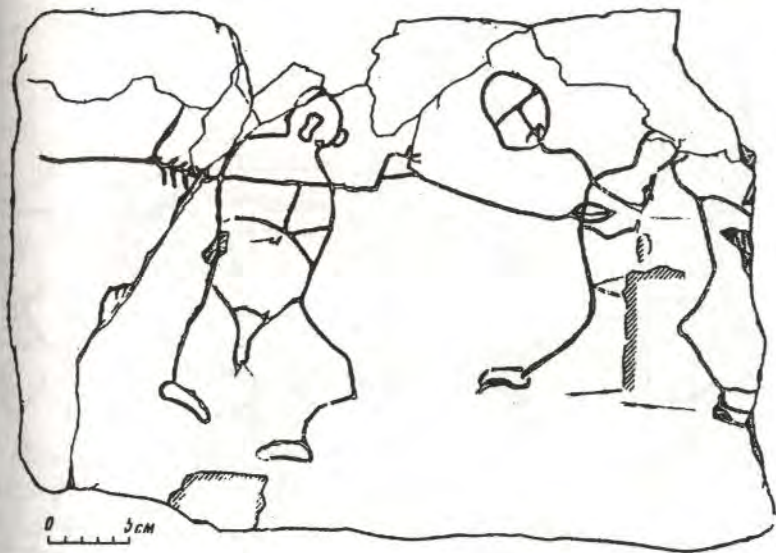


Рис. 41. Сцена ритуальной пляски обнаженных мужчин с оружием на блоке. "Портрет" жителя Маяцкого поселения, изображенный на другом блоке.



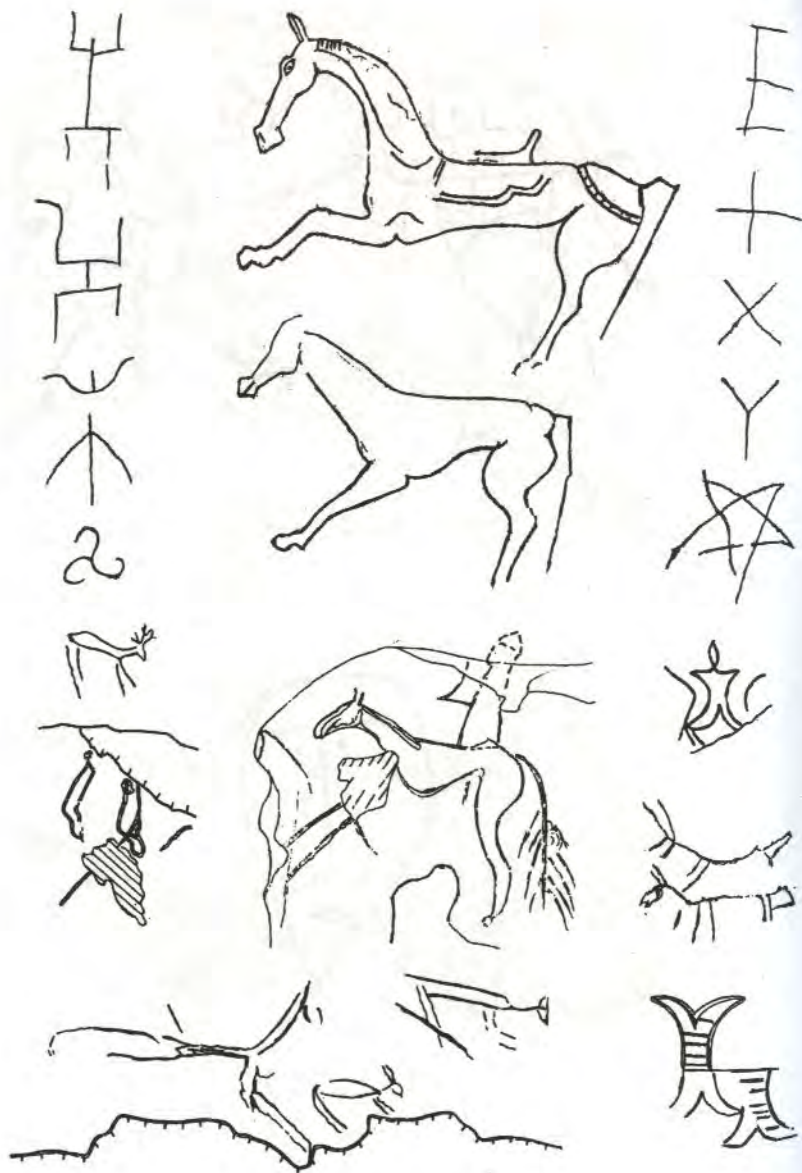


Рис. 42. Разнообразные изображения и знаки на блоках Маяцкой крепости.

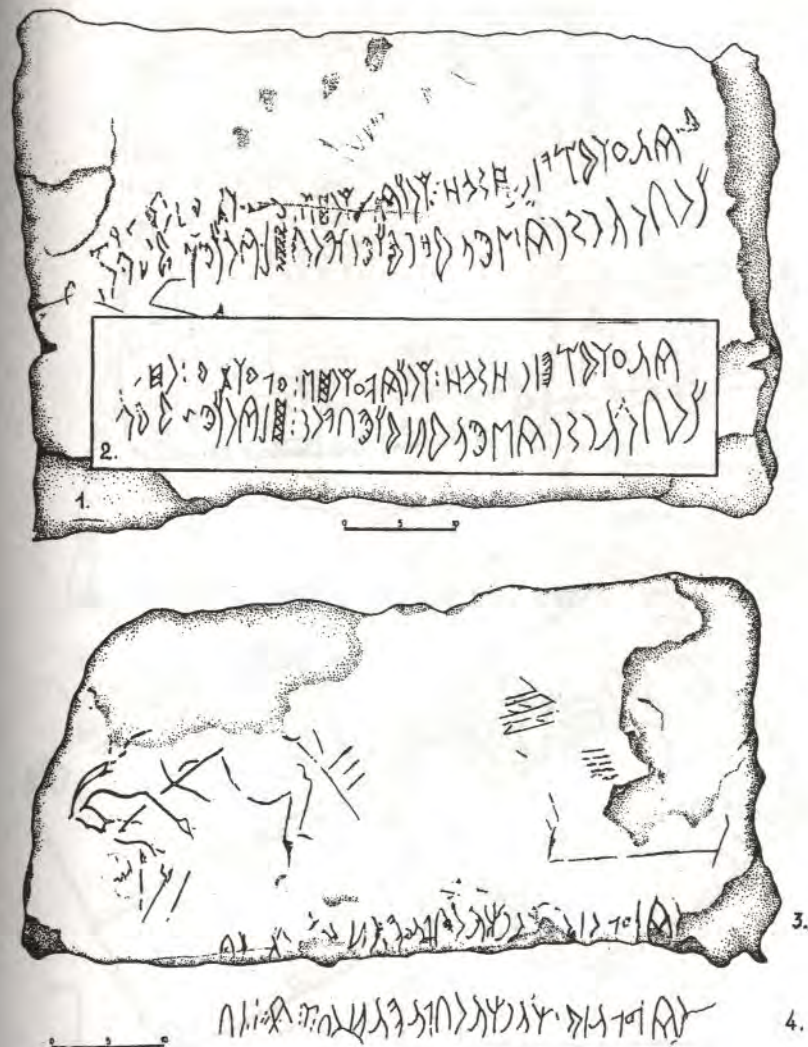


Рис. 43. Надписи на гранях одного блока Маяцкой крепости. 1 и 3 - полевые зарисовки С.А.Плетневой, 2 и 4 - прорисы, сделанные И.Л.Кызласовым.



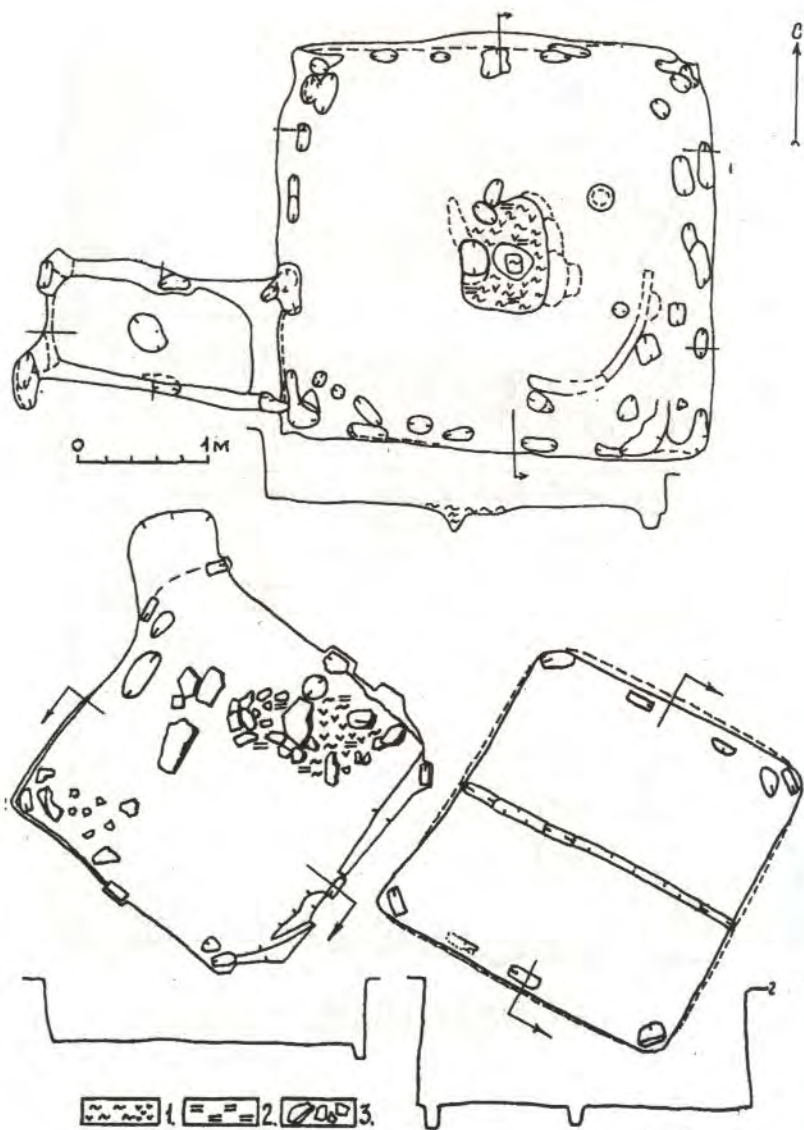


Рис. 44. Жилища-полуземлянки и погреб с внутренней перегородкой. 1 - зола, угли, 2 - обожженная глина, 3 - камни.



Рис. 45. План святилища (с элементами аксонометрии).



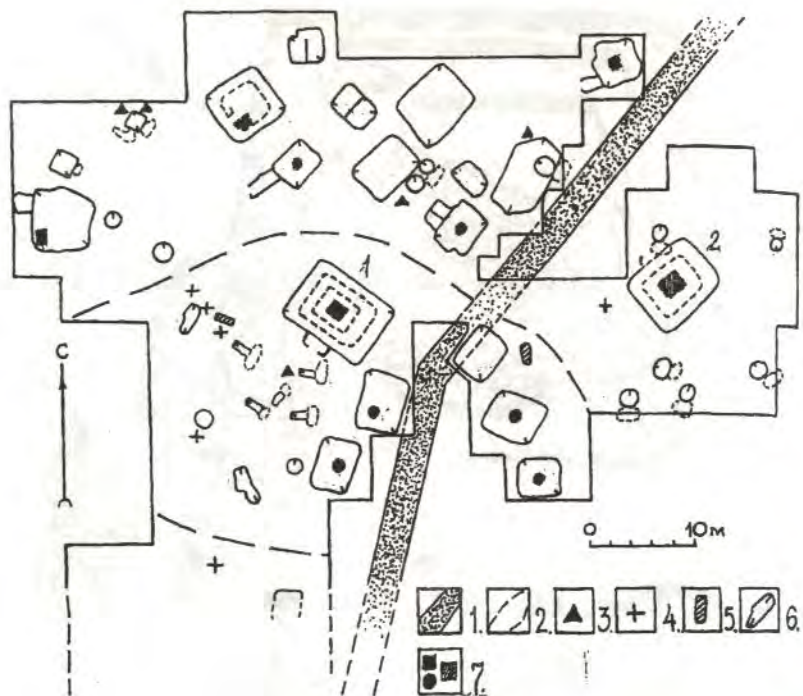


Рис. 46. План исследованного участка поселения с двумя святилищами, окруженными катакомбами с входными ямами двух типов: прямоугольными (дромосами) и круглыми большими ямами. 1 - дренажная канава, 2 - предполагаемые границы двух участков поселения, 3 - тризны, 4 - жертвенники, 5 - неоконченные дромосы, 6 - вспомогательные культовые сооружения, 7 - очаги.

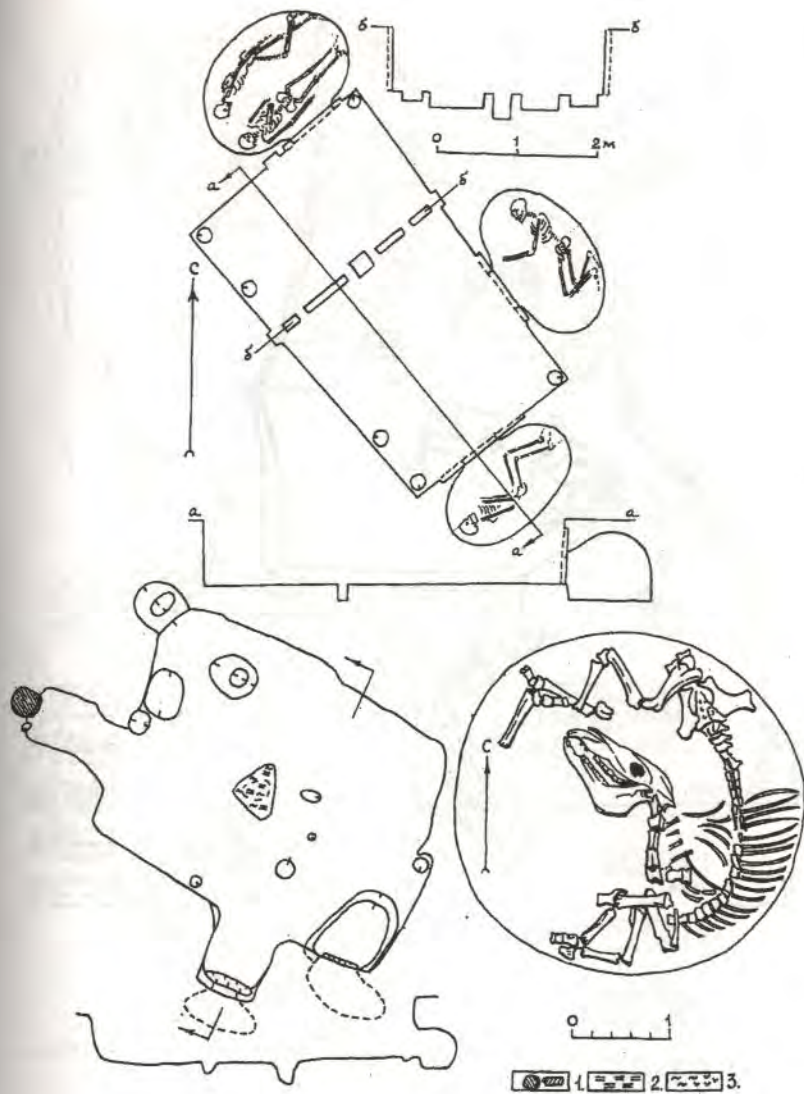


Рис. 47. Погреб, использованный в качестве входной ямы для трех катакомб (раскопки А. Милотина в 1906 г.), жилище, в стенах которого вырыты катакомбочки для захоронения детей, ритуальное захоронение лошади в круглой яме.



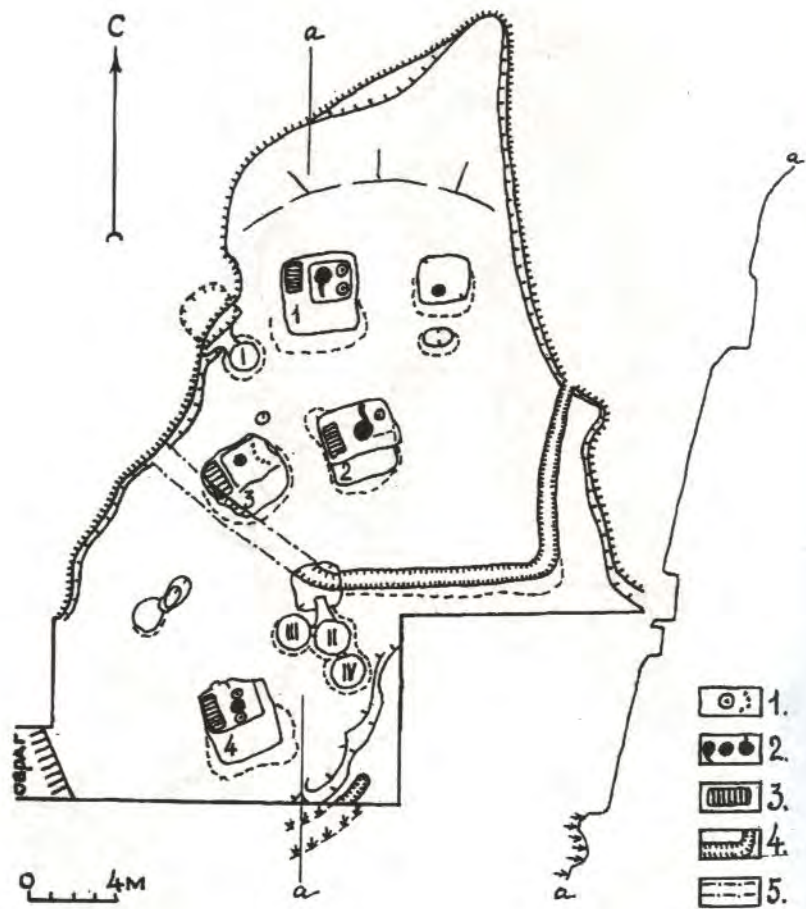


Рис. 48. План раскопа гончарного района Маяцкого поселения. 1 - гончарные круги, 2 - очаги, 3 - запасы производственной глины, 4 - дренажная канавка, 5 - предполагаемое направление канавки.

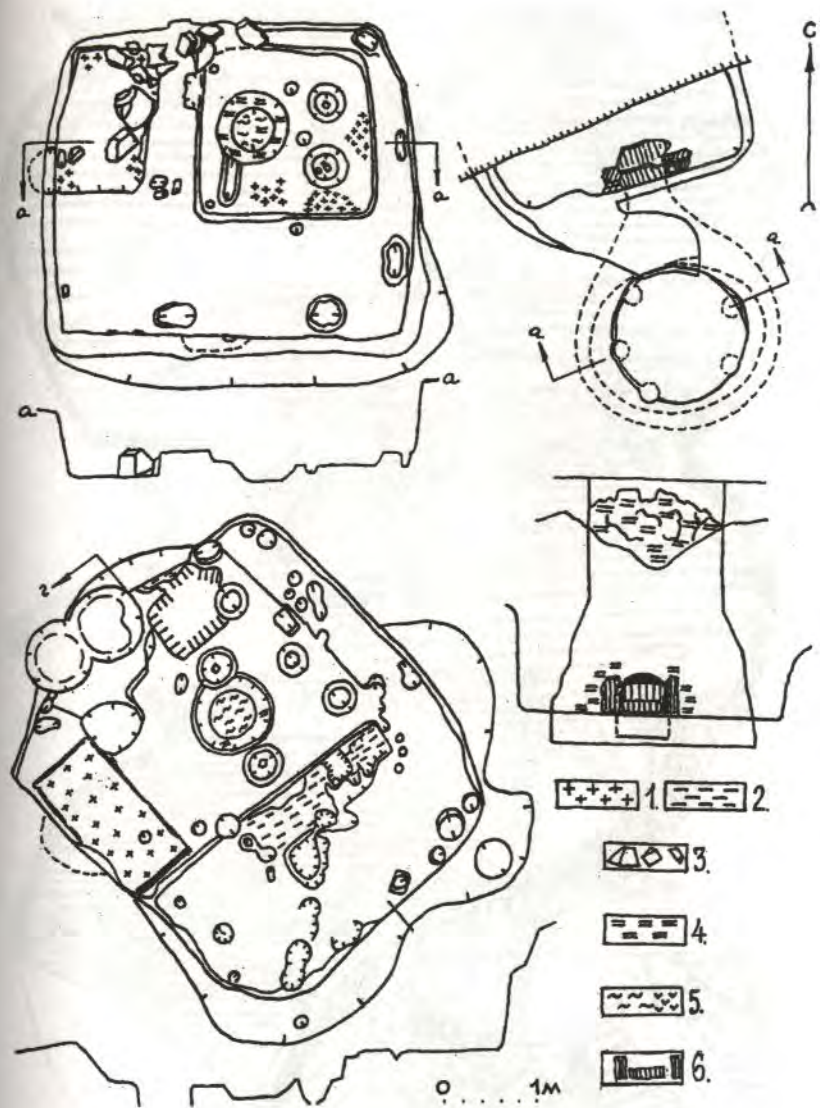


Рис. 49. Планы мастерских и гончарной печи. 1 - производственная глина, 2 - глина, 3 - камни, 4 - обожженная поверхность, 5 - зола и угли, 6 - меловые блоки.



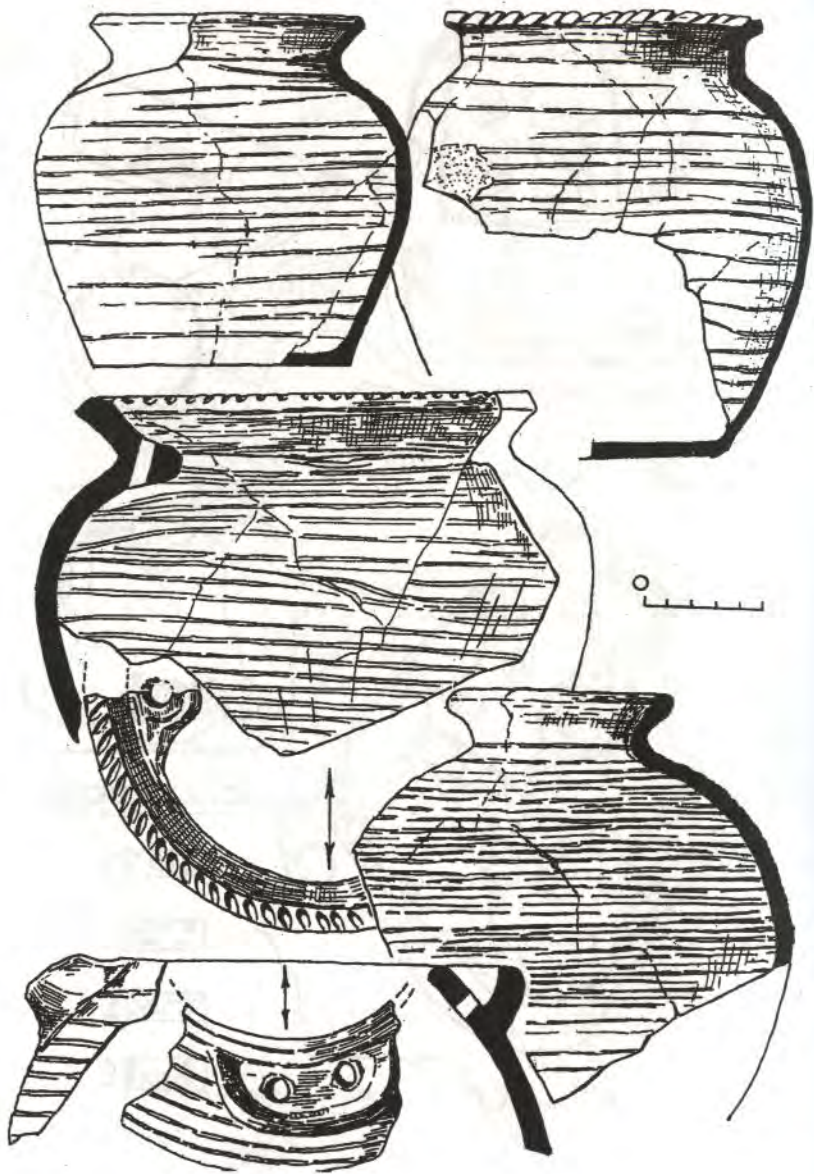


Рис. 50. Горшки и котлы с внутренними ушками, изготовлявшиеся в мастерской.



Рис. 51. Обломки пифосов и пифосов-кувшинов с лошеной поверхностью и на-  
лепными валиками, изготовлявшиеся в тех же мастерских.



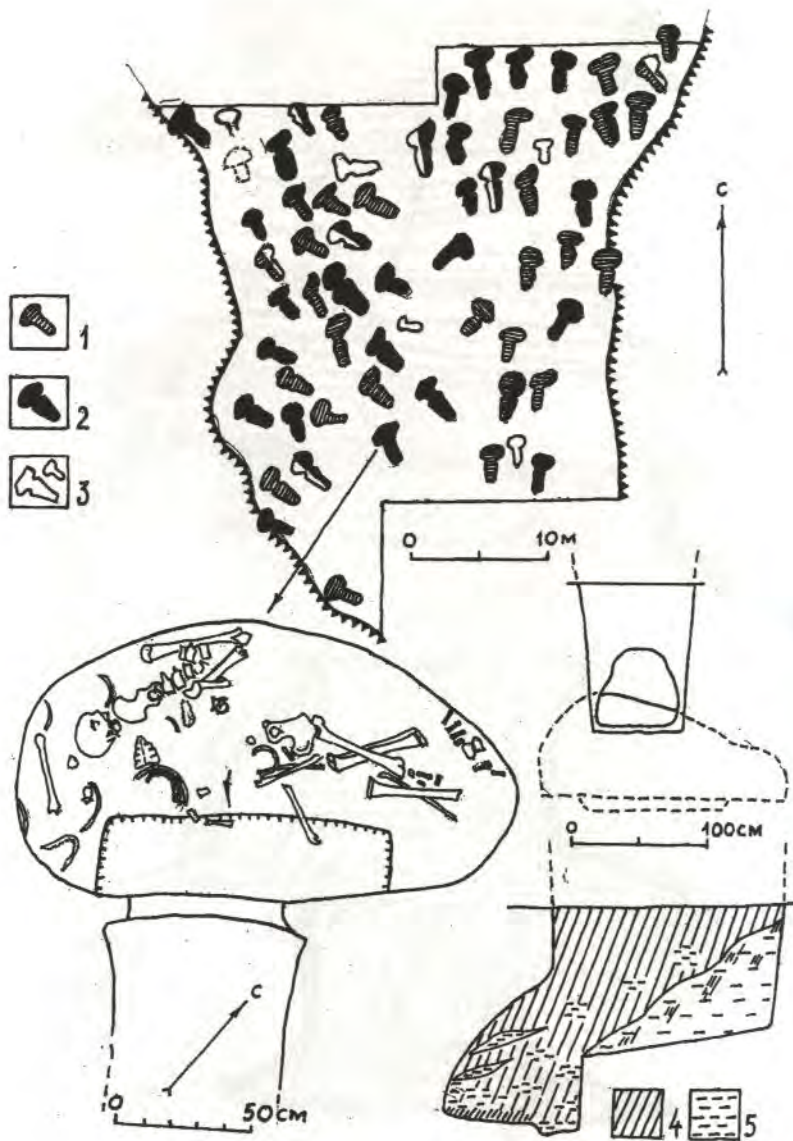


Рис. 52. План наиболее крупного раскопанного на Маяцком могильнике участка и одна из типичных катакомб, исследованных на нем. 1 - мужские захоронения, 2 - женские, 3 - детские, 4 - серый гумусный слой, 5 - глина. Материалы могильника опубликованы Флеровым.



Рис. 53. Всадник-пограничник, погребенный в катакомбе №52 Дмитриевского могильника. Рисунок О.Федорова.



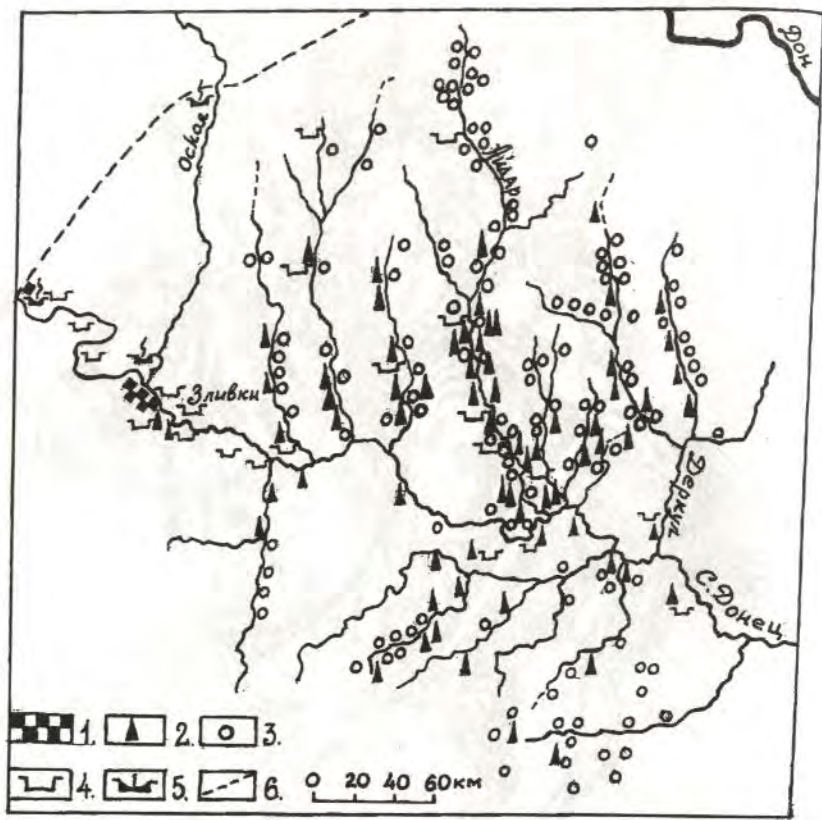


Рис. 54. Карта памятников степного региона Среднедончья (составлена по материалам К.И.Красильникова и частично - В.К.Михеева). 1 - городища, 2 - поселения, 3 - кочевья, 4 - могильники "зливкинского" типа, 5 - трупосожжения, 6 - граница степи с лесостепью.

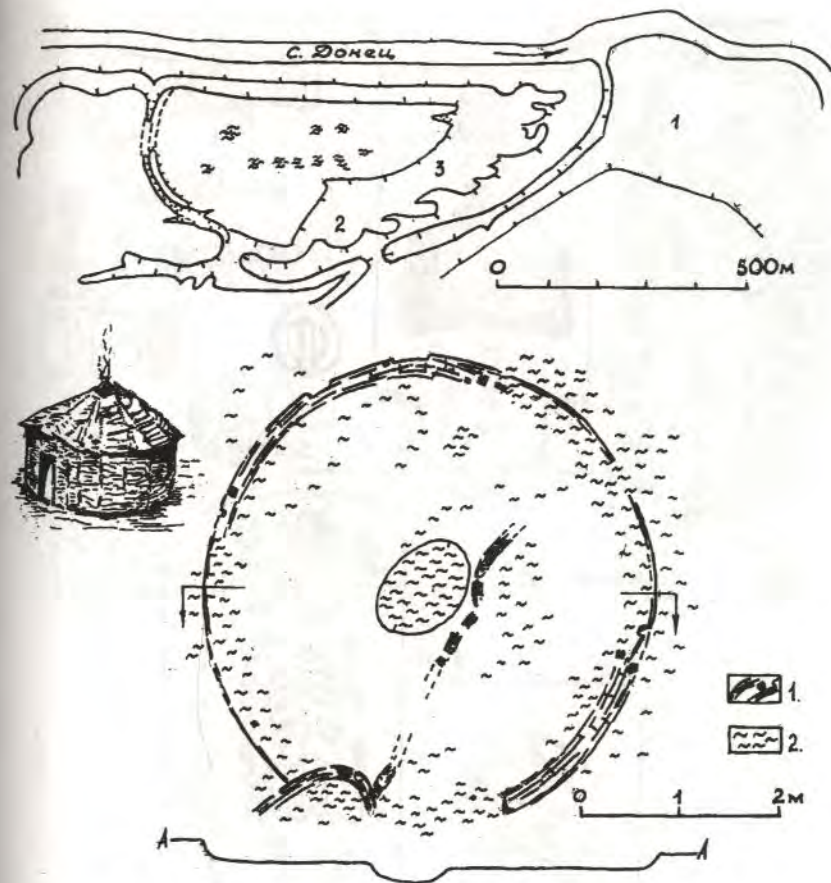


Рис. 55. План городища Маяки и сгоревшая "юрта" со стенами из плетня. 1 - сгоревшие жерди, 2 - зола. Материалы взяты из книги Михеева.



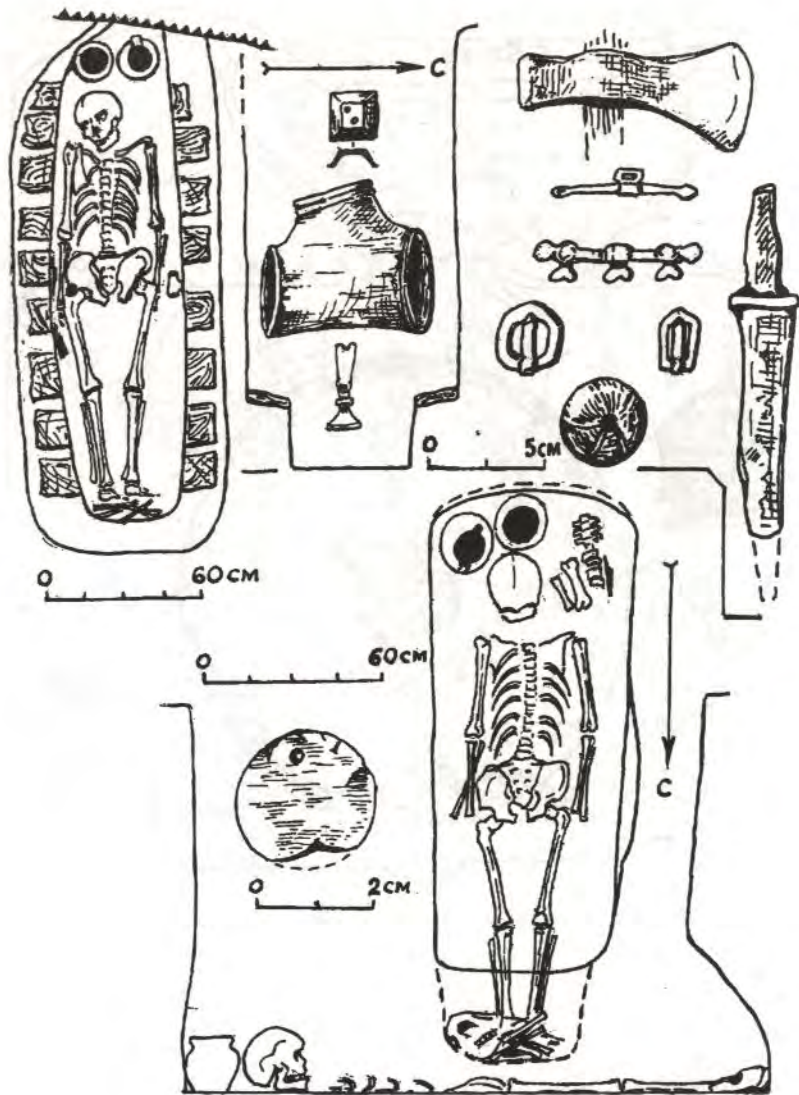


Рис. 56. Захоронения воина и хирурга в могильнике у с.Желтое (материалы опубликованы Краси́льниковым).

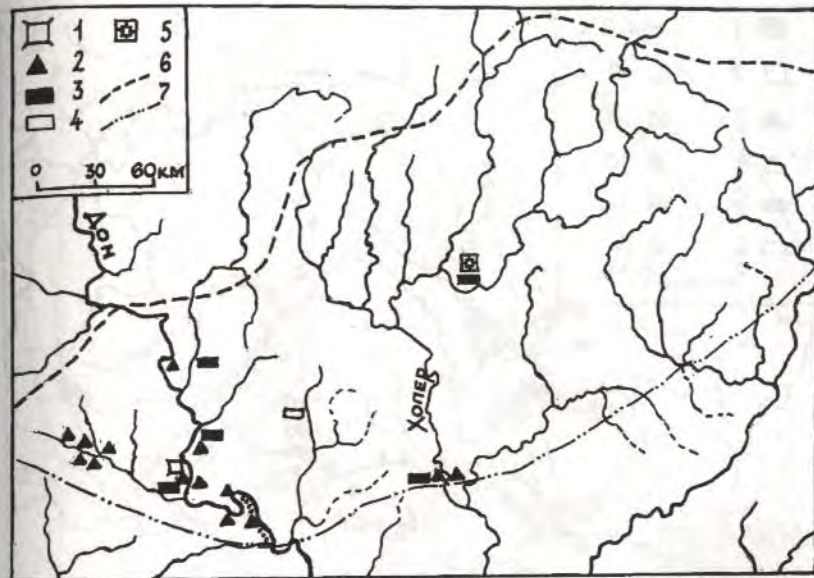


Рис. 57. Карта памятников в степях бассейна Среднего Дона. 1 - городище, 2 - селища, 3 - ямные могильники, 4 - тип захоронения неясен, 5 - святилище-лабиринт, 6 и 7 - два варианта границы степи с лесостепью.



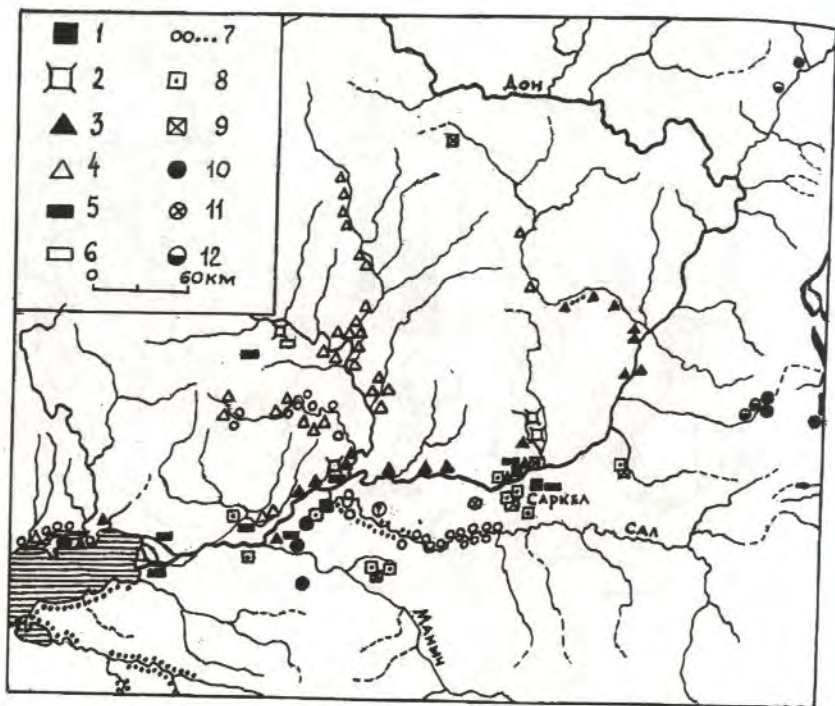


Рис. 58. Карта памятников в степях бассейна Нижнего Дона и частично Приазовья. 1 - городища с каменными и кирпичными стенами, 2 - городища с земляными валами, 3 - сельскохозяйственные большие поселения, 4 - стационарные кочевья, 5 - ямные погребения, 6 - погребения неясного типа, 7 - кочевья и "обитаемые полосы", 8 - курганы с квадратными ровиками, 9 - курганы-кенотафы, с квадратными ровиками, 10 - курганы с круглыми ровиками, 11 - курганы-кенотафы с круглыми ровиками, 12 - курганные погребения типологически близкие погребениям курганов с ровиками.

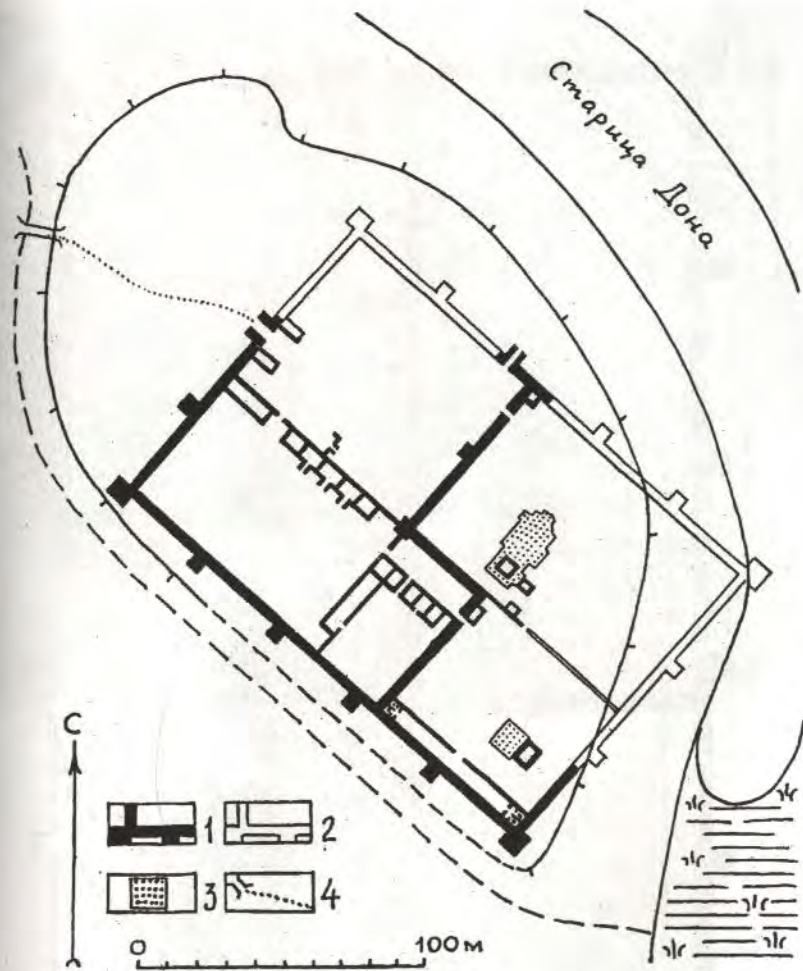


Рис. 59. Общий план крепости Саркел, поставленной на искусственном острове. 1 - открытые раскопками стены Саркела, 2 - нераскопанные и разрушенные обвалом стены, 3 - площадки, замощенные кирпичом, 4 - предполагаемый мостик и дорога к Главным воротам крепости.



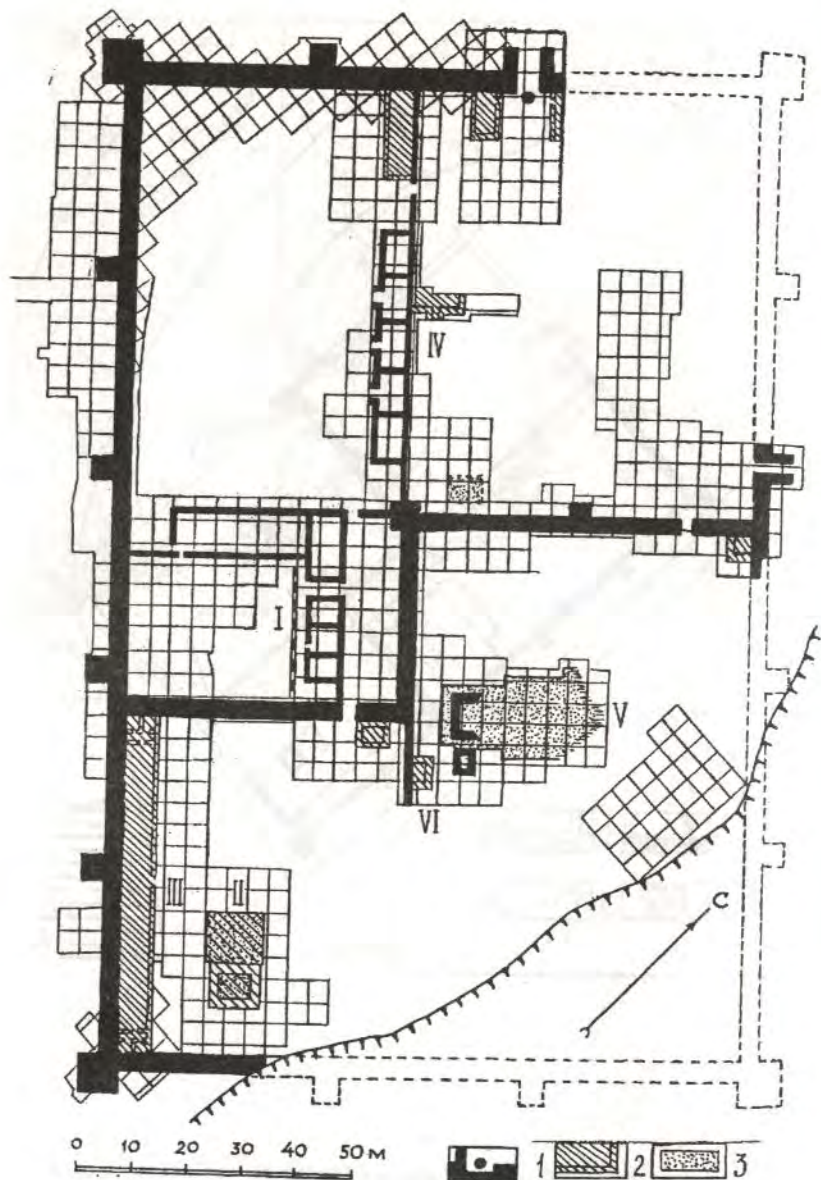


Рис. 60. План крепости и раскопов на ней. Римскими цифрами обозначены номера основных построек. 1 - открытые археологами стены крепости, поставленные в первый период строительства, видимо, с участием византийских специалистов, 2 - здания, выстроенные самими хазарами, 3 - площадки, вымощенные кирпичом.

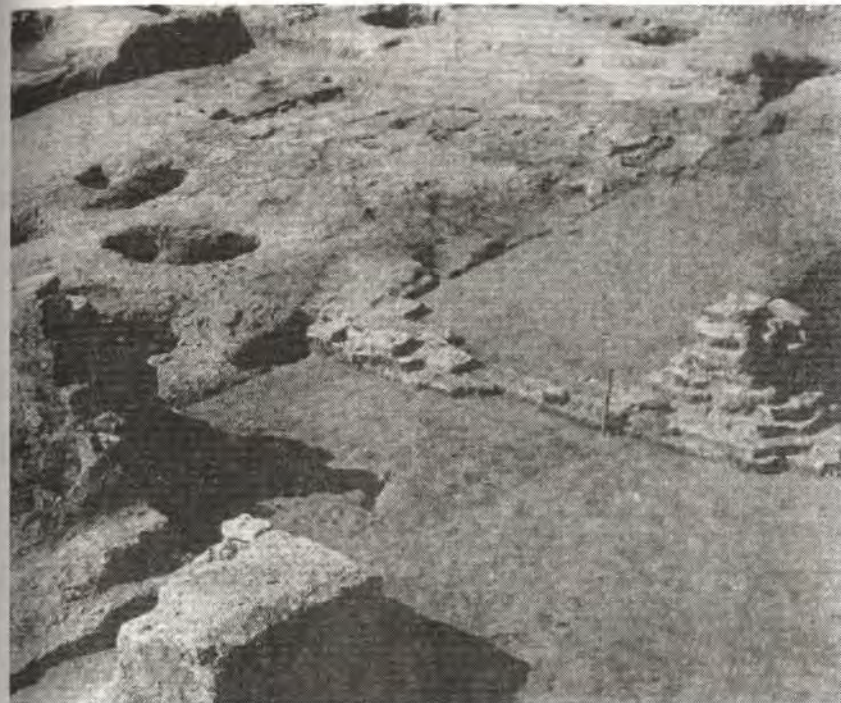


Рис. 61. Отпечатки кирпичей на материке от стен крепости, разобранных до основания.



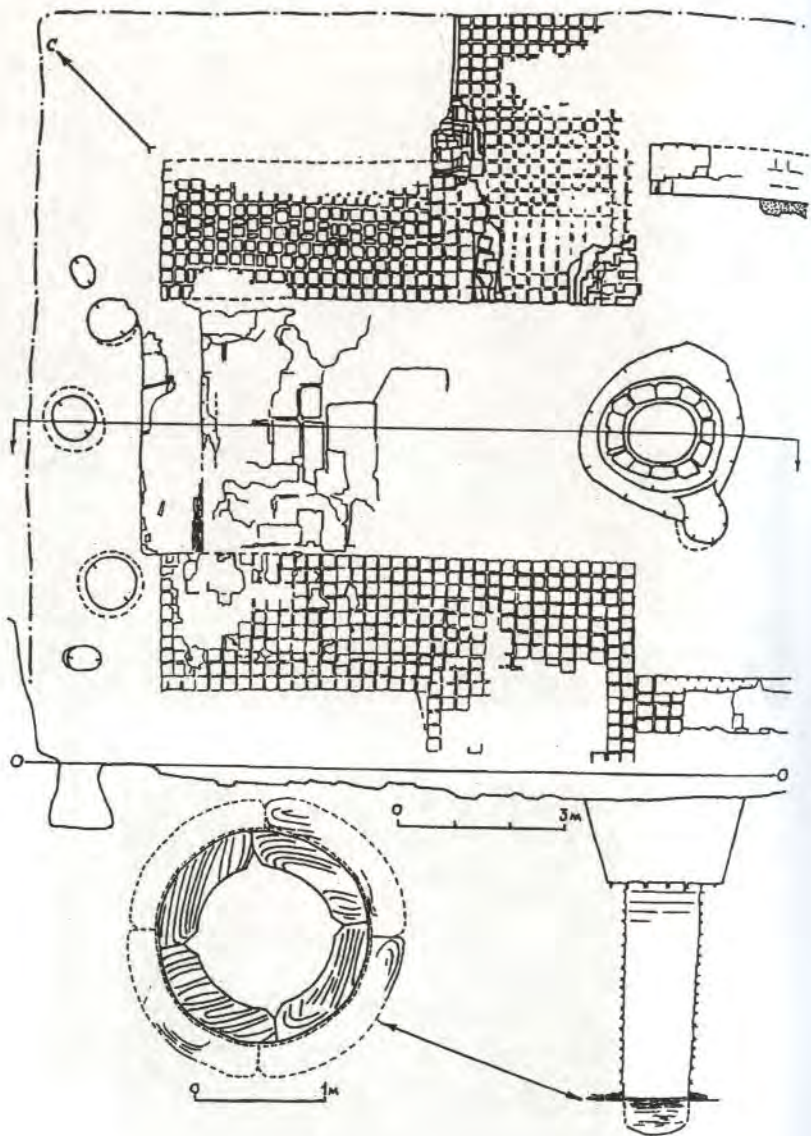


Рис. 62. Главные ворота крепости. В проезде ворот - белокаменный колодец.

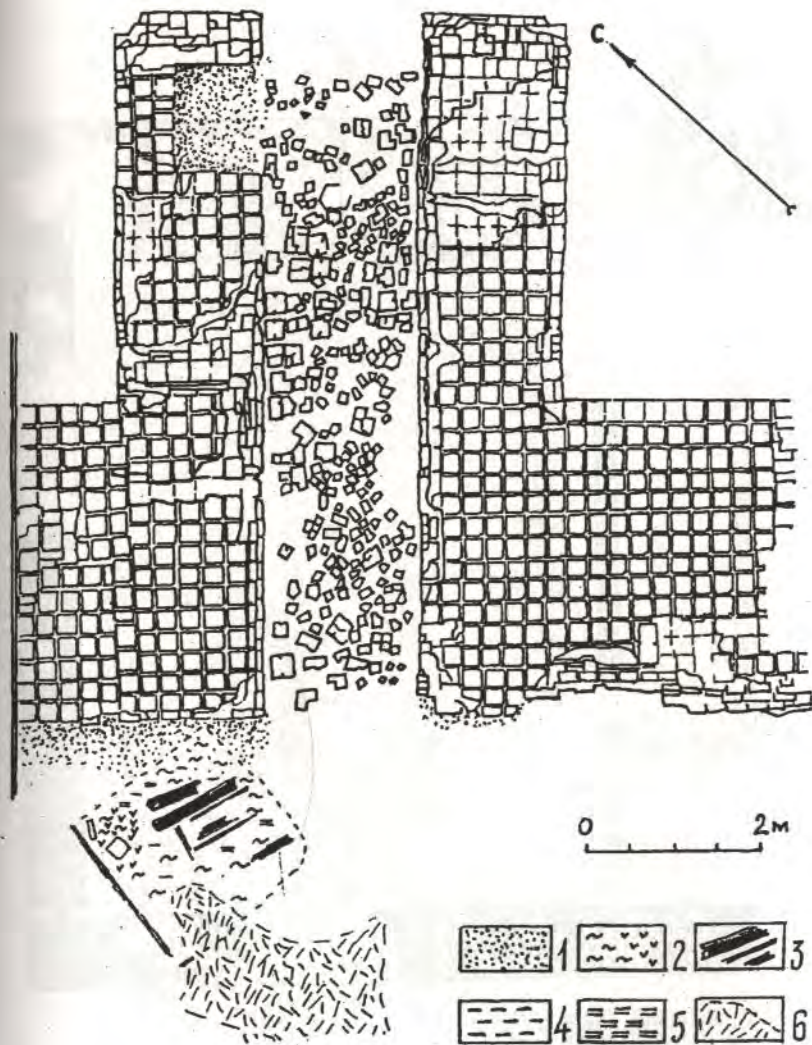


Рис. 63. Речные ворота. 1 - известковый пол в сторожке и известковая отмостка у стены, 2 - зола, уголь, 3 - глина, 4 - обожженная поверхность, 5 - участок мостовой из обломков амфор и челюстей коров.



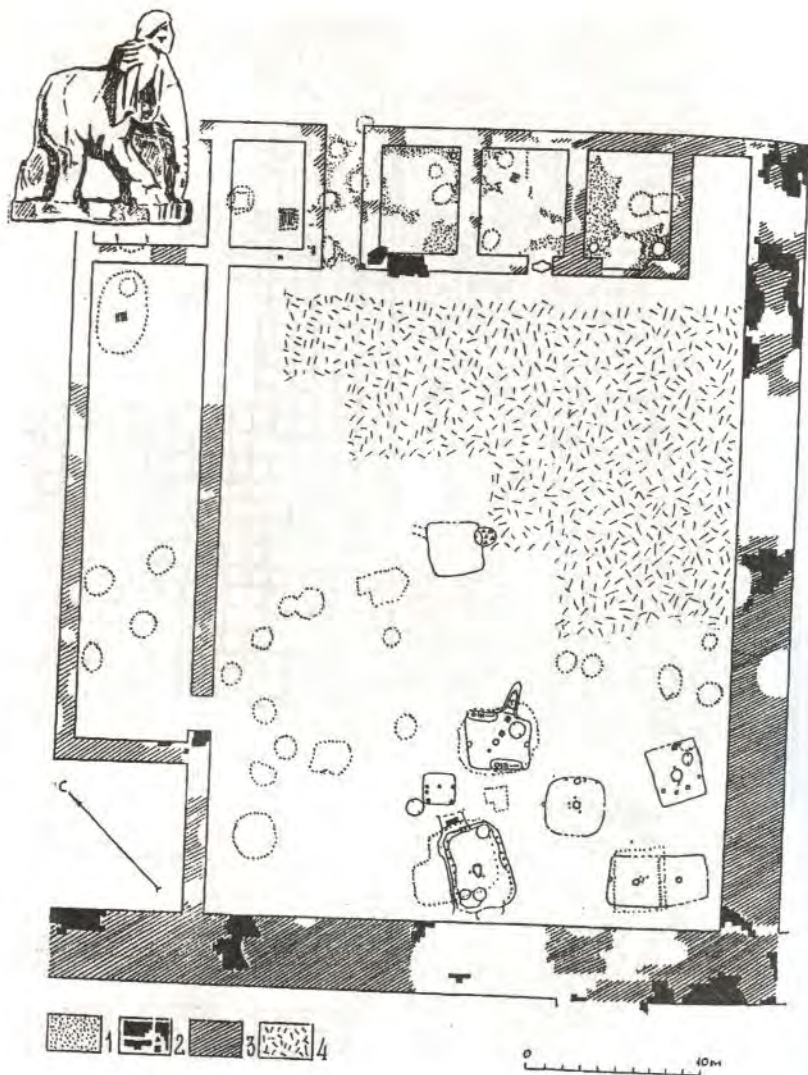


Рис. 64. I караван-сарай. Точками околнурены постройки и ямы второго периода застройки Саркела. Шахматная фигурка в одном из жилищ первого периода. 1 - известковая заливка пола, 2 - остатки кирпичных кладок, 3 - отпечатки кирпичей, 4 - нераскопанный участок.

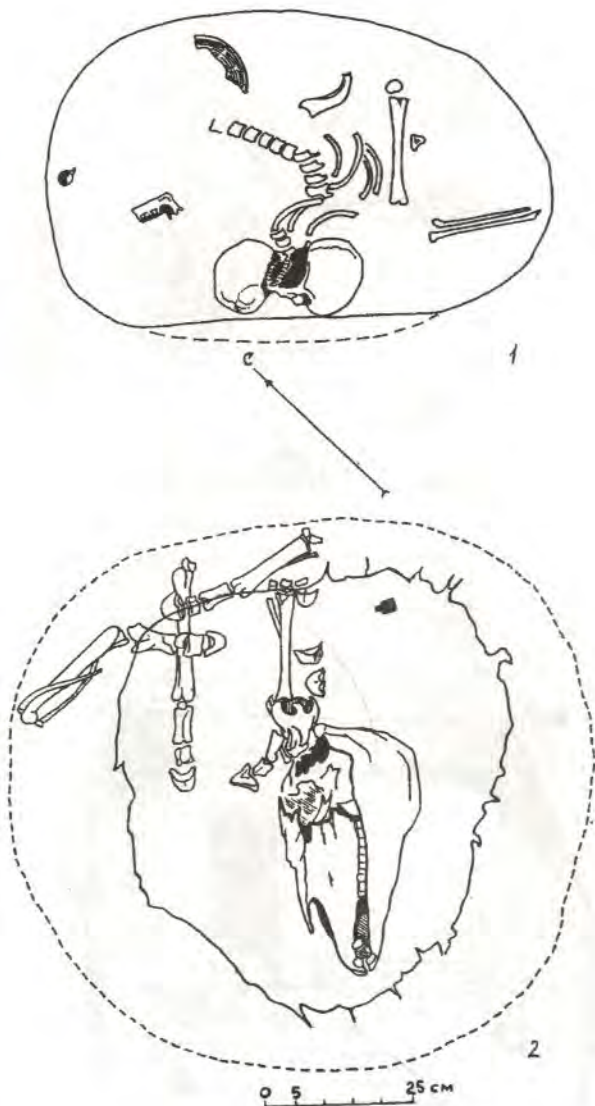


Рис. 65. Закладные жертвы в караван-сарайе: части скелетов женщины и ребенка в яме на пороге одной из комнат и захоронение головы и отчлененных ног коня в круглой яме другой комнаты.



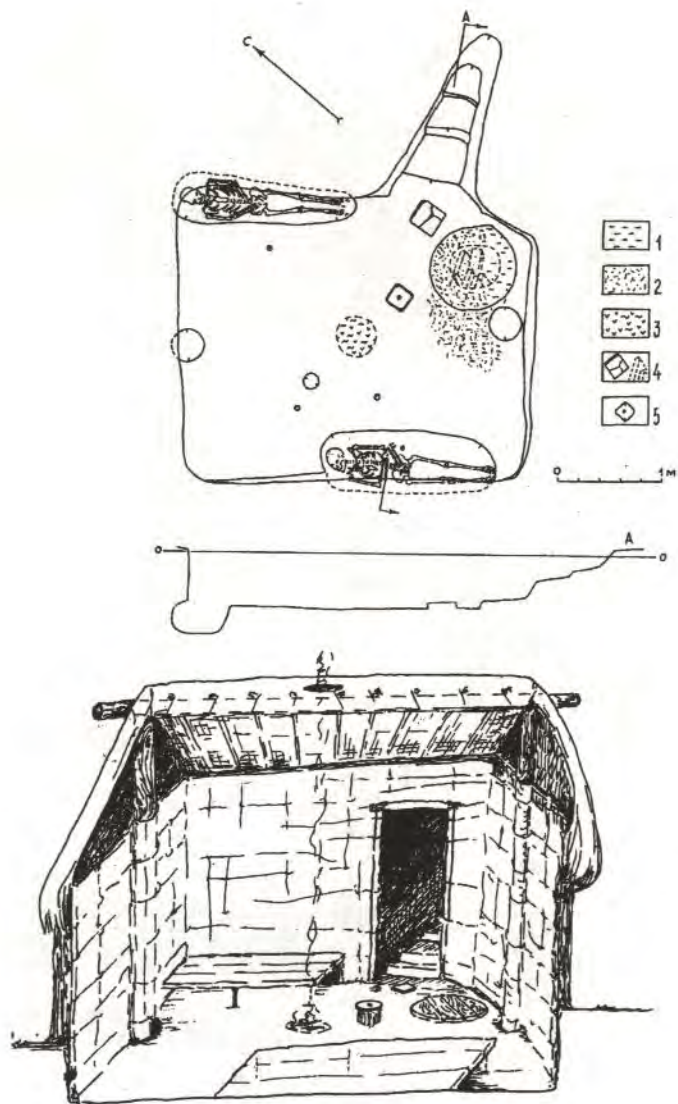


Рис. 66. Жилище гончаров-братьев, в котором они были захоронены. 1 - глина, 2 - производственная глина, 3 - зола, угли, 4 - кирпичи, 5 - основание гончарного круга.

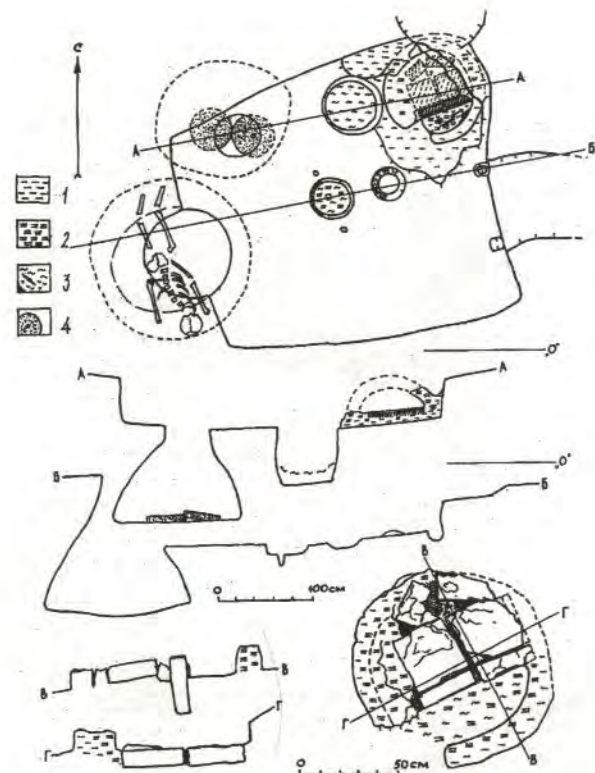


Рис. 67. Жилище с печью (возможно, хлебной) и очагом в центре пола. 1 - глина, 2 - обожженная глина, 3 - зола, угли, 4 - жернова.



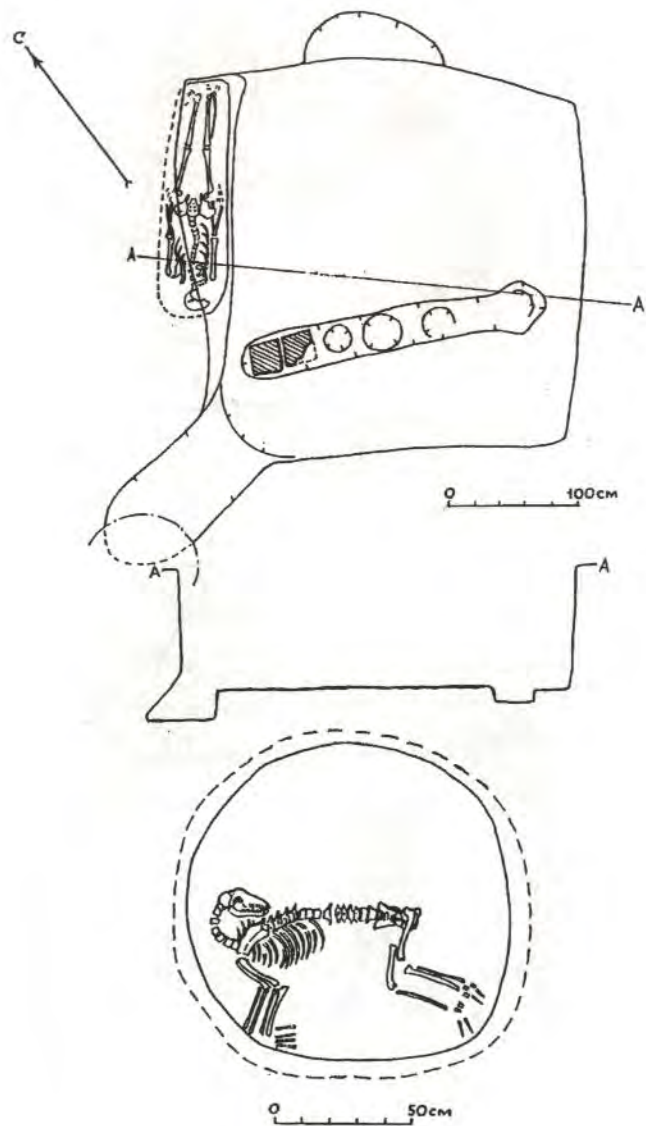


Рис. 68. Погреб с перегородкой и подбойным погребением женщины. Захоронение собаки в круглой яме.

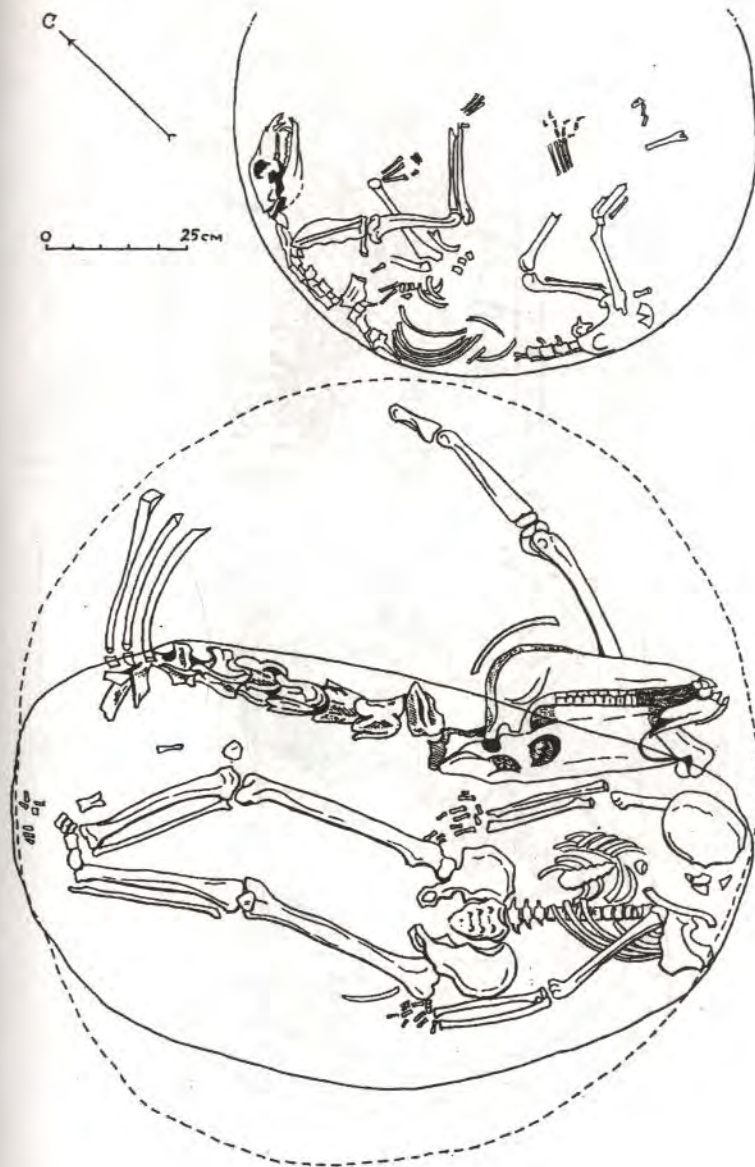


Рис. 69. Захоронение собаки в круглой яме. Захоронение мужчины с костями коня в круглой яме.



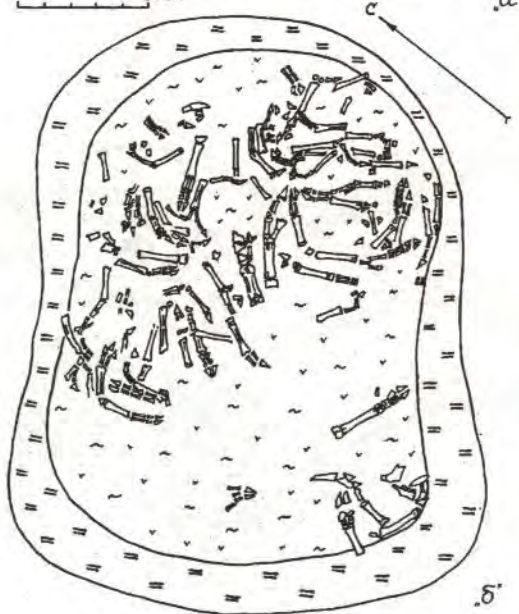
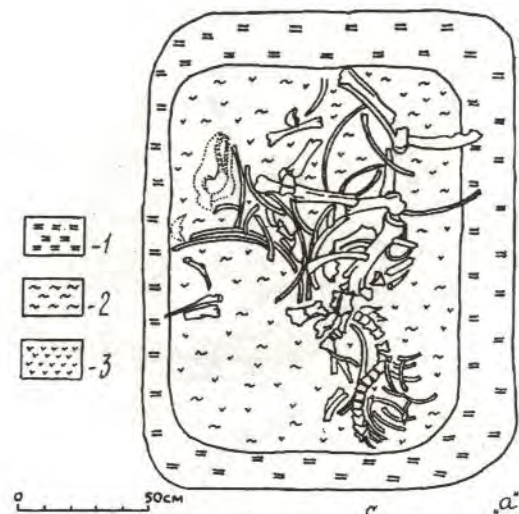


Рис. 70. Два крупных жертвоприношения в прокаленных докрасна ямах: в одной - кости собаки, теленка, овцы; в другой - не менее двух десятков овец. 1 - обожженная поверхность материка, 2 - зола, 3 - угли.

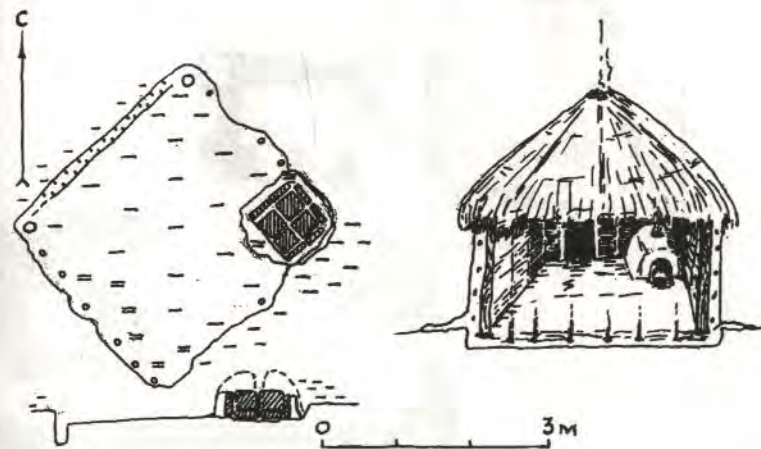
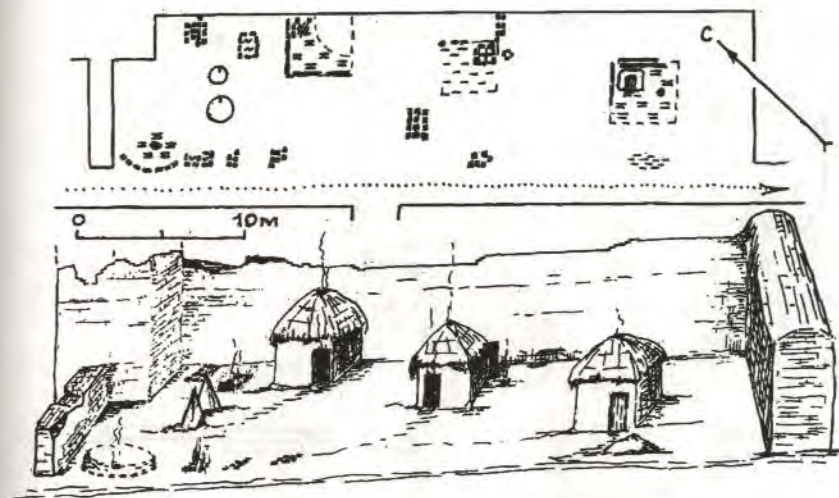


Рис. 71. Турлучный домик с печью, сложенной из кирпичей и начало формирования уличной планировки во второй период жизни Саркела.



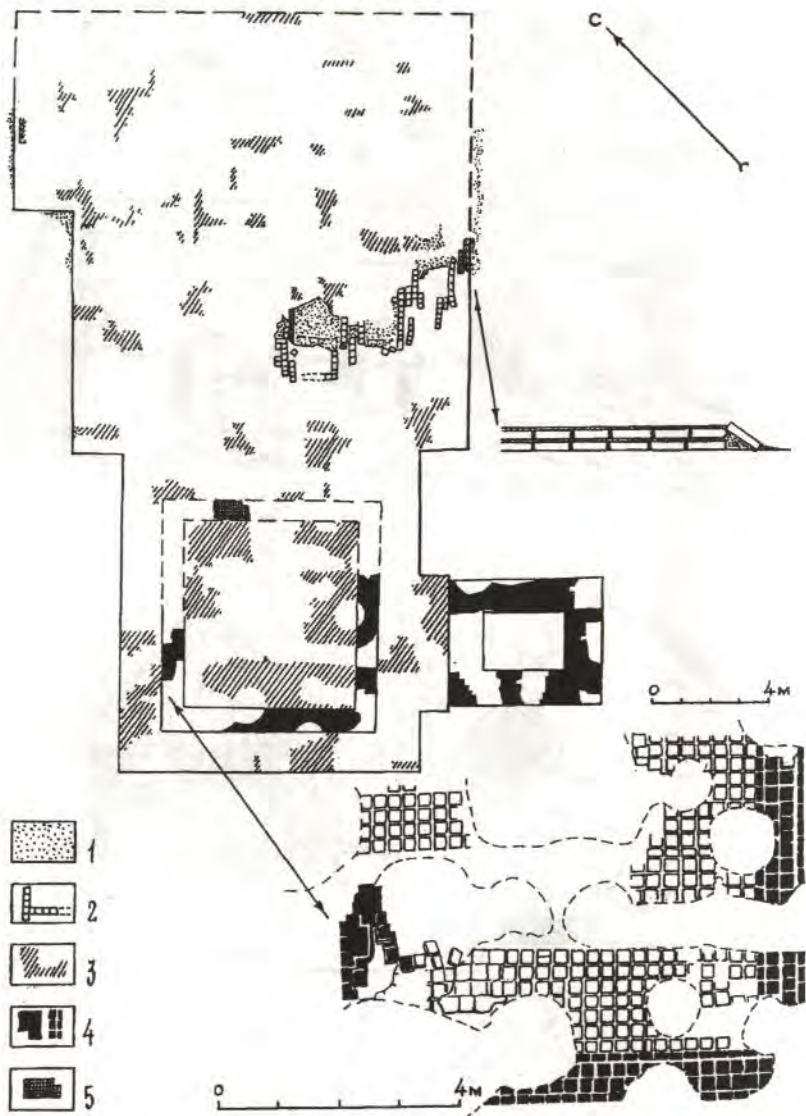


Рис. 72. Остатки общественного здания на кирпичной платформе. Сохранность платформы и здания на ней, а также небольшой постройки рядом очень плохая - остались только в основном пятна отпечатков кирпичей. 1 - известковая заливка, 2 - кирпичные кладочки на глиняном растворе, 3 - отпечатки кирпичей, 4 - остатки кладок стен обоих зданий, 5 - отпечаток вероятно проходившей здесь стены.

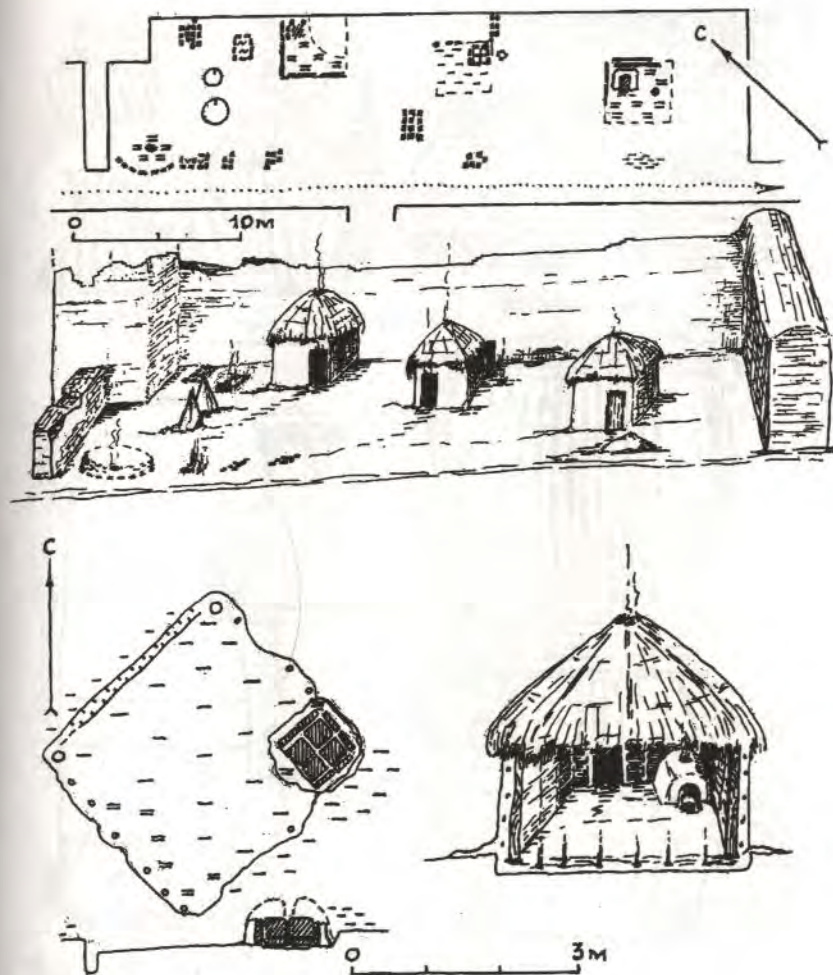


Рис. 73. Турлучный домик с печью, сложенной из кирпичей и начало формирования уличной планировки во второй период жизни Саркела.





Рис. 74. Лощеная столовая керамика Саркела: миски, кубышки, кувшины, кружки, большие горшковидные сосуды с ручками. Производственная (хозяйственная) посуда: пифос-кувшин и маслобойка.

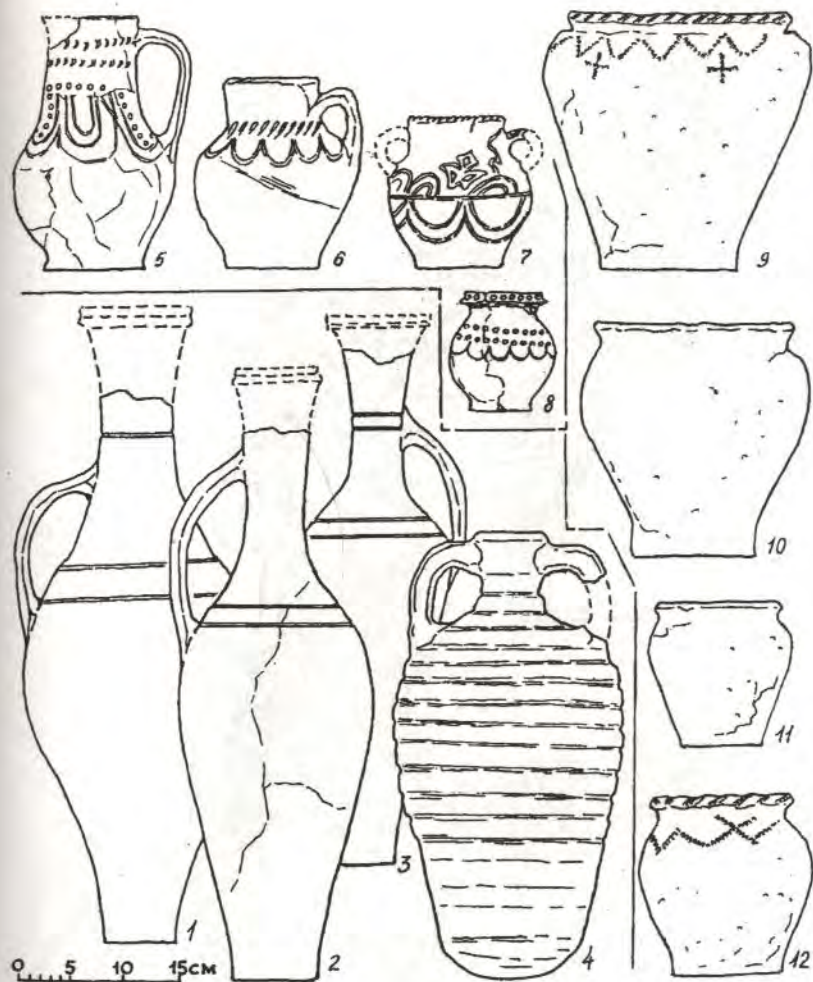


Рис. 75. Керамика, получившая некоторое распространение в конце IX - первой половины X вв.: кувшины "тмутараканского типа", амфоры, боршевская керамика и кочевническая посуда с "пышным" орнаментом.





Рис. 76. Карнауховское поселение. А - зольники, Б - западины жилищ, В - раскопы. План опубликован И.И.Ляпушкиным.

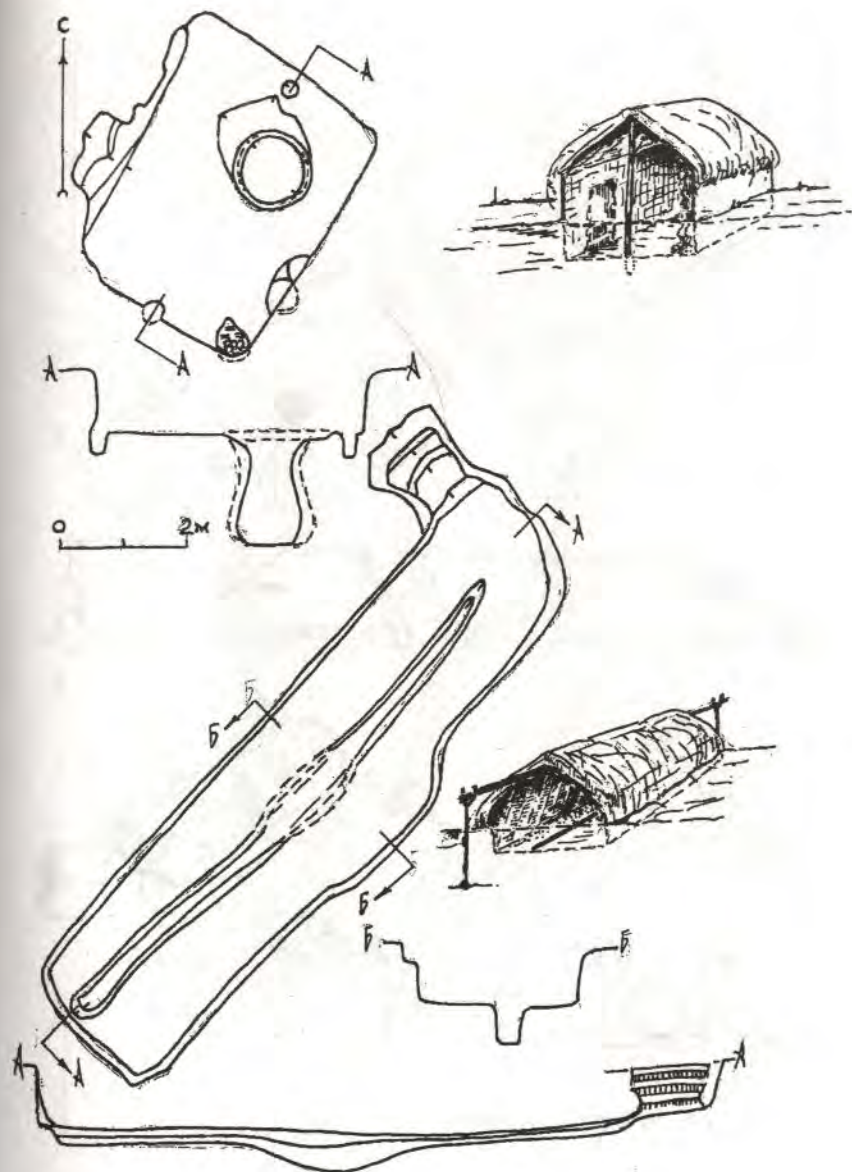


Рис. 77. Жилище-полуземлянка и хозяйственное сооружение - загон для скота. Планы и разрезы помещений опубликованы И.И.Ляпушкиным. Возможная реконструкция построек сделана автором данной книги.



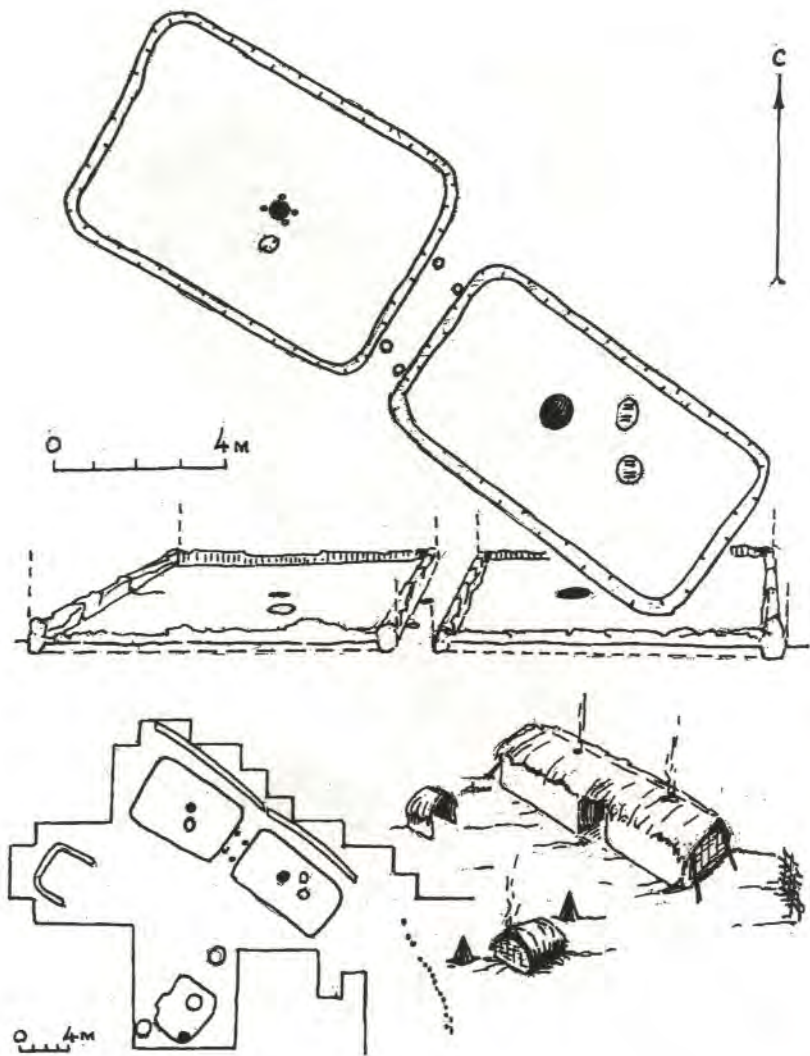


Рис. 78. Наземные хозяйственные сооружения (или летние жилища?) в Карнаукове и вероятная реконструкция хозяйственного комплекса, открытого в одном из раскопов.

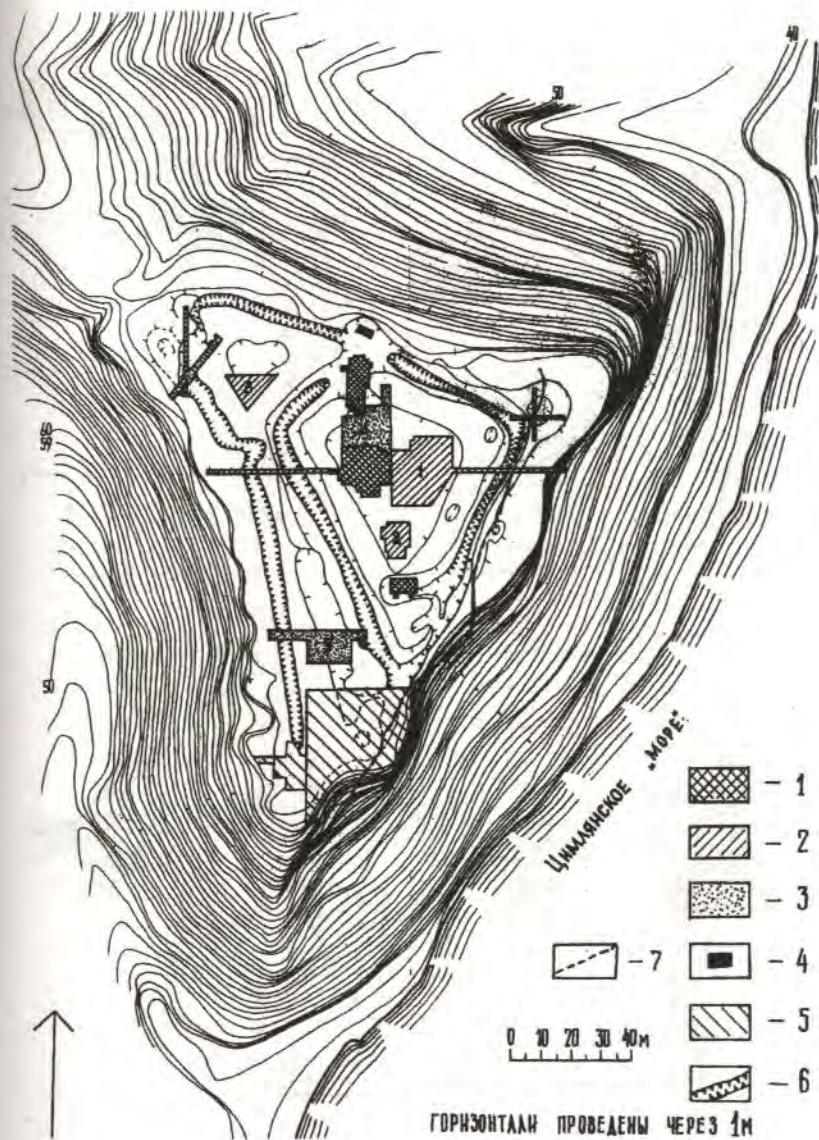


Рис. 79. План Правобережного Цимлянского городища. 1 - раскопы И.И.Ляпушкина, 2 и 3 - раскопы С.А.Плетневой, 4 - основание серединной башни, 5 - раскоп В.С.Флорова, 6 - следы (ложбинки) от разрушенных стен Правобережного замка.



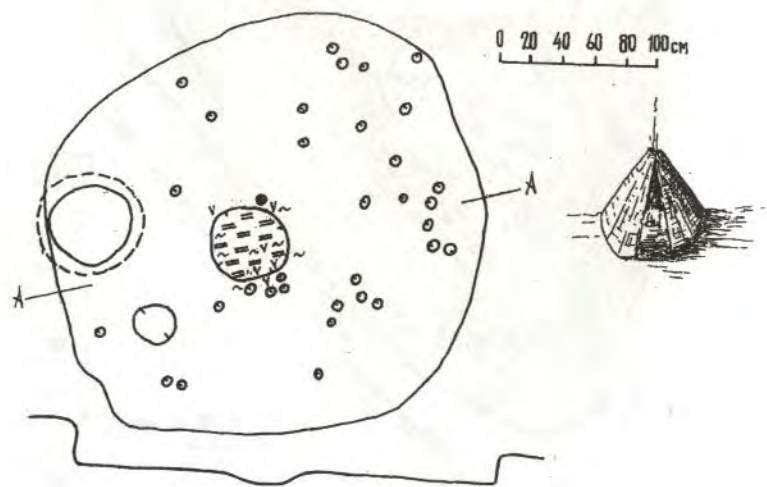
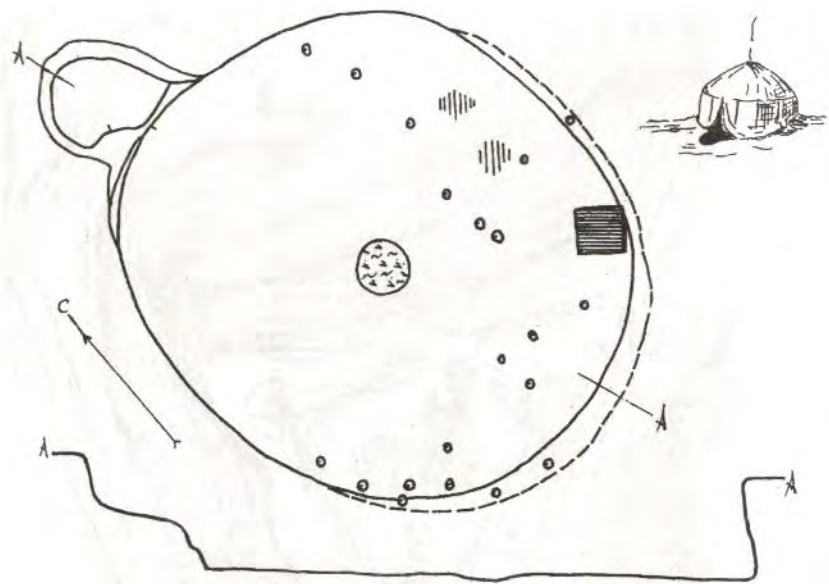


Рис. 80. Круглые юртообразные жилища и их вероятная реконструкция.

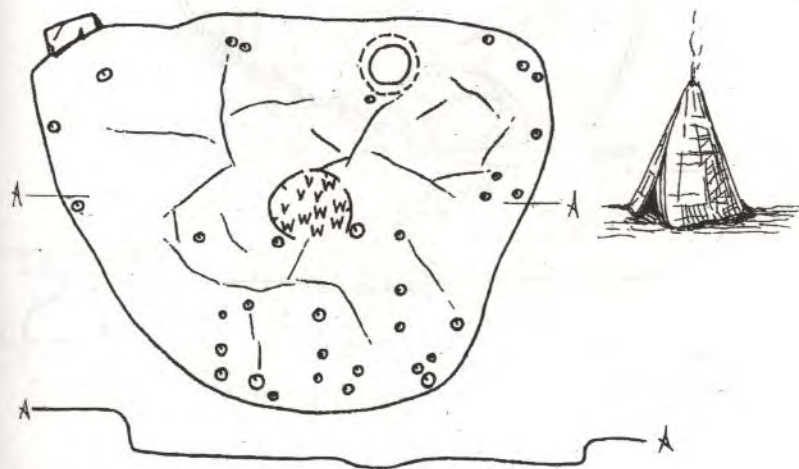
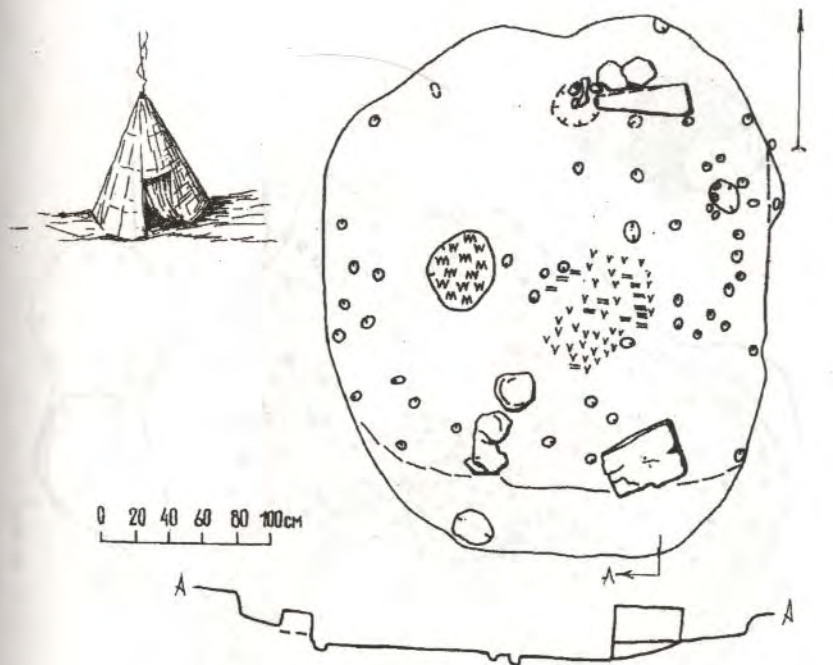


Рис. 81. Юртообразные малые жилища и их вероятная реконструкция.



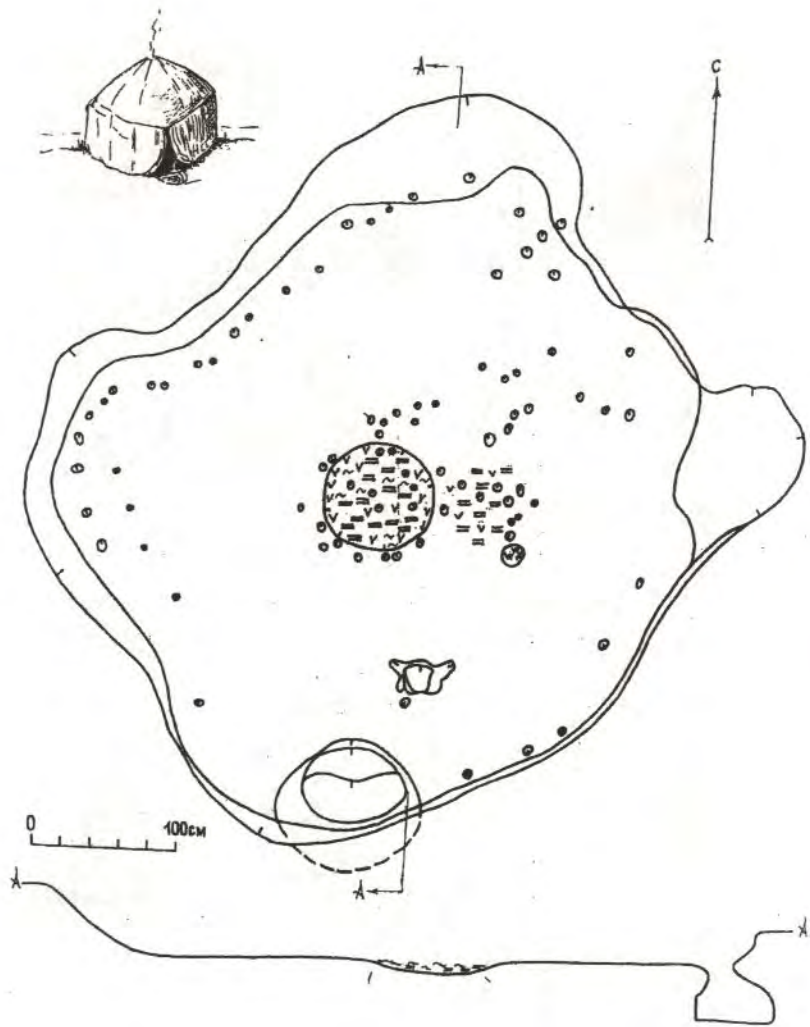


Рис. 82. Почти квадратное (с закругленными углами) жилище и его реконструкция.

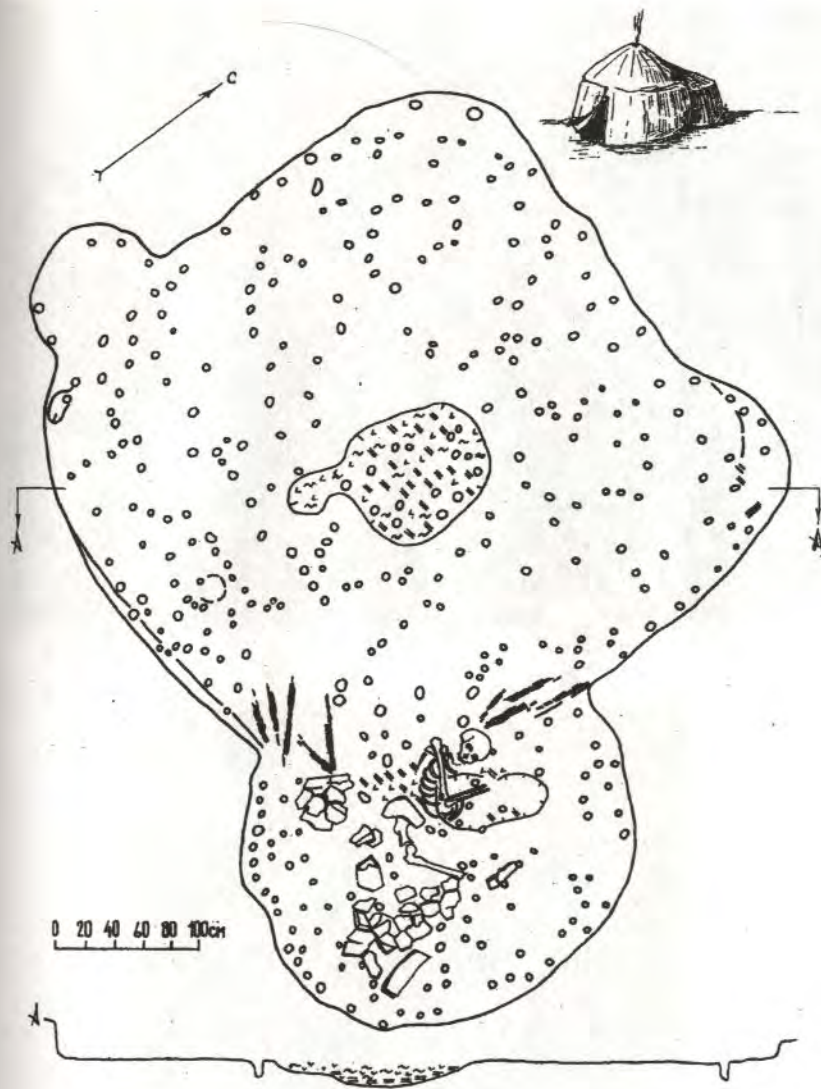


Рис. 83. Юртообразное жилище с пристройкой и его реконструкция. В пристройке обнаружен скелет (сильно разрушенный) убитой, явно непогребенной женщины.



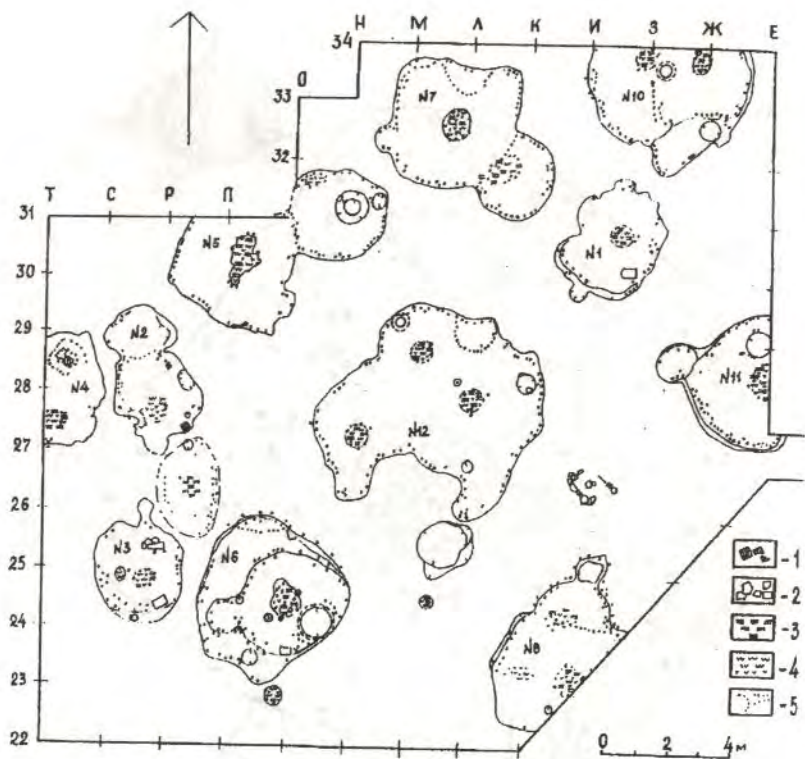


Рис. 84. План открытого в большом раскопе "курень". 1 - кирпичи, 2 - камни, 3 - обожженная поверхность очагов, 4 - зола, угли, 5 - ямки от жердей каркасов юрт.



Рис. 85. Скелеты убитых женщин, растащенные и изгрызенные зверьем.



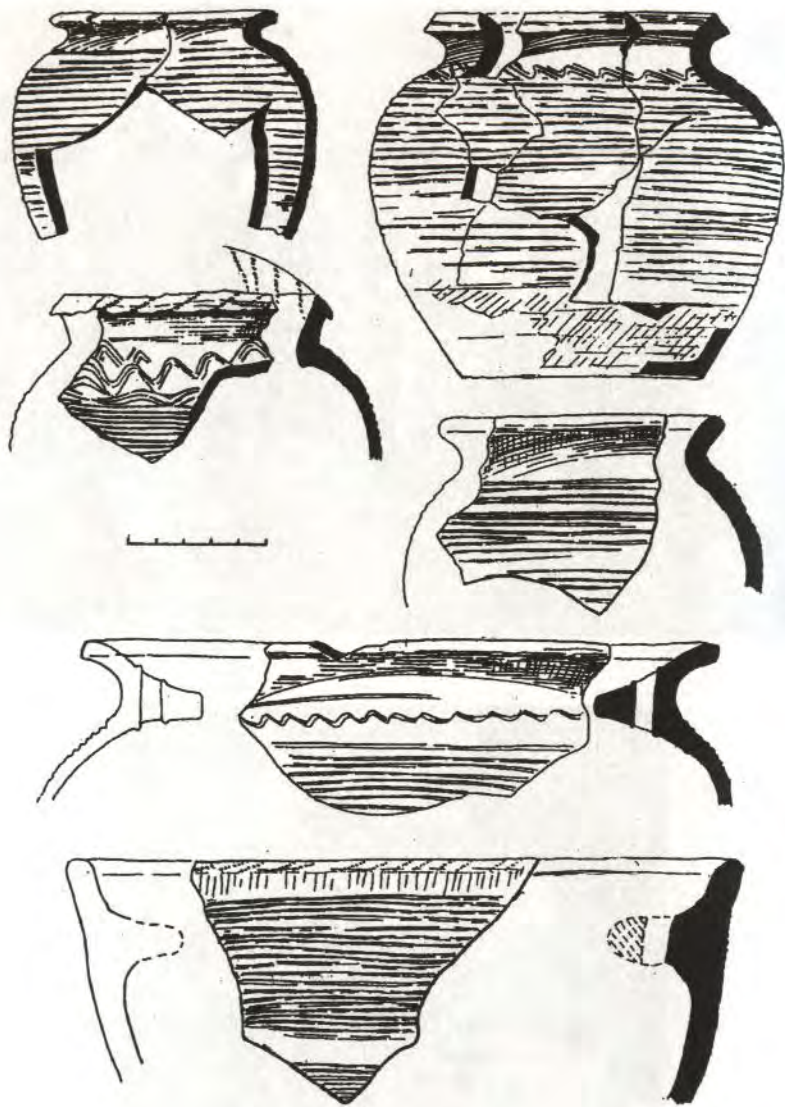


Рис. 86. Кухонная керамика: горшки и котлы с внутренними ушками.

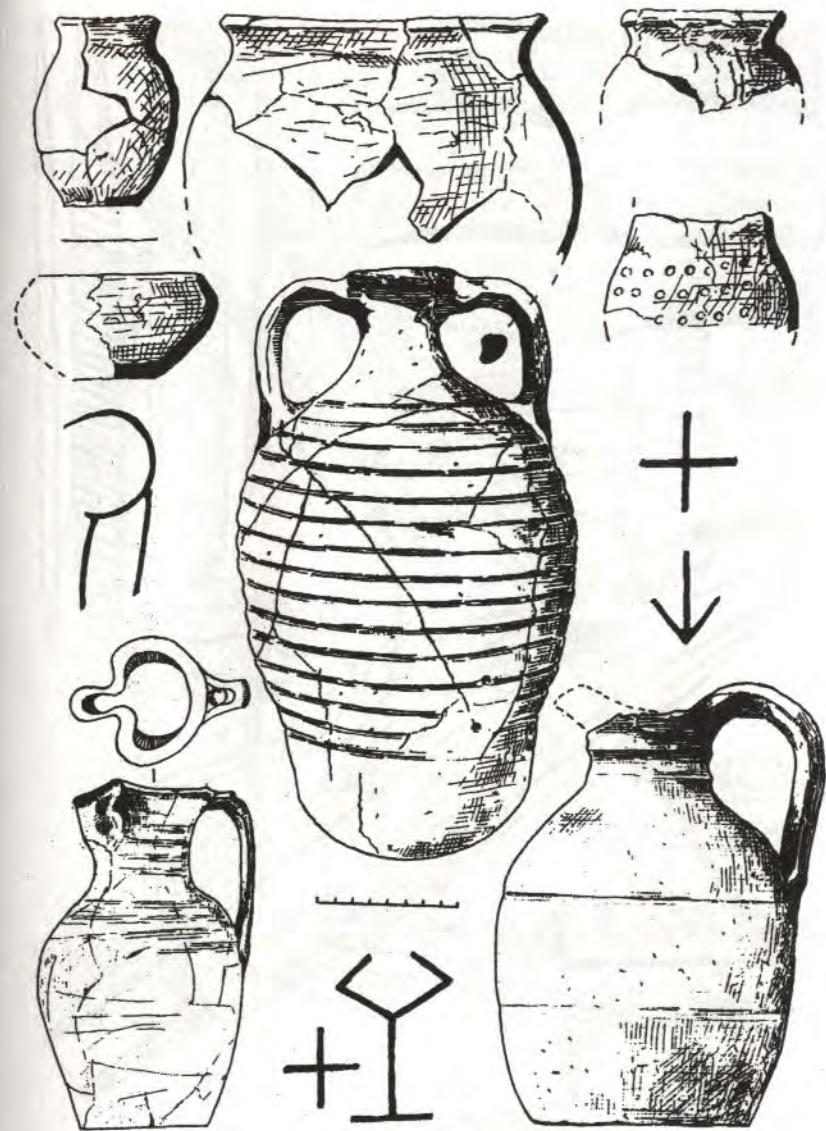


Рис. 87. Лепная и привозная керамика: миски, горшки, амфоры, кувшины. Знаки на кирпичках и камнях.





Рис. 88. Железные орудия труда: кузнечные молотки, ножницы для резки металла, малые ювелирные молоточки и наковаленка, напильники.

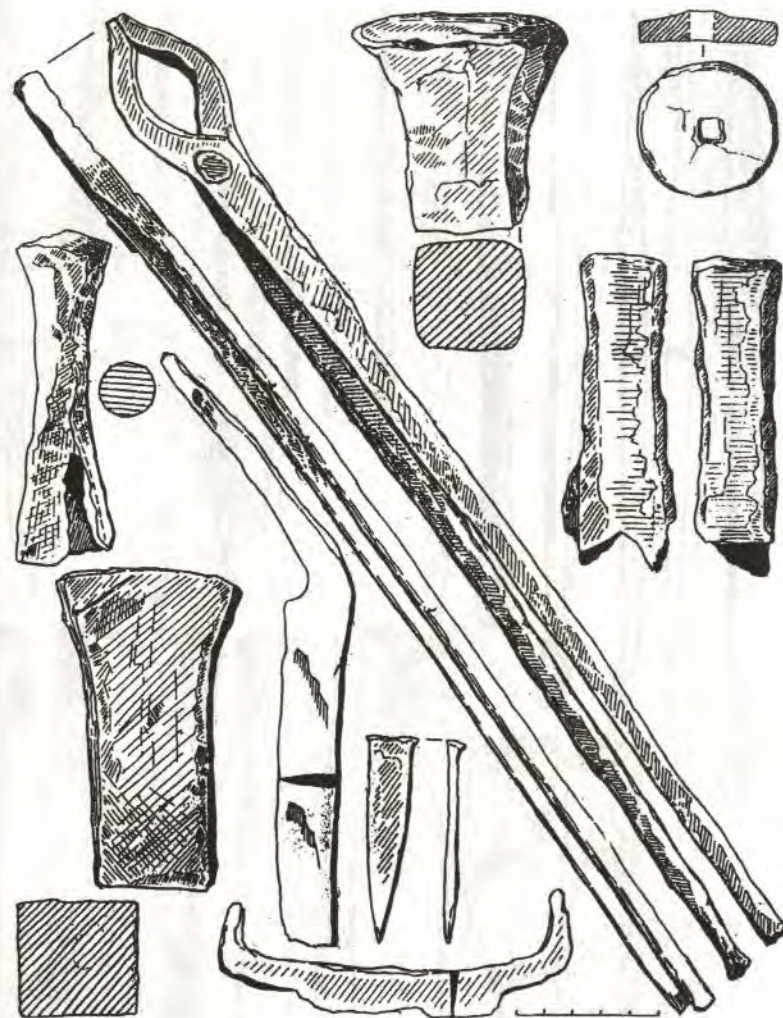


Рис. 89. Железные щипцы, наковаленки и наковальни, пробойник, скребло.



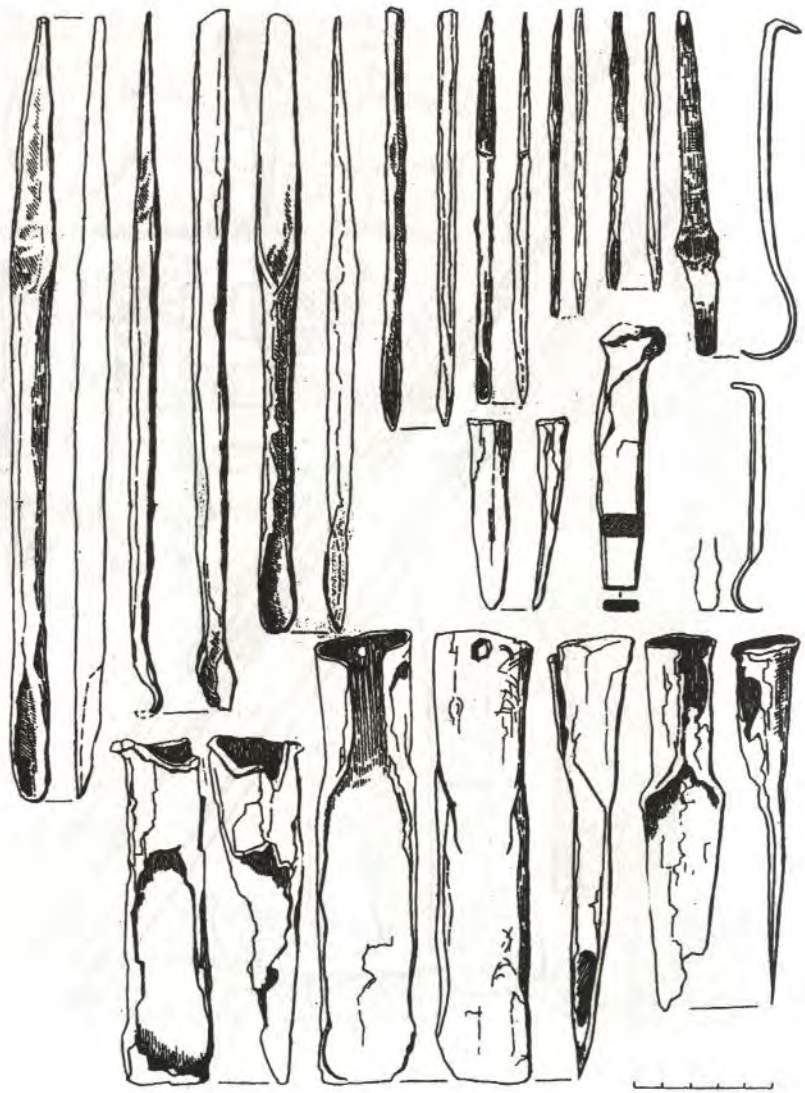


Рис. 90. Железные сверла, ложжари, тесла.



Рис. 91. Сельскохозяйственные орудия: косы, серпы, виноградный нож.



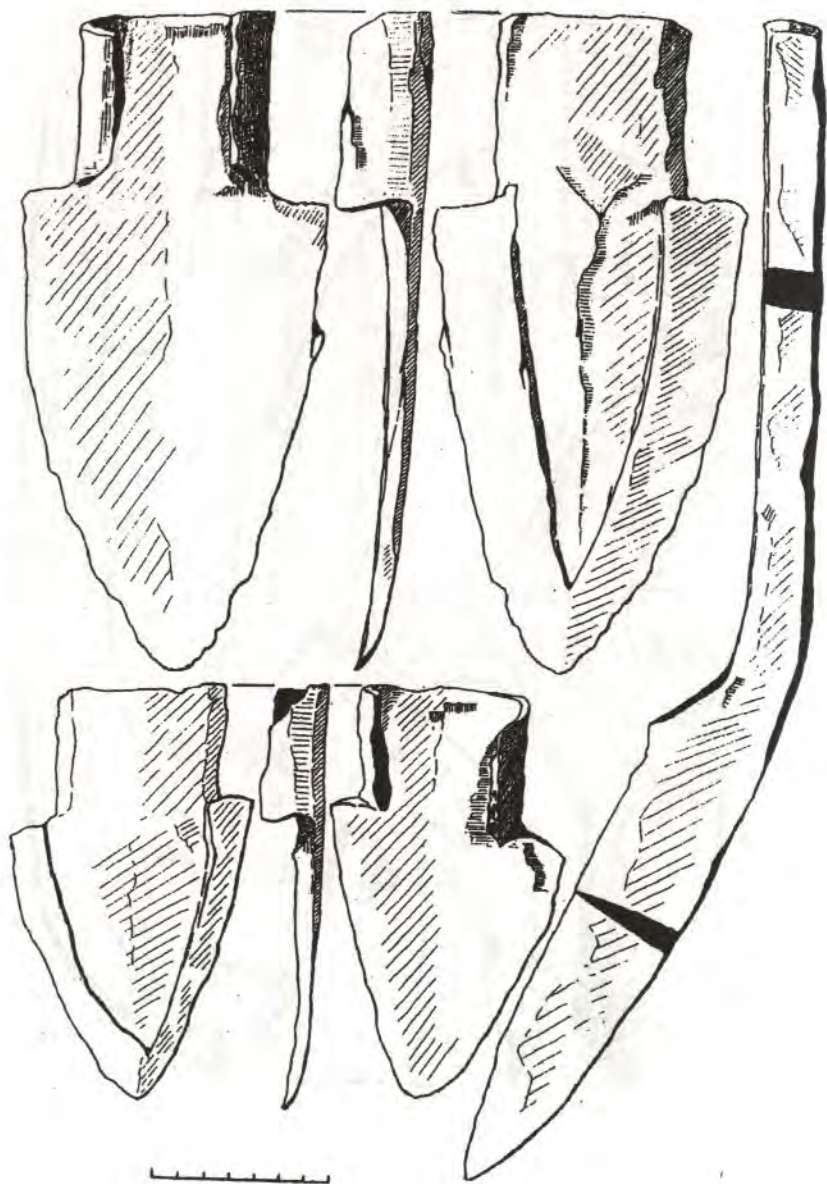


Рис. 92. Пахотные орудия: чересло и лемехи.

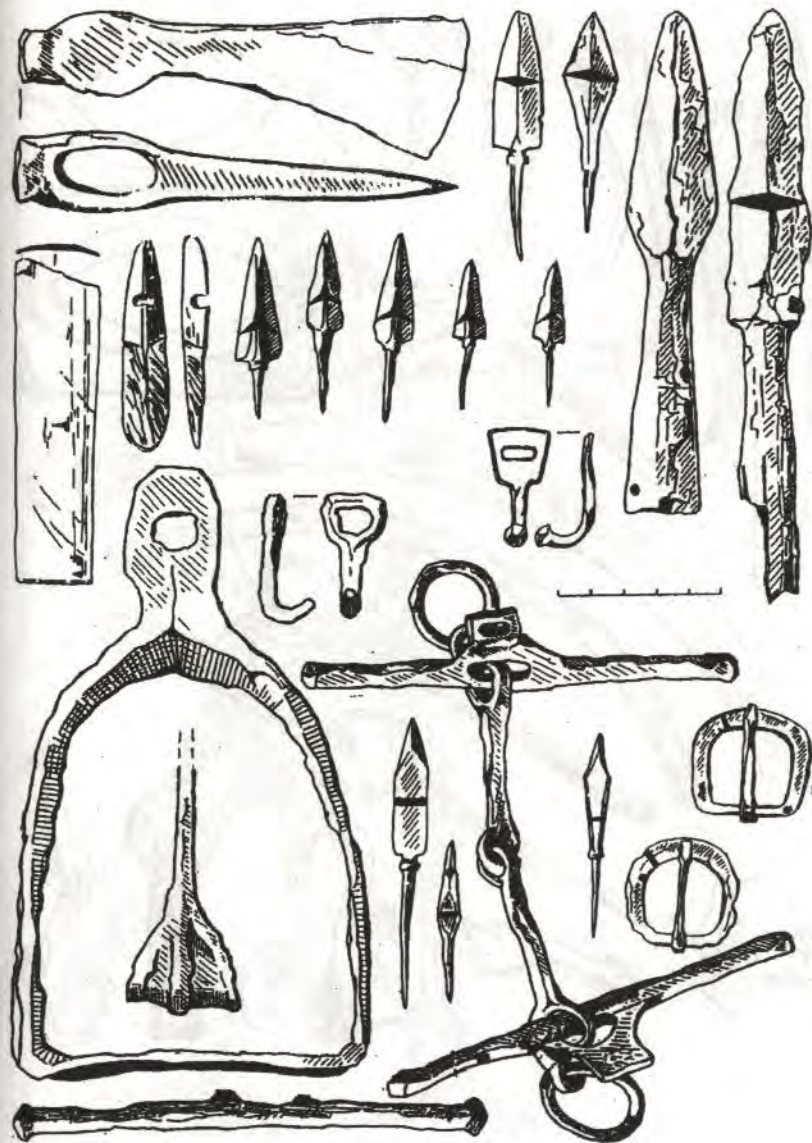


Рис. 93. Оружие: боевой топорик, копья, стрелы, колчаные крючки; сбруя: стреля, удила, подпружные пружки.



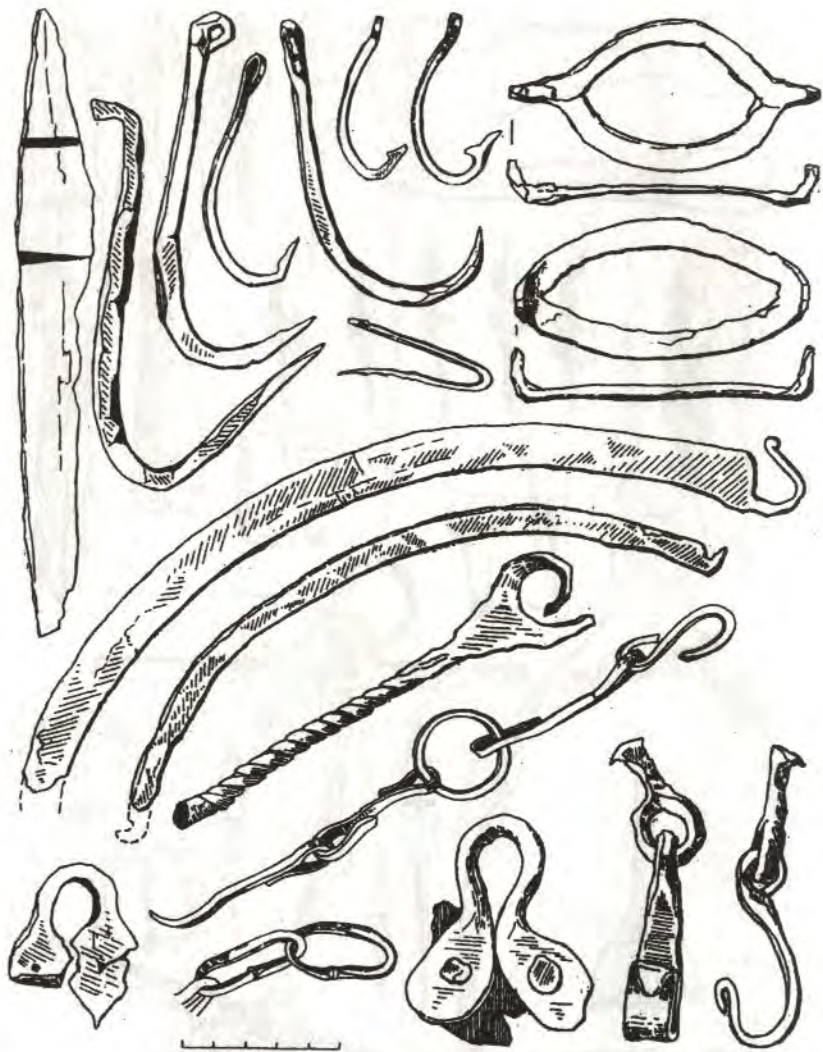


Рис. 94. Разные предметы быта: нож, рыболовные крючки, обломки котлов (железных клепаных казанов), обломок вилки, так называемые железные подковки с шипами для хождения по льду.



Рис. 95. Воин-лучник, погребенный в катакомбе 55 Дмитриевского могильника. Рисунок О. Федорова.



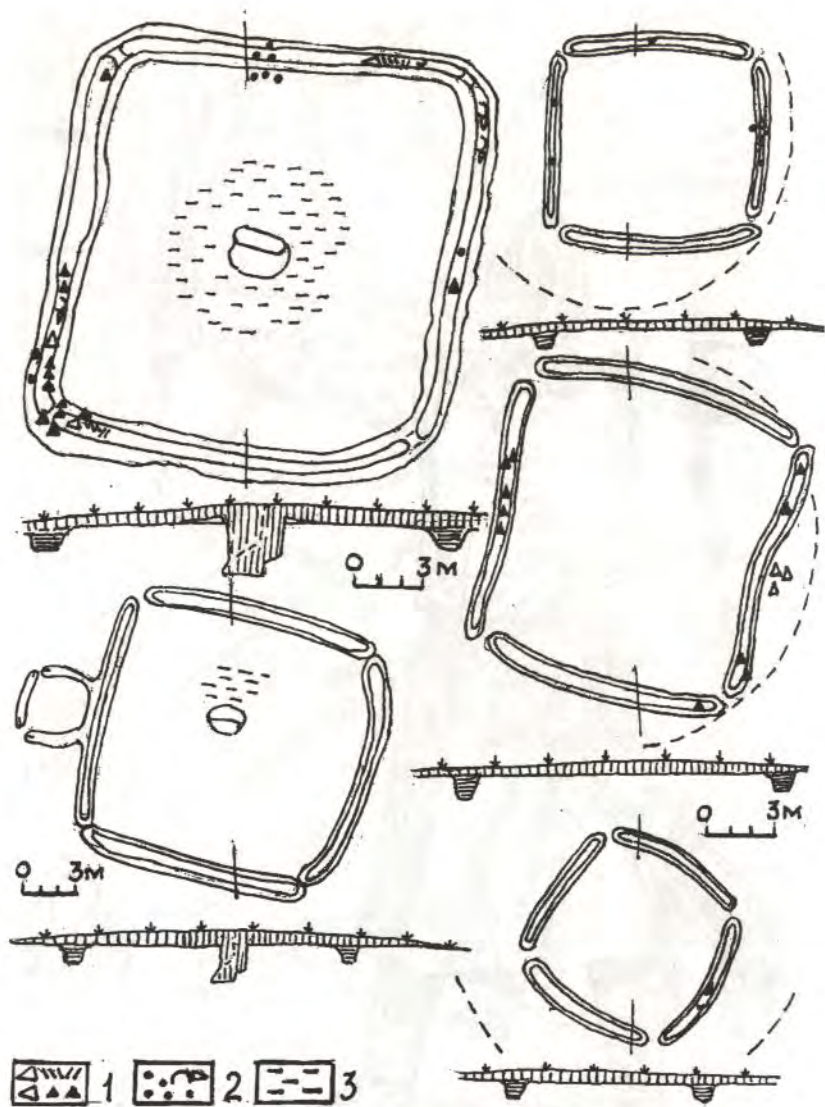


Рис. 96. Квадратные подкурганые ровики с захоронениями в центре и кенотафы. 1 - скелет лошади, головы и кости лошадей, 2 - скелет барана, кости баранов, 3 - глина. Материал опубликован М.В.Власкиным и Л.С.Ильюковым.

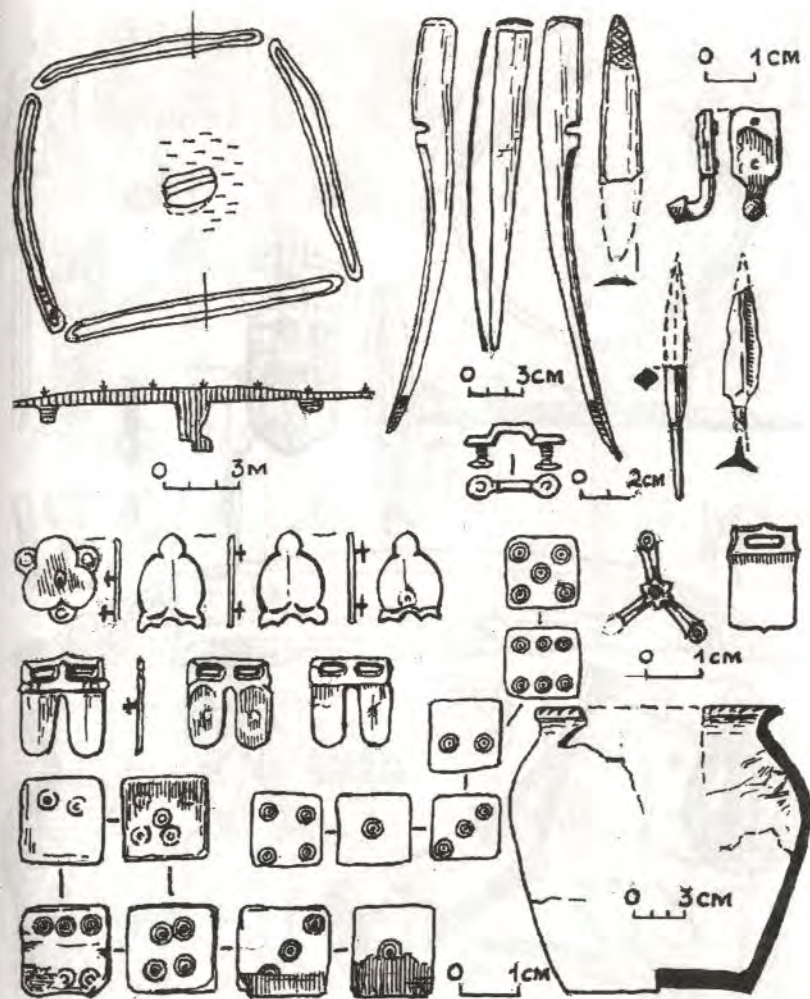


Рис. 97. Погребальный комплекс кургана 3 Кировского (V) могильника. Публикация М.В.Власкина и Л.С.Ильюкова.



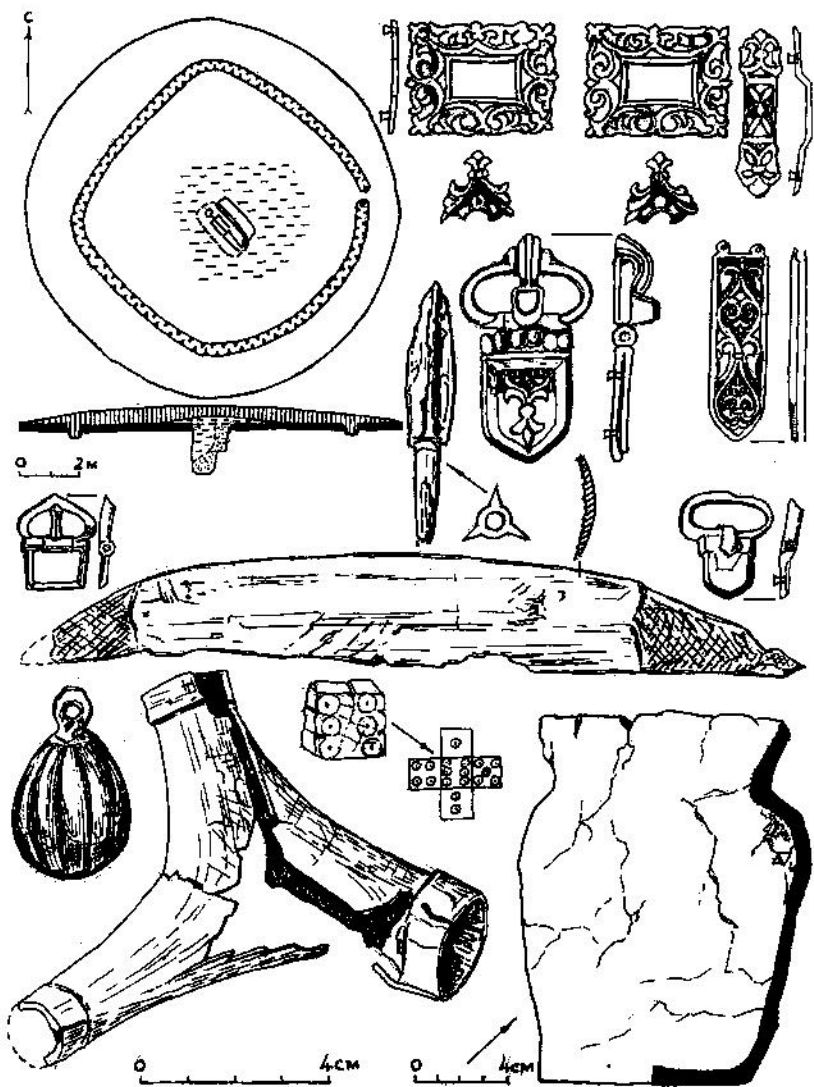


Рис. 98. Курган с квадратным ровиком у хутора Веселый. Погребение не разграблено, поэтому вешевой комплекс сохранился полностью. Публикуется по материалам Мошковой-Максименко, в основном опубликованным.

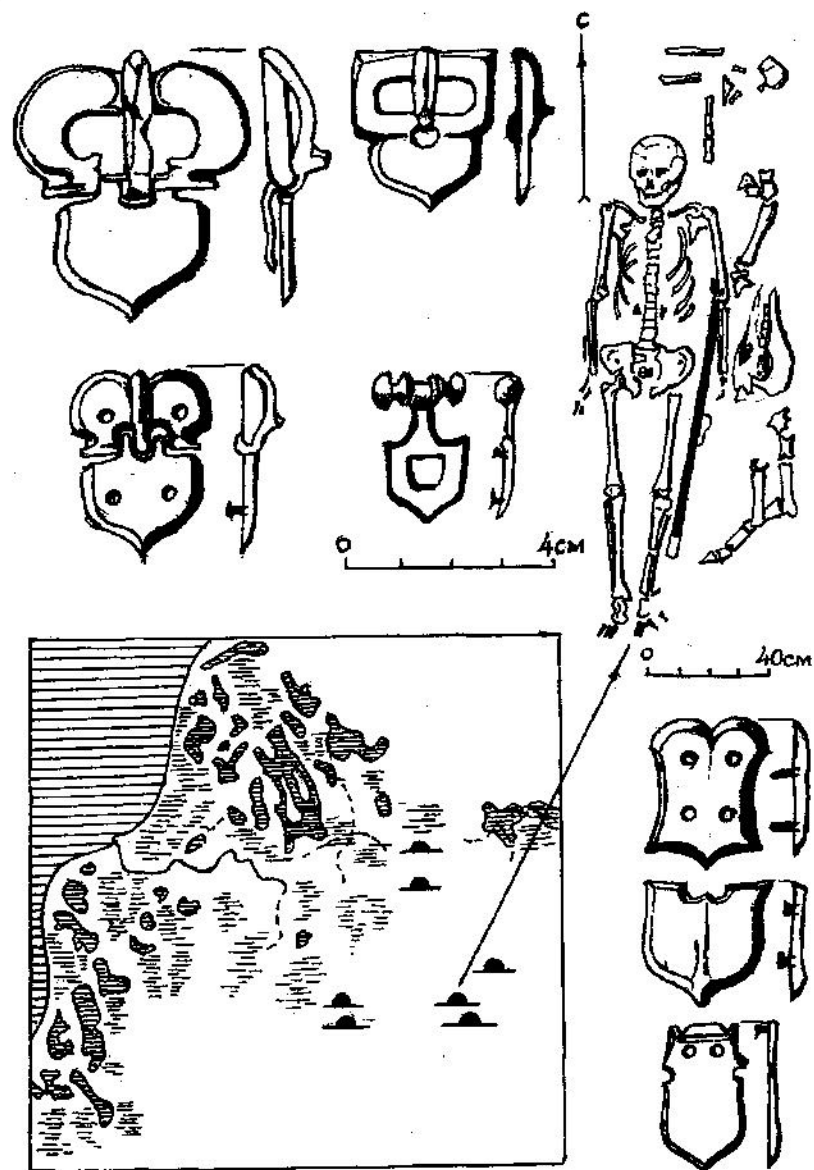


Рис. 99. Южная часть Восточного Приазовья. Одно из типичных впускных погребений, относящихся к кругу праболгарских памятников VII в.



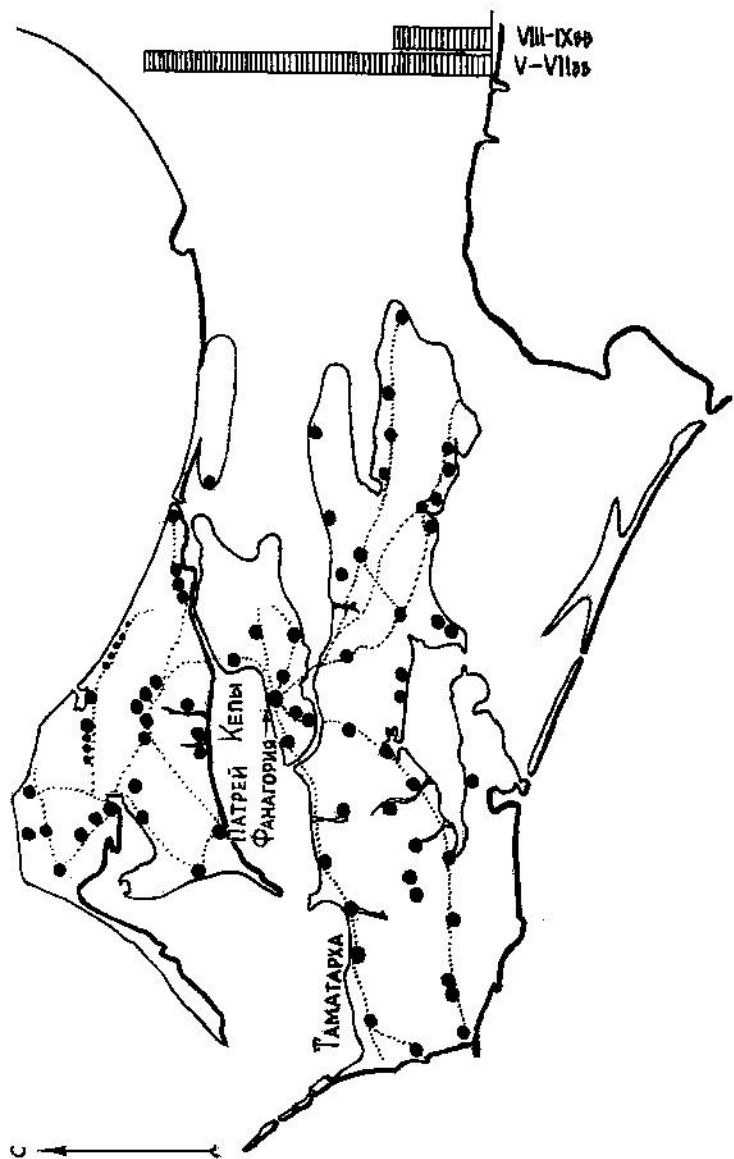


Рис. 100. Таманский полуостров. На карте обозначены поселения, датирующиеся хазарским временем. На приложенном графике указано числовое соотношение количества поселений хазарского времени и предшествовавшего ему периода VI - VII вв. Составлена в соответствии с картой, опубликованной Я. М. Паромовым.

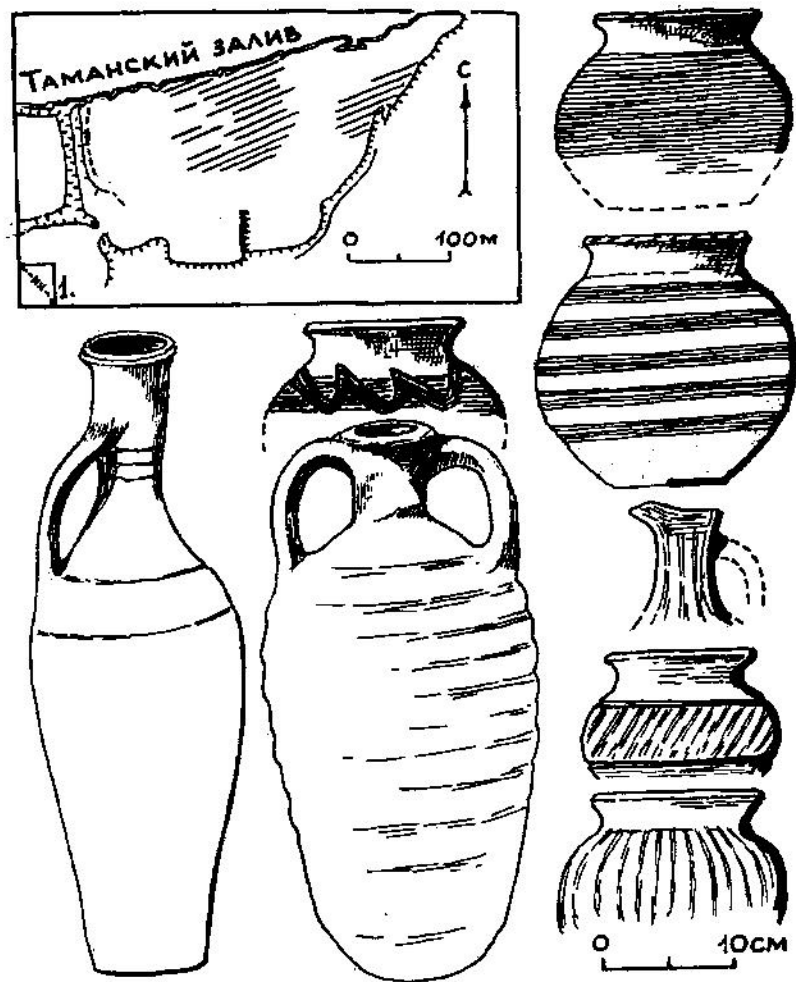


Рис. 101. Схематический план Таманского городища. Заштрихованы участки, на которых зафиксировано наличие слоя хазарского времени. I - открытая раскопками часть сырцово-глиняной стены. К плану приложены изображения наиболее характерных для хазарского слоя типов керамики.



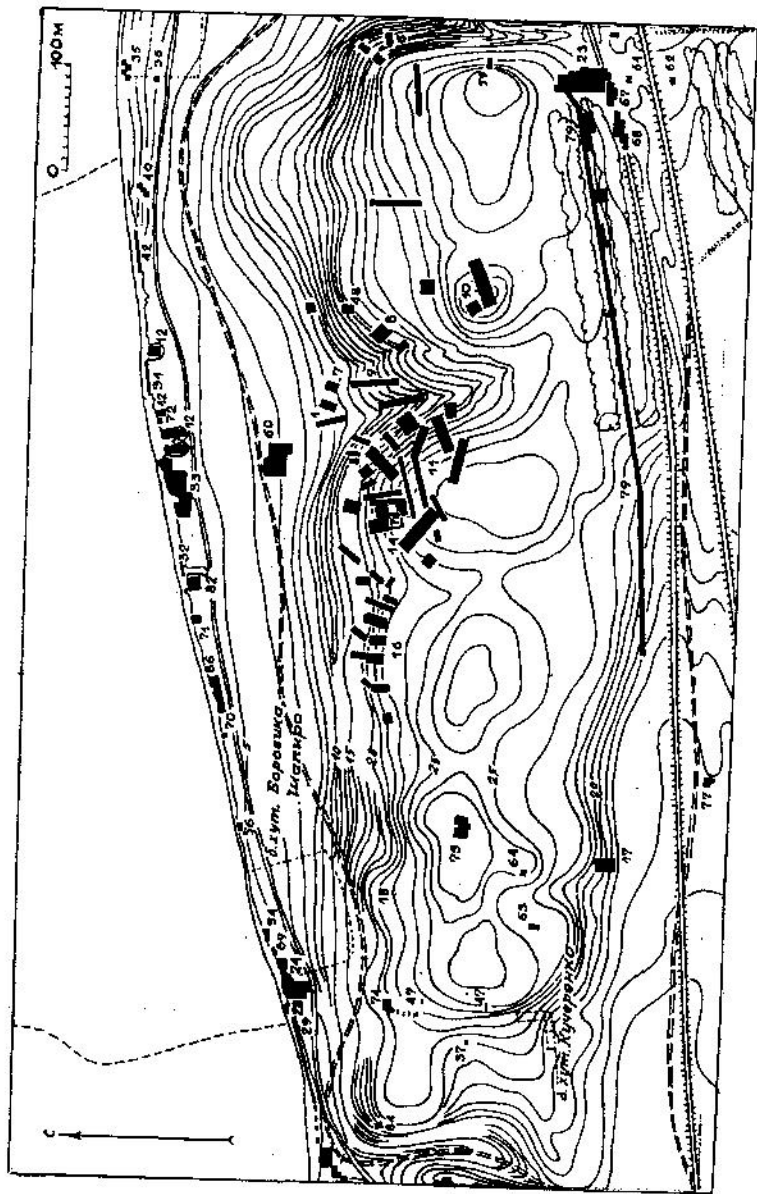


Рис. 102. План средневековой части Фанагории. Черным обозначены раскопы. План составлен Я. М. Паромовым.

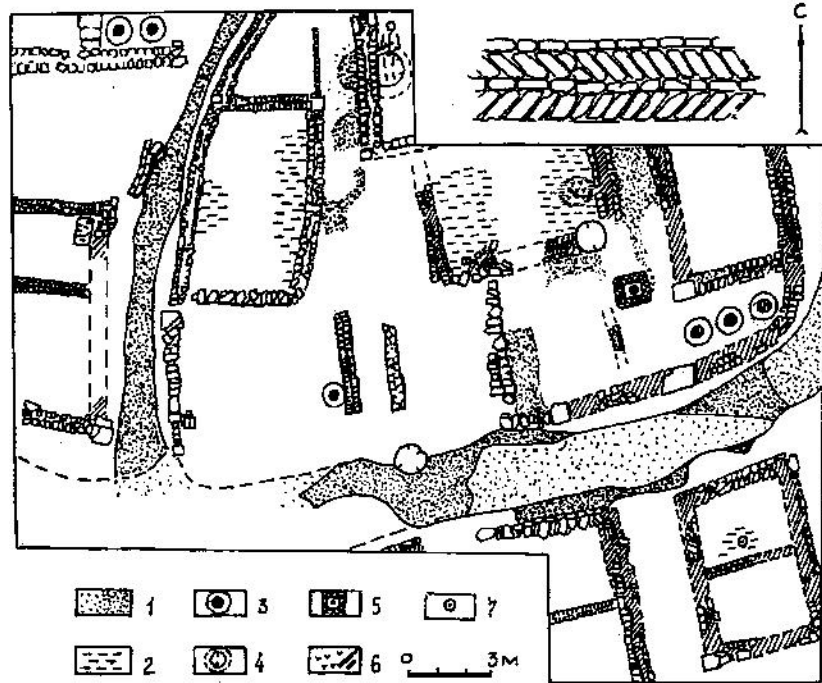


Рис. 103. План раскопа (№60 на плане Я. М. Паромова), на котором удалось выявить планировку небольшого участка средневековой Фанагории (конца VII - IX вв): замощены улица и персулки, цоколи домиков, дворики с пифосами и пр. 1 - мостовые, замощенные обломками амфор разных эпох и костями животных (на улице мостовые трехслойные - их постоянно ремонтировали), 2 - глина, 3 - пифосы, 4 - хозяйственные ямы, 5 - жертвенник или домашнее святилище, 6 - уголь, 7 - жернов.



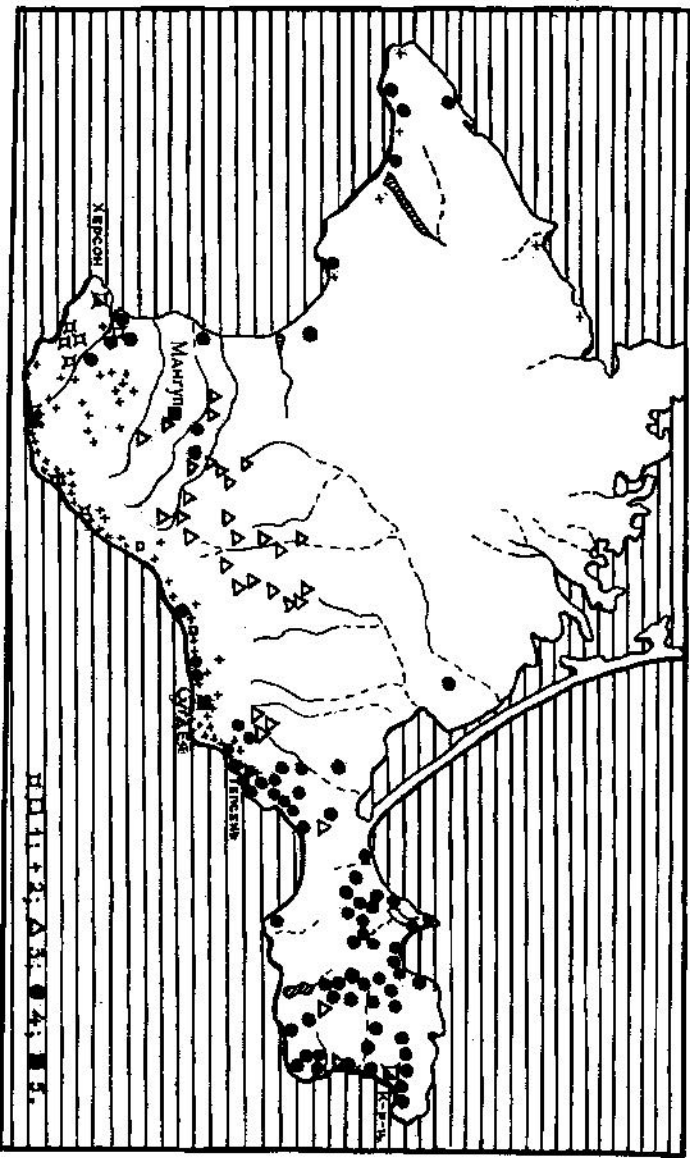


Рис. 104. Карта памятников Крыма, относящихся к VII - началу X вв. Составлена И.А. Барановым. 1 - византийские города и крепости, 2 - византийские поселения, 3 - памятники праболгар VII - начала VIII вв., 4 - памятники, на которых прослежены следы хазарского присутствия или влияния (поселения), 5 - города хазарского времени с явными следами хазарского присутствия.

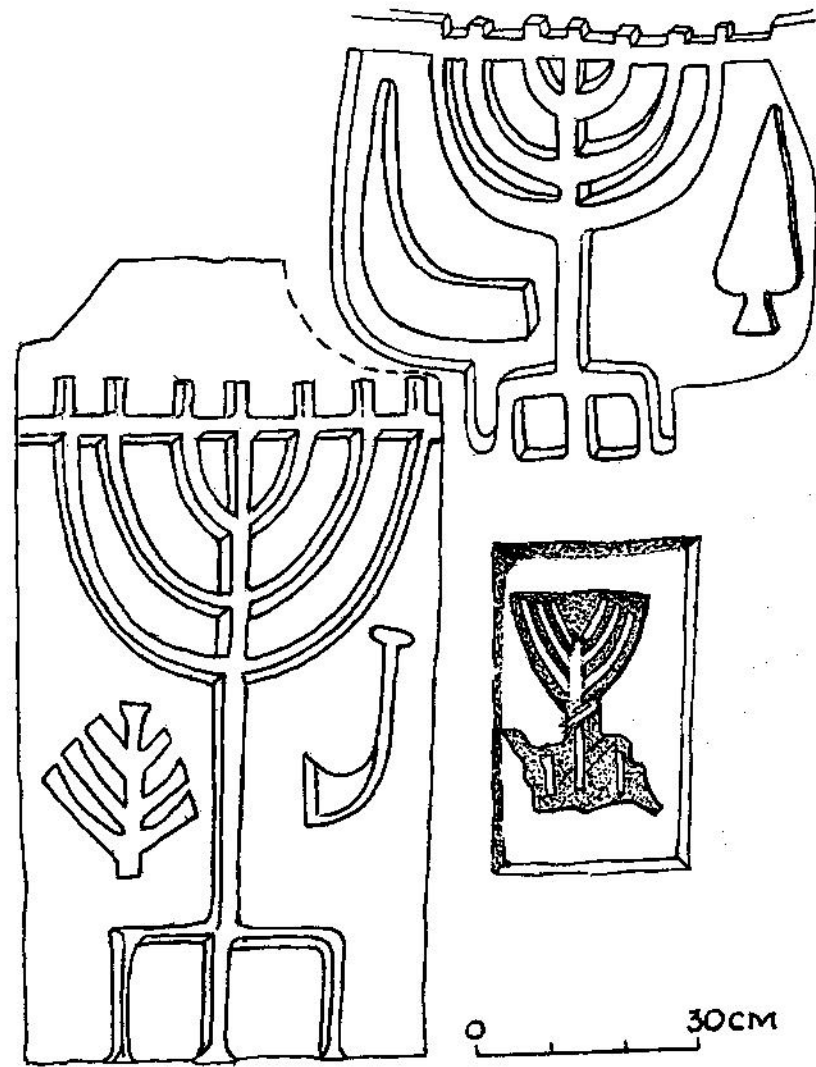


Рис. 105. Иудейские надгробия, обнаруженные в окрестностях Керчи. Хранение Керченского музея.



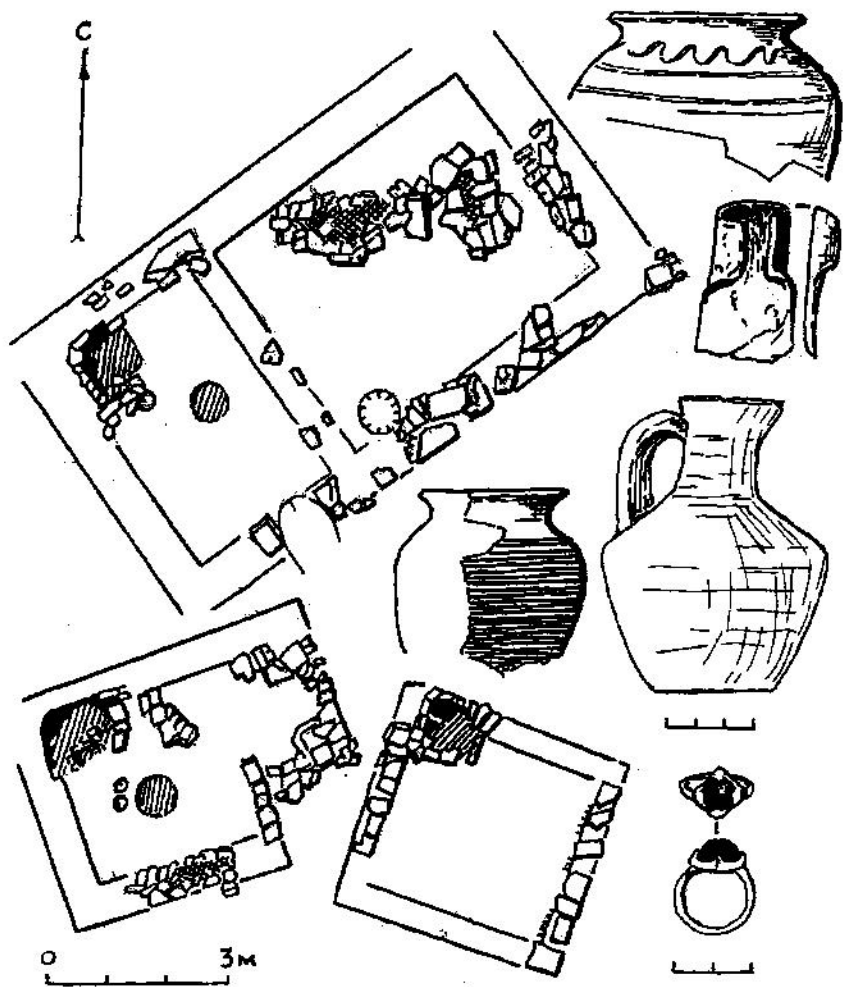


Рис. 106. Остатки цоколей и печей разноплановых домиков на поселении у с. Героевка. Керамика и вещи, обнаруженные в них.

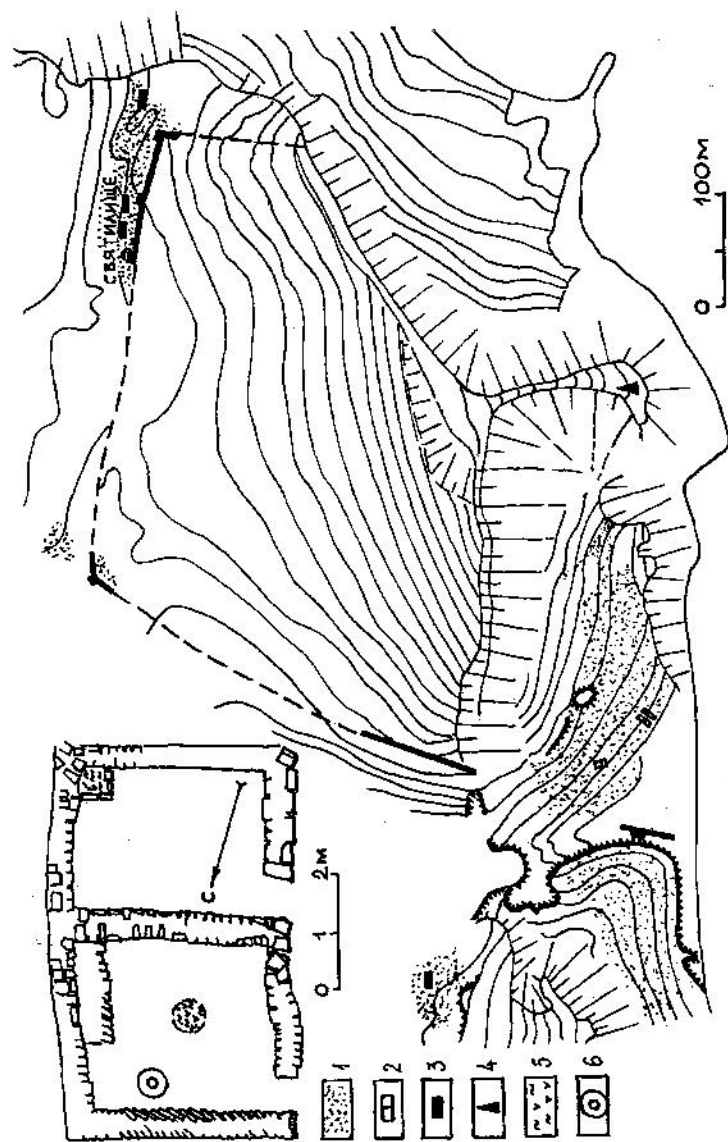


Рис. 107. План Сутдеи и план открытого на поселении хазарского времени домика, цоколи которого сложены "елочкой". 1 - участки наибольшего скопления находок обломков посуды характерных для хазарского времени типов, 2 - домики, хазарского времени, 3 - могильники, 4 - раннесредневековый маяк, 5 - уголь, зола, 6 - пифос. Составлена по опубликованным материалам И.А.Баранова.



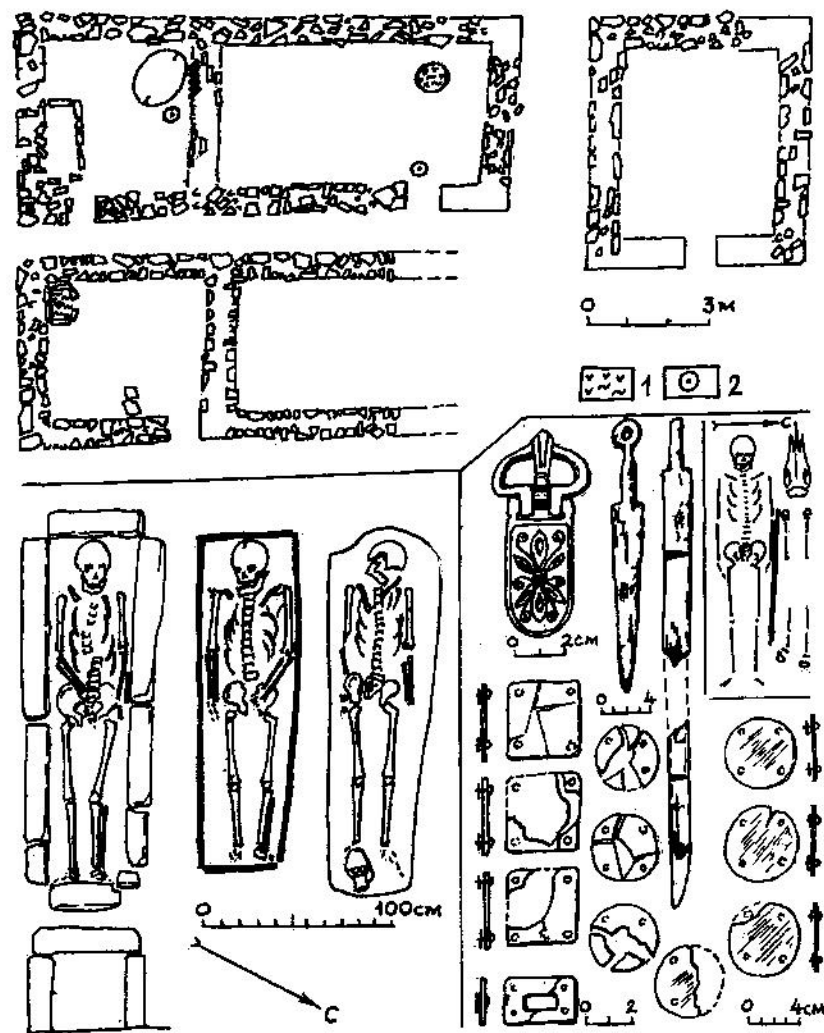
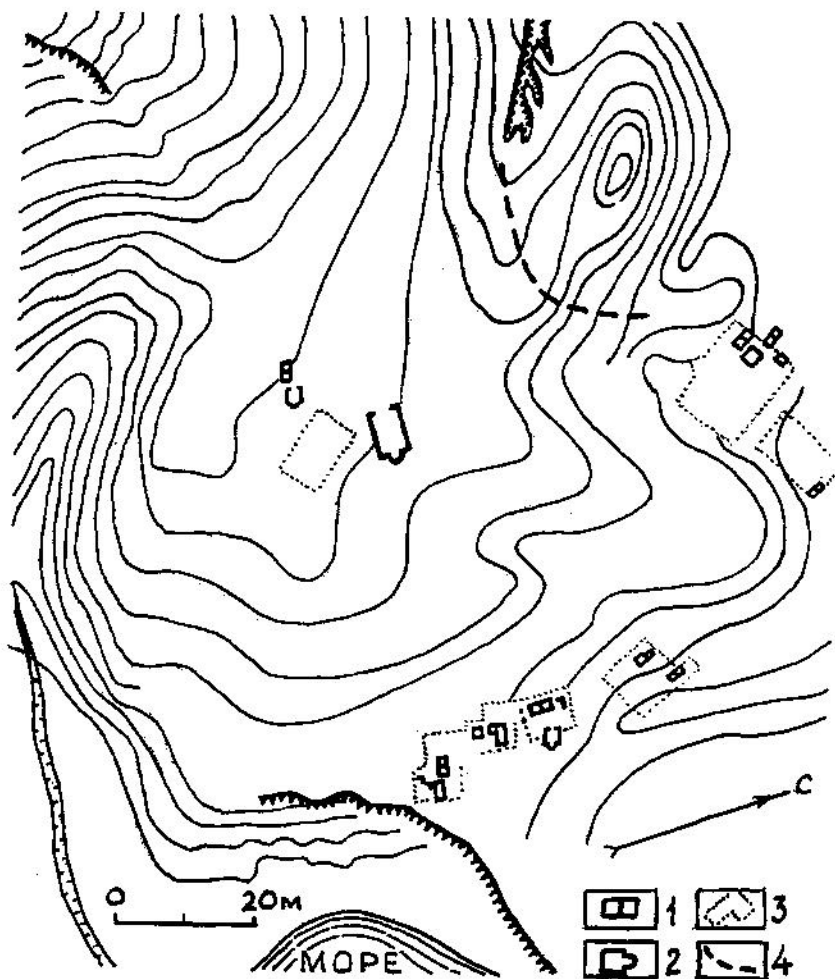


Рис. 108. План поселения Тепсе (Коктебель). 1 - обнаруженные на памятнике дома, 2 - церкви, 3 - границы раскопов, 4 - граница грунтового ямного могильника. Составлена по материалам И.А. Баранова и В.П. Бабенчикова.

Рис. 109. Цоколи разноплановых жилищ на Тепсе. Типы различных погребений: плитовые христианские у церкви, могилы с дощатыми облицовками стен и простые земляные ямы грунтового могильника. Вещи из богатого погребения воина с чучелом коня (план погребения не сохранился, схема дана по описанию). Составлена по опубликованным данным И.А. Баранова и В.П. Бабенчикова.



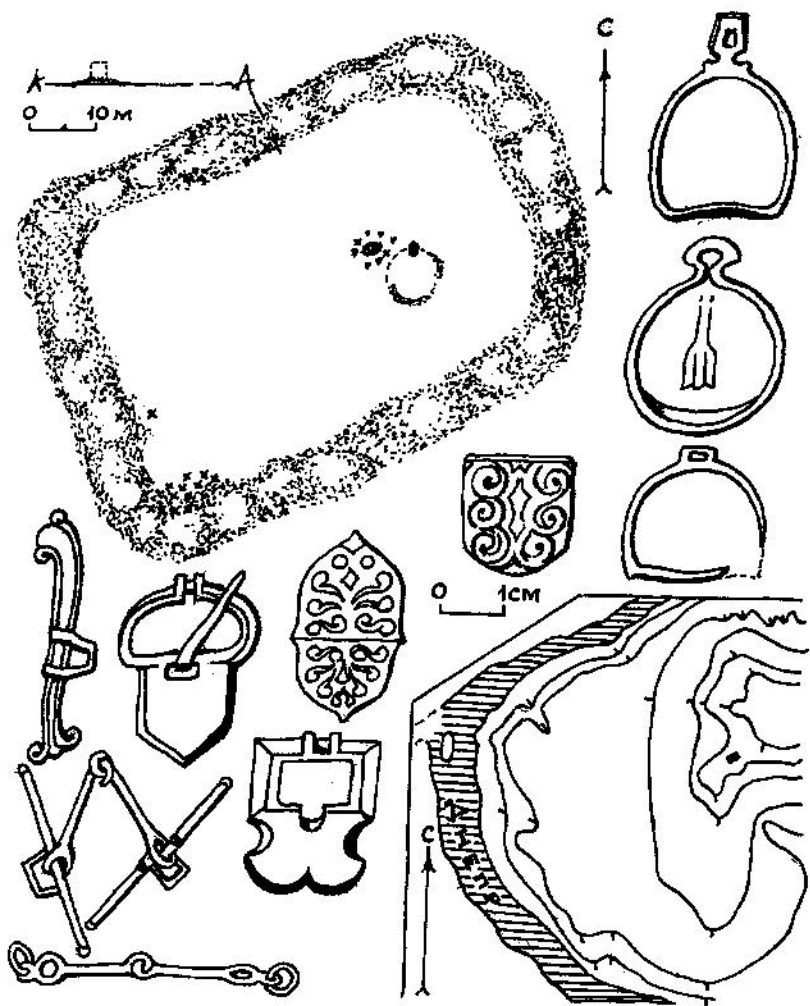


Рис. 110. Вознесенский поминальный комплекс. Из громадного количества дорогих вещей, обнаруженных в поминальнике, в таблицу отобраны только некоторые категории, дающие представление о дате комплекса.

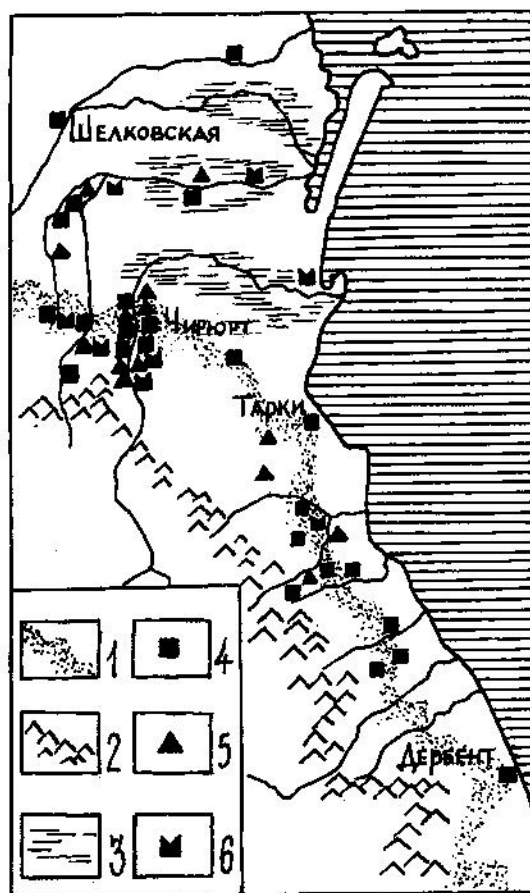


Рис. 111. Карта памятников хазарского времени в Дагестане. 1 - граница предгорий, 2 - горы, 3 - болота, 4 - городища, 5 - поселения, 6 - крепости. Карта соответствует опубликованной карте Магомедова.



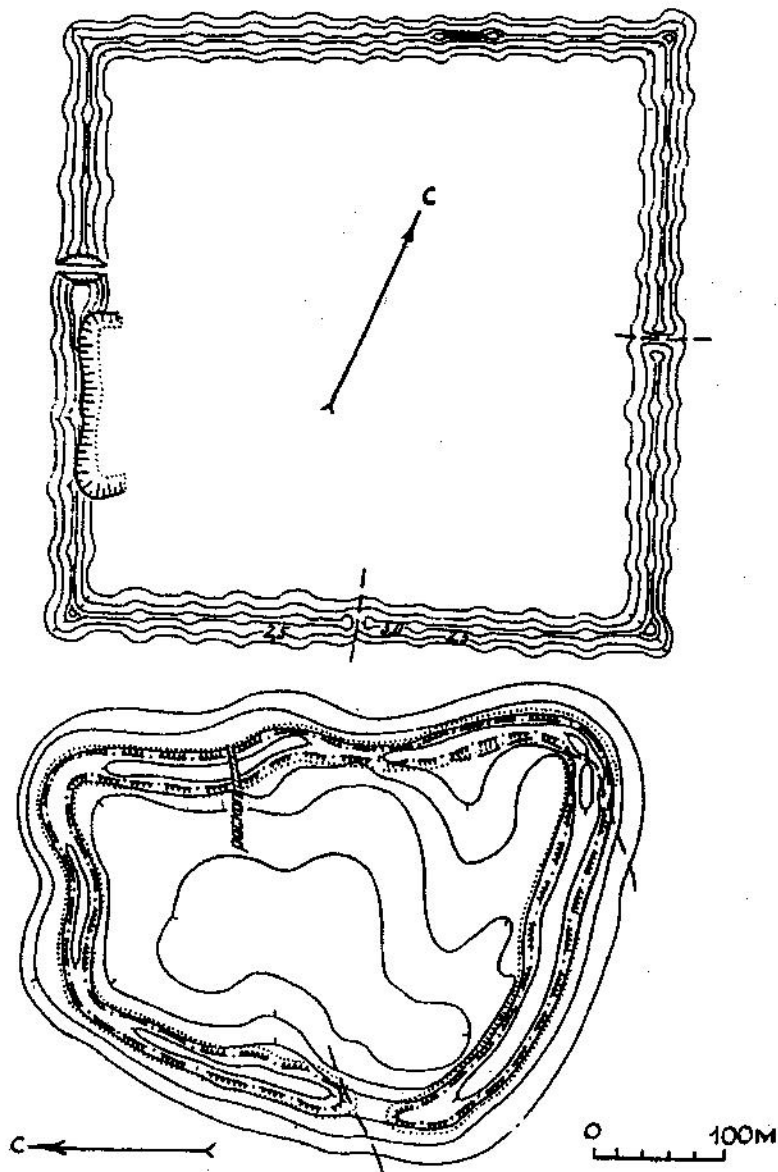


Рис. 112. Шелковское и Некрасовское городища.

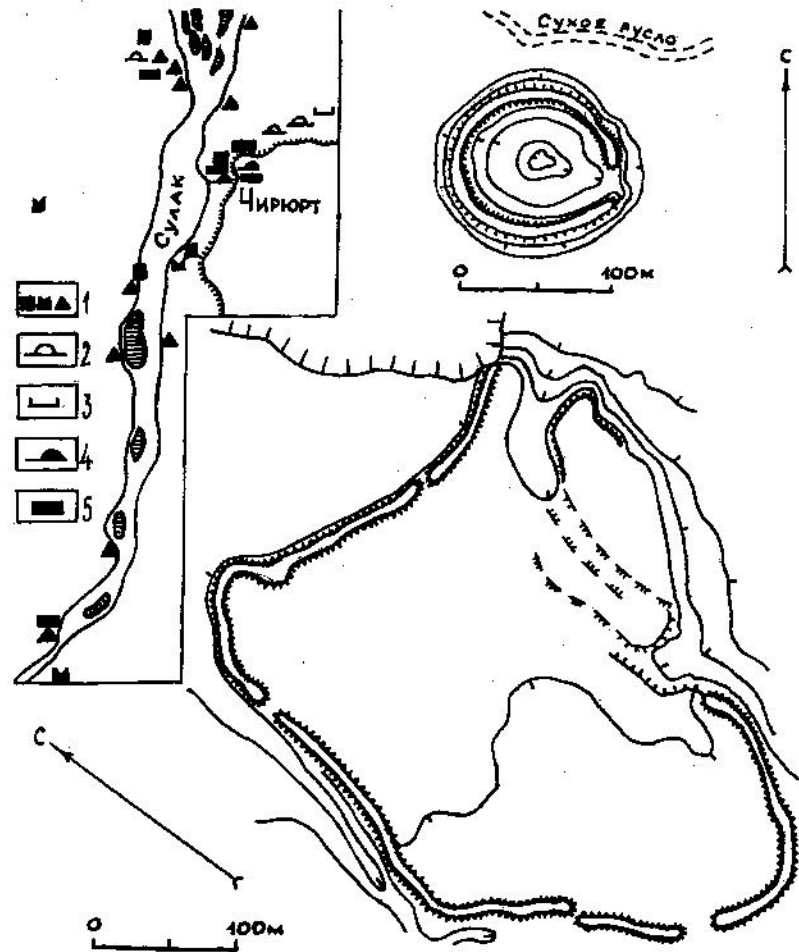


Рис. 113. "Страна Беленджер" по М.Г.Магомедову: 1 - городища, крепости, поселения, 2 - курганы, 3 - склепы, 4 - катакомбные могильники, 5 - ямные могильники. Крепость Герменчик и Андрей-аульское городище.



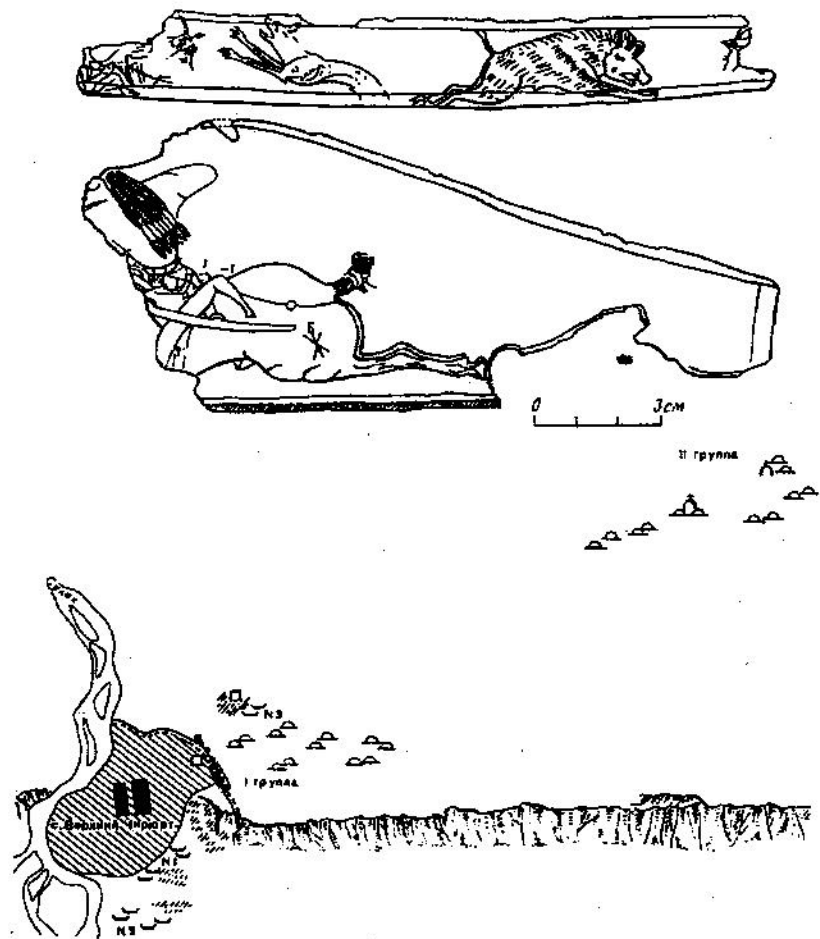


Рис. 114. Обломки седельных накладок с изображенных на них сценах охоты. Расположение двух групп курганных могильников на равнине у городища Чир-Юрт.

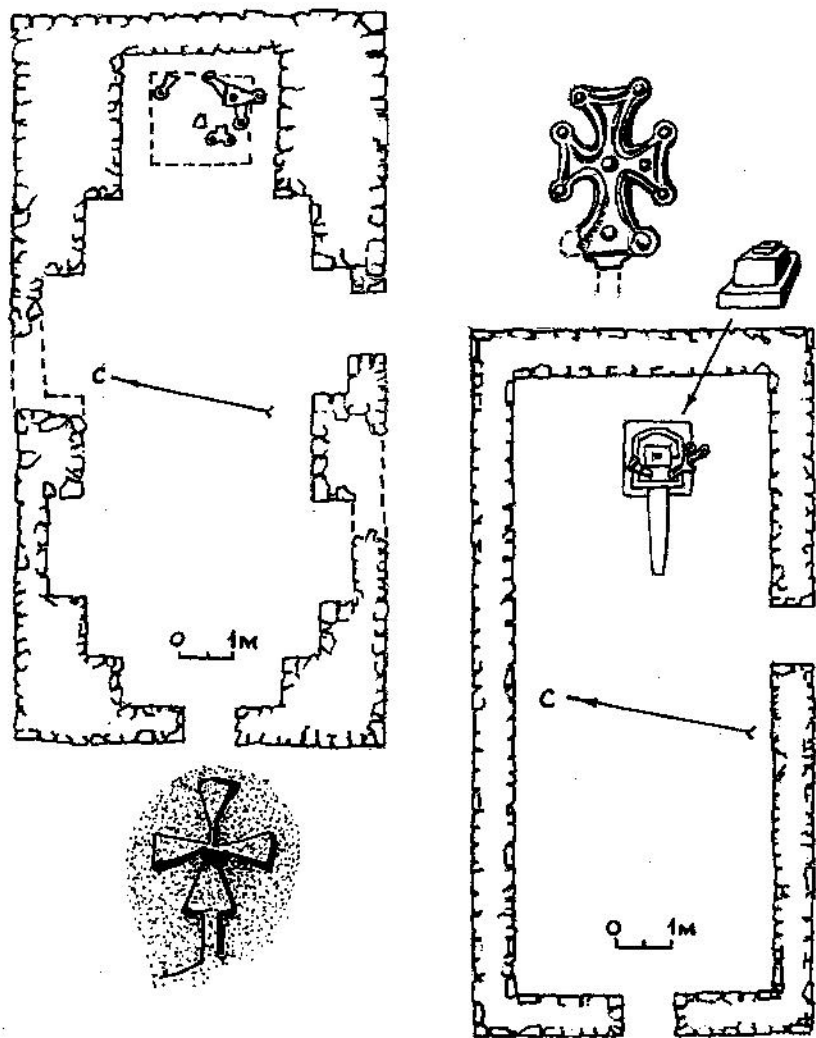


Рис. 115. Христианские храмики (цоколи и разрушенные алтари), обнаруженные во второй курганной группе. Реставрированный крест одной из церквей. Крест, вырезанный на стенке катакомбы.



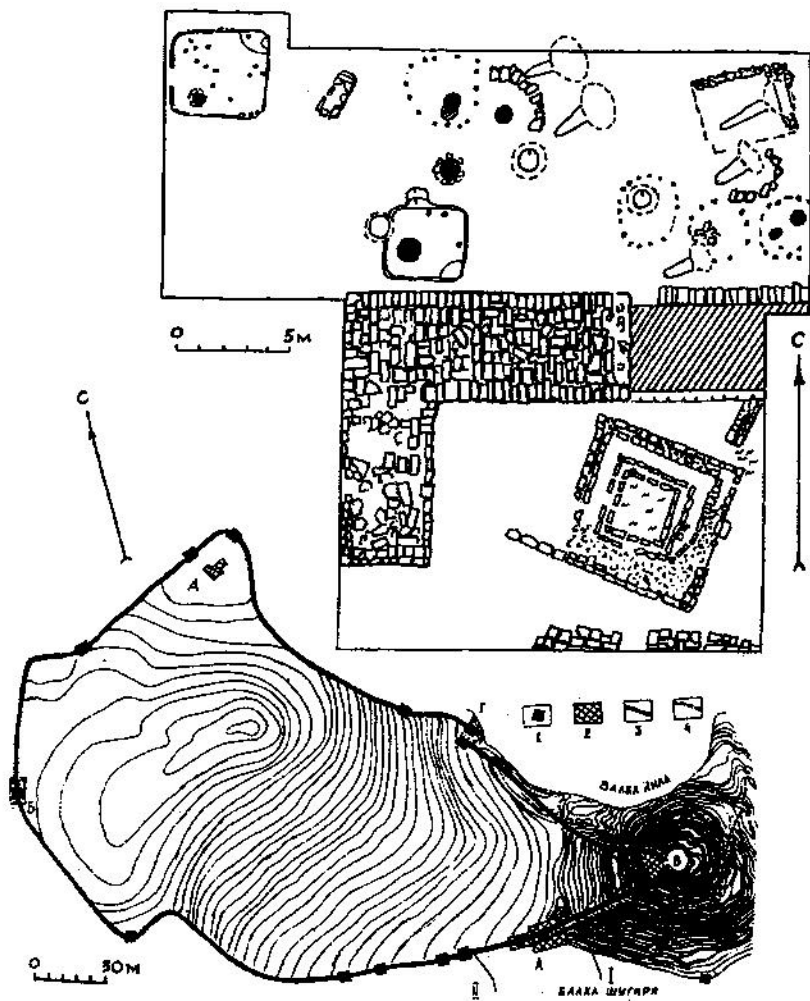


Рис. 116. Хумаринское городище и план наиболее крупного раскопа на нем, на котором обнаружены жилища (полуземлянки и юрты, несколько катакомб и квадратное в плане святилище). Условные обозначения к плану городища: 1 - башни, 2 - раскопы, 3 - стены, 4 - ров.

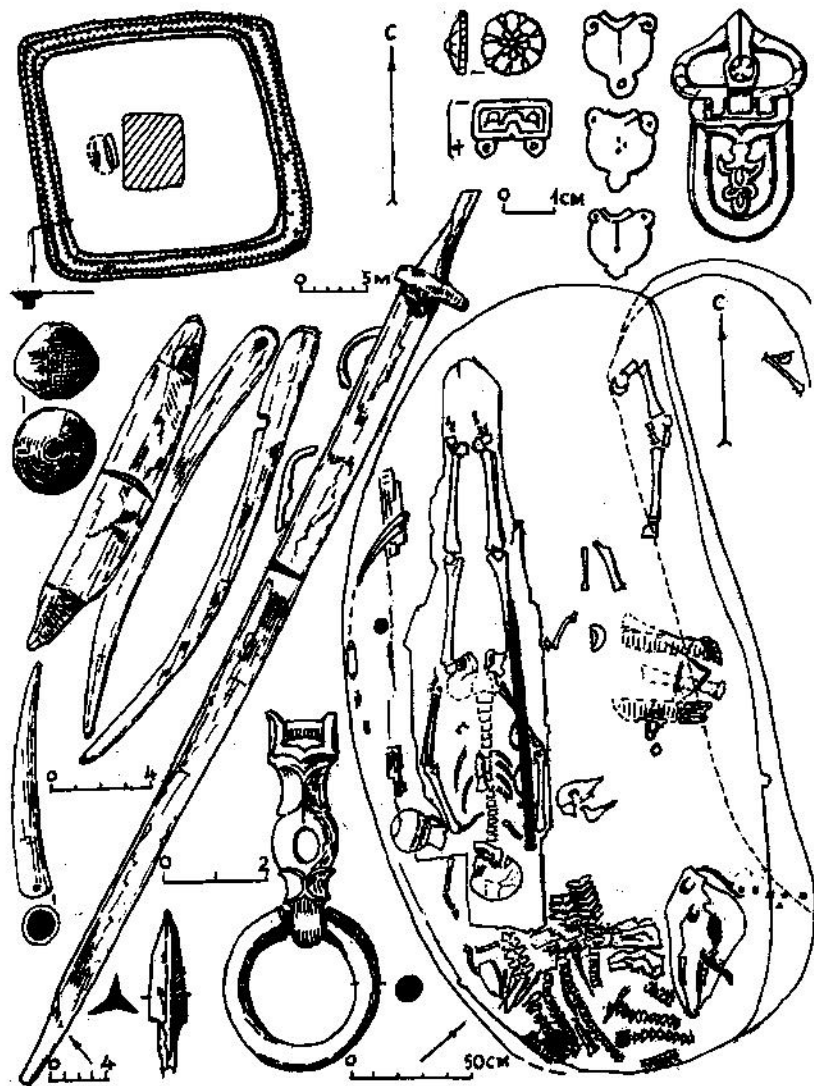


Рис. 117. Погребение в кургане с ровиком и основной инвентарь из него, обнаруженное в урочище Кривая Лука. Материалы для составления таблицы взяты из статьи Федорова-Давыдова.



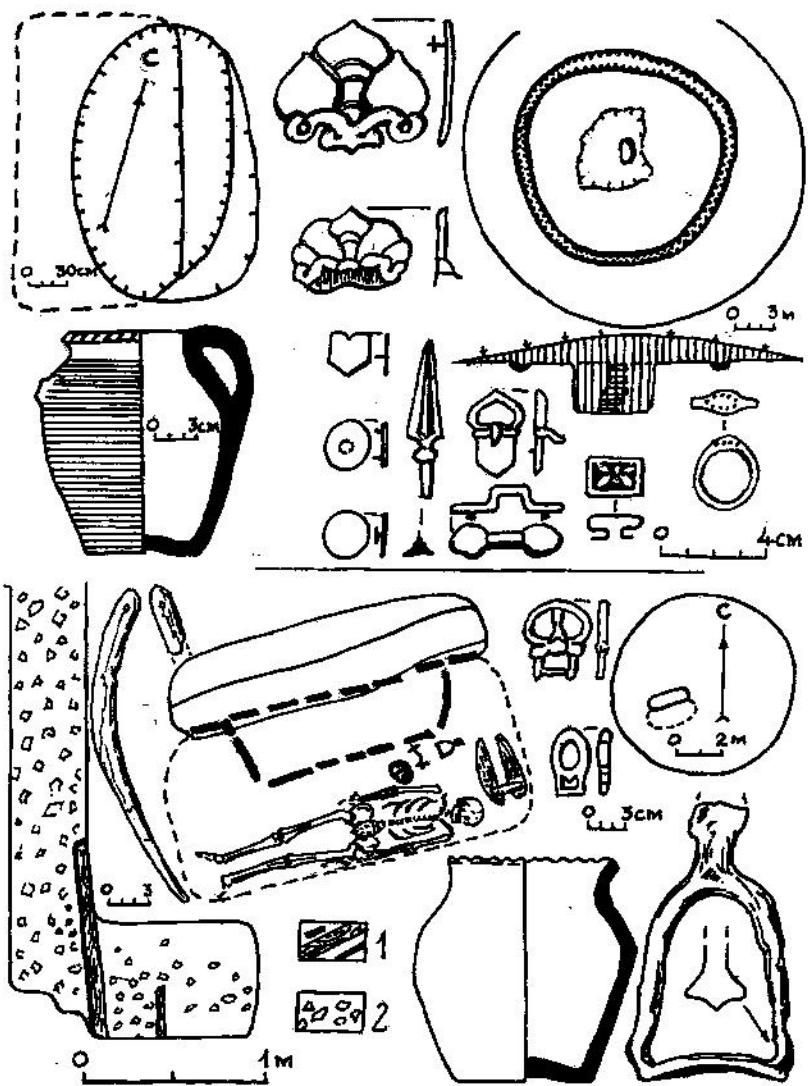


Рис. 118. Погребения, обнаруженные в могильниках на речке Иловля. Курган с ровиком в могильнике I у с. Барановка, курган без ровика в могильнике IV у с. Петрунино. 1 - дерево, 2 - камни.

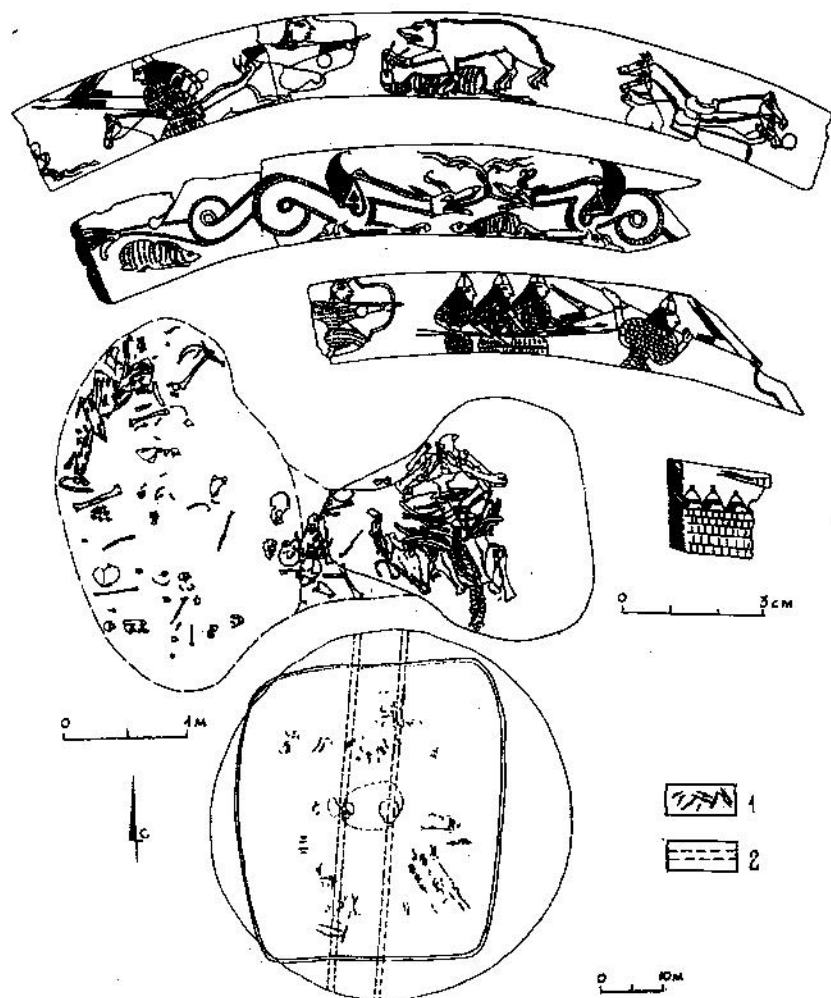


Рис. 119. Шиловское катакомбное погребение (разоренное) под курганом с квадратным ровиком. В погребении обнаружены обломки уникальных костяных накладок с изображениями сцен охоты и боя. 1 - остатки деревянных конструкций, 2 - "бровки" кургана, оставленные для контроля над стратиграфией.



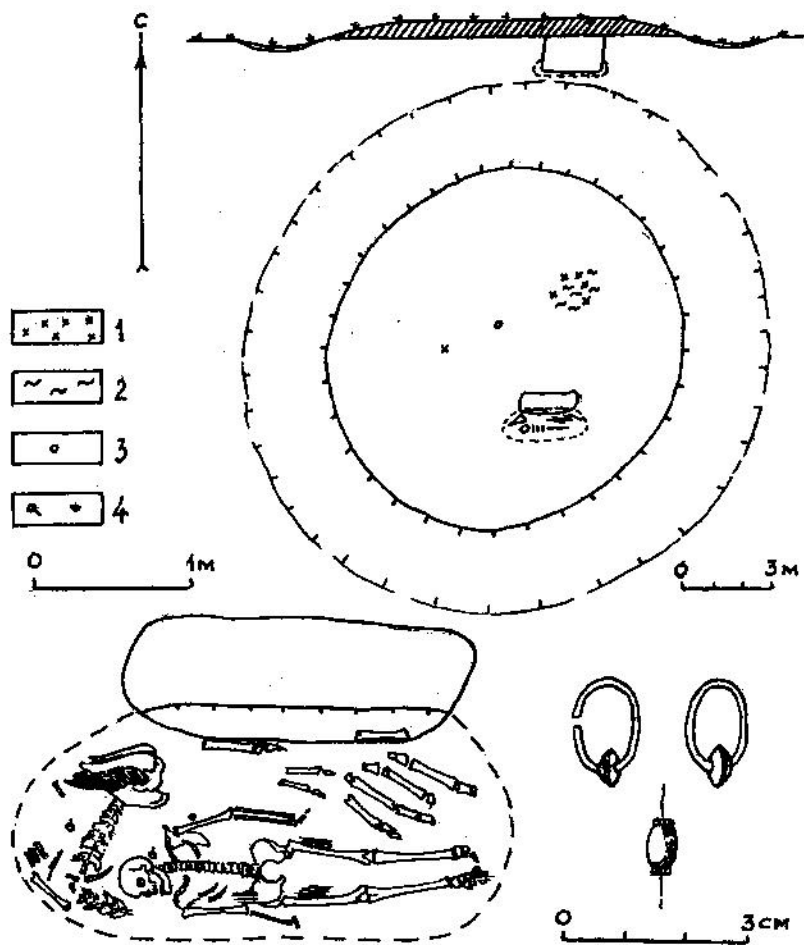


Рис. 120. Курган с круглым ровиком (окружающим курган) и подбойным захоронением в урочище Гува-1 в Калмыкии. Обнаружен и издан Е.В.Шнайдштейн.

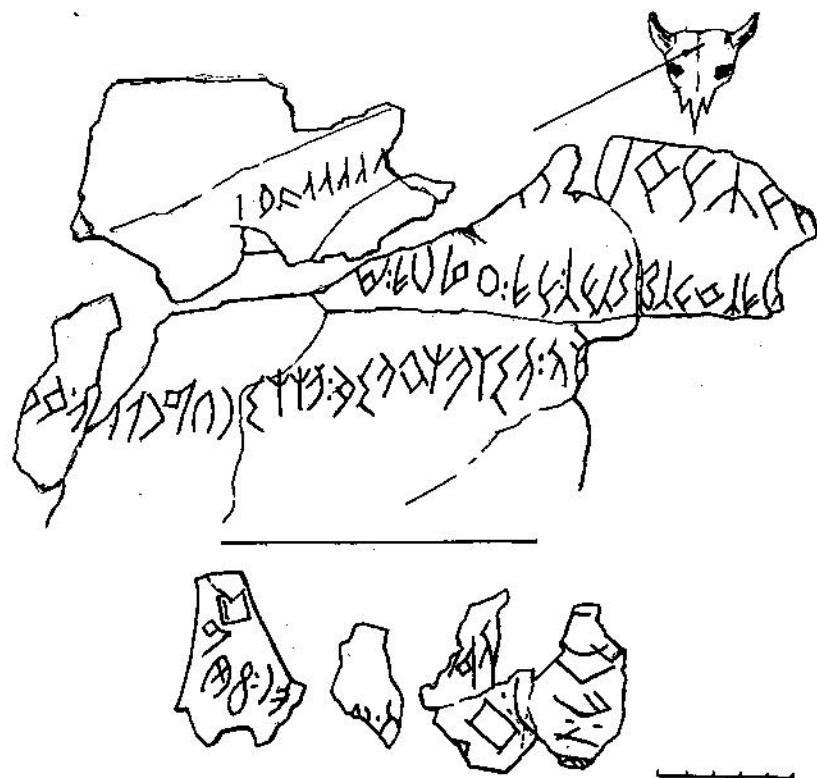


Рис. 121. Руническая надпись на лобных костях быка, сделанная донским (хазарским) письмом. Прорись взята из книги И.Л.Кызласова, 1994.





Рис. 122. Всадник - тяжеловооруженный воин с конем на поводу. Рисунок художника О. Федорова.

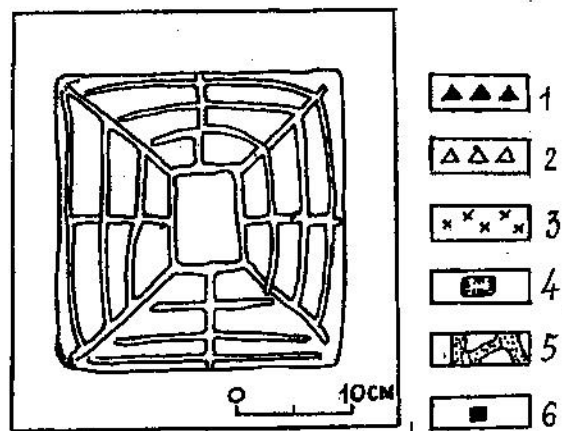
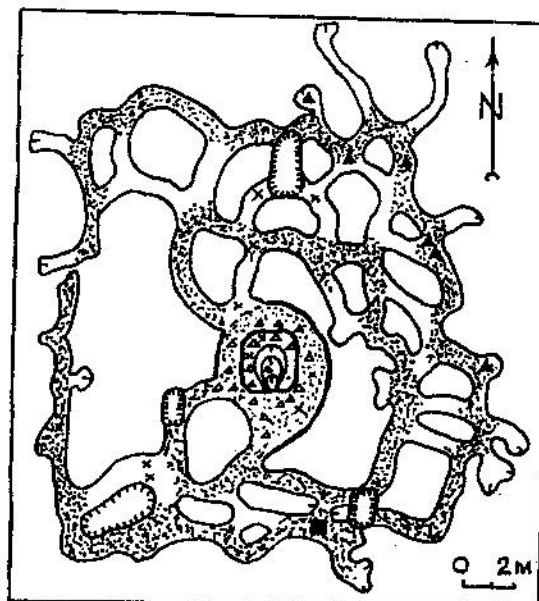


Рис. 123. План святилища-лабиринта. Обнаружен и интерпретирован А.Т.Синицом и В.Д.Березуцким. Кирпич из Саркела с изображением лабиринта.



## Содержание



Предисловие .....	3
Введение. Салтово-маяцкая культура — культура Хазарского каганата .....	7
Глава 1. На лесостепном пограничье .....	24
Глава 2. В Донских степях. I .....	65
Глава 3. В Донских степях. II .....	84
Глава 4. Приазовье, наследие Боспора .....	132
Глава 5. Крымские владения каганата. Степное Приднепровье в VIII в. ....	151
Глава 6. Кавказские предгорья и равнины. Степи Поволжья и Прикаспия .....	177
Заключение. Сложение государственной культуры .....	206
В. Петрухин. Послесловие .....	222
Afterword .....	231
Литература .....	239
Список сокращений .....	248
Карты, рисунки, чертежи, реконструкции .....	249

Рис. 124. Реликварии со сложными мифолого-сказочными изображениями из Салтова и Саркела. Оба представлены в развернутом виде.



Плетнева С. А.

**ОЧЕРКИ ХАЗАРСКОЙ  
АРХЕОЛОГИИ**

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 8.09.1998

Подписано к печати 18.04.1999.

Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 23,5. Тираж 1000 экз.

Офсетная печать.

Отпечатано с оригинал-макета в Московской типографии «Наука»  
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Заказ № 673